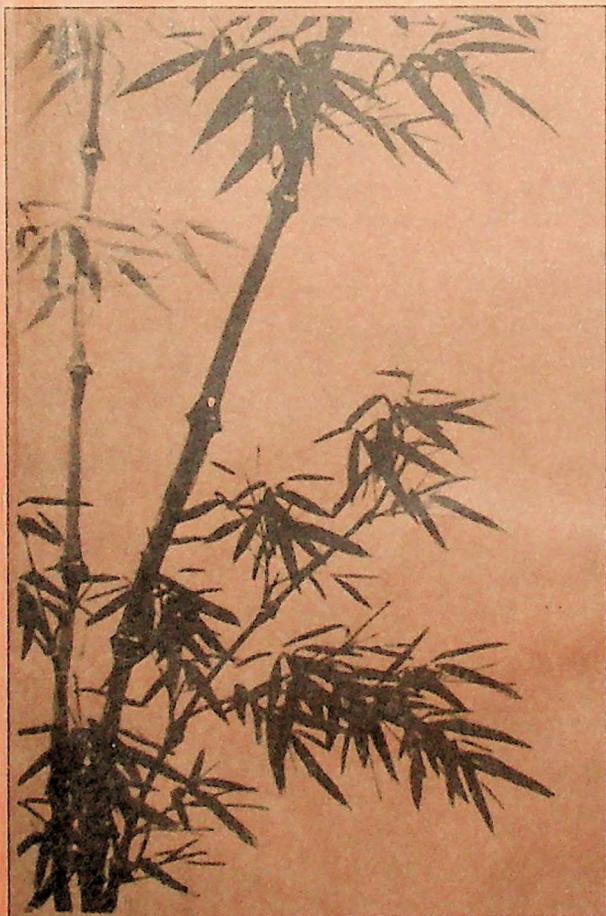


ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

1/2014



Монголия в интеграционных
процессах в Восточной Азии

●

Модернизация военно-воздушных
сил Китая

●

Насколько велика угроза войны
на Корейском полуострове?

●

Нотариусы «Русской Атлантиды»

●

Финансирование развития
транспорта в Китае

1-0 2013

28 октября 2013 г. была достигнута договоренность об обменах и сотрудничестве между журналами «Проблемы Дальнего Востока» (РФ) и «Форум Северо-Восточной Азии» Цзилиньского университета (КНР). Соответствующее соглашение подписали главный редактор ПДВ, доктор экономических наук, профессор В.Я. Портяков и главный редактор «Форума Северо-Восточной Азии», профессор Чжу Сяньпин.

Журнал «Форум Северо-Восточной Азии» основан в 1992 г. и является одним из основных китайских журналов, освещающих вопросы политики, экономики, международных отношений, историко-культурного и межрегионального сотрудничества в регионе Северо-Восточной Азии. С 2012 г. финансируется государственным социально-научным целевым фондом, входит в индексы ведущих китайских научных журналов.

Журнал руководствуется в своей деятельности лозунгом «опоры на политику реформ и открытости, расширение сотрудничества с сопредельными странами, популяризацию региона Северо-Восточной Азии». Он вызывает широкий интерес во многих странах мира. Журнал нацелен на освещение различных точек зрения и теоретических новшеств в исследуемой области, в частности, проблем региональных «горячих точек» и актуальных острых тем.

В 2014 г. основными темами «Форума Северо-Восточной Азии» станут исследование Азиатско-Тихоокеанской стратегии США и вопросов региональной безопасности в США, проблемы межрегионального сотрудничества и экономической интеграции, освещение регионального развития в бассейне реки Тумэнь и экономического сотрудничества между сопредельными странами, тематики «нового Шелкового пути», рассмотрение проблем Корейского полуострова, путей сообщения в Северо-Восточной Азии, энергетической безопасности и строительства энергетической системы; изучение вопросов экономики, демографии, природных ресурсов и экологии и вопросов гуманитарного характера.

ания КНР

» (г. Чанчунь, проспект Цяньцзинь 2699)

30/С

1003-7411

чая торговая корпорация Китая

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2014

Январь — Февраль



Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН Издаётся с марта 1972 года

Документы

- Совместное заявление о дальнейшем укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам 3
- Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея 10

Политика

- В. Портяков.* Контуры внешней политики лидеров Китайской Народной Республики пятого поколения 16
- К. Асмолов, В. Кашиш.* Война на Корейском полуострове: насколько велика угроза? 21
- М. Петрасяк.* Интересы Китая и стратегия внешней политики в отношении АСЕАН 37

Военное строительство

- А. Шлындов.* Военно-воздушные силы Народно-освободительной армии Китая на пути модернизации и развития 50

Экономика

- С. Сазонов.* Диверсификация источников финансирования транспортной отрасли КНР 64
- В. Балакин.* Монголия в интеграционных процессах Восточной Азии 77

Природопользование

- Н. Прохорова.* Особенности китайского подхода к водопользованию на трансграничных водотоках 82

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- А. Виноградов.* Власть, бизнес и коррупция в Китае..... 89
Е. Садовская. Современная образовательная миграция из Казахстана в Китай 97

ИСТОРИЯ

- Д. Аринчева, А. Панцов.* «Новая демократия» Мао Цзэдуна и новый авторитаризм Чан Кайши: две парадигмы общественного прогресса Китая середины XX века 109
А. Друзьяка. Нотариусы "Русской Атлантиды" 119

ФИЛОСОФИЯ

- А. Забияко, М. Хаймурзина.* Понятие "религия" в трудах современных конфуцианцев 124

КУЛЬТУРА

- А. Каимова.* К вопросу о "тайваньской культурной идентичности" 134

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- В ОРКД и ИДВ РАН обсудили историческую прозу Евгения Анташкевича 145

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Н. Демидо, С. Горбунова.* XX Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы"..... 148
А. Блажкина, А. Ионов. Международная научная конференция "Конфуцианство в диалоге китайской и российской цивилизаций" 155
Е. Завидовская. Международная конференция на Тайване по проблемам развития синологии в Чехии, Польше, Монголии и России..... 159
Л. Забровская. Японоведческая конференция в Варшаве..... 162
Л. Захарова. «Восточная Азия: вызовы современности». Научная конференция молодых востоковедов в ИДВ РАН..... 165

РЕЦЕНЗИИ

- А. Ломанов.* Концепции современного востоковедения 167
А. Кадырбаев. Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае 171
Ли Чжэцзян, Се Чуньянь. Важный мост между культурами. Об энциклопедии «Духовная культура Китая»..... 172
А. Клименко. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 5 176

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- К 85-летию Леонарда Сергеевича Переломова 181
Юбилей Аиды Семеновны Ипатовой 183

- Contents..... 185
Summary 187

Документы

Совместное заявление о дальнейшем укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам

12 ноября 2013 года

По приглашению Президента Социалистической Республики Вьетнам Чыонг Тан Шанга Президент Российской Федерации В.В.Путин 12 ноября 2013 года посетил с официальным визитом Социалистическую Республику Вьетнам.

Состоялись переговоры Президента России В.В.Путина с Президентом СРВ Чыонг Тан Шангом в узком и расширенном составах, а также его беседы с Генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Фу Чонгом и Премьер-министром Правительства Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Тан Зунгом. Президент Российской Федерации возложил цветы к Мавзолею Хо Ши Мина и Памятнику павшим героям, принял участие в церемонии открытия Дней российской культуры во Вьетнаме.

Стороны информировали друг друга о ситуации в обоих государствах, проанализировали результаты развития российско-вьетнамского всеобъемлющего стратегического партнерства за период после официального визита Президента Социалистической Республики Вьетнам Чыонг Тан Шанга в Российскую Федерацию 26–30 июля 2012 г., наметили конкретные пути укрепления партнерских связей. Состоялся обмен мнениями по глобальным и региональным проблемам, представляющим взаимный интерес.

1. Главы государств подтвердили обоснованность придания российско-вьетнамскому стратегическому партнерству всеобъемлющего характера, что открыло качественно новые возможности для наращивания взаимовыгодного сотрудничества по широкому спектру направлений, включая интенсивный политический диалог на высшем и высоком уровнях, упрочение межпартийных, межпарламентских, межведомственных, межрегиональных связей и гуманитарных обменов.

Стороны выразили удовлетворение неуклонным расширением практической кооперации, приобретающей все более комплексный характер за счет традиционных и новых перспективных отраслей и методов взаимодействия.

Дана высокая оценка ключевой координирующей роли Межправительственной Российско-Вьетнамской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, ее подкомиссий и рабочих органов в выполнении договоренностей, достигнутых на высшем уровне.

Президенты России и Вьетнама положительно охарактеризовали динамику торгово-экономического сотрудничества и, указав на наличие внушительных резервов, подтвердили намерение увеличить товарооборот до 7 млрд долл. США к 2015 году и до 10 млрд долл. США к 2020 году.

Стороны позитивно оценили ход переговорного процесса по заключению соглашения о свободной торговле между государствами – участниками Таможенного союза (Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан) и Вьетнамом, выразили настрой на приложение приоритетных усилий для активизации переговоров и их успешного завершения, имея в виду выработку комплексного и сбалансированного соглашения с точки зрения интересов сторон.

Зафиксирована необходимость продолжения деятельности Российско-Вьетнамской рабочей группы высокого уровня по приоритетным инвестиционным проектам в целях продвижения значимых проектов, осуществляемых в интересах обеих сторон и с учетом переговоров по заключению соглашения о свободной торговле между государствами – участниками Таможенного союза и Вьетнамом.

Стороны акцентировали приоритетный характер сотрудничества в сфере атомной энергетики, важность последовательного осуществления проекта сооружения во Вьетнаме при российском содействии первой атомной электростанции «Ниньтхуан-1» с использованием современных безопасных и высококачественных технологий, гарантирующих экономическую эффективность, в соответствии с согласованным графиком и законодательством обеих стран.

Решено ускорить переговоры с целью подписания соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам об условиях финансирования строительства во Вьетнаме Центра ядерной науки и технологий. Это соглашение будет предусматривать оказание содействия российской стороной в разработке технико-экономического обоснования строительства во Вьетнаме указанного центра.

В интересах создания в СРВ отрасли атомной энергетики российская сторона подтвердила намерение продолжить оказание помощи в подготовке кадров, повышении квалификации вьетнамских специалистов, ученых и административного персонала в области мирного использования атомной энергии и готовность обеспечить прием вьетнамских граждан в российские вузы для обучения по атомным специальностям. Отмечена необходимость расширения взаимодействия профильных ведомств двух стран в целях формирования в СРВ эффективной и прозрачной национальной системы обеспечения безопасности при использовании атомной энергии.

Выражено обоюдное удовлетворение успешным завершением в июле 2013 года процесса вывоза из Вьетнама в Россию в рамках реализации соответствующего межправительственного соглашения всего облученного ядерного топлива исследовательского реактора в Исследовательском институте Далата, что наглядно подтверждает приверженность сторон международному режиму нераспространения.

Стороны подчеркнули актуальность участия профильных российских организаций в модернизации возведенных при содействии СССР и сооружении в СРВ новых энергетических объектов, предусмотренных Планом развития электроэнергетики Вьетнама на период до 2030 года.

Подтвержден обоюдный настрой на дальнейшее укрепление кооперации в сфере разведки и добычи нефти и газа на континентальном шельфе Вьетнама в соответствии с международным правом, прежде всего с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года.

Главы государств высоко оценили результаты сотрудничества в нефтегазовой отрасли, имея в виду реализацию действующих и продвижение новых совместных проектов во Вьетнаме и в России, в том числе расширение районов разведки и добычи углеводородов, проработку проектов организации поставок сжиженного природного газа во Вьетнам и сбыта газомоторного топлива. Выражена готовность обеспечивать благоприятные условия Группе «Газпром», ОАО «Зарубежнефть» и Корпорации нефти и газа «Петровьетнам» для расширения их деятельности по поиску, разведке и добыче углеводородов во Вьетнаме и России.

Достигнута договоренность о создании для Группы «Газпром» (ОАО «Газпром нефть») и Корпорации нефти и газа «Петровьетнам» необходимых предпосылок для инвестирования, управления, эксплуатации, модернизации и расширения нефтехимического и нефтеперерабатывающего завода «Зунгкуат» на основе долгосрочных поставок нефти и оптимального налогового режима на территории СРВ на весь период совместной деятельности в соответствии с законодательством и международными обязательствами Вьетнама. Стороны примут меры по скорейшему заключению соответствующего межправительственного соглашения.

Президенты России и Вьетнама поддержали усилия компаний двух стран по налаживанию кооперации в горнодобывающей промышленности, отметили перспективность сотрудничества в таких отраслях, как транспорт, включая гражданскую авиацию, судостроение, машиностроение, связь и телекоммуникации.

Стороны приветствовали поступательное развитие финансово-инвестиционного сотрудничества и считают необходимым дальнейшее расширение взаимодействия в этой сфере, включая активизацию расчетов с использованием платежных карт и взаиморасчетов в национальных валютах. Подчеркнута необходимость более широкого участия финансовых организаций двух стран в реализации двусторонних проектов в нефтегазовой и энергетической областях. В связи с этим позитивная оценка дана намерению Вьетнамско-Российского банка открыть филиал в провинции Ниньтхуан для обслуживания строительства атомной электростанции.

Подтверждена взаимная заинтересованность в дальнейшем тесном сотрудничестве по линии органов финансового контроля, в том числе в интересах обеспечения эффективного использования российских кредитов на строительство АЭС «Ниньтхуан-1». Российская сторона подтвердила готовность осуществлять обмен специалистами, обучать вьетнамских граждан по специальности аудит на базе Счетной палаты Российской Федерации.

Стороны констатировали поступательный и доверительный характер военного и военно-технического сотрудничества, которое динамично развивается в строгом соответствии с принципами и нормами международного права и способствует обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе и высоко оценили решение о создании механизма стратегического диалога на уровне заместителей министров обороны двух стран.

Главы государств подчеркнули важность интенсивных и содержательных контактов между органами безопасности и правопорядка Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Вьетнама, что способствует обеспечению государственной и общественной безопасности в каждой из стран, а также поддержанию стабильности в регионе и в мире.

Отмечено большое значение сотрудничества в сферах науки и технологий, образования и подготовки кадров, придания ему стратегического характера. Стороны выразили обоюдную заинтересованность в ускорении создания Вьетнамо-Российского технологического университета в Ханое и в поддержке деятельности совместного Российско-Вьетнамского Тропического научно-исследовательского и технологического центра, в повышении эффективности использования его потенциала для реализации ключевых проектов двусторонней кооперации.

Подтверждена необходимость активизации связей, укрепления взаимодействия в гуманитарной сфере, включая наращивание культурных обменов, в том числе проведение дней национальной культуры, расширение контактов по линии молодежи, СМИ, архивных служб, обществ дружбы и других общественных организаций. Подчеркнуты важная роль русского языка во Вьетнаме и настрой на скоординированные шаги по активизации преподавания и изучения русского языка и продвижения российской культуры во Вьетнаме.

Позитивную оценку получило развитие межрегиональных связей. Решено ускорить формирование совместной рабочей группы по взаимодействию между субъектами Дальневосточного федерального округа и провинциями и городами Вьетнама.

Достигнута договоренность о развитии сотрудничества в сферах геологии и недропользования, сельского хозяйства, здравоохранения, в том числе в борьбе с инфекционными заболеваниями, а также в вопросах предотвращения незаконного промысла живых морских ресурсов.

Стороны с удовлетворением констатировали рост взаимных поездок граждан России и Вьетнама и высказались за дальнейшую активизацию туристических обменов в соответствии с Планом сотрудничества на 2013–2015 годы.

Стороны высоко оценили ратификацию Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Социалистической Республике Вьетнам и граждан Социалистической Республики Вьетнам в Российской Федерации. Руководители двух стран отметили весомый вклад проживающих, работающих и обучающихся в России граждан Вьетнама и вклад проживающих, работающих и обучающихся во Вьетнаме российских граждан в поддержание и приумножение традиционных отношений дружбы, взаимопомощи и всестороннего сотрудничества между двумя странами и народами, договорились и далее обеспечивать благоприятные условия для проживания, работы и учебы граждан двух государств на территориях России и Вьетнама в соответствии с законодательством сторон.

Главы государств высказались за усиление взаимодействия компетентных ведомств в борьбе с нелегальной миграцией. Существенная роль в этом отводится профильной Российско-Вьетнамской рабочей группе.

По итогам переговоров на высшем уровне подписан большой пакет документов о сотрудничестве в различных областях. Среди них:

Договор между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам о передаче лиц, осужденных к лишению свободы;

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о военном сотрудничестве;

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам об обучении вьетнамских граждан в федеральных государственных образовательных организациях высшего профессионального образования Российской Федерации;

Меморандум о взаимопонимании между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством науки и технологий Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в области науки, технологий и инноваций;

Меморандум о взаимопонимании между Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Министерством природных ресурсов и окружающей среды Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в области геологии и недропользования;

Программа сотрудничества между Министерством здравоохранения Российской Федерации и Министерством здравоохранения Социалистической Республики Вьетнам в области здравоохранения и медицинской науки на 2014–2016 годы;

Меморандум о сотрудничестве в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения между Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Российская Федерация) и Министерством здравоохранения Социалистической Республики Вьетнам;

Меморандум о взаимопонимании между Федеральной службой по аккредитации (Российская Федерация) и Бюро по аккредитации (Социалистическая Республика Вьетнам);

Договор между ОАО «Научно-исследовательский институт резиновой промышленности» и Комитетом по управлению Мавзолеем Президента Хо Ши Мина о передаче технологии производства прорезиненной ткани, применяемой в медицинских целях;

Меморандум между ОАО «НК «Роснефть» и Корпорацией нефти и газа «Петровьетнам» о взаимопонимании в отношении возможного приобретения доли участия в Договоре о разделе продукции в отношении блока 15-1/05 на континентальном шельфе Социалистической Республики Вьетнам;

Договор между ОАО «НК «Роснефть» и Корпорацией нефти и газа «Петровьетнам» об основных условиях сотрудничества при геологическом изучении, разведке и добыче углеводородов в Печорском море;

Соглашение между ОАО «Газпром» и Корпорацией нефти и газа «Петровьетнам» об учреждении совместной компании по производству газомоторного топлива на территории Социалистической Республики Вьетнам;

Меморандум о развитии сотрудничества в рамках проекта ООО «СК «Русьветпетро» между ОАО «Зарубежнефть» и Корпорацией нефти и газа «Петровьетнам»;

Рамочный договор между ОАО «Газпром нефть» и Корпорацией нефти и газа «Петровьетнам» по проекту нефтеперерабатывающего завода «Зунгкуат» об инвестировании в компанию Binh son refining and petrochemical Co Ltd и расширении и модернизации нефтеперерабатывающего и нефтехимического завода «Зунгкуат»;

Кредитное соглашение между Международным инвестиционным банком и Вьетнамским банком инвестиций и развития;

Меморандум о сотрудничестве между Вьетнамско-Российским совместным банком и ОАО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод»;

Соглашение между Московской академией экономики и права и Ханойским университетом предпринимательства и технологий по вопросу создания Российско-Вьетнамского гуманитарного университета.

2. Осознавая насущную необходимость коллективного реагирования на современные трансграничные вызовы и угрозы безопасности и устойчивому развитию, стороны подтвердили нацеленность на укрепление многосторонних начал в мировой политике, основанной на верховенстве международного права, строгом соблюдении всеми государствами норм и принципов Устава ООН, включая взаимное уважение суверенитета, территориальной целостности государств, невмешательство в их внутренние дела, отказ от применения силы и угрозы силой.

Президенты В.В.Путин и Чыонг Тан Шанг высоко оценили результаты взаимодействия между Россией и Вьетнамом в рамках многосторонних форумов, прежде всего Организации Объединенных Наций, что способствует продвижению мира, сотрудничеству и развитию в регионе и в глобальном масштабе. Стороны подтвердили настрой на дальнейшее укрепление работы по согласованию позиций и координации действий на международной арене, а также оказание взаимной поддержки кандидатурам друг друга на выборах в ООН и другие многосторонние объединения.

Главы государств выступили за укрепление центральной координирующей роли ООН в международных делах, в том числе в вопросах поддержания мира и безопасности и обеспечения устойчивого развития. Достигнуто единое понимание относительно необходимости продолжения заинтересованной дискуссии государств-членов по вопросу реформирования ключевых органов ООН в целях достижения максимально широкого согласия по данному вопросу.

Стороны выступают за наращивание международных усилий в решении таких глобальных задач, как противодействие изменению климата, преодоление последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий, обеспечение устойчивого управления водными ресурсами, включая трансграничные, укрепление продовольственной безопасности. В этих целях стороны будут тесно сотрудничать как в двустороннем формате, так и в рамках между-

ародных и региональных форумов и организаций, участниками которых они являются, – ООН, Форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), Восточно-азиатского саммита (ВАС), Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), механизма Совещаний министров обороны стран – членов АСЕАН с диалоговыми партнерами («СМОА плюс»), Форума «Азия-Европа» (АСЕМ), Совещания по взаимодельствию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и Диалога по сотрудничеству в Азии (ДСА).

Президенты России и Вьетнама подчеркнули безальтернативность мирных методов урегулирования кризисных ситуаций, в том числе внутригосударственного характера, путем налаживания политического диалога между конфликтующими сторонами. Они акцентировали внимание на том, что линия на внешнее силовое вмешательство во внутренние конфликты суверенных государств, на применение односторонних санкций без надлежащего учета внутривполитических, этнических, конфессиональных, культурных и иных особенностей чревата подрывом стабильности и ростом напряженности в международных делах.

Главы государств отметили, что урегулирование сирийского кризиса лежит исключительно в политико-дипломатической плоскости, заявили о неприемлемости силового решения конфликта и внешнего вмешательства в дела этого государства без санкции Совета Безопасности ООН и выступили за скорейший созыв международной конференции в целях начала внутрисирийского диалога.

Российская сторона приветствовала решение Вьетнама о подключении к операциям ООН по поддержанию мира и выразила готовность оказать вьетнамской стороне содействие в подготовке к участию в миротворческой деятельности.

Президенты России и Вьетнама отметили опасность гонки вооружений в космическом пространстве и необходимость развития международного сотрудничества в области освоения космоса в мирных целях, выразили готовность к взаимодействию в ходе рассмотрения проекта Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в космосе.

Отмечена возрастающая роль Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в глобальных делах. Стороны выступили за углубление регионального сотрудничества в интересах обеспечения прочного мира, стабильности и устойчивого развития в АТР. Президент СРВ Чыонг Тан Шанг высоко оценил активную и конструктивную роль России в регионе. Президент Российской Федерации В.В.Путин приветствовал растущий авторитет и укрепление позиций Вьетнама на международной арене. Стороны выступают за создание в АТР открытой, неделимой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, базирующейся на нормах международного права, внеблоковых началах и учете законных интересов всех стран. Подчеркнута важность углубления интеграционных процессов на взаимовыгодной и недискриминационной основе в соответствии с принципами открытого регионализма.

Стороны подтвердили свою поддержку центральной роли Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в формирующейся региональной архитектуре, ее усилий по расширению многостороннего взаимодействия на основе положений Договора о дружбе и сотрудничестве в ЮВА и Декларации Восточноазиатского саммита 2011 года о принципах взаимовыгодных отношений.

Президент Российской Федерации В.В.Путин дал высокую оценку активному участию Вьетнама в деятельности АСЕАН. Стороны выразили намерение тесно взаимодействовать в интересах повышения эффективности диалогового партнерства Россия – АСЕАН и дальнейшего развития практического сотрудничества, в первую очередь в контексте построения Сообщества АСЕАН в 2015 году. Россия и Вьетнам будут углублять координацию и взаимодействие в рамках АРФ и «СМОА плюс», прежде всего в русле общерегиональных усилий по противодействию новым вызовам и угрозам.

Главы государств придают важное значение деятельности Восточноазиатских саммитов в качестве форума стратегического диалога руководителей государств по представляющим взаимный интерес вопросам регионального сотрудничества в областях политики, безопасности и экономики в целях упрочения мира, стабильности и процветания в АТР. Вьетнам высоко оценивает российскую инициативу об укреплении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, одобренную на саммите ВАС в Бандар-Сери-Бегаване 10 октября 2013 года.

Стороны отметили, что территориальные и иные споры на пространстве АТР должны решаться исключительно мирным путем, без применения силы или угрозы силой согласно действующему международному праву, прежде всего Уставу ООН и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Они выступают за выполнение Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море 2002 года и скорейшее принятие юридически обязывающего Кодекса поведения в ЮКМ.

Президенты России и Вьетнама акцентировали возрастающую важность форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) в качестве эффективного интеграционного механизма, нацеливающего коллективные усилия экономик-участниц на дальнейшее улучшение условий для торгово-инвестиционного взаимодействия в интересах обеспечения устойчивого и безопасного развития в АТР. Россия и Вьетнам выразили удовлетворение достигнутым уровнем совместной работы на приоритетных направлениях деятельности АТЭС и договорились продолжить конструктивное партнерство в форуме. Россия подтвердила готовность к координации и оказанию вьетнамскому председательству содействия в целях успешного проведения саммита АТЭС в 2017 году.

Подтверждено стремление расширять и углублять сотрудничество в рамках других многосторонних региональных структур, таких как АСЕМ, СВМДА, ДСА, что будет способствовать повышению профиля этих важных организаций на мировой арене.

Стороны выразили уверенность в успешном проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр в г. Сочи в 2014 году.

Вьетнамская сторона высоко оценивает итоги недавнего саммита «Группы двадцати», прошедшего в г. Санкт-Петербурге под российским председательством, и выступает за плотную координацию усилий стран «двадцатки» с международными партнерами по стабилизации глобальной экономики путем реализации программ и планов действий, нацеленных на обеспечение экономического роста, создание рабочих мест, разрешение международных валютно-финансовых проблем, претворение в жизнь Санкт-Петербургской стратегии развития.

Вьетнам поддерживает кандидатуру г. Екатеринбурга на право проведения Всемирной универсальной выставки «ЭКСПО-2020».

3. Переговоры руководителей России и Вьетнама прошли в традиционной атмосфере дружбы, открытости и взаимного доверия. Стороны единодушны в том, что официальный визит Президента Российской Федерации В.В.Путина в Социалистическую Республику Вьетнам внес весомый вклад в дальнейшее укрепление российско-вьетнамского всеобъемлющего стратегического партнерства.

Президент Российской Федерации В.В.Путин выразил признательность за теплый прием и гостеприимство, оказанные ему и членам российской делегации в ходе визита, и пригласил Президента Социалистической Республики Вьетнам Чыонг Тан Шанга посетить Россию с официальным визитом в удобное для него время. Приглашение было с благодарностью принято. Конкретные сроки визита будут согласованы по дипломатическим каналам.

Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея

13 ноября 2013 года

По приглашению Президента Республики Корея Пак Кын Хе Президент Российской Федерации В.В. Путин 13 ноября 2013 г. посетил Республику Корея с официальным визитом. В ходе переговоров, прошедших в дружественной атмосфере, руководители двух стран провели конструктивный обмен мнениями по широкому спектру вопросов двусторонних отношений, а также по основным региональным и международным темам.

Президент Пак Кын Хе отметила, что Правительство Республики Корея придает большое значение развитию отношений с Российской Федерацией в контексте продвижения курса на укрепление сотрудничества в Евразии. Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул значимость взаимодействия с Республикой Корея по различным направлениям, в том числе в интересах модернизации экономики регионов Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Руководители двух стран договорились о сотрудничестве в целях совместного процветания Российской Федерации и Республики Корея, мира и развития на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии путем дальнейшего наращивания стратегического взаимопонимания в области политики и безопасности, а также взаимовыгодного практического взаимодействия.

1. Руководители двух стран высоко оценили динамичное продвижение взаимодействия между Российской Федерацией и Республикой Корея в политической, экономической, научно-технической и культурной сферах, выразив стремление развивать взаимовыгодные, ориентированные в будущее отношения в духе стратегического партнерства и сотрудничества путем более полного раскрытия потенциала двусторонних связей.

2. Стороны договорились об укреплении российско-корейского диалога на высшем и высоком уровнях в области политики и безопасности, включая осуществление регулярных взаимных визитов глав государств и организацию их встреч в рамках международных форумов. Наряду с этим в целях углубления сотрудничества в области внешней политики и безопасности Стороны активизируют деятельность соответствующих двусторонних механизмов — регулярного диалога по линии аппарата Совета Безопасности Российской Федерации и Управления национальной безопасности при Президенте Республики Корея, а также между министерствами иностранных дел.

3. Стороны договорились наращивать сотрудничество между правительствами, парламентами, деловыми и научными кругами Российской Федерации и Республики Корея, а также в области оказания всемерного содействия двусторонним культурным, спортивным и молодежным обменам. В связи с этим Стороны выразили удовлетворение плодотворным развитием связей по линии гражданских обществ, активизировавшихся благодаря «Диалогу Россия — Республика Корея», подтвердили взаимную заинтересованность в дальнейшем раскрытии потенциала этого канала общения граждан и выразили намерение оказывать ему содействие в будущем.

4. Стороны приветствовали подписание Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о взаимной отмене визовых требований и Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правитель-

ством Республики Корея об учреждении и условиях деятельности культурных центров, отметив, что скорейшее вступление в силу упомянутых документов будет способствовать дальнейшему углублению доверия и взаимопонимания между народами двух стран путем расширения гуманитарных и культурных обменов, что призвано придать мощный импульс эффективному продвижению всего комплекса двусторонних связей.

5. В целях развития двусторонних отношений Стороны отметили важность налаживания молодежных контактов и договорились об укреплении сотрудничества по этой линии.

6. Высоко оценивая потенциал туристических обменов между двумя странами, Стороны приветствовали объявление 2014 и 2015 годов Годами взаимных визитов, выразив при этом надежду на то, что их успешная реализация будет способствовать активизации обменов между гражданами обеих стран, созданию новых рабочих мест, развитию экономического сотрудничества и в конечном счете росту благосостояния населения.

7. Стороны с удовлетворением констатировали позитивную динамику развития двусторонней торговли и инвестиционного сотрудничества и договорились прилагать совместные усилия к дальнейшему расширению взаимодействия в торгово-экономической сфере.

В связи с этим Стороны высоко оценили итоги 13-го заседания Российско-Корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, состоявшегося 9 июля 2013 г. в Сеуле, и подчеркнули важность выполнения договоренностей, достигнутых в рамках Комиссии.

Стороны отметили необходимость поиска новых областей сотрудничества в сфере экономики, торговли и инвестиций в соответствии с Российско-Корейским Совместным планом действий в области торгово-экономического сотрудничества от 19 ноября 2005 г. и Совместной программой партнерства в целях модернизации и инновационного развития от 3 апреля 2012 г., а также важность первоочередного укрепления взаимодействия в высокотехнологичных областях. В целях конкретизации упомянутых задач Стороны договорились обсудить вопрос о выработке соответствующей «дорожной карты» на среднесрочный и долгосрочный периоды.

8. Стороны приветствовали вступление Российской Федерации во Всемирную торговую организацию, выразив мнение о том, что улучшение торгово-инвестиционного климата в России будет способствовать развитию и диверсификации двустороннего взаимодействия в области торговли и экономики.

9. Стороны отметили необходимость дальнейшего укрепления сотрудничества на межрегиональном уровне. В целях развития российских регионов Сибири и Дальнего Востока Стороны выразили заинтересованность в обмене опытом реализации экономической политики и участия инвесторов Российской Федерации и Республики Корея в осуществлении практических взаимовыгодных проектов в рамках Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. и других федеральных целевых программ. Наряду с этим, Стороны приветствовали создание совместных инвестиционно-финансовых платформ между российским Внешэкономбанком и корейским Эксимбанком, а также между Российским фондом прямых инвестиций и Корейской инвестиционной корпорацией. Стороны выразили намерение содействовать совместному продвижению практических взаимовыгодных проектов в сфере инфраструктуры, сельского хозяйства и промышленности. Кроме того, достигнута договоренность о тесном сотрудничестве в интересах активизации экономического взаимодействия между регионами двух стран на двусторонней и многосторонней основе, в частности в рамках Расширенной туманганской инициативы, а также о совместном изучении возможностей модернизации и использования портовой и транспортно-логистической инфраструктуры на Дальнем Востоке Российской Федерации.

10. Стороны подтвердили намерение расширять сотрудничество в топливно-энергетической сфере. Решения, связанные с поставкой в Республику Корея в среднесрочной и долгосрочной перспективе российского трубопроводного газа, будут прин-

иматься с учетом наличия ресурсов, экономической целесообразности и прочих условий, необходимых для реализации данного проекта.

11. Стороны приветствовали успешную реализацию пилотного проекта соединения Транскорейской железной дороги с Транссибирской железнодорожной магистралью — завершение российским ОАО «РЖД» реконструкции железнодорожного участка Хасан (Россия) — Раджин (КНДР), а также модернизацию третьего пирса порта Раджин. В связи с этим Стороны договорились содействовать беспрепятственному выполнению компаниями двух стран программ сотрудничества в области использования указанной железнодорожной и портовой инфраструктуры.

Стороны согласились с тем, что соединение железнодорожных сетей Корейского полуострова и Транссибирской железнодорожной магистрали будет способствовать миру и процветанию на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом, а также внесет вклад в развитие евроазиатского сотрудничества, и выразили надежду на скорейшее формирование необходимых для этого предпосылок, в первую очередь на укрепление региональной стабильности.

12. Стороны поддерживают планы совместного изучения российской энергетической компанией ОАО «Интер РАО ЕЭС» и Корейской электроэнергетической корпорацией вопросов соединения электрических сетей Российской Федерации и Республики Корея.

13. Стороны выразили удовлетворение развитием взаимоотношений двух стран в рыбохозяйственной сфере на основе Соглашения между Правительством СССР и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области рыбного хозяйства от 16 сентября 1991 г. и Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области предупреждения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла живых морских ресурсов от 22 декабря 2009 г.

Стороны полагают необходимым продолжение конструктивного диалога и практического сотрудничества по линии соответствующих компетентных ведомств и организаций Российской Федерации и Республики Корея в целях активизации взаимодействия предпринимателей двух стран на основе инвестиционных проектов в рыбохозяйственном комплексе Дальнего Востока Российской Федерации и работы корейских промысловых судов в российских водах.

14. Стороны подтвердили стремление к заключению российско-корейского соглашения о научно-техническом сотрудничестве, определяющего взаимодействие в области науки и техники и совместных исследований. Стороны согласились с важностью укрепления связей в образовательной сфере и договорились прилагать усилия в целях подготовки соответствующих соглашений.

15. Стороны выразили удовлетворение развитием двустороннего сотрудничества в области промышленности, а также заинтересованность в расширении взаимодействия между компаниями двух стран в гражданском авиастроении, автомобилестроении, судостроении, а также в строительстве и модернизации верфей на территории России.

16. Стороны высказали заинтересованность в дальнейшем сотрудничестве, направленном на развитие объектов транспортной инфраструктуры, в том числе с использованием механизма государственно-частного партнерства. Достигнута договоренность о расширении обменов в области внедрения и применения современных технологий в транспортной отрасли. Стороны также условились укреплять взаимодействие по линии Экономической и социальной комиссии ООН для стран Азии и Тихоокеанского региона (ЭСКАТО) в целях сокращения числа транспортных происшествий, имея в виду — необходимость реализации Общерегionalного плана ООН по обеспечению дорожной безопасности на 2011–2020 годы.

17. Стороны подчеркнули важность наращивания темпов двустороннего сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, отвечающего интересам Российской Федерации и Республики Корея.

18. С учетом получения Республикой Корея статуса официального наблюдателя в Арктическом совете Стороны договорились о взаимном сотрудничестве в освоении Арктики, ее изучении, защите окружающей среды, использовании Северного морского пути, а также об укреплении сотрудничества в новой сфере, связанной со строительством и эксплуатацией ледоколов и судов ледового класса.

19. Стороны высоко оценили активное сотрудничество двух стран по созданию корейской ракеты-носителя (KSLV) и наземной инфраструктуры базы космических запусков «Наро», а также успешный запуск 30 января 2013 г. ракеты-носителя KSLV-1 и выразили надежду на укрепление взаимодействия в космической области.

20. В целях расширения научно-технического сотрудничества Стороны договорились о создании Российско-Корейского инновационного центра в инновационном центре «Сколково».

21. Стороны условились расширять сотрудничество по вопросам, представляющим взаимный интерес, в рамках Российско-Корейского совместного комитета по сотрудничеству в области охраны окружающей среды, а также взаимодействовать по проблематике окружающей среды в Северо-Восточной Азии в рамках других механизмов. Стороны едины во мнении о необходимости снижения уровня загрязнения окружающей среды и договорились способствовать разработке «зеленых» технологий, а также наращивать двустороннее взаимодействие посредством обменов по вопросам стратегии развития экологических производств. Стороны согласились с необходимостью налаживания двустороннего диалога по обмену опытом в сфере «зеленых» технологий и мер экономического стимулирования их внедрения.

22. Рассматривая военно-техническое сотрудничество в качестве важной составляющей двусторонних отношений, Стороны отметили необходимость активного взаимодействия между соответствующими ведомствами двух стран в целях скорейшего продвижения ранее согласованной программы сотрудничества в указанной области.

23. Стороны поддержали расширение двустороннего сотрудничества в миграционной сфере на основе заключенного в 2010 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея Соглашения о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого. В связи с этим Стороны договорились проводить рабочие встречи между заинтересованными ведомствами на регулярной основе.

24. Стороны подтвердили взаимный интерес к продолжению сотрудничества в области здравоохранения и высказались за скорейшее заключение соответствующего межправительственного документа. В целях укрепления здоровья населения и развития систем здравоохранения двух стран Стороны договорились активно поддерживать расширение практических обменов и сотрудничества по организации медицинской помощи, подготовке кадров, государственному регулированию в области лекарственных средств и медицинских изделий, а также созданию и развитию информационных технологий в указанных сферах.

25. Стороны высоко оценили сотрудничество двух стран в области сельского хозяйства и договорились прилагать усилия к увеличению инвестиций в агропромышленный сектор Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации для производства и переработки сельхозпродукции, а также производства продуктов питания, в том числе с использованием передовых технологий. В этих целях Стороны продолжают работу по созданию более благоприятных условий для углубления двустороннего взаимодействия, в том числе для деятельности сельскохозяйственных предприятий Республики Корея в регионах Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в сферах аграрного производства, расширения сети зерновых терминалов и другой производственной инфраструктуры.

26. Стороны, отметив возрастающее значение Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в глобальной политике и экономике, выступили за укрепление регионального мира и стабильности.

Российская Федерация и Республика Корея подчеркнули важное значение Восточноазиатских саммитов как ведущей «площадки» для стратегического диалога лидеров стран — участниц форума по представляющим взаимный интерес политическим и экономическим проблемам региона и выразили намерение и впредь тесно сотрудничать в рамках многостороннего диалога по укреплению безопасности в АТР.

Стороны подтвердили стремление расширять взаимодействие в рамках таких многосторонних региональных структур, как форум «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), диалоговый форум «Азия — Европа» (АСЕМ), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), форум «Диалог по сотрудничеству в Азии» (ДСА).

27. Стороны подчеркнули важность соблюдения Устава ООН и других основополагающих норм и принципов международного права, укрепления роли ООН в международных делах, а также углубления многостороннего сотрудничества в решении общемировых проблем. В этом контексте достигнута договоренность о продолжении тесного взаимодействия по актуальным международным темам в ООН, чему будет способствовать избрание Республики Корея непостоянным членом Совета Безопасности на 2013–2014 годы, а также в рамках «Группы двадцати» и других многосторонних форумов.

28. Стороны, отметив угрозу, которую несет международному миру и безопасности распространение оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, договорились прилагать усилия с целью укрепления режимов нераспространения ОМУ в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия, гарантий Международного агентства по атомной энергии, Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО), Конвенции о запрещении биологического оружия.

Стороны также высоко оценили российско-американские Рамочные договоренности о ликвидации химического оружия в Сирии, приветствовали присоединение этой страны к КЗХО и ее вступление в Организацию по запрещению химического оружия (ОЗХО) и подчеркнули необходимость добросовестного выполнения решения Исполнительного совета ОЗХО в отношении уничтожения химического оружия в Сирии и резолюции Совета Безопасности ООН 2118 в целях осуществления скорейшей и полной ликвидации всего химического оружия в Сирии. Стороны выступили за скорейшее политическое урегулирование кризиса в Сирии и призвали к созыву международной конференции для запуска переговорного процесса между сирийскими сторонами на основе Жевневского коммюнике от 30 июня 2012 г.

Наряду с этим Стороны, подчеркнув недопустимость использования химического оружия во всем мире, призвали КНДР и другие страны, не присоединившиеся к КЗХО, как можно скорее присоединиться к Конвенции.

Стороны также отметили важность мирного использования космоса, высказались за скорейшее принятие Международного кодекса поведения при осуществлении космической деятельности и договорились о продолжении сотрудничества на этом направлении.

29. Стороны подтвердили стремление наращивать сотрудничество в области противодействия международному терроризму во всех его формах и проявлениях, а также его финансированию, незаконному обороту наркотиков, транснациональной организованной преступности, морскому пиратству и другим глобальным вызовам криминального характера. В связи с этим выражено общее понимание необходимости дальнейшего укрепления центральной роли ООН в борьбе с международным терроризмом, всеобъемлющей реализации Глобальной контртеррористической стратегии и профильных резолюций Совета Безопасности ООН.

Стороны выразили обеспокоенность растущей угрозой использования информационно-коммуникационных технологий в преступных и террористических целях, а также в целях, которые могут подорвать международный мир и безопасность, и подтвердили стремление наращивать всестороннее сотрудничество для противодействия этой угрозе. Стороны решили продолжить процесс двусторонних экспертных консультаций по данной проблематике. Стороны также приветствовали успешное проведение в г. Сеуле

17–18 октября 2013 г. Конференции по киберпространству и достигнутые в ходе ее работы результаты.

30. Стороны отметили необходимость противодействия любым современным формам расизма, расовой дискриминации и ксенофобии. Подчеркнута важность скоординированных усилий международного сообщества в деле борьбы с сексуальным насилием в районах вооруженных конфликтов. Наряду с этим, выразив серьезную озабоченность в связи с проблемой беженцев во всем мире, Стороны указали на важность принципа, запрещающего насильственный возврат беженцев, а также на необходимость оказания им гуманитарной помощи.

31. Стороны подтвердили обоюдное неприятие курса Пхеньяна на обретение ракетно-ядерных возможностей вопреки требованиям международного сообщества и соответствующим резолюциям Совета Безопасности ООН. Стороны отметили, что в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия КНДР не может иметь статус государства, обладающего ядерным оружием.

Стороны подчеркнули, что КНДР должна соблюдать международные обязательства и обещания в области денуклеаризации, включая соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН и Совместное заявление КНР, КНДР, Японии, РК, России и США от 19 сентября 2005 г. Стороны договорились, руководствуясь целями Совместного заявления от 19 сентября 2005 г., вместе с другими участниками шестистороннего переговорного процесса прилагать усилия к созданию условий для его возобновления.

32. Президент Республики Корея Пак Кын Хе разъяснила содержание своей инициативы «Процесс доверия на Корейском полуострове», нацеленной на обеспечение мира через установление межкорейского доверия. Президент Российской Федерации В.В. Путин выразил в этой связи свое понимание и отметил, что Российская Федерация активно поддерживает усилия, направленные на установление доверия на Корейском полуострове, которое является важным условием нормализации межкорейских отношений и обеспечения безопасности и стабильности в регионе. Президент Республики Корея Пак Кын Хе, в свою очередь, дала положительную оценку конструктивной роли Российской Федерации в качестве председателя сформированной в рамках шестисторонних переговоров рабочей группы по механизму мира и безопасности в Северо-Восточной Азии.

33. Стороны выразили общую озабоченность тем, что имеющийся в Северо-Восточной Азии мощный потенциал сотрудничества не может быть полностью реализован в силу препятствий, возникающих в том числе вследствие заявлений и действий, направленных на то, чтобы повернуть вспять колесо истории. Руководители двух стран констатировали взаимное понимание необходимости упрочения мира и стабильности в Северо-Восточной Азии путем укрепления доверия и снижения напряженности. В связи с этим Стороны приветствовали конструктивные наработки России и инициативу Президента Республики Корея Пак Кын Хе относительно мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, имеющие важное значение для выстраивания взаимовыгодного многоуровневого сотрудничества в регионе в интересах упрочения мира и безопасности, и договорились активизировать взаимодействие в этой области.

34. Стороны отметили вклад предстоящих зимних Олимпийских и Паралимпийских игр в г. Сочи в 2014 г. и в г. Пхёнчхане в 2018 г. в укреплении доверия и взаимопонимания между двумя странами, распространение олимпийских идеалов, устойчивое развитие и становление культуры мира на планете.

35. Президент Российской Федерации В.В. Путин пригласил Президента Республики Корея Пак Кын Хе посетить Российскую Федерацию с визитом в удобное для нее время. Президент Республики Корея Пак Кын Хе с благодарностью приняла это приглашение. Сроки визита будут согласованы по дипломатическим каналам.

Контуры внешней политики лидеров Китайской Народной Республики пятого поколения*

© 2014

В. Портяков

Проанализированы первые итоги реализации внешнеполитического курса лидеров КНР пятого поколения. Выделены «черты преемственности и новизны» в международной деятельности Си Цзиньпина и его команды. Показано, что в Пекине особо отмечают инновационный характер современной китайской дипломатии.

Ключевые слова: КНР, пятое поколение лидеров, внешняя политика, итоги первого года, контуры на перспективу.

1. Внешняя политика Китая в первый год пребывания у власти пятого поколения лидеров КПК и КНР представляет интерес не только сама по себе, но и с точки зрения того, насколько она позволяет судить об особенностях и приоритетах курса Си Цзиньпина — Ли Кэцяна на мировой арене на весь период их ожидаемого нахождения во власти, то есть на десятилетие 2013–2022 гг. Представляется, что к концу 2013 г. уже накоплена «критическая масса» деклараций нового китайского руководства и его практической международной деятельности, минимально необходимая для комплексного анализа обновленного внешнеполитического курса КНР и первых прогнозов его дальнейшей эволюции.

2. Прежде всего возникает естественный вопрос о «чертах преемственности и новизны»¹ во внешней политике Пекина после XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая. Создается ощущение, что ситуация еще не определилась окончательно, и обновляемая концепция внешней политики страны носит пока достаточно пестрый, эклектичный характер.

3. Однозначно сохраняет свою действенность общая конфигурация приоритетов взаимодействия КНР с внешним миром.

Основным из них остаются отношения с великими державами, при этом в подавляющем большинстве комментариев китайских политологов поставленная съездом задача формирования отношений нового типа между державами понимается как выстраива-

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока». E-mail: portyakov@ifes-ras.ru

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 12-03-00376 «Современный внешнеполитический курс Китайской Народной Республики и заветы Дэн Сяопина».

ние Китаем конструктивного партнерства с США на основе равноправия и взаимного уважения. В отдельных публикациях в категорию «междержавных отношений» включаются и отношения КНР с Россией, но это скорее исключение, чем правило.

Последовательная политика добрососедства приобретает особую важность в свете того обстоятельства, что наблюдавшаяся в предыдущие несколько лет повышенная жесткость Китая в отношении ряда государств, входящих в его «соседское окружение», поколебала имидж Пекина в регионе.

Наконец, КНР продолжает позиционировать себя на мировой арене в качестве прежде всего развивающейся страны, подкрепляя соответствующие декларации налаживанием связей с новыми для нее партнерами (так, в 2013 г. получили развитие контакты на высшем уровне с рядом государств Карибского бассейна).

4. Главной внешнеполитической новацией Си Цзиньпина стал лозунг о необходимости достижения «китайской мечты». В самом общем плане под этим понимается «возрождение китайской нации» в два шага — к столетию КПК (2021 г.) достичь уровня «средней зажиточности», а к столетию КНР (2049 г.) войти в число развитых государств мира.

«Китайская мечта» является понятием комплексным, охватывающим различные аспекты функционирования государства. В КНР превалирует мнение, что на сегодняшний день еще рано говорить о возрождении китайской нации как о событии свершившемся. Для этого необходимо, прежде всего, восстановление единства китайского государства и китайской нации, то есть восстановление юрисдикции Пекина над Тайванем. Кроме того, в начале XIX в. доля Китая в мировом валовом продукте составляла одну треть. Возможно, достижение в перспективе такого же уровня может рассматриваться как своеобразный критерий возрождения страны и нации.

Ведущие политологи КНР указывают, что как само понятие «китайской мечты», так и ее осуществление на практике имеют существенное международно-политическое измерение. Как полагает вице-президент Академии общественных наук Шанхая Хуан Жэньвэй, для достижения «китайской мечты» нужно мирное окружение. и Китай, несмотря на рост его мощи и влияния, следует курсом *мирного* возвышения. Следует также ожидать увеличения роли Китая в глобальном управлении, существенного укрепления международных позиций китайского юаня как одной из крупнейших мировых валют. беспрецедентного роста «мягкой силы» страны вслед за ее «культурным возрождением»².

5. Новацией калибром поменьше, чем «китайская мечта», но также способной породить серьезные геополитические последствия, стало предложение Си Цзиньпина о создании «инновационной модели сотрудничества» — совместном строительстве экономического пояса «шелкового пути»³. Предложенный проект предлагает соединение интеграционных усилий Евразийского экономического сообщества и Шанхайской организации сотрудничества, включая государства, имеющие в ней статус наблюдателей. Таким образом, благодаря инициативе Си Цзиньпина КНР может превратиться в главного экономического и политического игрока обширного региона, охватывающего Центральную, Южную и Западную Азию. В целом политика Китая в Азии, в которой до сей поры преобладало восточноазиатское направление, получает определенный шанс стать географически более сбалансированной и комплексной.

6. Появились первые признаки модификации некоторых «фундаментальных опор» внешнеполитического курса четвертого поколения лидеров КНР. Именно так, на мой взгляд, следует оценить публикации, констатирующие определенную обусловленность приверженности Китая пути мирного развития. Как полагают шанхайские эксперты Хуан Жэньвэй и Лю Хунсун, стратегия мирного развития страны будет успешной в том случае, если удастся добиться «мирного объединения двух берегов Тайваньского пролива, обеспечить благоприятное развитие китайско-американских отношений и добиться признания большинством государств международного сообщества институци-

ональных основ и системы ценностей Китая в качестве равноценных». Напротив, «если Америка бросит все свои силы на противодействие Китаю, то его подъем может превратиться на середине пути»⁴.

7. Объективно степень новизны внешнеполитических новаций команды Си Цзиньпина не следует преувеличивать, ведь та же «китайская мечта» генетически прямо связана с доминантой предшествующего десятилетия — концепцией «мирного возвышения» Китая⁵.

Однако в разъяснениях и комментариях китайских официальных лиц и политологов акцент в настоящее время делается не на преемственности, а именно на новизне внешнеполитического курса пятого поколения лидеров страны. Показательна в этом отношении статья Ян Цзечи — члена Госсовета КНР, курирующего в правительстве внешнюю политику, «Инновации в теории и практике дипломатии»⁶. По его словам, «будучи более комплексной и лучше сбалансированной, дипломатия Китая в новых условиях демонстрирует такие черты, как богатство идей, ясные приоритеты, твердая позиция, гибкие подходы и самобытный стиль». Это позволило ей, полагает Ян Цзечи, «добиться в короткие сроки ряда крупных прорывов», в числе которых — выдвижение понятия «китайской мечты», начало строительства новой модели отношений с США — неконфликтной, неконфронтационной, основанной на принципах обоюдного выигрыша и взаимного уважения, и т.д.

8. Один из ведущих специалистов по современным международным отношениям Китая профессор Ван Ичжоу из Пекинского университета особо подчеркнул то обстоятельство, что Си Цзиньпин и Ли Кэцян представляют первое поколение лидеров страны, родившихся после основания КНР в 1949 г. В силу этого они «несут меньшее историческое бремя, чем их предшественники, и обладают иным мироощущением — более уверенным, амбициозным и предприимчивым»⁷.

И в самом деле, отличие внешнеполитического стиля Си Цзиньпина от манеры поведения в международных делах его предшественника бросается в глаза и проявляется буквально во всем — от динамичности и диапазона действий до большей личной эмоциональности.

В то же время, нельзя забывать, что в первый год пребывания у власти предыдущих лидеров — Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао — их внешнеполитическая активность была заметно приглушена вследствие чрезвычайных обстоятельств — эпидемии атипичной пневмонии. Однако даже в тех сложных условиях удалось сделать немало. Состоялся важный для обеих сторон визит Ху Цзиньтао в Россию; поездка в Эвиан для встречи с лидерами большой «восьмерки» стала первым шагом в приобщении Пекина к «элитному клубу» мирового глобального управления, наконец, в конце года была выдвинута концепция «мирного возвышения» Китая.

9. В любом случае, однако, очевидно, что команда Си Цзиньпина — Ли Кэцян демонстрирует готовность к большей, чем у предшественников, активности, а подчас и жесткости внешнеполитического курса, к расширению диапазона и более гибкому использованию внешнеполитического инструментария страны.

Обращает на себя внимание употребление в статье Ян Цзечи понятия «красная черта» («bottom line») в контексте декларируемой решимости Китая защищать свои законные интересы. Симптоматично и обещание «не уклоняться в дипломатической работе от споров и проблем любого рода»⁸.

В этом плане показательным является изменение подхода Китая к проблеме разногласий с рядом соседних государств о линии прохождения границы. Если раньше данная тема особо не обсуждалась, то теперь открыто признается, что у Китая, граничащего с 14 государствами по суше и с 8 по морю, имеются «споры о суверенитете» с 10 из них. Нередко положение о приверженности страны «защите суверенитета и территориальной це-

лостности» подается в одной связке с задачами «качественного совершенствования национальной обороны» и «превращения Китая в мощную морскую державу»⁹.

Характерно и то обстоятельство, что в 2013 г. Китай начал чаще использовать потенциал своей экономической дипломатии, регулярно прибегая здесь к методам не только «пряника», но и «кнута». Например, на какое-то время были заморожены контакты Пекина на высшем уровне с Европейским союзом. Это подавалось как реакция на встречи официальных лиц европейских государств с далай-ламой, однако очень похоже, что не менее существенным фактором было применение ЕС повышенных тарифов к импортируемым из КНР солнечным батареям. Высокая заинтересованность переживающей экономическую стагнацию Европы в стабильных торгово-экономических связях с Китаем обусловила в конечном счете решение чувствительного вопроса в пользу Пекина, после чего и началась подготовка к очередному саммиту ЕС — КНР (прошел в ноябре).

Создается также устойчивое впечатление, что Китай сознательно несколько торпидит двустороннюю торговлю с Японией, наказывая Токио за отстаивание им своей позиции по островам Сенкаку-Дяоюйдао. Так, по данным китайской таможенной статистики, за три квартала 2013 г. ее объем сократился на 7,9% по сравнению с девятью месяцами 2012 г., в т.ч. импорт КНР из Японии упал на 12,1%. При этом внешнеторговый товарооборот Китая в целом вырос за этот период на 7,7%, в т.ч. импорт на 7,3%.

В то же время Пекин демонстрирует жесткий подход¹⁰ далеко не по всем тем азимутам своей внешней политики, где имеются трения и несовпадение позиций. Так, больший, чем в предшествующие годы, настрой на поиск компромиссных решений просматривался в 2013 г. в отношениях Китая с Индией и с Вьетнамом. Можно сказать, что в целом внешняя политика Пекина становится более тонко нюансированной и по-настоящему дифференцированной, что, помимо прочего, говорит и о повышении уровня китайской дипломатии.

10. Вполне закономерно, что в экспертных кругах набирающего и все более явно ощущаемого собственную силу Китая достаточно активно обсуждаются возможные параметры и качественные характеристики формирующегося внешнеполитического курса страны на среднесрочную перспективу.

Примером такого рода служит дискуссия группы политологов-международников, организованная журналом МИД КНР «Шинцзе чжиши» («Знания о мире»)¹¹. Их совокупный прогноз ориентирует на повышение международной ответственности, рост влияния как «твердой», так и «мягкой силы» страны и поступательное наращивание вклада Китая в общемировые процессы. В то же время в числе конкретных сфер международной жизни, где КНР может инициативно предложить мировому сообществу общезначимый «общественный продукт», называется только «денуклеаризация и обеспечение стабильности на Корейском полуострове», трансформация шестисторонних переговоров в механизм обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии¹². Примечательно, что схожий сюжет развивает и Ван Ичжоу, полагающий, что Китаю по силам «попытаться создать новую систему безопасности в Азии»¹³.

11. В целом же прогнозы китайских политологов относительно внешнеполитического курса страны в предстоящее десятилетие выглядят размытыми, недостаточно конкретными и, пожалуй, менее смелыми, чем можно было бы предполагать, исходя из реалий внешнеполитической деятельности нынешнего руководства КНР в первый год его нахождения у власти.

Здесь сказываются разные факторы: и вполне понятное стремление не подхлестнуть ненароком «погоню за скороспелыми успехами» — недостаток, в который Китай легко впадает, и желание не давать каких-либо дополнительных аргументов многочисленным сторонникам теории «китайской угрозы». Вместе с тем, похоже, главное в другом: Китай еще находится на пути к превращению в державу с всеобъемлющими глобальными функциями, именно поэтому многие конкретные аспекты и параметры его по-

зиционирования в мире в настоящее время еще не поддаются корректному прогнозированию. Ведущий американский специалист по внешней политике КНР Дэвид Шамбо недавно квалифицировал Китай как «частичную державу», которая уже является «глобальным игроком», но пока еще не стала подлинно «глобальной силой»¹⁴.

Представляется, что именно продвижение от статуса «частичной державы» к положению и роли полноценной глобальной державы и составит стержень внешней политики пятого поколения лидеров Китая на весь период его пребывания у власти.

12. Последние годы правления Ху Цзиньтао ознаменовались активной дискуссией в стране об актуальности для нее внешнеполитических заветов Дэн Сяопина конца 1980-х — начала 1990-х годов. Хотя мнения разделились, в целом складывалось впечатление, что международная деятельность Китая объективно выходит за рамки ограничительных по своей сути заветов Дэн Сяопина. При новом руководстве страны какие-либо упоминания о них полностью прекратились. Китай, в противоположность главному завету Дэна, окончательно «вышел из тени» и все более активно проявляет себя во всех регионах мира и сферах международной жизни.

1. Выражение «черты преемственности и новизны» уже довольно давно широко используется китаеведами. Насколько нам известно, впервые оно было сформулировано Э.П. Пивоваровой в 1977 г. в докладе «Черты преемственности и новизны в экономической политике Хуа Гофэна».
2. Хуан Жэньвэй. Шисянь «Чжунго мэнь» ин изюйбэй дэ гоцзи тяоцзянь [Международные условия, необходимые для осуществления «китайской мечты»] // Чжунго шэхуэй кэсюэ бао. Пекин, 2013. 21 окт.
3. Предложение о «совместном строительстве экономического пояса Шелкового пути» было высказано Си Цзиньпином 7 сентября 2013 г. в выступлении в Университете Назарбаева в Астане. См.: Beijing Review. 2013. 24 окт. (раздел «Documents»).
4. Хуан Жэньвэй. Лю Хунсун. Чжунго хэпин фачжянь даолу нэнфоу чжунгун дэ сань да бяочжунь [Три крупных показателя успешности или нет мирного пути развития Китая] // Чжунго вайцзяо. Пекин, 2013. № 1. С. 3–7. Здесь — С. 7,6.
5. Как следует из лекции о мирном пути развития Китая, с которой бывший проректор Центральной партийной школы профессор Ли Цзюньжу выступил перед делегацией российских специалистов по БРИКС 23 сентября 2013 г. в Пекине, оба термина — и «мирное возвышение», и «китайская мечта» — были впервые сформулированы одной и той же группой исследователей под руководством Чжэн Бицзяня, в состав которой входили также Хуан Жэньвэй и сам Ли Цзюньжу.
6. См.: Yang Jiechi. Innovations in diplomatic theory, practice // China Daily. Beijing, 2013. 17 Aug.
7. Wang Yizhou. Opportunities and Challenges for China's New Leaders in Building Mutual Trust with the World // Global Asia. Seoul, fall 2013. Vol. 8, No. 3. URL: <http://www.globalasia.org/issue/ArticleDetail/457/Opportunities-and-Challenges-for-China's-New-Leaders-in-Building-Mutual-Trust-with-the-World-.html>.
8. Yang Jiechi. Op. cit.
9. Wang Yizhou. Op. cit.
10. В Китае появились публикации, где выражается несогласие с распространением в мире тезисом об «ужесточении» внешней политики Пекина в последние годы. См., например: Ван Фань, Лин Шэлли. Чжунго дэ вайцзяо чжэньцэ бянь цянин лэ ма? — Жухэ лицзе Чжунго синь вайцзяо [Стала ли внешняя политика Китая более жесткой? — Как понимать новую дипломатию Китая] // Дандай шицзе. Пекин, 2013. № 3. С. 23–27.
11. Чжунго вайцзяо дэ «гэсин» [«Отличительные особенности» дипломатии Китая], Шицзе чжнши. 2013. № 12. С. 14–24.
12. Там же. С. 23.
13. Wang Yizhou. Op. cit.
14. Shambaugh D. China Goes Global: The Partial Power. Oxford University Press, 2013.

Война на Корейском полуострове: насколько велика угроза?

© 2014

К. Асмолов, В. Кашин

Статья содержит комплексный анализ ситуации, сложившейся на Корейском полуострове в результате кризиса межкорейских отношений в 2013 г. Рассматриваются военно-технические, стратегические и политические аспекты противостояния.

Ключевые слова: Корея, КНДР, война, ракеты, Приморье.

Апрельский кризис межкорейских отношений 2013 г. породил широкую волну материалов и публикаций, в которых Корейский полуостров оказывался «на грани войны». При этом в большинстве случаев начало конфликта как нападение Северной Кореи на соседей считалось чем-то самым собой разумеющимся, и даже варианты, при которых Пхеньян не хотел войны, квалифицировались как «ядерный шантаж». Развернувшаяся волна истерии вынуждает нас дать комплексный анализ ситуации, отойдя от пропагандистских штампов.

В рамках этого анализа мы будем переходить от военно-технических аспектов противостояния к стратегическим и политическим, пробуя дать четкий ответ на следующие вопросы:

- Каковы практические возможности применения северокорейских вооруженных сил в условиях вооруженного конфликта?
- Способна ли КНДР защитить себя от возможной атаки США и РК и может ли нанести им неприемлемый ущерб?
- Насколько материальный ущерб, который может нанести Северная Корея своим врагам, будет угрожать макроэкономической стабильности ведущих западных экономик?
- Каковы дополнительные факторы, которые могут повлиять на развитие ситуации, кроме чисто военных, стратегических или политических соображений?
- Будут ли человеческие потери противников КНДР настолько велики, чтобы стать сдерживающим фактором для принятия решения о начале военных действий?
- Каков может быть ущерб, нанесенный РФ в результате крупномасштабного конфликта на Корейском полуострове?

Силы сторон. Технический и тактический аспекты проблемы

Количественный состав вооруженных сил Южной Кореи и США на Тихом океане хорошо известен. С вооруженными силами КНДР ситуация обстоит сложнее. С одной

Асмолов Константин Валериевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru.

Кашин Василий Борисович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: v_kashin@yahoo.com.

стороны, северокорейцы проводят политику тотальной закрытости в отношении своего военного строительства. С другой — КНДР не способна удовлетворять свои потребности по целому ряду классов военной техники, а объем прошлых поставок ее из СССР/России и Китая не является тайной; территория Северной Кореи находится под постоянным наблюдением американских, южнокорейских, японских средств технической разведки и данные о ходе военного строительства в КНДР периодически попадают в СМИ. Наконец, при всей закрытости КНДР, новые образцы вооружений регулярно демонстрируются на военных парадах; при этом наиболее сложной задачей является отделить реально запущенные в производство и поступающие в войска системы от многочисленных макетов, призванных дезинформировать противника.

В общем виде соотношение сил между КНДР и РК выглядит следующим образом:

	КНДР	РК
Численность регулярных ВС, тыс. чел	1020	655
Основных боевых танков	3500	2414
Легких танков	560	
БМП	Нет	240
БТР	2500	2790
Артиллерийских систем	21000	11038
ПЛ (включая малые)	72	23
Надводных боевых кораблей	3	28
Боевых катеров	383	114
Бомбардировщиков	80	Нет
Истребителей-перехватчиков	441	174
Многоцелевых истребителей	48	294
Штурмовиков	34	Нет
Вертолетов боевых	20	60
Зенитных ракетных комплексов без учета ПЗРК, пусковых установок	312	506
Артиллерии зенитной	11000	330
Баллистических ракет средней и малой дальности, пусковых установок	64+*	

* Количество ракет «Нодон», а также ракет типа Scud корейского производства оценивается примерно в 300.

Источник: *The Military Balance 2013*

Как видно, даже без учета развернутых на юге Корейского полуострова 28 500 американских военнослужащих с значительным количеством тяжелого вооружения, Север уступает Югу по количеству ударных самолетов, боевых вертолетов, бронетранспортеров и БМП, надводных боевых кораблей, зенитных ракетных комплексов. Север имеет превосходство в численности личного состава, количестве основных боевых танков и артиллерийских систем, но и по этим направлениям превосходство не достигает даже двукратного. Разумеется, Север опережает Юг в количестве ракет «земля-земля», но военное значение этих ракет, в которых используются устаревшие системы наведения, в ядерном снаряжении, по опыту всех прошлых конфликтов, является незначительным. Это скорее оружие устрашения, пригодное лишь для стрельбы по крупным целям, таким как города.

Если с точки зрения простого сравнения численности войск Север не имеет решающего превосходства, то по качеству вооружения, соотношение сил выглядит явно не в его пользу.

Разберем ситуацию по видам вооруженных сил, начав с авиации. Единственными относительно современными боевыми самолетами в ВВС КНДР являются постав-

ленные в 1988–1992 г. самолеты МиГ-29Б/УБ. Известно, что всего было поставлено 45 таких истребителей, из них 30 были собраны из поставленных СССР комплектов на корейском авиационном предприятии в Пакчхоне. Исходя из этого, можно предположить, что КНДР способна производить некоторые типы запчастей и осуществлять ремонт этих самолетов. Однако сколько из этих самолетов остаются в строю после десятилетий отсутствия регулярных поставок запчастей от российского производителя, является загадкой. Справочник *Military Balance* оценивает действующий северокорейский парк МиГ-29 всего в 18 машин.

Исходя из регулярного участия этих самолетов в парадах и парадных репортажах корейского телевидения, можно сделать вывод, что КНДР имеет некоторое количество боеготовых МиГ-29, но число их незначительно. Однако даже эти самолеты по состоянию на сегодняшний момент не являются суперсовременными. Количество относительно эффективных ракет «воздух-воздух», которые успела закупить КНДР до введения против нее санкций также невелико. В 1991 г. было закуплено всего 50 ракет средней дальности Р-27, которые могут применять МиГ-29. Кроме того, в 1980-е гг. было закуплено 450 более старых ракет Р-23 и такое же количество ракет Р-60. КНДР имеет около 56 истребителей МиГ-23 разных модификаций, поставленных из СССР в 1980-е гг., а также 25 истребителей МиГ-21-бис, нелегально полученных из Казахстана в 1999 г. Относительную ценность могут иметь 34 штурмовика Су-25. Все эти самолеты, исходя из опыта локальных конфликтов 1990-х — 2000-х гг. оказываются малоэффективными в условиях крупномасштабного конфликта с современными западными вооруженными силами, хотя при удачном стечении обстоятельств могут нанести противнику определенные потери, или отвлечь на себя часть сил ВВС противника.

Весь остальной авиапарк северокорейских ВВС представлен образцами архаичной авиатехники, не имеющей никакого военного значения. Тем не менее, по имеющимся данным, ВВС продолжают тратить ресурсы на поддержание этих морально и физически устаревших самолетов в относительно боеготовом состоянии. Это относится по крайней мере к части 80 китайских фронтовых бомбардировщиков Н-5 (китайская копия советского Ил-28), которые, по доступным на настоящее время данным, периодически совершают тренировочные полеты и получают техническое обслуживание¹. В советских ВВС 1950–1960-х гг. фронтовой бомбардировщик Ил-28 был носителем тактического ядерного оружия; однако способность этого самолета к преодолению современной ПВО является весьма слабой и оснащение их немногочисленными северокорейскими ядерными зарядами выглядело бы неоправданно с военной точки зрения.

Продолжают, очевидно, поддерживаться в относительной боеготовности самолеты МиГ-17, Су-7, Цзянь и МиГ-19, которые вообще не способны применять управляемое ракетное оружие.

Известные данные о характере боевой подготовки летчиков КНДР позволяют сделать вывод об их неспособности эффективно применять даже ту технику, которая поддерживается в исправном состоянии. Обучение в Военно-воздушной академии им. Ким Чхэка в Чхонджине продолжается четыре года, но включает в себя лишь курс полетов на поршневых тренировочных самолетах СЖ-6 китайского производства длительностью до 70 часов. В дальнейшем обучение закрепляется в ходе полетов на устаревших учебно-тренировочных самолетах МиГ-15УТИ и МиГ-17². Годовой налет летчиков северокорейских ВВС является крайне низким и, возможно, составляет лишь 15–25 часов в год, при этом всякая активизация боевой подготовки приводит к росту числа авиакатастроф³. Для сравнения, в ВВС стран НАТО налет пилота истребителя составляет от 180 часов в год; в российских ВВС в 2012 г. налет пилота истребителя составлял 125–175 часов в год в зависимости от типа самолета (данные по Западному военному округу).

Для сравнения: меньшие по составу ВВС Южной Кореи располагают на данный момент более 220 современными американскими истребителями четвертого поколения

F-15K (60), F-16C (118), F-16D (48) и современным вооружением для воздушного боя, включая ракеты AIM-120B/CS AMRAAM.⁴ ВВС РК могут опираться на современные системы управления, в частности на четыре самолета дальнего радиолокационного обнаружения и управления Boeing 737 AEW. Возможно, единственной целью северокорейских ВВС является отвлечь на себя некоторое количество самолетовылетов американско-южнокорейских ВВС и ослабить удар по сухопутным силам.

В ходе продолжительного конфликта, как показывает опыт войны в Югославии в 1999 г., в условиях превосходства американцев и южнокорейцев в воздухе возможно ограниченное применение северокорейских вертолетов; КНДР поддерживает значительный парк вертолетов Ми-2 (139 машин), а также располагает небольшим количеством вертолетов Ми-24, Ми-8/17. Однако их роль будет сводиться к ограниченным транспортным перевозкам в собственном тылу, учитывая наличие у Южной Кореи достаточно мощной системы войсковой ПВО и ПВО страны.

Наземные средства ПВО, в отличие от боевой авиации, способны, как показывает опыт конфликтов в Ираке и бывшей Югославии оказать значимое влияние на ход боевых действий. До прекращения советской помощи КНДР успела создать автоматизированную систему управления ПВО и приобрести значительное количество зенитных ракетных комплексов. Плотность ПВО Северной Кореи ранее оценивалась американской военной разведкой как одна из самых высоких в мире⁵, существующие на сегодня данные свидетельствуют о том, что большинство ранее поставленных систем поддерживаются в рабочем состоянии; значительное внимание уделяется инженерному оборудованию позиций, созданию подземных укрытий для систем вооружения и военной техники, а также радиотехнических средств.

В то же время, основу северокорейской системы ПВО составляют ЗРК С-75, С-125, С-200, продемонстрировавшие на примере конфликтов в Югославии, Ираке, Ливии довольно низкую эффективность противостоять западным боевым самолетам четвертого поколения и другим средствам воздушного нападения. Из этих систем комплексы С-200 являются стационарными и обречены на быстрое подавление, а комплексы С-75 и С-125 хотя и могут некоторое время выводиться из под удара, не в состоянии нанести противнику существенных потерь из-за низкой помехозащищенности. После подавления этих комплексов в распоряжении КНДР останутся многочисленные орудия зенитной артиллерии и переносные зенитные ракетные комплексы. Их использование может затруднить действия авиации противника на малых высотах и позволит в отдельных случаях нанести противнику потери; однако, весь опыт последних локальных конфликтов говорит о том, что ВВС США и их союзников в целом смогут реализовать свое превосходство в воздухе, применяя высокоточное оружие с безопасных высот более 6000 м.

Важнейшим фактором неопределенности относительно северокорейской системы ПВО остаются новые зенитные ракетные комплексы KN-06, продемонстрированные впервые на параде в Пхеньяне в 2010 г. Комплекс располагает относительно современной полуактивной радиолокационной системой наведения и радиолокационной станцией с фазированной антенной решеткой. Южнокорейскими властями опубликованы данные о зафиксированных ими успешных испытаниях комплекса, как предполагается, имеющего дальность до 150 км⁶. Комплекс может быть конструктивно близок к ранним вариантам советского ЗРК С-300П и, возможно, разработан в сотрудничестве с Ираном, примерно в то же время заявившим о создании и продемонстрировавшим на параде собственную систему, названную «иранским С-300».

Следует, однако, учитывать, что даже если данная система находится уже в стадии серийного производства, она может быть далека от реальной боеготовности. Подобные системы крайне сложны и в освоении производством, и в эксплуатации. Известно, что ранние версии С-300 советского производства отличались крайне низкой технической надежностью и даже в условиях СССР потребовались годы на устранение недостат-

ков. Требуется также прояснения вопроса об источниках поступления электронной элементной базы для данной системы, стабильности этих источников и качестве электронных компонентов. Вероятнее всего, даже при благоприятном для КНДР стечении обстоятельств, количество боеготовых систем КН-06 в обозримом будущем будет невелико.

Танковые войска. Испытывая постоянный дефицит топлива для боевой подготовки, и не имея возможности прикрыть свои танковые соединения от ударов с воздуха, КНДР продолжает содержать значительный танковый парк, а также инвестирует средства в дальнейшее серийное производство бронетанковой техники. От эпохи сотрудничества с СССР северокорейцам осталось налаженное и локализованное серийное лицензионное производство танков Т-62, модифицированный вариант их выпускался под обозначением Чхонма-хо.

Создаются и новые образцы. В частности, в 2010 г. южнокорейскими спецслужбами было зафиксировано появление у КНДР танков нового типа Покпхун-хо, обладающих комбинированным бронированием, новым вооружением и усовершенствованной системой управления огнем. Для выпуска танка сформирована производственная кооперация в составе танкового завода, а также заводов 18 и 38 и других предприятий⁷.

Отметим, что уход от советского наследия и самостоятельное освоение выпуска основных боевых танков нового поколения в 1980-е — 1990-е гг. оказалось сложной и затратной задачей даже для огромного Китая. Эта задача решалась КНР с широким привлечением иностранных технологий, и, тем не менее, признавалась весьма затратной КНДР, помимо танков, также освоила выпуск как минимум двух новых типов колесных и гусеничных бронетранспортеров, демонстрировавшихся на парадах 2010 и 2011 гг.

Развертывание производства нового типа основного танка в 2000-е гг. свидетельствует о сохраняющейся дееспособности предприятий, входящих в производственную кооперацию для выпуска этих относительно высокотехнологичных машин и включающую в себя сборочные, металлургические, двигателестроительные заводы, а также производителей электроники, вооружения и т. п. Это может служить поводом задуматься об истинном состоянии экономики КНДР.

Пехота. Численность спецназа, как считается, является беспрецедентно большой и составляет, по западным оценкам, около 88 000 человек⁸. В то же время, по оценкам южнокорейской Белой книги по вопросам национальной обороны, в последние годы численность северокорейских сил спецопераций росла на 20 тыс. человек в год и приближается к 200 тыс. человек⁹. Разумеется, никому не под силу создать полноценный спецназ численностью 200 тыс. человек. Речь, вероятно, идет об относительно качественно подготовленной легкой пехоте, которая составляет теперь основную боевую силу северокорейских сухопутных войск.

Артиллерия. Такие орудия, как специально-разработанные 170-мм самоходные пушки «Коксан» с дальностью стрельбы свыше 60 км, а также тяжелые 240-мм реактивные системы залпового огня гарантированно способны к нанесению мощного артиллерийского удара по району Сеула с позиций к северу от ДМЗ. КНДР имеет 8500 орудий ствольной артиллерии калибром от 122 мм, а также 5100 реактивных систем залпового огня. Самоходные шасси и большое количество запасных позиций и подземных укрытий могут затруднить быстрое уничтожение этих систем с воздуха, а также американскими и южнокорейскими артиллерийскими системами, действующими в сочетании с современными РЛС засечки артиллерийских позиций. Артиллерийская дуэль в 2010 г. с участием северокорейской береговой артиллерии и южнокорейских гаубиц К-9 на острове Йонпхендо продемонстрировала определенную боеспособность северокорейской артиллерии и проблемы с боевой подготовкой на юге. Со стороны РК огонь смогли открыть лишь 3 гаубицы К-9 из шестирудийной батареи; остальные были выведены из строя из-за использования в двигателях охлаждающей жидкости неправильной марки.

Из северокорейского арсенала баллистических ракет уверенно можно говорить лишь о боеготовности таких систем, как KN-02 (северокорейский клон советской баллистической ракеты «Точка» дальностью 120 км, успешные испытания подтверждены в 2005 г., в производстве с 2006 г.¹⁰), Хвасон-5 и 6 (на базе советской Р-17 «Эльбрус», дальностью 360 и 700 км соответственно), а также Нодон (дальностью до 1500 км). Успешные испытания боевых баллистических ракет других типов не зафиксированы до настоящего времени. Несмотря на то, что ракета-носитель Ынха-3, при помощи которой выведен на орбиту в декабре 2012 г. первый корейский спутник, при пуске по наземным целям теоретически могла бы иметь межконтинентальную дальность¹¹, до сих пор нет доказательств наличия у Севера разработанной головной части такой ракеты, способной войти в плотные слои атмосферы на конечном участке траектории и не разрушиться. Демонстрировавшиеся в последние годы на парадах северокорейские ракеты ранее неизвестных типов, такие как «Мусудан» и KN-08 никогда ранее не испытывались и, следовательно, едва ли могут иметь реальное военное значение. Вполне возможно, что речь идет о муляжах.

Средства ПРО, предоставляемые США РК и Японии, едва ли способны прикрыть территории этих стран от ударов баллистических ракет. Дальность комплекса ПВО Patriot PAC 3 при стрельбе по баллистическим целям составляет лишь 20 км, стоимость одной ракеты (по состоянию на 2012 г.) составляла \$3,14 млн долл., для стрельбы по баллистической цели обычно используются не менее 2 ЗУР. Противоракеты морского базирования Standard SM-3 Block 1A стоят \$12,3 млн за единицу, в год американский флот закупает считанные десятки таких ракет. Концентрация в районе конфликта сил ПРО, способных отразить удар сотен северокорейских баллистических ракет выглядит маловероятной. ПРО неспособна предотвратить массовые потери гражданского населения Южной Кореи (количество ракет, достигающих Японии, меньше и нельзя исключать относительно успешного перехвата значительной их части) и может лишь прикрыть отдельные особо важные объекты.

ВМС. Северокорейские малые подводные лодки водоизмещением 130 тонн теоретически могут представлять угрозу для боевых кораблей противника в прибрежной зоне. Желтое море считается благоприятным районом для действий подводных лодок, поскольку местная гидрография затрудняет их обнаружение. Высказывались даже опасения, что корейские малые ПЛ могут быть использованы для доставки ядерных зарядов к прибрежным целям на побережье Южной Кореи. Подводные лодки являются предметом обеспокоенности для флотов РК и США, проводящих регулярные учения по отработке вопросов борьбы с ними¹². В то же время, эти северокорейские лодки имеют, судя по всему, незначительную дальность и автономность, как следует из результатов обследования захваченной южнокорейцами в 1998 г. малой ПЛ типа Yugo.

Стратегический и политический аспект проблемы

Исходя из вышеуказанного соотношения сил, понятно, что оно отнюдь не в пользу Пхеньяна, при том, что воевать Северу не только с Югом, но и с Америкой, которая в случае начала конфликта обязана вмешаться согласно Договору о Совместной обороне 1953 г. У КНДР при этом союзников нет. Хотя договор с Китаем может быть основанием для обращения за помощью, часть китайского общественного мнения воспринимает его утратившим силу в новых условиях, а часть обставляет дополнительными поправками наподобие тех, которые были представлены Пхеньяну Советским Союзом во время кризиса 1968–69 гг.

Отсутствие союзников заставляет Пхеньян активно развивать свою ракетно-ядерную программу, несмотря на то, что в долгосрочной перспективе этот курс не сулит ему ничего хорошего. Вряд ли ему удастся подобным способом убедить Соединенные

Штаты вывести КНДР из списка стран-изгоев и запустить процесс признания ядерного статуса КНДР или хотя бы его дипломатического признания. Более того, рост ракетно-ядерного потенциала будет повышать гипотетическую возможность КНДР нанести США серьезный ущерб, после чего Вашингтон может принять решение заняться корейским вопросом из соображений национальной безопасности, поскольку хотя бы одна успешная атака собственно по территории США неприемлема. Затем этот курс потенциально будет осложнять отношения Пхеньяна с Пекином и Москвой; раздражение Северной Кореей, которая игнорирует интересы соседей, будет накапливаться, а поддержка снижаться.

Какова в такой ситуации может быть северокорейская стратегия? Понятно, что при ее планировании необходимо учитывать и собственные возможности, и способности противника. В этом контексте важно, насколько северокорейский генералитет имеет возможность изучить стратегию противника и подготовиться к новым приемам, отличающимся от тех, что были использованы во время Корейской войны. Какая-то работа в этом направлении ведется: КНА пытается анализировать американский опыт и любые боевые действия с участием армии США приводят к реорганизациям в армии.

Однако главной задачей стратегов КНА является преодоление ряда серьезных проблем. В первую очередь, это технологическое отставание, на который накладывается кризис, связанный с нехваткой топлива и запчастей. Горючего у КНДР на 30 суток, продуктов питания на 60 суток войны¹³.

Если использовать американскую методологию подсчета TASCFORM, то все северокорейские ВВС будут равны двум эскадрильям F-16, а совокупная огневая мощь сухопутных войск приравнена к пяти современным «heavy divisions»¹⁴. Это означает, что в случае войны авиация ВВС КНДР обречена на быстрое уничтожение. причем покончить с ней можно в короткие сроки даже силами южнокорейских ВВС. Более того, гарантированное превосходство ВВС противника в воздухе делает нереальными успешные наступательные операции механизированных соединений КНА, а активными успешными подводных лодок сойдет на нет после уничтожения баз ударами с воздуха.

В этих условиях имеется масса свидетельств того, что северокорейское руководство прекрасно осознает свое безнадежное техническое отставание и делает ставку на асимметричные контрмеры. Речь идет как о развитии обширной сети подземных сооружений, так и об особом внимании к подготовке легких пехотных бригад и бригад спецназа. Другими асимметричными средствами противодействия противнику являются: дальнобойные орудия ствольной артиллерии, сконцентрированные на позициях к северу от демилитаризованной зоны; баллистические ракеты; массовое оснащение войск зенитно-ракетными комплексами.

Однако возникает важный вопрос — не переоцениваются ли эти асимметричные действия. Так, последние переоснащения ПВО КНДР разумны, но старая техника может оказаться неспособной сбить современные средства воздушного нападения без модернизации РЛС, новых компьютерных средств обработки сигнала и электронной начинки. А массовое оснащение подручными ПЗРК работает против штурмовой авиации, а не бомбардировок или ракет.

Большое количество артиллерийских стволов, нацеленных на Сеул и северные районы РК, упоминается часто, однако непонятно, насколько эти стволы исправны и обеспечены снарядами и насколько северокорейские артиллеристы готовы к современной контр-батареиной борьбе: немобильные огневые точки легко засечь и уничтожить с воздуха. На Севере могут делать ставку на количество, а не на качество — даже если половина будет уничтожена, второй половины хватит, чтобы нанести неприемлемый урон; но стрельба на пределе дальности, по квадратам, без корректировки, с засветкой своей позиции контрбатареиным радаром будет куда менее эффективной, не говоря о том, что значительная часть этих артиллерийских орудий накрывает не весь Сеул, а только его северные пригороды. Затем, удары по населению противника или/и намеренный обстрел

гражданских целей могут быть активно использованы в информационной войне, отчего никто не будет выгораживать сторону, нарушающую правила.

Не следует придавать слишком большое значение и «спецназу». В условиях господства противника в воздухе и неизбежного разгрома с воздуха северокорейских механизированных частей, легкая пехота, опираясь на горный рельеф, а также развитую систему подземных укрытий и складов, может существенно затруднить противнику продвижение вглубь территории КНДР. Она также сможет предпринимать рейды на территорию противника, нанося ему значительные потери. Речь, однако, едва ли может идти о проведении крупных наступательных операций ее силами: в ситуации, с которой обычная пехота справилась бы легко (например — удержание оборонительного рубежа под атаками противника, поддержанного танками и авиацией), "спецназ" зачастую пасует или несет неоправданно высокие потери.

Не вызывает вопросов только большое внимание к подземным коммуникациям. Уничтожать массовое количество укрытий, убежищ и прочих скрытых и защищенных объектов инфраструктуры как для армии, так и для ключевой части населения высокоточным оружием чрезвычайно сложно. Однако об опасности выстраивания стратегии с упором на «войну в лабиринтах» мы поговорим ниже.

К тому же вопрос о мере косности руководства КНА остается дискуссионным. Некоторые особенности северокорейского военного строительства, например инвестиции в танковое производство в условиях тотального дефицита ресурсов и поддержание парка заведомо устаревших, бесполезных самолетов, указывают на наличие по крайней мере у части руководства иллюзий о возможности прямого военного противостояния с Западом.

Еще одна проблема касается боевой подготовки и боевого духа. КНА — не столько армия в привычном нам смысле слова, сколько вооруженный кадровый резерв, и значительная часть северокорейских военных по прошествии базового курса военной подготовки работает на полях, строительстве или на производстве.

Это означает, что общий уровень боеготовности и боевого духа может отличаться от того, каким его видит начальство. Конечно, процент готовых погибнуть за идею чучхэ в армии Севера существенно выше, чем на Юге, но если северокорейцы начнут без видимых успехов массово гибнуть под ударами напалмом и кассетными боеприпасами, высокий в начале конфликта боевой дух может начать быстро падать.

Представляется, однако, что северокорейское офицерство более устойчиво к подкупу и иным методам, которыми была нейтрализована часть армии в Ливии и Ираке. Это связано с тем, что если иракские и ливийские офицеры и генералы вполне могли строить радужные планы своей жизни после предательства, в Южной Корее продолжает действовать Закон о национальной безопасности¹⁵, согласно которому они будут нести ответственность как члены незаконных формирований, на которые не распространяются правила войны. А значит — у тех потенциальных предателей в северокорейском руководстве, которые готовы его совершить в надежде на лучшую участь, на самом деле такой перспективы нет.

Разобрав потенциальные слабости КНА, скажем несколько слов и о проблемах армии РК. Южнокорейские военные уверены в том, что технологический перевес даст им абсолютное превосходство и позволит нанести превентивный удар, уничтожив северокорейские военные объекты так, что то, что переживет превентивную атаку и будет способно провести контрудар, будет без труда остановлено и перехвачено.

Однако эта армия в течение долгого времени не воевала и «болыпа» целым комплексом проблем не воевавшей армии, которые, кстати, изрядно присуществуют и в армии российской. Кое-что из этого было показано даже во время инцидента на острове Ёнпхёндо, когда только половина орудий оказалась готовой к бою, или в процессе расследования потопления корвета «Чхонан». Серию иных скандалов, хорошо иллюстрирующих беспорядок и реальную неготовность, лишний раз повторять не стоит¹⁶.

На это накладывается отсутствие реального боевого опыта. Южнокорейский контингент в Ираке не ведет боевые действия и занимается охраной своих специалистов. Столкновения с Севером происходят, в основном, спорадически на море в районе спорной границы. Большинство командиров, которые помнят Корейскую даже Вьетнамскую войну, ушли со службы. Более того, в армии РК нет своих серьезных стратегов и планировщиков, поскольку в случае войны стратегическое командование принимают на себя США.

Вообще, это означает, что наверх продвигаются не столько стратеги, сколько бюрократы, умеющие имитировать бурную подготовку к войне. Что, в частности, говорит о неспособности отследить действия противника и учесть проведенные им контрмеры.

Теперь о моральном духе на Юге. Значительная часть военнослужащих РК воспринимает войну как событие, разворачивающееся в некоем виртуальном пространстве, когда ты нажимаешь на гашетку здесь, а кровь льется где-то там. На это накладывается представление о том, что одного только технологического перевеса будет достаточно, чтобы одержать победу в короткие сроки. Это означает два следствия — меньшую готовность нести лишения и большую чувствительность к человеческим потерям (особенно в условиях высокой информационной прозрачности) и существенную неготовность «воевать с отключенной электроникой», без кондиционера и крема для рук.

Всё это может сыграть свою роль, если количество потерь южнокорейской армии превысит некую планку. Как и в случае с северянами, моральный дух при отсутствии успехов и высоких потерях будет падать, а число сторонников решения конфликта дипломатическими методами — расти.

Таким образом, обе армии имеют достаточно слабых сторон, что может сделать военный конфликт между ними более долгим и менее предсказуемым, чем кажется той или иной стороне. Однако сил и возможностей для успешной наступательной войны у КНДР нет.

В потенциальной войне против Южной Кореи, США и их союзников КНА не имеет шансов избежать судьбы вооруженных сил саддамовского Ирака в 1991 году. Быстрое, без потерь истребление северокорейских ВВС и подавление на протяжении первых дней войны основных объектов северокорейской системы ПВО (пусть и возможно с небольшими потерями авиации США и РК) выглядят предопределенными. Далее последуют воздушная кампания, направленная на дезорганизацию, деморализацию северокорейских сухопутных войск, и разрушение системы управления страной и войсками.

Стремясь минимизировать потери, противники КНДР будут делать ставку не столько на продвижение по вражеской территории, сколько на продолжение ударов высокоточным оружием и истощение сил и ресурсов врага. Время будет работать на них, а северокорейская легкая пехота после неизбежного разгрома «тяжелых» соединений КНА сможет лишь замедлить продвижение противника и нанести ему дополнительные потери.

Даже применение северокорейцами ядерного оружия не сможет изменить исхода этой наступательной операции, которая завершится оккупацией КНДР. Использование ЯО не позволяет решить ни одной стратегической задачи. Зато, если Пхеньян схватится за ядерную дубинку, международное сообщество оправдает любые ответные меры за нарушение табу. В том числе и ядерный ответ¹⁷.

Конечно, КНДР может рассчитывать или на активную и длительную оборону с упором на партизанскую войну и подземные коммуникации, но это означает отдать в руки врага стратегическую инициативу. Учитывая инфраструктурные вложения в «малую войну», северяне могут сопротивляться долго, но у них не будет шанса перейти от партизанской войны к войне открытой, особенно — с учетом того, что их противники тоже будут пытаться склонять лояльность населения в свою сторону или, как минимум, пытаться лишить партизан «кормовой базы».

Единственным козырем Севера являются непримлемые гуманитарные и экономические издержки подобной наступательной операции. Не имея возможностей защ-

итить себя и понимая слабости западного общества, КНДР делает ставку на потенциал нанесения асимметричного ответного удара. Цель — попытаться нанести противнику такой вред, чтобы сумма издержек, в том числе — социально-психологических, оказалась настолько неприемлемой, чтобы противник «передумал» воевать дальше.

Логично, что вся корейская дипломатия и пропаганда направлены именно на подчеркивание готовности руководства страны нанести соответствующий удар — отсюда заявления о возможности ядерного удара по территории США, демонстративное посещение Ким Чен Ыном полка САУ «Коксан» в районе ДМЗ в период обострения вокруг КНДР в марте 2013 г. и другие шаги.

Такой вариант, безусловно, хорош, пока большая война не началась, но затем он становится более опасным. Высокая реакция на человеческие потери не всегда означает боязнь этих потерь и неспособность их нести: в ответ на слишком жесткий удар общество противника может сплотиться, ожесточиться и, наоборот, утратить волю к компромиссу, как это было с США после атаки на Перл-Харбор.

Более того, приказ о применении оружия против южнокорейского и, вероятно, японского гражданского населения в условиях уже начавшейся войны, будет означать для руководства КНДР сожжение последних мостов и ликвидацию всяких шансов на сохранение личного комфорта, свободы и безопасности в рамках политического разрешения конфликта.

Наконец, в условиях технического преимущества противника боязнь человеческих потерь может наоборот симулировать стратегию превентивного удара, в рамках которого проще уничтожить всех врагов, чтобы никто из наших точно не погиб.

В общем, если «цель руководства КНДР — обеспечение безопасности режима», то инициирование войны для нее просто самоубийственно, а единственная работающая стратегия ее предотвращения — самоубийственна потенциально: стремясь снизить военную угрозу для КНДР со стороны США, элита КНДР снижает шансы на собственное физическое выживание в условиях войны.

Психологический аспект проблемы

Поэтому следующей ступенью нашего анализа будет то, кто и в каких условиях (как на Севере, так и на Юге) может отдать приказ о начале военных действий.

Как поколение младших соратников Ким Ир Сена, так и поколение соратников Ким Чен Ира хорошо помнят время Корейской войны. Это часть их личной истории, которую никак не вытравить, и у них достаточно личного опыта, чтобы воспринимать США как абсолютное зло, компромисс с которым невозможен.

Кроме того, для северокорейской элиты характерно ощущение «огненного кольца». Многие ее члены уверены в том, что американские империалисты и их южнокорейские марионетки готовят вторжение в КНДР и осуществят его при первой возможности. Целый ряд действий южнокорейской администрации, особенно — в правление Ли Мён Бака, укрепляет их в этой уверенности. На все это накладывается собственно пожилой возраст и связанные с ним особенности мышления и поведения.

Может возникнуть вопрос: «А как же Ким Чен Ын»? Ведь он молод, учился в Европе и должен быть более здравомыслящим человеком, не имея такого количества шор. Увы, фактор молодого руководителя не стоит преувеличивать. Во-первых, вопрос о том, насколько он контролирует подчиненную ему административно-бюрократическую систему и как складываются отношения между молодым руководителем и старым генералитетом, находится в стадии изучения. Во-вторых, неясно, насколько у Ким Чен Ына хватит административного опыта и политического чутья.

Рассмотрим теперь ситуацию в Южной Корее. Экс-президент Ли Мен Бак придерживался концепции жёсткого давления на Север, но за пять лет эта концепция показ-

ала свою непродуктивность. Сейчас президент сменился, но большое число сторонников прежнего курса все еще находится на своих постах и они представляют собой весьма влиятельное лобби, направленное как на обеспечение своей личной безопасности, так и на то, чтобы курс РК оставался жестким и конфронтационным. Хуже того, они так активно убеждали окружающих в том, что режим Кима на грани коллапса, и «достаточно лишь подтолкнуть», что сами уверовали в это.

Также стоит яснее представлять себе, что такое — современные южнокорейские «молодые офицеры». Во-первых, их военное образование прошло в условиях подавляющего преимущества Юга над Севером. Со времени первого ядерного кризиса вооруженные силы РК существенно модернизировались, и качественный разрыв между технической оснащенностью Севера и Юга вырос. И по мере того, как Северная Корея все более кажется «бумажным тигром», ощущение опасности военной угрозы размывается.

Во-вторых, у них нет реального военного опыта, и крупномасштабные боевые действия могут восприниматься ими через призму компьютерных игр, где человек, нажимающий на кнопку, находится далеко от поля боя. В-третьих, они несут на себе общепоклоленческий отпечаток, не являясь автоматическими исполнителями воли начальства, действующими только в рамках инструкции: им хочется показать свою значимость, а будучи патриотами своей страны, они не желают сидеть сложа руки.

Понятно, что такая политическая ситуация вынуждает задать вопрос о том, существуют ли на Юге политики, способные отдать приказ о «походе на Север». Если исходить из модели рационального действия, то, несмотря на наличие в определенных кругах реваншистских настроений, вероятность этого так же мала, как нападение Севера на Юг, но скорее — по стратегическим/политическим причинам.

Во-первых, столица страны, в которой проживает минимум четверть населения РК, находится в пределах досягаемости северокорейской артиллерии. Жертвовать столицей или допустить ее хотя бы частичное разрушение — недопустимый риск. Во-вторых, южнокорейское общество (особенно молодежь) довольно сильно расколото, и значительная часть общества не поддержит войну и выкажет военным планам активное противодействие. В-третьих, дивергенция Севера и Юга привела к тому, что для молодого поколения объединение уже не является великой национальной мечтой, а северные корейцы не воспринимаются как соотечественники. В-четвертых, курс нынешнего президента Пак Кын Хе направлен на изменения во внутренней политике и строительство социального государства, а такой проект дорогой, и стране будет не до войны. В-пятых, хотя США оказывают консерваторам поддержку, она имеет определенный предел. Так, после апрельского кризиса 2013 г. было существенно снижено госфинансирование антисеверо-корейских общественных организаций.

Однако вероятность того, что какие-то представители молодых военных или «палеоконсерваторов» могут самостоятельно организовать провокацию в надежде на то, что под влиянием политической конъюнктуры власти будут вынуждены дать на нее адекватный ответ, по мнению авторов, не нулевая¹⁸.

Влияние «иррациональных факторов»

Завершая анализ, хочется обратить внимание на ряд факторов, которые играют довольно важную роль во влиянии на ситуацию, но при этом кажутся неочевидными. Традиционно мы анализируем угрозы международной безопасности, исходя из т. н. «модели рационального действия», согласно которой те или иные действия планируются на самом верху и базируются на понимании мотивов оппонента. Однако применительно к современному положению на Корейском полуострове эта модель представляется неполной, и в дополнение к рациональному фактору следует учитывать и иррациональный. Таковой включает в себя как проблемы, связанные с взаимным недопониманием, так и си-

туации, в которых решения принимаются под влиянием стресса, недостаточной информированности, неспособности просчитывать последствия ввиду отсутствия школы стратегического планирования и т. п.

Данная угроза представляется авторам, возможно, наиболее серьезной, но наименее ощутимой. Так как конфликт в этом случае есть не следствие чьей-то злой воли, а разгорается вследствие случайности.

Начнем с проблемы взаимной информированности. Железный занавес» работает в обе стороны, порождая искаженное представление о том, что находится по противоположную его сторону. На примере КНДР это кажется виднее, но похожая проблема существует и для представителей Запада. — информация, которая в обычной стране добывается легко, применительно к КНДР связана с большими трудностями. Вследствие этого можно выделить три канала поступления данных, исключая северокорейский официоз, которому по определению традиционно не верят.

Первый канал — это мнение экспертного сообщества, хотя качество экспертов бывает различным. Достаточная часть их — бывшие советологи, переброшенные на новый участок, и с учетом недостатка данных многое зависит от того, какой образ Северной Кореи видит данный эксперт.

Второй — результаты опроса перебежчиков, но опрос большого числа респондентов — сложное и мутное дело. Поэтому чаще известны обработанные мемуары отдельных лиц, из которых непонятно, насколько их истории типичны и не «изукрашены» в угоду конъюнктуре

Третий — данные спутниковой разведки. Но «сверху видно» далеко не всё. А это значит, что информационные лакуны между фактами по-прежнему заполняются умолчаниями, а умолчания эти во многом строятся на образе страны в интерпретации СМИ. Так формируется порочный круг.

В итоге каждая из сторон видит весьма искаженный образ партнера и не пытается улучшить ситуацию. Это означает, что в случае возникновения конфликтной ситуации стороны могут не быть осведомлены должным образом о проблемах друг друга или неверно интерпретировать то или иное явление.

При этом пестование «образа врага» хорошо накладывается на определенные идеологические конструкты, из-за чего стороны не только не могут, но и не хотят увидеть реальность: «Я знаю правду, не приставайте ко мне с фактами».

Так к недопониманию добавляется еще одна преграда, когда партнер на переговорах воспринимается, в первую очередь, как противник, а весь процесс рассматривается как силовое противостояние и игра с нулевой суммой, а не стремление к достижению консенсуса. Это означает, что в случае возникновения конфликтной ситуации тренд на ее раздувание будет преобладать над трендом на ее смягчение.

Понимание ситуации будет неполным без осознания того, что даже в самой отлаженной бюрократической системе левая рука может не знать, что делает правая, а это означает, что мы должны учитывать целый набор определенных пороков, присущих бюрократии.

В данном контексте надо выделить не столько стремление замазывать свои недостатки и выносить сор из избы только в крайнем случае, сколько варианты «дуррацкой инициативы (англ. *goose operation*)», с которой выступает низшее или среднее звено, не ставя в известность об этом начальство. Как правило, именно они порождают большинство провокационных инцидентов.

Однако любая «дуррацкая инициатива», которая завершается неудачей, создает целый комплекс проблем. Во-первых, признать факт подобной самостоятельности для начальства значит расписаться в некомпетентности как неспособности контролировать подчиненных. Во-вторых, даже если самостоятельность признали, а «виновные понесли

заслуженное наказание», этому объяснению обычно не верят, полагая, что начальство просто нашло стрелочника.

Из-за этого руководство часто вынуждено проявлять корпоративную солидарность, замалчивая неприятную правду. Это означает, что в случае возникновения конфликтной ситуации вследствие ошибки или самодеятельности каждая сторона предпочтет переложить ответственность на другую сторону, вынужденно покрывая своих.

Затем, ситуация взаимной напряженности повышает общий уровень стресса и нервного напряжения, в результате чего опасные и важные решения могут быть приняты не на холодную голову, а под влиянием иррациональных факторов или эмоций. Возрастает вероятность «психологического» сбоя, когда из-за нервного напряжения и под гнетом ответственности у кого-то могут банально сдать нервы или дрогнет палец на спусковом крючке. При этом в условиях напряженности и взаимной демонизации попытки объяснить, что это была трагическая случайность, вряд ли будут приняты во внимание.

К этому добавляется обстановка общей нервозности, повышающая вероятность ситуации, при которой у одной из сторон сдадут нервы. Последний пример — инцидент утром 27 марта, когда южнокорейский пограничник, дежуривший на посту в уезде Хвачхон, увидел некий «неопознанный движущийся объект» и бросил в него гранату. После чего военное руководство страны заявило о возникновении угрозы вооруженного вторжения с Севера. Максимальный уровень боеготовности сняли после того, как была проведена разведка территорий, прилегающих к пограничному посту, и никаких следов вторжения обнаружено не было¹⁹.

Нервы могут сдать не только на местах. В экстраординарной психологической ситуации (а первые лица почти всегда испытывают определенный стресс), человек, обычно мыслящий рационально, может потерять адекватность. Так мы подходим к последнему фактору, когда решение о начале большого конфликта может быть принято не из рационально-стратегических, а из идеологических или внутриполитических соображений — политический лидер окажется заложником ситуации и будет вынужден принять решение, работающее на эскалацию конфликта.

Например, в случае, если произойдет еще один инцидент или серия инцидентов, которые будут выглядеть как плевок в лицо южнокорейскому самолюбию, Сеул может дать команду на ответный удар из страха потерять лицо и поддержку избирателей. Точно так же оцениваются как высокие шансы Севера ввязаться в самоубийственную войну, если в качестве возможной мести за подобный инцидент Юг решит расстрелять высокоточным оружием усыпальницу Ким Ир Сена и Ким Чен Ира.

В результате наиболее реалистичный сценарий конфликта являет собой «войну из-за кролика».

Поясним: северяне часто охотятся на территории ДМЗ, и солдаты увеличивают свой мясной рацион за счет подстреленной живности. И вот с учетом всего вышеперечисленного стрельба по обнаруженному на нейтральной полосе кролику принимается за стрельбу по Югу, либо, что не менее вероятно, часть пуль таки долетает и кого-то ранит. Южане, которым после обстрела острова Ёнпхёндо наконец дали ясный и недвусмысленный приказ сначала стрелять а потом докладывать навверх, стреляют точнее и ранят в ответ. Северяне воспринимают это как провокацию и повышают градус противодействия. Информация поднимается вверх по бюрократической лестнице и в обоих случаях подается как «Они внезапно открыли по нашим огонь», и дальнейшие решения принимаются уже из этого факта. Затем подключаются военное лобби («Ну дайте же нам наконец ответить»), и политическая конъюнктура («Этот плевок мы уже стерпеть не можем, чаша переполнена»). И вот по итогам простой перестрелки в районе ДМЗ южане наносят удар дальноточным высокоточным оружием, или применяют свои ВВС для уничтожения ряда приграничных военных объектов Севера, после чего у Пхеньяна точно не останется никакого выбора, кроме войны.

Возможный объем потерь

Разберем теперь объем возможного ущерба, который причинит потенциальный конфликт. Оценивать гипотетические масштабы ущерба достаточно сложно, однако, по мнению авторов, КНДР не сможет нанести своему противнику фатальный урон. Обстрел Сеула будет иметь скорее морально-психологическое значение, и даже маловероятное применение ЯО не нанесет Сеулу такого масштаба разрушений и жертв. Это связано с тем, что столица РК отличается не только плотностью и высотностью застройки, но и сложным рельефом, отчего основные поражающие факторы ядерного взрыва будут воздействовать совершенно иначе, и площадь поражения и степень разрушений при ядерном взрыве мощностью 20 кт в условиях Сеула будет значительно меньше, чем в Хиросиме.

Предварительно можно сказать, что численность пострадавших (учитывая смертельные случаи и все виды ранений, ожогов и травм) составит около 1,9% населения Сеула, пораженная площадь составит около 1,7% общей площади города. Разрушения будут значительными, но относительно легко восстанавливаемыми. Неприемлемый ущерб Сеулу (потеря 25% населения и 50% промышленной и инженерной инфраструктуры), может причинить только взрыв, по меньшей мере, 30 ядерных зарядов мощностью 20 кт²⁰.

Северокорейская легкая пехота теоретически в состоянии парализовать транспортную инфраструктуру РК за счет перерезания линий коммуникаций. Теоретически она способна осуществить диверсии на атомных электростанциях, вызвать экологическую катастрофу. Однако следует помнить, что обстрел жилых районов и диверсии на АЭС сожгут руководству КНДР все мосты к отступлению и могут стать поводом для массированного ответного удара, в том числе — ядерного.

Имеющийся у КНДР арсенал баллистических ракет позволяет гарантированно нанести значительный экономический ущерб и вызвать потери сотен, возможно тысяч жизней гражданского населения. Разумеется, при применении этих же ракет с ядерными или химическими боеголовками, придется иметь дело совсем с другим уровнем потерь.

Не нулевой является и вероятность того, что в случае эскалации конфликта целью КНДР могут стать отдельные объекты и на территории Японии: как принадлежащие американским войскам, так и собственно японские военные или гражданские объекты, в том числе — АЭС.

Экологическая катастрофа может распространиться за пределы Корейского полуострова. При неблагоприятной розе ветров радиоактивный шлейф с уничтоженных северокорейских ядерных объектов может через 2 часа достигнуть Владивостока или сравнимых по расстоянию точек на территории КНР. Нельзя не упомянуть поток беженцев, которые хлынут в РФ и КНР, что повлечет за собой целый комплекс проблем, связанных не только с их размещением и обустройством, но и с их дальнейшей судьбой, так как если в Китае существует корейский автономный район, который может абсорбировать некоторую часть беженцев, на Дальнем Востоке России это может вызвать всплеск социального напряжения.

Насколько же такая война поколеблет мировой финансовый рынок, неясно. Хотя апрельский кризис 2012 г. продемонстрировал некоторый интерес рядовых южнокорейцев к экономическим индексам, но ни в 2010, ни в 2013 гг. серьезных обвалов рынка, вызванных межкорейской напряженностью, не произошло.

Насколько возможная война заденет РФ? Риск того, что российский Дальний Восток может быть задет, достаточно велик. Нападение американской авиации на советский аэродром Сухая Речка в Приморье 8 октября 1950 г., произошедшее, по американской версии, вследствие навигационной ошибки и неправильной идентификации цели — ясный исторический пример, который указывает на потенциальные угрозы для российской территории в случае начала войны на Корейском полуострове.

Опыт локальных конфликтов последних лет показывает, что развитие систем связи и навигации не исключает повторения подобных инцидентов. Более того, современная воздушная война предполагает широкое применение управляемых боеприпасов со значительной дальностью стрельбы, использование ударных БПЛА и действия пилотируемой авиации на значительных (от 6000 м) высотах. В этих условиях ошибочные нападения на объекты на сопредельной территории выглядят практически неизбежными, даже если участники конфликта будут заинтересованы в том, чтобы таких инцидентов избежать. Наглядным примером того, как могут выглядеть подобные нападения, можно считать т. н. «Инцидент Салала» 26 ноября 2011 г., приведший к гибели 24 пакистанских военных²¹.

Таким образом, есть высокая вероятность того, что «высокоточное оружие» может залететь и в Россию, причем для того, чтобы избежать опасных инцидентов, сбивать эти летящие «не туда» ракеты придется не в российском, а в северокорейском воздушном пространстве, что само по себе создает довольно неприятный прецедент. Естественно также, что военный конфликт ставит крест на целом ряде российских экономических проектов в этом регионе, в том числе — на железнодорожном и газовом.

Война на Корейском полуострове с неизбежностью приведет к появлению многомиллионного потока беженцев с Севера. В случае, если Россия будет не готова быстро принять меры, бегущие от войны люди хлынут в Приморский край. Таким образом, уже в первые недели после начала конфликта на Корейском полуострове мы можем столкнуться с серьезными гуманитарными проблемами в Приморье — наплывом голодных, озлобленных, частично вооруженных беженцев с последующим ростом преступности.

Выводы

Несмотря на агрессивную риторику, реальные возможности КНДР существенно ограничены как на тактическом, так и на стратегическом/политическом уровне. По сути, Пхеньян пытается удержаться, создавая впечатление, что попытка ликвидировать КНДР военной силой будет чревата слишком большими издержками (экономическими и моральными) и потому банально не окупит себя, однако такая стратегия вынуждает Пхеньян постоянно «поддерживать градус», хотя его риторика на самом деле рассчитана не на запугивание, а на отпугивание.

Хотя обострения на Корейском полуострове носят волатильный характер, авторы видят тенденцию, при которой эти колебания, всплески и затухания могут перерасти в нечто большее. Несмотря на то, что вероятность возникновения на Корейском полуострове крупномасштабного военного конфликта (особенно — инициированного КНДР) невысока, благодаря текущему уровню напряженности и значению «иррациональных факторов» она остается в списке угроз, требующих неигнорирования, изучения и подготовки. Если тренд на межкорейское обострение и отказ от переговоров будет продолжаться, рано или поздно локальный вооруженный инцидент может выйти из-под контроля; нельзя также полностью исключать и вариант вооруженной провокации.

Россия должна как быть готова к вероятной гуманитарной и катастрофе на Корейском полуострове, так и принимать комплексные меры по минимализации вероятности войны по аналогии с политикой во время обострений 2010 и 2013 гг. На этот случай необходимо подготовить план действий с участием всех заинтересованных государственных ведомств, включая Минобороны, МЧС, МВД, специальные службы, органы здравоохранения и соцзащиты и т.п. В частности, в рамках плана должны быть отработаны вопросы:

- противовоздушного прикрытия Владивостока;
- развертывания в Приморском крае лагерей беженцев и снабжения их всем необходимым;
- усиления охраны границы с КНДР и прилегающего участка российско-китайской границы;

- переброски дополнительных сил полиции и внутренних войск в Приморье в первые сутки конфликта;
- контроля над санитарно-эпидемиологической обстановкой в Приморье в условиях наплыва беженцев.
- координации действий российской и китайской пограничной охраны в период конфликта;
- установления надежных линий связи с командованием всех вовлеченных в конфликт сторон для быстрого разрешения опасных инцидентов.

1. *Santana S. Mixed Signals.*// Air Forces Monthly. 2013. April.
2. Там же.
3. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/china/7951771/Intelligence-experts-analyse-North-Korean-fighter-jet-crash.html>.
4. The Military Balance 2013.
5. Рассекреченная справка DIA о ВС КНДР. 1991 г.
URL: http://www.fas.org/irp/dia/product/knfms/knfms_chp5a.html.
6. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2011/06/14/2011061400518.html.
7. *Bermudez J. Pokpoong: North Korea's new Main Battle tank.* URL: <http://www.nkeconwatch.com/nk-uploads/kpa-journal-vol-1-no-4.pdf>.
8. Military Balance 2013.
9. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2010/12/31/2010123100850.html.
10. URL: http://www.military-today.com/missiles/kn_02.htm.
11. До 6000 км. см.: URL: <http://www.ucsusa.org/assets/documents/nwgs/Wright-Analysis-of-NK-launcher-3-18-09.pdf>.
12. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2013/05/06/16/0301000000AEN#20130506003200315F.HTML>.
13. Подробнее см.: URL: <http://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/north-korean-dossier/north-koreas-weapons-programmes-a-net-asses/the-conventional-military-balance-on-the-kore/>
14. Подробнее см.: URL: <http://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/north-korean-dossier/north-koreas-weapons-programmes-a-net-asses/the-conventional-military-balance-on-the-kore/>
15. URL: http://antinsl.jinbo.net/nsl_full_text_en.html.
16. Отсылаю аудиторию к серии заметок О. Кирьянова в «Российской газете», посвященных армейским скандалам в РК. Их интенсивность — раз в 4–6 месяцев.
17. URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/03/28/possible-developments-on-the-korean-peninsula/>
18. «Не нулевая» означает, весьма малую вероятность, которая, однако, уже заслуживает учета и рассмотрения.
19. Подробнее: URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2155777>. Авторам же хочется верить, что это были именно нервы, а не осознанное желание спровоцировать КНДР на встречные действия в ответ на взрыв непонятно откуда.
20. URL: http://vestnik.kr/article/articles_expert/3697.html.
21. The Hindu, 26.11.2011 URL: <http://www.thehindu.com/news/international/article2662246.ece>.

Интересы Китая и стратегия внешней политики в отношениях с АСЕАН

© 2014

М. Петрасьяк

Статья посвящена действиям Китая, направленным на укрепление традиционно близких отношений и предупреждение деструктивных воздействий третьих государств в его взаимоотношениях с АСЕАН. Рассматриваются разнообразные формы межгосударственного и межведомственного сотрудничества, дипломатические и экономические связи между КНР и АСЕАН.

Ключевые слова: АСЕАН, Китай, международные отношения, экономическое сотрудничество, безопасность.

Регион Юго-Восточной Азии всегда был приоритетным в китайской стратегии, и в настоящее время несмотря на тяготение к глобализму, по соображениям военной безопасности и стабильного экономического роста, Китай традиционно включает его в свои планы возрождения былой мощи и возвращения независимой роли на международной арене.

В высказываниях экспертов и политиков региона появляются опасения, связанные с гегемонистскими настроениями «поднимающегося» за счет более слабых стран Китая. Тем не менее, государства АСЕАН готовы к тесному сотрудничеству. Такому направлению способствует экономический рост не только Китая, но и всего региона: во взаимных интересах обеспечить этот рост путем политической и экономической стабилизации. По инициативе обеих сторон появились проекты консолидации региона, такие как Восточноазиатский саммит, САФТА, Зона свободной торговли Китай — АСЕАН, Community 2015 или Устав АСЕАН, которые призваны служить укреплению и стабилизации ситуации в нем. Существует и ряд препятствий, мешающих взаимоотношениям: нерешенные военно-политические вопросы, территориальные споры, транснациональные угрозы, такие как терроризм, незаконный оборот наркотиков, оружия, торговля людьми, коррупция.

I. Направления и этапы сотрудничества Китай — АСЕАН

В отношениях Китай — АСЕАН с момента основания этой организации отчетливо прослеживаются четыре основных этапа¹:

- Конфронтация (от основания АСЕАН до середины 70-х гг. XX в.)
- Примирение (конец 1970-х гг.),
- Сотрудничество (с начала 80-х до середины 90-х гг. XX в.)
- Партнерство после «холодной войны».

В настоящей статье рассматривается этап после окончания «холодной войны», когда благодаря общим интересам АСЕАН и Китая на фоне китайской политики откры-

тости, обозначилось пространство их взаимного согласия. Кроме того, для данного периода были характерны интеграционные тенденции, благоприятствовавшие созданию общих институтов. В июле 1991 г. министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь был приглашен на церемонию открытия XXIV конференции глав иностранных ведомств АСЕАН, и с тех пор Китай принимает участие в каждой из них. В 1994 г. страна участвовала в конференции Регионального форума АСЕАН (АРФ) и в том же году стала консультативным партнером диалога АСЕАН². Поначалу скептически настроенный к деятельности АРФ, опасавшийся западного, в основном американского влияния на организацию Китая, к июлю 1996 г. в числе других государств (Индия, Австралия, Канада, Япония, Новая Зеландия, Южная Корея, США и ЕС) стал девятым полноправным партнером по диалогу как в АСЕАН, так и в АРФ. Цели АСЕАН и КНР совпали. Стремление АСЕАН было направлено на экономическое «связывание» Китая и его включение в диалог на тему безопасности в регионе.

На встрече в верхах, состоявшейся в Малайзии в июле 1997 г., министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь выступил с речью, в которой в общих чертах обозначил китайскую стратегию по отношению к АСЕАН. В целом следует отметить весьма дружественный и основанный на консенсусе характер этой стратегии.

На конец 1997 г., кроме созданного в феврале Комитета по совместному сотрудничеству Китай — АСЕАН (ASEAN China Joint Cooperation Committee — ACJCC), существовало уже несколько параллельных форм диалога между ними: политические консультации на уровне Совещания высокопоставленных должностных лиц (SOM), Совместный комитет научного и технологического сотрудничества, Комитет по экономическим и торговым вопросам, а также Комитет в Пекине, состоящий из послов государств АСЕАН. Китай участвовал в работе АРФ и Совета. В рамках многостороннего диалога, одновременно укрепляя и двусторонние контакты, Китай реализует свои политические и экономические цели, состоящие в создании благоприятных условий для дальнейшего стабильного развития.

Обе стороны делают упор на непосредственные контакты. К примеру, только в 2010 г. состоялось 70 визитов на разных уровнях³. В 2010 г. закончилась реализация плана, намеченного в совместной декларации стратегического партнерства на 2005–2010 гг. Китай — АСЕАН (Joint Declaration on China — ASEAN Strategic Partnership for Peace and Prosperity) и был сформулирован очередной план на 2011–2015 гг.

II. Процесс институционализации и значение экономического сотрудничества Китая с регионом Юго-Восточной Азии

Азиатский финансовый кризис 1997 г. вынудил государства тщательнее заботиться о стабилизации без оглядки на потенциальную угрозу со стороны набирающего мощь Китая. Формой институционализации сотрудничества лидеров региона с АСЕАН была форма АСЕАН+3 (АПТ)⁴. В первый раз АПТ встретилась в Куала-Лумпуре в декабре 1997 г. Япония выступила с инициативой основания Азиатского валютного фонда (Asian Monetary Fund). Китай первоначально был против его создания, однако позднее стал смотреть на инициативу более благосклонно, активно включившись в строительство финансовой структуры в регионе, чем укрепил свою позицию и одновременно создал более совершенный механизм защиты региона от последующих кризисов⁵.

В мае 2000 г. АПТ приняла важное обязательство, согласно которому министры финансов АПТ решили заключить двустороннее соглашение СВОП между азиатскими банками для того, чтобы упрочить региональную финансовую стабильность. В 2009 г. существовало уже 16 двусторонних соглашений в рамках группы АСЕАН+3, а государства обязались выделить валютные резервы, которые в марте 2010 г. составляли 120 млрд

долл. США. Из них 91,8 млрд были средствами Китая, Японии и Кореи⁶. В планах было удвоение средств к 2012 г⁷.

В 2001 г. на встрече государств АСЕАН в верхах, прошедшей в Бандар-Сери-Бегаван, премьер КНР Чжу Жунцзи представил состоявшую из пяти пунктов позицию Китая по развитию сотрудничества в Восточной Азии, где КНР отводилась активная роль. В частности, были упомянуты: необходимость определения цели развития, рамок сотрудничества региональной торговли и взаимовыгодных инвестиций в сфере финансов, науки и технологий, информации, охраны окружающей среды; развитие и улучшение координации сотрудничества в рамках АСЕАН+3 и АСЕАН +1 — разнообразные и взаимодополняющие формы; продолжение сотрудничества в финансовом секторе; обмена между различными социальными группами; диалог и сотрудничество в сфере безопасности⁸.

Несмотря на некоторую нестабильность начало XXI в., вне всяких сомнений, ознаменовалось значительным сближением АСЕАН и КНР — этих двух международных субъектов. Начался кредитный бум, Китай из получателя помощи превратился в донора, предоставляя кредиты государствам АСЕАН. Конкуренция Китая и Японии за геополитическое влияние вынудила оба государства вести собственную инвестиционную политику. Среди множества определений этой политики аналитики предпочитают пользоваться понятием «charm offensive» («чарующее наступление»)⁹, которое должно свидетельствовать о новых методах реализации целей внешней политики Китая. В словарь китайских лидеров прочно вошло словосочетание «win-win cooperation», т.е. «взаимовыгодное сотрудничество»¹⁰.

Анализируя последующие этапы экономических взаимоотношений между Китаем и АСЕАН, необходимо привести постановление лидеров десяти государств АСЕАН и Китая от ноября 2000 г., в котором они достигли договоренности укреплять сотрудничество с помощью создания зоны свободной торговли Китай — АСЕАН. В 2002 г. было подписано соглашение о либерализации к 2010 г. до 99% торговли с государствами-основателями АСЕАН и к 2015 г. с остальными членами ассоциации. Для Китая важнейшей целью этого шага была полная интеграция китайской экономики с глобальной экономикой. Китайцы были заинтересованы в более широком открытии азиатских рынков, которые потребляли до этого лишь 8% китайского экспорта. Китайский эксперт Ху Аньган образно назвал предпочитаемую Китаем модель торговли с государствами АСЕАН полуоткрытой моделью, т.е. «открытой для свободного экспорта, но протекционистской в том, что касается импорта»¹¹. В свою очередь, целью государств АСЕАН в этой связи было увеличение их конкурентоспособности, а также экономическое сотрудничество с быстро развивающимся Китаем, в том числе привлечение китайских инвестиций. Главы государств АСЕАН опровергали оценки, говорящие о тотальном неравенстве во взаимоотношениях. Сингапурский министр Джордж Йео в 2002 г. заявил: «Мы не хотим оставаться в подданстве у Китая»¹².

Интересной инициативой в рамках сотрудничества АСЕАН с Китаем является основание Боаского азиатского форума, который действует с 2001 г. Это наиболее престижная неполитическая организация, созданная с целью пропаганды региональной экономической интеграции и реализации целей развития¹³.

В 2006 г., к годовщине 15-летия сотрудничества Китай и АСЕАН не скупилась на взаимные похвалы, дабы показать и доказать, насколько сильны связывающие их узы. Премьер Вэнь Цзябао заявил об очевидности того, как с 1991 г. стороны систематически стремятся к строительству взаимного доверия, ликвидации «подводных камней» и созданию хорошей атмосферы для диалога. В результате отношения Китай — АСЕАН достигли высшей точки в своем историческом развитии¹⁴. В 2008 г. Китай аккредитировал своего первого посла при АСЕАН, г-жу Сюэ Ханьин¹⁵. В 2009 г. по инициативе премьера Вэнь Цзябао был основан Фонд инвестиционного сотрудничества Китай — АСЕАН (CAF), нацеленный на инвестиции в инфраструктуру, энергетику и природные ресурсы.

1 января 2010 г. состоялось открытие зоны свободной торговли САФТА. Для ее строительства потребовалось 8 лет, и в настоящее время она включает 11 государств, где проживает 1,9 млрд человек. Таможенные сборы на товары между этими государствами уменьшились в среднем от 9,8% до 0,1%. Внутри зоны при участии Китая, Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Мьянмы, успешно развивается субрегиональный проект реки Меконг. По мнению экспертов, свободная торговля включает более 7000 видов различных товаров и составит около 90% всей торговли между Китаем и АСЕАН. Проект должен включать также сферу услуг и инвестиционных договоров¹⁶.

В 2010 г. товарооборот в САФТА превысил 280 млрд долл. США. По словам министра иностранных дел КНР Ян Цзечи, торговый обмен в рамках зоны свободной торговли в 2011 г. вырос приблизительно до 360 млрд долларов США¹⁷.

Благодаря интеграции с АСЕАН Китай стал последним промышленным потребителем, использующим компоненты, произведенные в государствах АСЕАН. Если после кризиса 1997 г. темпы внутренней торговли в АСЕАН увеличивались медленно, то торговля с Китаем способствовала их значительному росту¹⁸. Доминировала продажа частей и деталей электронных приборов и машиностроения. В то же время явственно сократилась торговля текстильными изделиями, представляющими наибольшую ценность для ВВП государств АСЕАН.

Результатом интеграционных процессов в рамках САФТА стал рост прямых зарубежных инвестиций Китая. На высоком уровне удерживаются также инвестиции АСЕАН. В целом в течение последних трех лет размер китайских вложений в государствах АСЕАН достиг 12,426 млрд долл. США. По принятым правилам, китайские предприятия могут инвестировать капитал в любом государстве АСЕАН, а затем выйти на рынок с произведенными товарами в остальных девяти государствах-членах. Более того, они могут выйти на свободный рынок всех тех государств, с которыми подписано соглашение о свободной торговле с АСЕАН — например, Японии или Южной Кореи¹⁹. Так, пока европейские и американские инвестиции в Китае падали, азиатские продолжали расти, и в 2011 г. ПЗИ из десяти азиатских государств региона, в том числе Японии, Тайланда и Сингапура, увеличились до 13,9%, достигнув 100,5 млрд долл. США²⁰. Министр торговли КНР Гао Хучен поинформировал на пресс-конференции, что только в первой половине 2012 г. китайские компании инвестировали 1,49 млрд долл. США, что составляет ежегодный рост на 34,3%²¹.

Стратегия «АСЕАН+Китай» связана не только с инвестициями капитала, но и с их обслуживанием. Пекин умело использует интерес Тайланда, Камбоджи, Лаоса, Вьетнама и Малайзии к строительству агроинфраструктуры.

Китай настроен наращивать свои инвестиции по разным причинам. Во-первых, растет число крупных глобальных китайских предприятий. В 2000 г. пять из них попали в список самых крупных транснациональных корпораций (ТНК) UNCTAD. В списке «Fortuna Global» в 2011 г. была 61 китайская ТНК, годом раньше — 46, а в 2005 г. — 20²². Во-вторых, китайские компании инвестируют, чтобы улучшить условия производства. Обеспечение роста за границей связано с созданием дополнительного спроса для субъектов по стране. В-третьих, китайские государственные предприятия были реформированы согласно требованиям ВТО, и это помогает им перестраиваться. В-четвертых, как раньше Япония, так сегодня и Китай старается активно создавать благоприятные условия для доставки стратегических природных ресурсов и обеспечения экономического развития.

Таким образом, Китай умело применяет разнообразные формы экономического сотрудничества. Они приносят пользу также государствам АСЕАН, так как последние имеют приоритетные условия доступа на китайский рынок и пользуются инвестиционным капиталом. В свою очередь Китай рассчитывает на то, что эти кратковременные выгоды принесут свои плоды на пути реализации долговременных политических и экономических целей. Описывая значение региона с точки зрения интересов Китая, стоит ука-

зять на его экономический потенциал, в том числе природные богатства, рынок в 600 млн потребителей, а также прямые инвестиции капитала.

III. Китай и обеспечение безопасности в регионе Юго-Восточной Азии

Проблема безопасности в Юго-Восточной Азии трактуется широко: она относится не только к военному сектору, но к политическому, экономическому и общественному.

В многочисленных заявлениях и официальных высказываниях Юго-Восточная Азия описывается как плюралистическое сообщество безопасности, решающее проблемы в «духе АСЕАН», то есть путем консенсуса и общности ценностей. На этой почве создается благоприятная среда для стабильного экономического роста. При реализации китайских целей в области военной безопасности должны учитываться как достижения АСЕАН в этой области, американский фактор в существующей системе, так и нерешенные конфликты: корейский и территориальные споры в регионе. Важнейшей инициативой, благодаря которой строится диалог на тему региональной безопасности, является Региональный форум АСЕАН (ARF). В первый раз конференция АРФ прошла в 1993 г. в Сингапуре, а главной идеей переговоров было создание институционализированной системы, которая благоприятствовала бы превентивной дипломатии, противодействовала конфликтам, обеспечивала строительство взаимного доверия.

На принятие такого решения влияние оказало окончание «холодной войны» и необходимость выработки новых форм сотрудничества и международной безопасности.

На второй конференции на уровне министров в 1995 г. был разработан трехфазовый процесс строительства безопасности путем пропаганды и культивации доверия, развития превентивной дипломатии и, наконец, процесса предотвращения конфликтов²³. Девиз на сайте АРФ — пропаганда мира и безопасности путем диалога и сотрудничества в регионе Азии и Тихого океана.

В прошлом Китай не проявлял доверия к многостороннему диалогу в вопросах безопасности и предпочитал двусторонние переговоры. Однако со временем его отношение стало меняться вместе с представлением о безопасности. В июле 1998 г. в Китае была обнародована «Новая концепция национальной безопасности», где кроме традиционных угроз были перечислены и нетрадиционные: пиратство, торговля наркотиками, угроза окружающей среде и др. Такой подход получил положительный отклик у АСЕАН, и с тех пор диалог в области региональной безопасности касается также нетрадиционных угроз.

В рамках реализации программы АСЕАН — 2020 в 2003 г. было основано Сообщество политики и безопасности (ASEAN Political-Security Community), которое наряду с Экономическим (ASEAN Economic Community) и Социокультурным (ASEAN Socio-Cultural Community) сообществами составляют три столпа Сообщества АСЕАН. В настоящее время вместе с АРФ платформой сотрудничества в данном секторе безопасности является Сообщество по вопросам политики и безопасности (ASEAN Political Security Community). Из официальных документов APSC следует, что важнейшие политические цели это: развитие и взаимное осмысление политических систем государств АСЕАН, их культуры и истории; свободный обмен информацией между государствами-членами; поддержка процессов совершенствования права и систем правоохранения; пропаганда «хорошего управления»; охрана прав человека; развитие исследовательских центров и мониторинг политических процессов; профилактика коррупции; пропаганда основ демократии, забота о мире и стабильности в регионе. В плане действий APSC подчеркивалось значение правил, содержащихся в Уставе АСЕАН, Соглашении о дружбе и сотрудничестве (Treaty of Amity and Cooperation TAC), Договоре о безъядерной зоне (SEANWFZ) как ключевых для безопасности в регионе документов, а также значение Декларации о поведении в Южно-Китайском море. Было упомянуто также морское сотрудничество, обращалось внимание на создание средств взаимного доверия, большую

прозрачность систем обороны и безопасности государств, а также усиление роли АРФ в укреплении региональной безопасности. Предотвращение конфликтов, создание механизмов активного поиска мирных решений, пропаганда регионального сотрудничества, социальная безопасность и опека, борьба (предотвращение) с нетрадиционными угрозами безопасности также были упомянуты в контексте укрепления безопасности в регионе²⁴.

Начиная с 2004 г. Министерство внутренних дел КНР организовало более 60 тренингов и курсов, посвященных законодательству против наркотиков, криминалистическим техникам, кибертерроризму и другим темам, связанным с нетрадиционными угрозами безопасности. Только в период 2006–2011 гг. МВД КНР провело пять таких тренингов, на которых побывало 92 сотрудника спецслужб из стран АСЕАН²⁵.

В свою очередь Академия военных наук Китая организовывала конференции (в 2008 и 2009 гг.), касающиеся военной модернизации и регионального взаимного доверия, а также безопасности в Восточной Азии в контексте сотрудничества в области безопасности по линии Китай — АСЕАН. В 2010 г. обе стороны организовали переговоры политиков и экспертов на тему безопасности. В 2011 г. состоялась первая встреча министров обороны Китая и АСЕАН²⁶, очередная прошла в 2012 г. в Пномпене, а третья — в 2013 г. в Брунее. Важнейшим достижением диалога Китая в рамках АРФ считается Декларация о поведении в Южно-Китайском море (Declaration on the Conduct of Parties In the South China Sea), подписанная в ноябре 2002 г. Проблема, однако, в том, что с тех пор не было предпринято шагов к завершению конфликта.

Конфликт касается Парасельских островов и, прежде всего, Спратли, притязания на которые предъявляют Китай, Тайвань и Вьетнам — на все острова, а Филиппины, Малайзия и Бруней лишь на некоторые из них. Все заинтересованные страны, кроме Брунея, думают об укреплении там своего военного и административного присутствия, регулярных транспортных перевозках и т.п. Острова как таковые не представляют большой ценности, но есть основания полагать, что они богаты нефтью, газом и другими природными ресурсами. Значение имеет также стратегическое положение — на границе Тихого и Индийского океанов. Более половины морской торговли проходит через акваторию Южно-Китайского моря, в том числе более 80% поставок нефти в Японию, Южную Корею, Китай и на Тайвань. Наибольшее число островов находится в ведении Вьетнама — 22, Китай располагает 14 островами, Филиппины — 11, Малайзия — 10, Тайвань одним, самым большим — Иту-Аба, а у Брунея нет ни одного²⁷.

Выдвинутые в декларации предложения не новы, все они предлагались в прежних многосторонних и двусторонних документах. Но в декларации содержатся три особых предложения. Во-первых, воздержание от действий в отношении незаселенных в настоящее время островов, рифов, скал, т.е. невозможность новой оккупации. В этом пункте декларации говорится также о создании механизмов доверия, уведомлении об учениях и морских маневрах. Во-вторых, речь идет о продолжении регулярных консультаций на тему контроля и мониторинга за соблюдением декларации. Это непросто, поскольку, согласно международному морскому законодательству, права сторон на рыбную ловлю соприкасаются с проблемой спорных территорий. В-третьих, стороны согласились разработать кодекс о методах действий.

Декларация не является соглашением — скорее, она показывает, как надлежит решать спор. В сентябре 2004 г. Филиппины и Китай договорились начать совместные сейсмические исследования в спорных водах и установить наличие газа и нефти. К соглашению (Joint Marine Seismic Undertaking — JMSU) в 2005 г. присоединился Вьетнам. В марте 2005 г. в Маниле вьетнамская нефтяная корпорация («Vietnam Petroleum Corporation — PetroVietnam»), филиппинская компания «Philippines National Oil Company (PNOC)» и китайская «China National Offshore Oil Corporation (CNOOC)» заключили трехсторонний договор о совместном использовании нефти и газа в Южно-Китайском море. Министры иностранных дел Филиппин Альберто Ромуло и Вьетнама Нгуен Ды Нен вы-

разлили надежду на то, что это шаг в сторону урегулирования. После разведывательных работ три страны планировали вести совместную эксплуатацию залежей нефти и газа государственными компаниями²⁸.

В конце апреля 2006 г. китайские и вьетнамские суда патрулировали Тонкинский залив. Такие совместные патрули, по мнению китайского министра иностранных дел, это — укрепление безопасности. Однако при взгляде на протекающие ныне процессы может создаться впечатление, что решение проблемы выносится за пределы АСЕАН и что некоторые государства получают более выгодную позицию в переговорах с Китаем²⁹.

В 2009–2010 гг. ситуация вокруг спорных архипелагов явно обострилась между Китаем и некоторыми участниками спора: Филиппинами, Вьетнамом, частично Малайзией. Поскольку закончились сроки подачи заявок по вопросу континентального шельфа вокруг островов, в мае 2009 г. Вьетнам и Филиппины активизировали действия относительно фактического закрепления своего суверенитета над ними. 2 февраля 2009 г. парламент Филиппин принял закон «Об обозначении основной линии границы Филиппинского архипелага». 10 марта закон был подписан президентом Филиппин, а 6 мая Вьетнам и Малайзия представили ООН совместный проект разграничения шельфа на Южно-Китайском море за пределами 200-мильной экономической зоны³⁰. Постоянный представитель КНР при ООН в адресованной делегатам ноте предложил не рассматривать проект Вьетнама и Малайзии. Одновременно комиссии ООН была представлена китайская карта Южно-Китайского моря с обозначенными границами КНР, охватывающими 80% спорных территорий. 8 мая Вьетнам повторно представил свой проект, на этот раз индивидуально, а между Пекином и Ханоем произошел обмен нотами протеста³¹. Масла в огонь подлили еще два факта: заявление о планируемом возвращении США в Восточную Азию, сделанное тогдашним госсекретарем Х. Клинтон на встрече в рамках АРФ на о. Пхукет в Тайланде 22 июля 2009 г., а также предложение о включении проблемы архипелагов в список «жизненно важных интересов Китая»³². Хотя эта информация не подтвердилась, появились сомнения в добрососедских намерениях КНР.

До середины 2011 г. Китай демонстрировал силу в связи с Парасельскими островами. Так, 26 мая три китайских судна заблокировали вьетнамское судно «Vinh Minh 2», принадлежащее государственной нефтедобывающей компании. а 2 июня информационные агентства сообщили о предупредительных выстрелах, направленных против вьетнамских рыболовных судов, находившихся в пяти морских милях от острова Да Донг архипелага Спратли³³. Ни одна из сторон не хотела продолжения этого конфликта, и во время визита лидера Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Фу Чонга в Китай был достигнут компромисс, а 11 октября 2011 г. подписано Соглашение об основных правилах урегулирования морских проблем между КНР и СРВ³⁴. В соглашении обе стороны обязались не предпринимать шагов, которые могли бы обострить ситуацию. В феврале 2012 г. в ходе переговоров министров иностранных дел в Пекине было принято решение о создании рабочих групп для урегулирования спорных вопросов, и делегации договорились о «горячей» линии между министерствами. Стороны определили шесть принципов переговоров, касающихся спорных островов³⁵. Пятый раунд переговоров будет проводиться в первой половине 2014 г.

Что касается Филиппин, то во время визита президента Б. Акино в Китай сторонам не удалось прийти к взаимопониманию. К тому же, участие Филиппин в военных маневрах совместно с США вызвало раздражение Китая, который пообещал наказать Филиппины за желание «присоединиться к США с целью сдерживания КНР»³⁶. В рамках совместных учений «Кобра голд» Соединенные Штаты пытаются включить в них все те государства, у которых есть нерешенные пограничные споры с Китаем, в том числе Таиланд, хотя его отношения с соседом хорошие.

В начале 2012 г. напряжение вокруг островов спало, 14 января 2012 г. в Пекине состоялось совещание по вопросу выполнения постановлений декларации 2002 г. По-

сколькx международная ситуация показывает, что полностью воплотить в жизнь планы Пекина невозможно, принимаются во внимание косвенные варианты: например, вместо получения суверенитета над спорными архипелагами Китай согласен контролировать только море. 29 февраля 2012 г. официальный представитель МИД КНР Хун Лэй заявил, что ни одна страна, в том числе Китай, не претендует на установление своего суверенитета над всем Южно-Китайским морем. Многие эксперты утверждают, что для пользы возрождения, преобразования и роста Китая не следует обострять проблему суверенитета над архипелагами: «Возрождение Китая требует стратегического ума и стратегического терпения»³⁷. Тем не менее, в июле 2012 г. имел место очередной инцидент: китайская сторона приняла решение о создании на острове Фу Лам военной базы «Саньша сити» и проведении там выборов³⁸. Среди членов АСЕАН нет единого мнения по поводу дальнейших совместных действий в этой ситуации. В ноябре 2012 г. они поддержали позицию Китая, обещая не стремиться к выходу конфликта вокруг спорных островов на международный уровень, что означает победу прокитайского варианта.

Успехом сотрудничества Китая с государствами региона в рамках АРФ можно считать подписание в 2002 г. Меморандума о нетрадиционных угрозах безопасности (Memorandum of Understanding in the Field of Non-Traditional Security Issues). Сьюзан Л. Крэг в книге «Chinese Perceptions of Traditional and Nontraditional Security Threats» перечисляет целый ряд угроз, признанных китайской стороной важными³⁹. В опубликованной Китайским институтом современных международных отношений в 2003 г. книге о нетрадиционных угрозах безопасности было рассмотрено 17 угроз. Все они были внесены в Белую книгу «Национальная оборона Китая — 2004»⁴⁰, а в 2010 г. официально признаны частью доктрины безопасности. С тех пор сотрудничество с АРФ влияло, среди прочего, на борьбу с терроризмом, нелегальной эмиграцией, торговлей людьми, нелегальным оборотом наркотиков, противостояние сепаратизму. Такой взгляд на вопросы безопасности порой оспаривается в военных кругах: как говорят малайзийские военные, «нетрадиционные угрозы безопасности — это не наше дело»⁴¹.

В 2003 г. Китай вступил в ТАС и провел переговоры на тему Договора о безъядерной зоне в Юго-Восточной Азии (Protocol to the Treaty on Southeast Asia Nuclear Weapon Free Zone)⁴². Очередным шагом в направлении развития политического сотрудничества в области безопасности стало подписание в Бали Совместной декларации о стратегическом партнерстве (Joint Declaration on the Strategic Partnership for Peace and Prosperity)⁴³.

Важнейшим китайским проектом стал созыв в 2004 г. в Пекине конференции АРФ по вопросам политики и безопасности (ARF Security Policy Conference ASPC). В 2005 г. очередная конференция была организована во Вьетьяне, а в 2009 г. прошла в тайландском Пхукете: кроме мирового финансового кризиса, много внимания там уделялось нетрадиционным угрозам безопасности. В 2010 г. конференция прошла в Дананге (Вьетнам). В том же году в Пекине была созвана первая межсессионная встреча по проблемам нераспространения вооружений и разоружения⁴⁴. 25 мая 2012 г. проходили дебаты в Камбодже, во время которых члены АРФ обратили внимание на последние события, связанные со спорными архипелагами Спратли и Парасельскими островами, в контексте морской безопасности.

Морская безопасность имеет большое значение для Китая, особенно в Малаккском проливе. Ссылаясь на требование мирного роста, китайские ученые обращают внимание на шесть принципов и девять форм сотрудничества между Китаем и АСЕАН в области региональной морской безопасности. К упомянутым шести принципам они причисляют: взаимное уважение, взаимное признание интересов, взаимное доверие и взаимную выгоду, равноправие в ходе переговоров и координации, эффективность и непрерывное развитие. Девять форм сотрудничества — это: диалог на тему морской безопасности, консультации по поводу безопасности судоходства, антитеррористические и спаса-

тельные операции, охрана морской среды, единые законы против международной преступности, совместные учения на море, а также региональные миротворческие и гуманитарные операции⁴⁵.

В условиях глобализации акватории важны по нескольким причинам: во-первых, как стратегические торговые пути. Например, через Малаккский пролив — «морской шелковый путь» — транспортируется 80% китайского импорта нефти с Ближнего Востока. Во-вторых, эти моря очень богаты рыбой, газом и другими природными ресурсами. Мирное использование моря должно играть активную роль в экономическом развитии региона.

Китай заинтересован в том, чтобы АРФ внес позитивный вклад в процесс уменьшения напряженности на Корейском полуострове. Участники шестисторонних переговоров были приглашены на встречу АРФ в 2010 г. (Ханой) и в 2011 г. (Бали). Дискуссия на Форуме на тему денуклеаризации полуострова представляет собой разновидность многостороннего подхода к проблеме, одновременно возникает возможность использования уже выработанной АРФ превентивной дипломатии.

Китай заботится также о поддержании двусторонних отношений с государствами региона, устанавливая с некоторыми из них стратегические отношения. В ноябре 2007 г. КНР, которую представлял министр обороны Цао Ганчуань, подписала соглашение о стратегическом партнерстве с Индонезией. Это первое соглашение такого типа между Китаем и членом АСЕАН. Во время официального визита в КНР президента Мьянмы Тейн Сейна 26–28 мая 2011 г. обе стороны определили свои взаимоотношения как стратегическое партнерство. В 2012 г. они подписали меморандум по вопросу морского сотрудничества. Совместное заявление китайского премьера Вэнь Цзябао и премьера Королевства Таиланд Йинглак Чиннават от 19 апреля 2012 г. также предполагает стронительство стратегических отношений между государствами.

Улучшение связей по линии АСЕАН — Китай касается также отношений военных ведомств и торговли оружием. До 1989 г. кроме Таиланда только Камбоджа покупала оружие у КНР. В 1991 г. к ним присоединились Лаос и Мьянма: Лаос на выгодных условиях купил два самолета Y-12, а Мьянма заказала китайскую военную технику, в том числе военные суда и 12 самолетов F-6⁴⁶.

Развивается военное сотрудничество с Таиландом. В соответствии с новым соглашением, Институт оборонной технологии совместно с китайскими специалистами будет работать над реактивными системами залпового огня «DTI-1G». До сих пор стороны сотрудничали при производстве ракет типа «DTI-1» с дальностью действия от 60 до 180 км, но им не хватало точности. По мнению министра обороны Таиланда Сукумопола Суванатата, новая система должна стать более точной и увеличить дальность действия. Стороны договорились также о проведении первых совместных учений военно-воздушных сил. Другим примером укрепления военного сотрудничества между двумя государствами служит участие 130 офицеров Королевского военно-морского флота Таиланда в совместных маневрах в Гуандуне на юге Китая, которые прошли 9–29 мая 2012 г.⁴⁷

IV. Использование Китаем "мягкой силы" в отношении государств Юго-Восточной Азии.

Наиболее конструктивным методом, приносящим самые лучшие результаты в контактах с АСЕАН, является демонстрация привлекательности китайской модели развития, которая в отличие от западных государств представляет собой не сочетание свободного рынка с либеральной демократией, а комбинацию полурыночной экономической системы и нелиберальной политической системы, опирающейся на правление коммунистической партии. Этот «пекинский консенсус», в отличие от «вашингтонского», возможно, более заманчив для многих стран региона. Как пишет Игнатус Вибово в статье

«China's Soft Power and Neoliberal Agenda In Southeast Asia»⁴⁸, "китайская "мягкая сила" в Юго-Восточной Азии может включать: китайскую культуру, принципы сотрудничества и участия в многосторонней модели АСЕАН.

Описанным ранее совместным действиям в сфере экономики и безопасности в регионе сопутствовали часто повторяемые заявления об обоюдном доверии и тесном взаимовыгодном сотрудничестве и интеграции. Китайская "мягкая сила" основана на заявлениях, что Китай — ответственное и готовое помочь государство. Особый подход продемонстрировался в отношении стран бассейна реки Меконг: Мьянмы, Камбоджи, Лаоса и Вьетнама, однако именно Камбоджа и Вьетнам обладают печальным историческим опытом в отношениях с Китаем. Достаточно упомянуть поддержку им режима «красных кхмеров» или пограничную войну с Вьетнамом в 1979 г. Улучшились контакты с другими государствами: Таиландом, Малайзией, Филиппинами, Индонезией, несмотря на их сотрудничество с Соединенными Штатами во время индокитайских конфликтов или отношение к китайским национальным меньшинствам.

В 2010 г. член Государственного совета КНР Дай Бинго сделал заявление, опубликованное на сайтах Министерства иностранных дел, в котором заверил, что Китай не имеет никаких тайных амбиций по достижению гегемонии, наоборот, он привержен пути мирного развития. Не нужно бояться Китая, стоит помогать и поддерживать его в развитии, утверждал Дай Бинго.

6 сентября 2011 г. была опубликована Белая книга о мирном развитии Китая, где повторялись некоторые тезисы заявления члена Государственного совета. Китайцы ссылаются в ней на свое культурное наследие и гуманистические ценности. Сформулирована просьба о доверии и вере в искренность намерений Китая со стороны международного сообщества, о поддержке их мирного развития, целью которого является ликвидация нищеты и жизнь в достатке⁴⁹. В Белой книге были перечислены следующие цели политики Китая: строительство гармоничного мира, мирная внешняя политика, пропаганда нового понимания безопасности, взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства и взаимодействия, активная международная ответственность, а также развитие регионального сотрудничества и добрососедских отношений⁵⁰.

Этот аспект стал составной частью дипломатии Китая: был принят курс на утверждение в мире реалистичного и позитивного образа КНР — государства, готового принимать ответственность за глобальную ситуацию. Его реализация должна осуществляться за счет усиления привлекательности культуры Китая и ее популяризации в мире. В 2011 г. китайское правительство издало Белую книгу о результатах своего сотрудничества с АСЕАН за период 1991–2011 гг. Целью этого документа явился показ высокой динамики развития взаимоотношений в разных сферах с целью доказать государствам АСЕАН, что Китай является их "добрым другом, добрым соседом и добрым партнером".

Китай стал использовать широкую гамму средств, связанных с культурной дипломатией. В государствах АСЕАН появились программы обучения китайскому языку, а также китайские учителя-волонтеры. Упомянутая программа тренингов для чиновников ведомств безопасности в государствах региона также включает обучение китайскому языку. «Китайская культура, кухня, каллиграфия, кино, искусство, акупунктура, традиционная медицина, мода вошли в культуру региона»⁵¹.

Наиболее распространенной формой обучения китайскому языку сегодня являются так называемые Институты Конфуция. Институты эти выполняют две основные цели: образовательную и культурной дипломатии в разных ее формах. Первый Институт Конфуция появился в 2004 г. в Южной Корее и был основан Канцелярией Международного совета китайского языка. С тех пор было создано 353 Института и 473 класса Конфуция в 104 странах. В настоящее время в государствах АСЕАН существует 41 Институт Конфуция, но размещаются они неравномерно: больше всего в Таиланде (23), в Индон-

езии их 7, на Филиппинах 3, в Малайзии, Сингапуре и Мьянме по 2, в Лаосе и Камбодже по 1.

В мае 2012 г. прошла первая встреча министров культуры в рамках формулы 10+1. В сентябре впервые встретились министры науки. В шести провинциях Китая открылось десять центров профессионального образования для государств АСЕАН, в том числе сельскохозяйственные, альтернативных источников энергии, традиционной медицины, культуры и искусства⁵². Растет число студентов, обучающихся в Китае. На основании официальных данных АСЕАН можно привести еще и другие инициативы, которые призваны увеличить число студентов, выезжающих в Китай. В августе 2011 г. в Гуйчжоу (китайская провинция Гуйчжоу) проходила четвертая неделя сотрудничества в области образования Китай — АСЕАН, где речь шла о программе мобильности студентов. К 2020 г. стороны запланировали увеличение до 100 тыс. числа студентов, выезжающих на обучение в Китай, и китайских студентов, приезжающих в страны АСЕАН. Во время 13-й встречи в верхах "АСЕАН — Китай", которая прошла в октябре 2010 г. в Ханое, Китай пригласил 10 тыс. молодых учителей, студентов и преподавателей на следующие 10 лет, а на 14-й встрече на Бали в ноябре 2011 г. предложил 10 курсов профессиональной подготовки для членов АСЕАН⁵³.

На 15 встрече в верхах "АСЕАН — Китай" было решено создать в шести китайских провинциях учебные центры, которые должны будут служить развитию гуманитарной сферы в регионе Юго-Восточной Азии⁵⁴.

Выводы

Юго-Восточная Азия является для Китая регионом особой важности и стратегического значения, как в смысле традиционной безопасности, так и его экономических интересов. Сегодня действия Китая направлены на укрепление традиционно близких отношений и предупреждение деструктивных воздействий третьих государств в отношениях "Китай — АСЕАН".

Юго-Восточная Азия — это непосредственный сосед Китая, охватывающий моря Юго-Восточной Азии, один из его основных рынков сбыта. Кроме того, сама торговля поддерживает экономическое развитие южных провинций КНР (Юньнани и Гуанси). Улучшение взаимоотношений Китая с регионом означает более сильную позицию в его торговле и отношениях с США. Необоснованно было бы утверждать, что путем создания дружественной обстановки в регионе Китай пытается выдворить оттуда США, однако очевидно, что он хочет создать свою благоприятную зону и по соображениям собственного развития стремится к укреплению региональной интеграции.

Не все эксперты склонны поддаваться уверениям китайских лидеров. Джошуа Курланчик так интерпретирует эти действия: «Пекин действительно предлагает «чарующее наступление» («charm offensive»), которое подстать обаянию льва, а не мыши: он может угрожать другим народам своими когтями, если они не помогут достичь желанных целей, а может и дать большую морковку, если они это сделают»⁵⁵.

Китай использует целую гамму дипломатических средств, чтобы устранить негативные эмоции и опасения, начиная с сильнейшей поддержки регионального мультилатерализма и кончая укреплением сотрудничества с лидерами АСЕАН. Благодаря множественности форм непосредственного межгосударственного и межведомственного сотрудничества, связи, существующие в настоящее время между данными субъектами, кажутся неразрывными, особенно экономическое сотрудничество в рамках зоны свободной торговли (SAFTA). Китай уже обогнал крупных игроков в регионе и выполняет роль инициатора многих мероприятий. Государства АСЕАН соглашаются с такой ситуацией и хотят взаимодействовать с Китаем через многосторонние организации. С их помощью они

имеют возможность знакомиться с намерениями и возможностями Китая и «социализировать» его так, чтобы он стал более ответственной державой.

1. *Feng Han*. Envolving Security Environment in Southeast Asia: A Chinese Assessment // ASEAN — China Relations: Realities and Prospects / eds. Saw Swee-Hock, Sheng Lijun, Chin Kin Wah. Singapore: ISEAS Publications, 2005. P. 181.
2. Там же. P. 13.
3. URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011-11/15/c_131248640_2.htm (15.04.2013)
4. *Shaun N.* The idea of An “Asian Monetary Fund”: the Problems of Fimancial Institutionalism in the Asia-Pacific // Asian Perspective. 2003. Vol. 27, № 2. P. 82–83.
5. *Lipsy Ph.* Japan’s Asian Monetary Fund Proposal // URL: <http://www.stanford.edu/group/sjeaa/journal3/japan3.pdf> (20.07. 2012)
6. URL: <http://www.centralbanking.com/central-banking/news/1598157/chiang-mai-currency-swap-deal-comes-life> (20.07.2012)
7. URL: <http://www.thenews.com.pk/Todays-News-3-98519-Briefs> (15.07.2012)
8. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq/dqzzywt/2633/2634/2636/t15559.htm> (5.11.2011)
9. *Storey I.* The United States and ASEAN—China relations // All Quiet on the Southeast Asian Front. 2007. October. URL: <http://www.StrategicStudiesInstitute.army.mil> (15.05. 2011)
10. *Kurlantzick J.* Charm Offensive. How China’s Soft Power is Transforming the World // A New Republic Book. 2007. P. 43.
11. URL: <http://www.tni.org/article/china-asean-free-trade-area-propaganda-and-reality> (12.04. 2013)
12. *Storey I.* Op. cit. P. 10.
13. URL: <http://english.boaoforum.org/gyltbjjsen/index.jhtml> (5.08.2012)
14. Wen’s speech at China-ASEAN summit. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2006-10/30/content_720281_2.htm(5.11.2011)
15. China appoints female diplomat as first ASEAN ambassador. URL: http://www.gov.cn/english/2008-12/30/content_1192260.htm (5.11. 2011)
16. *Лузянин С.* Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document213521.phiml> (20.08.2013)
17. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zygy/gyhdt/950203.htm> (20.08.2012)
18. Southeast Asian Economic Outlook 2010. OECD Publishing pdf. P. 25.
19. *Лузянин С.* Китайский фактор в АТЭС: ограничитель или стимулятор? URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document223349.phiml>.
20. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-01/18/c_131366513.htm (5.05. 2013)
21. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-08/10/c_131776618.htm (5.05.2013)
22. URL: <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2010/countries/Australia.html> (20.08.2012); <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2011/countries/Australia.html>; <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2006/countries/C.html>.
23. *Liu Xuecheng.* Strengthening ASEAN-China Cooperation in the ASEAN Regional Forum // ASEAN—China Relations:Realities and Prospects / eds: Saw Swee-Hock, Sheng Lijun, Chin Kin Wah: ISEAS Publications. Singapore, 2005. P. 40.
24. ASEAN Political-Security Community Blueprint pdf.
25. URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011-11/15/c_131248640_3.htm (14.12. 2012)
26. Там же.
27. *Baviera Aileen S.P.* The South China Sea Disputes after the 2002 Declaration: Beyond Confidences-Building // ASEAN—China Relations. P. 345.
28. *Glosy M.A.* Stabilizing the back yard: Recent development In China’s Policy Toward Southeast Asia / eds. J. Eisenman, E. Hegingotham D. Mitchell: KW Publishers Pvt Ltd, 2010. P. 165.
29. *Dosch J.* Managing Security in ASEAN-China Relations: Liberal Peace in Hegemonistic Security // Asian Perspective. 2007. Vol. 31, № 1. P. 223.
30. URL: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_mysvnm_33_2009.htm (15.12. 2012)
31. *Портяков В.Я.* О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 // Пробл. Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 34.
32. Там же. С. 35.

33. URL: <http://www.thanhniennews.com/2010/pages/20110602115938.aspx> (15. 06. 2013)
34. URL: <http://www.chinausfocus.com/print/?id=27029> (24.10.2013)
35. Текст соглашения: URL: <http://www.mofa.gov.vn/en/nr040807104143/nr040807105001/ns131016150351> (24.10. 2013)
36. Там же. С. 38.
37. Там же.
38. URL: <http://www.thanhniennews.com/index/pages/20120810-us-china-in-east-sea-scrap.aspx>.
39. *Craig S.L.* Chinese Perceptions of Traditional and Nontraditional Security Threats. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub765.pdf> (30.05.2011)
40. URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011-03/31/c_13806851.htm (17.08.2012)
41. *Dosch J.* Op. cit. P. 217.
42. URL: <http://www.nti.org/db/china/bangkok.htm> (20.10. 2011)
43. URL: <http://www.aseansec.org/16805.htm> (20.10.2012)
44. Отчет с конференции см.: ASEAN Regional Forum. Documents Series, 2006–2009. P. 314. URL: <http://www.aseansec.org/publications/ARF06-09.pdf> (20.10. 2012)
45. *Saw Swee-Hock, Sheng Lijun, Chin Kin Wah.* Op cit. P. 10.; *Wang Zhongchun, Li Yaqiang.* China—ASEAN Maritime Security Cooperation Situation and Proposals // Там же. P. 194–198.
46. *Rajasinman S.* China—ASEAN Relations — Emerging Asian Security Architecture // *China and its neighbours/* Ed. Srikanth Kondapall. Pentagon: Press New Delhi, 2010. P. 117.
47. URL: <http://www.bangkokpost.com/news/local/290809/top-brass-china-visit-secures-joint-missile-deal> (3.05. 2012)
48. *Wibowo I.* China's Soft Power and Neoliberal Agenda In Southeast Asia // *Soft Power. China's Emerging Strategy in International Politics /* eds. Mingjiang Li. Lexington Books, 2011. P. 208.
49. URL: <http://www.china-embassy.org/eng/zu/zhongguodehepingfazhan/t856269.htm> (15.08. 2012)
50. Полный текст Белой книги см.: URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011-09/06/c_131102329_4.htm (15.05. 2013)
51. *Teo Eric, Chu Cheow.* ASEAN+3: The role of ASEAN and China // *ASEAN—China realtions, realities and Prospects /* ed. Saw Swe-Hock. Singapore: ISEAS, 2005. P. 63.
52. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zygy/gyhd/t950203.htm> (20.08.2013)
53. URL: <http://www.aseansec.org/5874.htm> (20.09. 2012)
54. URL: <http://www.asean.org/asean/external-relations/china/item/asean-china-dialogue-relations> (15.07.2013)
55. *Kurlantzick J.* Charm Offensive, How China's Soft Power is Transforming the World. London: A New Republic Book, 2007. P. 6.

Поправка

В примечаниях к статье П. Бакланова и М. Романова «Об уникальности геополитического положения Тихоокеанской России» (ПДВ. 2013. № 6. С. 33–38) допущена неточность. Электронный вариант статьи с исправлениями размещен на сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>

Военное строительство

Военно-воздушные силы Народно-освободительной армии Китая на пути модернизации и развития

© 2014

А. Шлындов

История создания военной авиации в Китае

В публикуемой первой части статьи показаны основные этапы становления и развития военной авиации в Китае, осуществлен анализ целей и задач ВВС НОАК на современном этапе, даются оценки перспектив их развития и роли в современных военно-стратегических концепциях КНР.

Ключевые слова: ВВС НОАК, авиация военного округа, авиационная дивизия, авиационный полк, истребитель, бомбардировщик, самолет-заправщик, крылатая ракета.

Зарождение и стремительное развитие авиации, произошедшее в первой четверти XX в. в ведущих государствах Европы и Северной Америки, надолго определившее состав «клуба великих авиационных держав» мира, обошло стороной экономически и технологически отсталый Китай, раздираемый внутренними противоречиями и не имевший единого государственного руководства. Власть центрального правительства не распространялась на многие китайские провинции, которые находились под управлением милитаристских клик, имевших собственные вооруженные силы, представленные отрядами плохо обученных и вооруженных главным образом легким стрелковым оружием солдат. Свою полупартизанскую армию имела и Коммунистическая партия Китая. Понятно, что в таких условиях, несмотря на то, что региональные военные правители каждый в отдельности закупали на Западе некоторое количество устаревших и ставших ненужными там после окончания Первой мировой войны самолетов, создание полноценной национальной боевой авиации оставалось трудно выполнимой задачей.

После некоторой стабилизации центрального гоминьдановского правительства в начале 30-х годов прошлого века в Китае началось формирование первых авиационных подразделений (частей), которые оснащались далеко не самыми современными самолетами, произведенными в США, Германии, Великобритании. К тому моменту, когда Япония оккупировала северо-восточные провинции Китая, создав марионеточное государство Манчжоу-го, в гоминьдановских войсках уже имелись собственные военно-воз-

душные силы, в состав которых входили истребительная и бомбардировочная авиация. Однако, как показал ход боевых действий антияпонской войны в 1937 г., китайская авиация не могла эффективно противостоять значительно превосходящим ее по количественным и качественным показателям военно-воздушным силам японских агрессоров. По количеству боевых самолетов японские ВВС превосходили китайские в 13 раз. Задачей китайской авиации являлось прикрытие крупных городов, промышленных предприятий и войск от массированных налетов японских бомбардировщиков и сопровождавших их истребителей. Несмотря на самоотверженность китайских летчиков, эта задача решалась лишь частично. Предотвратить серьезные потери среди населения и личного состава войск, а также разрушение промышленного потенциала, жилищного фонда и инфраструктуры городов не удавалось, а военная авиация Китая несла серьезные потери. Она значительно уступала японской не только в количестве и качестве боевых самолетов, но и в летном мастерстве личного состава. Плохо обученные китайские летчики с их устаревшими самолетами становились легкой добычей японских асов. За каждый сбитый японский истребитель китайцы расплачивались 3–4 своими. В результате в ВВС Китая оставались лишь единицы боеготовых самолетов. И в этот критический для Китая момент истории на помощь китайскому народу пришел Советский Союз. В августе 1937 г. между двумя государствами был подписан Договор о ненападении, заложивший правовую основу оказания всестороннего содействия борющемуся Китаю со стороны СССР. В соответствии с указанным договором китайскому правительству были выделены крупные льготные кредиты, в счет которых начались поставки в Китай военной техники и вооружения, боеприпасов, горючего, медикаментов. Самыми значительными в стоимостном и количественном отношении были советские поставки авиационной техники. С октября 1937 по середину 1942 гг. Китай получил от СССР 847 боевых самолетов, в том числе 252 И-15, 208 И-16, 75 И-153, 282 СБ, 24 ДБ-3, 6 ТБ-3¹. Одновременно с поставками вооружения и военной техники Советский Союз направил в Китай большую группу военных специалистов, основную часть которой составляли летчики. Поставки из Советского Союза достаточно современных для того времени боевых самолетов, а также личное участие советских летчиков не только в обучении китайского персонала, но и в непосредственных боевых действиях, позволили Китаю выстоять в наиболее драматический период янтяпонской войны, в короткое время провести с помощью СССР модернизацию своих вооруженных сил, особенно, в части их авиационной составляющей, и начать активные боевые действия против японских агрессоров.

Руководимая КПК НОАК, насчитывавшая в своем составе приблизительно 1,2 млн человек, вела боевые действия как против японских захватчиков, так и против войск гоминьдановского правительства. В ней имелось несколько трофейных самолетов, которые не могли играть заметной роли в боевых действиях, и, как правило, ограниченно применялись для ведения разведки, корректировки огня, обеспечения связи, доставки корреспонденции, эвакуации раненых и выполнения других вспомогательных задач.

И только летом 1949 г., когда НОАК провела ряд успешных наступательных операций против гоминьдановских сил и освободила большую часть территории континентального Китая, захватив большое количество вооружения и военной техники, включая несколько десятков исправных самолетов, в ней было создано первое авиационное формирование – Наньюаньская авиагруппа, входившая в состав сухопутных войск. На ее вооружении имелось около 40 трофейных машин, главным образом, истребителей и учебно-тренировочных самолетов². В силу своей малочисленности и отсутствия достаточного количества обученного летного и технического персонала они лишь в ограниченных масштабах могли участвовать в решении задач обеспечения ПВО и авиационной поддержки войск.

Новый период в развитии китайской военной авиации начался после изгнания чанкайшистов с материковой части Китая силами возглавляемой КПК революционной

армии и образования в 1949 г. Китайской Народной Республики. Были созданы регулярные вооруженные силы КНР, получившие в качестве официального название возглавлявшихся КПК военных формирований – Народно-освободительная армия Китая (НОАК). В ее состав в качестве вида вооруженных сил были включены военно-воздушные силы. Для оснащения НОАК Советский Союз передал правительству КНР вооружение и военную технику разгромленной квантунской армии, в том числе и значительное количество находившихся в ее составе боеготовых военных самолетов.

Эта авиационная техника и летно-технический состав Наньюаньской авиагруппы стали основой создания ВВС НОАК.

Однако к началу 1950-х гг., когда изгнанные с материка чанкайшисты попытались взять реванш за свое поражение и начали совершать воздушные налеты на города континентального Китая, включая Шанхай, реально дееспособной авиации, в первую очередь истребительной, в НОАК еще не было. Базировавшиеся на Тайване и ряде подконтрольных гоминьдановцам островов бомбардировщики В-24, сопровождавшие истребителями, фактически беспрепятственно действовали над территорией всех прибрежных районов КНР. Организовать эффективный отпор авиации гоминьдановцев ВВС НОАК были не в состоянии. Обученного летного состава и современной авиатехники и вооружения в них практически не было. В ответ на просьбу народного правительства Советский Союз направил в КНР регулярные формирования своих ВВС, а также начал поставки современной авиатехники. Силами советских специалистов в КНР был создан центр подготовки летного и технического персонала.

После заключения в 1950 г. советско-китайского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи СССР начал оказывать КНР широкомасштабное содействие в развитии всех отраслей народного хозяйства. Значительная ее часть была направлена на создание в Китае современной машиностроительной индустрии. В 50-х годах прошлого века при активном содействии СССР в КНР были заложены основы оборонно-промышленного комплекса, включая авиационную промышленность, а также смежные отрасли, такие как приборостроение, радиоэлектроника и т.д. На новых авиапредприятиях по советским лицензиям было налажено серийное производство современных боевых самолетов. Благодаря поставкам авиационной техники из СССР, а также на основе собственного производства ВВС НОАК оснащались достаточно современными боевыми самолетами, такими как Ла-9, Ла-11, Ту-2, Ил-10. В 1950 г. в их самолетном парке насчитывалось более 500 боевых самолетов.

В условиях обострения военно-политической обстановки на Корейском полуострове в преддверии корейской войны в феврале 1950 г. в Китай был переброшен 29-й истребительный полк советских ВВС, местом базирования которого стал г. Аньдун, расположенный рядом с китайско-корейской границей. Летчики этого авиаполка приступили к обучению летного состава ВВС НОАК полетам на новейших для того времени реактивных истребителях МиГ-15.

После развертывания 25 июня 1950 г. широкомасштабных боевых действий в Корею на территории КНР была создана авиационная группировка ВВС СССР – 64-й истребительный авиакорпус, на вооружении которого находились самолеты этого типа.

Начало Корейской войны (1950–1953 гг.) и включение в боевые действия на стороне КНДР регулярных формирований НОАК в лице китайских народных добровольцев способствовало активизации военно-технического сотрудничества между СССР и КНР. Особенно заметным оно было в авиации.

В ВВС НОАК в значительных количествах стали поступать истребители МиГ-15 и МиГ-15 бис. На этих машинах китайские авиаторы вместе с советскими летчиками вели активную борьбу с авиацией т.н. «сил ООН», основу которой составляли ВВС США. Летчики 64-го истребительного авиакорпуса за три года боевых действий в небе над Кореей выполнили более 63 тыс. боевых вылетов, провели 1872 воздушных боя, в которых,

по некоторым данным, сбили 1106 американских самолетов: из них около 650 F-86 «Сэйбр». При этом потери МиГов составили лишь 335 машин³. Китайские летчики под руководством советских специалистов освоили современную тактику ведения боевых действий реактивной авиации, получили реальный боевой опыт, научились использовать сильные стороны своей авиатехники и вооружения, находить слабые места у новейших в то время американских реактивных истребителей F-86 «Сэйбр» и несмотря на значительные потери – одерживать победу над ними.

После окончания боевых действий на Корейском полуострове в советско-китайском сотрудничестве в сфере авиации основной акцент стал делаться на оказании технологической помощи китайскому авиапрому. В Китае по советским лицензиям было налажено серийное производство современных самолетов разных типов и назначения. В 1957 г. начался выпуск истребителей МиГ-17 (Цзянь-5), в 1959 г. – МиГ-19 (Цзянь-6).

После разрыва советско-китайских отношений, на основе нелегального копирования советского истребителя МиГ-21, один из которых был задержан китайцами из состава авиатехники, поставлявшейся СССР через территорию КНР в сражающийся с американскими войсками Вьетнам, была создана китайская версия самолета этого типа под обозначением Цзянь-7. Эта машина стала одной из самых массовых, больше других выпускавшихся и состоявших на вооружении истребительной авиации ВВС НОАК. По советской лицензии Китай стал серийно выпускать фронтовые бомбардировщики Ил-28 (Хун-5). На основании поставленной еще до свертывания военно-технических связей между двумя странами проектно-технической документации китайские авиастроители наладили производство дальних бомбардировщиков Ту-16 (Хун-6), а также транспортных самолетов Ан-24 и Ан-12 (Юнь-7 и Юнь-8).

Указанные самолеты составляли основу парка авиационной техники ВВС НОАК вплоть до конца 80-х гг. XX в., а последние модификации «Хун-6», «Юнь-7» и «Юнь-8» до сих пор стоят на вооружении и могут достаточно эффективно выполнять свои функции.

Предназначение, цели и задачи ВВС НОАК

Военно-воздушные силы НОАК – вид вооруженных сил, предназначенный для ведения самостоятельных и совместных с другими видами (родами) вооруженных сил боевых действий в интересах уничтожения авиационных, сухопутных и морских группировок противника, дезорганизации функционирования системы государственного и военного управления, вывода из строя государственной и военной инфраструктуры, нарушения работы тыла и транспорта, подрыва военно-экономического потенциала противника, авиационной поддержки своих войск и сил флота, ведения воздушной разведки, радиоэлектронной борьбы, целеуказания и управления действиями авиации. Воздушные командные пункты в чрезвычайных ситуациях могут использоваться как центры государственного и военного управления.

Цели (задачи) авиации подразделяются на оборонительные и наступательные. К оборонительным относятся: недопущение завоевания противником превосходства (господства) в воздухе, отражение (срыв) массированных ракетно-авиационных ударов, защита от ударов с воздуха пунктов государственного и военного управления, объектов экономической и военной инфраструктуры государства, населения, группировок войск (сил).

К наступательным – завоевание превосходства (господства) в воздухе, поражение группировок средств воздушно-космического нападения противника, его войск (сил), включая ПВО/ПРО, вооружения и военной техники, снижение военного и экономического потенциала, дезорганизация системы государственного и военного управления, изоляция района боевых действий, нарушение работы тылового обеспечения войск, вывод из строя транспортной инфраструктуры и коммуникаций.

Система управления и организационная структура ВВС НОАК

ВВС НОАК возглавляются главнокомандующим, который является одним из заместителей министра обороны КНР. Основным органом управления, посредством которого главнокомандующий руководит боевой и повседневной деятельностью военно-воздушных сил, является Главный штаб ВВС НОАК. В его функции входит: обеспечение боевой и мобилизационной готовности ВВС, подготовка оперативных документов, оценка сведений об обстановке, разработка предложений для принятия решений на проведение операций, их планирование, подготовка приказов и их доведение до нижестоящих штабов, контроль исполнения, обеспечение взаимодействия органов оперативного управления формирований других видов (родов) войск в ходе совместных операций, организация боевой подготовки, оперативного (боевого), технического и тылового обеспечения. Общая численность личного состава ВВС НОАК составляет приблизительно 330 тыс. человек⁴.

Основными родами авиации ВВС НОАК являются истребительная, истребительно-бомбардировочная, бомбардировочная, военно-транспортная и разведывательная. В состав ВВС НОАК входят также наземные силы ПВО, включающие формирования зенитно-ракетных систем (ЗРС) и ствольной зенитной артиллерии, а также воздушно-десантные войска*.

Оперативным объединением ВВС НОАК является воздушная армия, которая включает в себя несколько соединений и частей. К тактическим соединениям относится авиадивизия, частям – авиаполк, подразделениям – эскадрилья. Авиадивизия состоит из трех авиаполков, авиаполк – из трех эскадрилий, эскадрилья – из трех звеньев, звено включает три самолета в бомбардировочной и четыре-пять – в истребительной и истребительно-бомбардировочной авиации.

Военно-воздушные силы разделены на группировки, которые наряду с сухопутными войсками входят в состав семи военных округов: Пекинского, Шэньяньского, Цзинаньского, Ланьчжоуского, Наньцзиньского, Гуанчжоуского и Чэньдуского. В оперативном подчинении указанных округов находится несколько авиационных дивизий, отдельных полков и других частей. Количество дивизий, находящихся в составе военного округа, зависит от размеров последнего. Например, в самых крупных из них – Гуаньчжоуском и Шэньянском имеется по семь авиадивизий.

Структура авиационного парка ВВС НОАК

В 2004 г. в КНР был разработан и принят официальный документ под названием «Интеграционные воздушные и космические операции», представлявший собой новую стратегию и тактику ведения боевых действий в воздушно-космической сфере. В соответствии с его положениями, при формировании авиационного парка ВВС НОАК из его состава активно выводятся образцы авиационной техники и вооружения, которые не отвечают современным требованиям встраиваемости в единое информационное пространство и сопряжения со средствами всестороннего обеспечения решения задач управления, целеуказания, навигации, связи и т.д.⁵

За период с 1995 по 2012 гг. численность личного состава ВВС НОАК уменьшилась с 490 до 330 тыс. человек. В процессе реализации программы модернизации общее количество боевых самолетов в самолетном парке ВВС НОАК за указанный период сократилось с 5300 ед. до 1693 ед.⁶ Численность бомбардировщиков уменьшена в 7,5 раз с 630 ед. до 82 ед.⁷ Из боевого состава были полностью выведены фронтовые бомбардировщики Хун-5, представляющие собой китайскую копию Ил-28 – советской машины кон-

* В силу ограниченного объема статьи наземные силы ПВО и воздушно-десантные войска в ней не рассматриваются.

ца 40-х гг. прошлого века, а также все первые модификации дальнего бомбардировщика Хун-6 – китайского клона известного советского самолета Ту-16, в 1950-е гг. являвшегося основным носителем ядерного оружия СССР. В 1985 г. на вооружении дальней авиации ВВС НОАК находилось 120 самолетов этого типа⁸. К 2012 г. осталось 82 машины самых последних версий, подвергшихся глубокой модернизации, в процессе которой они были адаптированы для применения высокоточного оружия: крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) разного назначения, в том числе КРВБ большой дальности в ядерном оснащении. Существенные количественные и качественные изменения произошли в истребительно-бомбардировочной и штурмовой авиации. Из ее состава были выведены самолеты авиационной поддержки войск (непосредственной авиационной поддержки) Q-5, которых в 1995 г. насчитывалось 500 ед., а в модификации Q-5C/D/E к 2005 г. оставалось до 300 ед.⁹

К 2012 г. за счет вывода из боевого состава морально и физически устаревших самолетов JZ-6 на базе советских машин начала 60-х гг. прошлого века МиГ-19Р в самолетном парке ВВС НОАК существенно уменьшилось, общее количество самолетов-разведчиков. В 2012 г. в ВВС НОАК имелось 99 разведывательных самолетов JZ-8F¹⁰.

Фронтальная истребительная авиация в период с 1985 по 2012 гг. была сокращена с 4000 до 1570 машин¹¹. Из боевого состава были фактически полностью выведены самолеты второго и частично третьего поколения. В частности, с вооружения полностью сняты истребители «Цзянь-5» и «Цзянь-6». Из линейки самолетов «Цзянь-7» и «Цзянь-8» в боевом составе в 2012 г. осталось 720 ед. из них «Цзянь 811В», «Цзянь 811D», «Цзянь 8F» и «Цзянь 811 – 168 ед.¹² В период с 1985 г. по 2005 гг. машины этих типов составляли основу фронтальной истребительной авиации ВВС НОАК. Всего ВВС НОАК имеют в своем составе 33 авиационных: 3 бомбардировочные, 4 истребительно-бомбардировочные, 24 истребительные и 2 транспортные.

Истребительная авиация ВВС НОАК

Истребительная авиация – род военной авиации, основным предназначением которого является борьба с воздушным противником: самолетами, вертолетами, беспилотными летательными аппаратами, крылатыми ракетами. Может привлекаться для уничтожения наземных и морских целей, а также для ведения воздушной разведки. В последнее время рассматривается возможность использования самолетов истребительной авиации для поражения баллистических ракет.

Несмотря на то, что в самолетном парке истребительной авиации ВВС НОАК остается довольно значительное количество истребителей третьего поколения, таких как Цзянь-8 различных модификаций*, основу ее боевой мощи в настоящее время составляют легкие «Цзянь-10» и тяжелые многофункциональные фронтальные истребители Су-27 российского и китайского производства (последние получили китайское обозначение «Цзянь-11»). Импортные из России многофункциональные самолеты Су-27 СК («Цзянь-11») разных модификаций, а также их китайские копии относятся к самолетам четвертого поколения, в то время как Су-30 МКК и Су-30 МК2 считаются самолетами поколения «4+».

Таких машин в самолетном парке фронтальной авиации ВВС НОАК в 2012 г. насчитывалось 340 ед., из них: «Цзянь 10A/S» – более 200 ед., «Цзянь 11B/BS» – более 70 ед., за-

* По свидетельству военных экспертов, создание и дальнейшее развитие Цзянь-8 стало важным этапом национальной программы военного самолетостроения. Первоначально спроектированный как истребитель-перехватчик для решения задач ПВО в процессе глубокой модернизации он стал первым китайским полноценным многофункциональным истребителем, который по ряду параметров приблизился к самолетам четвертого поколения американской, европейской и советской (российской) разработки.

купленных в России Су-30 МКК – 73 ед., Су-27СК – 43 ед.¹³ По совокупной численности группировки самолетов четвертого поколения и поколения «4+» КНР занимает второе место в мире после США, обгоняя Россию, которая имеет не более 230 таких машин¹⁴.

Что же представляют собой находящиеся на вооружении ВВС НОАК многофункциональные истребители «Цзянь-10» и «Цзянь-11»?

В середине 80-х годов прошлого века в КНР была принята программа разработки истребителя нового, четвертого поколения. Согласно первоначальному техническому заданию, определявшему облик, тактико-технические и летно-эксплуатационные характеристики самолета, он задумывался как истребитель для завоевания превосходства (господства) в воздухе, по своим боевым возможностям способный противостоять наиболее современным на тот период времени машинам, таким как F-16, МиГ-29М, «Рафаль», «Еврофайтер-2000». На «Цзянь-10» предполагалось заменить состоявшие на вооружении, морально и физически устаревшие самолеты «Цзянь-6», «Цзянь-7», Q-5. Первоначально создавать новый самолет под условным обозначением «Проект 8610», который бы по ряду параметров соответствовал самолетам четвертого поколения европейской, американской и российской разработки, планировалось силами национального авиапрома. Однако проанализировав уровень имевшихся в то время отечественных технологий в авиастроении, а также наработок и заделов, необходимых для проектирования самолетов нового поколения, китайские специалисты пришли к выводу, что реализовать данный проект в намеченные сроки, опираясь на собственные силы, не представляется возможным. На основании этого вывода политическим и военным руководством Китая было принято решение создавать самолет на основе международной кооперации. Для участия в программе была выбрана израильская авиастроительная корпорация IAI, которая к тому времени уже имела собственную разработку легкого истребителя «Лави», созданного при содействии американских специалистов по образу и подобию известной и хорошо зарекомендовавшей себя американской машины F-16. Однако в силу того, что при создании указанного израильского самолета широко использовались американские технологии, а сам он строился на основе применения производившихся в США компонентов и агрегатов, под давлением Вашингтона Израиль в 1987 г. был вынужден выйти из проекта. Тем не менее, к тому времени израильские специалисты успели передать своим китайским партнерам большую часть проектно-конструкторской документации по программе создания самолета «Лави». Представленные в ней технические решения и наработки, в частности, аэродинамическая схема, системы управления вооружением были положены в основу при создании нового китайского самолета, получившего обозначение «Цзянь-10». В процессе работы над проектом были учтены также и новые тенденции в мировом военном самолетостроении. Ведущие страны-производители авиационной техники стали уделять повышенное внимание расширению спектра ее боевых возможностей, то есть многофункциональности применения – способности решать задачи воздушного боя и нанесения ударов по наземным и морским целям.

Уточненное техническое задание направило усилия китайских разработчиков в направлении создания многофункциональной машины, тактико-технические характеристики и конструкция которой обеспечивали бы возможность применения широкого спектра ракетного вооружения, такого как управляемые ракеты (УР) класса «воздух-воздух», «воздух-поверхность», «воздух-РЛС», разовые бомбовые кассеты, свободно-падающие и корректируемые авиабомбы с лазерным наведением.

Первоначально предполагалось оснащать «Цзянь-10» двигательными установками западного или китайского производства. Однако разработка последних серьезно отставала от графика, а после событий на площади Тяньаньмэнь США и их партнеры прекратили военно-техническое сотрудничество с КНР: было введено эмбарго на поставки в Китай вооружения и военной техники, а также оборудования «двойного назначения». В результате программа претерпела довольно значительные изменения. Было принято решение оснащать самолет российскими турбореактивными двигателями АЛ-31Ф производства АО

«Люлька-Сатурн», с тягой 12 500 кг, что потребовало адаптировать к ним конструкцию самолета. Одновременно к работе над проектом были привлечены российские специалисты. Впоследствии Россия стала поставлять в КНР для оснащения «Цзянь-10» и его модификаций усовершенствованные двигатели этого типа АЛ-31 ФН с тягой 12 700 кг.

Первый полет «Цзянь-10А» состоялся 22 марта 1998 г. После завершения полного цикла государственных испытаний в июле 2004 г. он стал поступать на вооружение ВВС НОАК¹⁵.

Создание этого самолета обеспечило достаточно мощный рывок китайского авиапрома, в результате которого были созданы национальная конструкторская школа в авиастроении и современные технологии в этой области, давшие КНР способность и в дальнейшем производить конкурентоспособные образцы авиационной техники разных типов и назначения.

Основные тактико-технические и летные характеристики многофункционального истребителя «Цзянь-10»: максимальный взлетный вес 19 277 кг, максимальная скорость 2,2 Маха (М) на высоте и 1,2 М над уровнем моря, боевой радиус с дозаправкой в воздухе 1600 км, без дозаправки в воздухе 550 км. Самолет имеет 11 узлов подвески (6 – под крыльями и 5 – под фюзеляжем). Он оснащен вооружением широкого спектра, позволяющим поражать воздушные, а также наземные и надводные цели, может нести боевую нагрузку до 6000 кг: неуправляемые авиационные ракеты (НАР), управляемые ракеты (УР) класса «воздух-воздух»: PL-8, PL-9, PL-11, PL-12. УР класса «воздух-поверхность»: PJ-9, YJ-9К, корректируемые авиабомбы (КАБ) с лазерным наведением LT-2 калибра 500 кг, планирующие (LS-6) и свободнопадающие авиабомбы калибра от 50 до 500 кг; разовые бомбовые кассеты. Стрелково-пушечное вооружение представлено встроенной 30 мм автоматической пушкой. Самолет имеет современное бортовое радиоэлектронное оборудование (БРЭО): систему управления вооружением, включающую интегрированный радиолокационный прицельный комплекс NPIET KL-10 с бортовой РЛС с фазированной антенной решеткой, а также оптико-локационную станцию. Он может оснащаться подвесными подфюзеляжными контейнерами различного назначения, а именно: с аппаратурой электронной разведки KZ900; с инфракрасным и лазерным прицельным комплексом для подсветки наземных целей; со станцией активных помех¹⁶.

Наиболее современными машинами в авиапарке ВВС НОАК, безусловно, являются самолеты семейства Су-27 и Су-30. Принятие на вооружение ВВС НОАК поставленных из России, произведенных по российской лицензии Су-27 и их модификаций, а также налаживание безлицензионного производства китайских копий самолета этой марки, до сих пор являющегося, по оценкам независимых специалистов, лучшим в классе тяжелых фронтовых истребителей, истребителей-перехватчиков и многофункциональных истребителей мира, существенно увеличило мощь ВВС НОАК, коренным образом изменив их облик. Более того, освоение технологий производства в Китае истребителей Су-27 на десятилетие сократило цикл создания китайским авиапромом самолетов четвертого поколения, сформировало национальные конструкторские школы, не только послужило дальнейшему развитию машиностроения, радиоэлектроники, химической индустрии, но и способствовало зарождению в КНР новых отраслей промышленности.

Стоит коснуться истории вопроса о поставках и лицензионном производстве в КНР Су-27. Переговоры о закупке Китаем самолетов данного типа начались в последние годы существования СССР, однако реальные их поставки и программа лицензионного производства были осуществлены уже Российской Федерацией. Первая партия, состоявшая из 20 одноместных истребителей и 6 двухместных самолетов в варианте учебно-боевых машин (УБК), построенных, соответственно, в Комсомольске-на-Амуре и Новосибирске, поступила в Китай в 1992 г. В 1993 г. был подписан контракт на поставку еще 16 Су-27 в модификации СК и шести в варианте УБК. В 2001–2003 гг. на вооружение ВВС НОАК поступила вторая партия построенных в Авиационном производственном объеди-

нении им. Ю.А. Гагарина (Комсомольск-на-Амуре) многофункциональных истребителей Су-30 МКК, способных выполнять задачи по поражению наземных целей. Часть из них была оснащена современными РЛС, включая НОО1ВЕР и «Жук-МС».

В 1998 г. с помощью российских специалистов и по российскому проекту были переоборудованы цеха на авиастроительном заводе в г. Шэньяне для лицензионной сборки самолетов этого типа. Несколько групп китайских инженеров и техников прошли практику на Авиацонном производственном объединении им. Ю.А. Гагарина.

Лицензионная программа, рассчитанная на 10 лет, предусматривала сборку в КНР 200 самолетов, 105 из которых должны были собираться из машинокомплектов, поставленных из России. Предполагалось постепенно увеличивать долю узлов и агрегатов китайской сборки по мере налаживания их производства в стране.

Однако после сборки первой партии самолетов китайская сторона в нарушение контрактных обязательств отказалась от дальнейшего производства самолетов из российских комплектующих, полностью наладив их отечественный выпуск. Самостоятельная китайская версия Су-27СК получила обозначение «Цзянь-11». Китайские представители мотивировали свой отказ от лицензионного производства тем, что самолет этой марки, будучи полной копией истребителя, разработанного в СССР еще в конце 1970-х гг., морально устарел и не удовлетворял современным требованиям многофункционального самолета, его боевое применение ограничивалось лишь решением задач по обеспечению ПВО и завоеванию превосходства (господства) в воздухе, а вооружение и системы управления не позволяли адаптировать машину к новым типам разработанного в КНР авиационного ракетного вооружения, такого как управляемые ракеты (УР) PL-8 и PL-12. Кроме того, китайскую сторону не удовлетворял боевой радиус базового самолета и отсутствие на нем системы дозаправки в воздухе. По свидетельству журнала «Авиация и космонавтика вчера, сегодня, завтра»¹⁷, «проект такой модернизации был предложен Россией КНР в 2003 г.». Усовершенствованный вариант истребителя Су-27СК мог быть реализован как в ходе серийной постройки, так и в процессе доработки построенных истребителей «Цзянь-11». На первом этапе планировалось существенно увеличить боевой радиус самолета за счет его оснащения топливopриемником и новой конструкцией крыла, позволяющей подвешивать подкрыльевые топливные баки¹⁸.

Предложения российских специалистов по усовершенствованию Су-27 СК и «Цзянь-11» были во многом реализованы китайцами самостоятельно в модернизированном варианте машины, получившем китайское обозначение «Цзянь-11А»¹⁹. В дальнейшем Китай, отказавшись от помощи российских специалистов, приступил к дальнейшему развитию и модернизации «Цзянь-11». На первом этапе на нем устанавливался новый китайский турбореактивный двигатель «Вошань 10А» (WS-10А), представлявший собой гибрид российских и французских разработок авиационных энергетических установок. На втором – он оснащался новой РЛС и бортовым радиоэлектронным оборудованием (БРЭО) китайского производства.

Вместо российской бортовой РЛС «Панда» на нем устанавливался китайской радар «Тип 1474» (KLJ-4), представляющий собой, усовершенствованную копию российского радиоприцела НОО1разработки НИИП им. В.В. Тихомирова, которая обеспечивала возможность обстрела двух воздушных целей, применение авиабомб и имела высокую степень помехозащищенности²⁰. В перспективе на всех модификациях истребителя данного типа планировалось устанавливать новейшую бортовую РЛС с фазированной антенной решеткой активного типа, разработка которой ведется в КНР с 2004 г. Приборное оборудование самолета выполнено по принципу «стеклянной кабины», позволяющей с помощью многофункциональных жидкокристаллических индикаторов отображать в реальном масштабе времени техническое состояние различных систем и оборудование самолета, а также и боевую обстановку. Кабина оборудована новым широкоугольным индикатором на лобовом стекле (ИЛС) с голографической оптикой. Новыми элементами

вооружения машины данной модификации стали ракеты класса «воздух-воздух» большой дальности PL-8B и PL-12 китайской разработки и производства.

Все эти новации позволяют в первом приближении отнести многофункциональный истребитель «Цзянь-11B» к поколению «4+». С 2007 г. началось малосерийное производство самолета в такой комплектации, и он поступил на вооружение ВВС НОАК. Однако из-за ряда проблем при эксплуатации машины, связанных, главным образом, с двигателем WS-10, отличавшимся весьма низким ресурсом безаварийной работы, было принято решение переоснастить, как ранее выпущенные, так и строящиеся самолеты данной модификации российскими двигателями АЛ-31Ф.

Работы по созданию «Цзянь-10», а также налаживание в Китае лицензионного производства Су-27 и дальнейшее самостоятельное развитие базовой модели создали мощный фундамент, позволяющий начать НИОКР по проектированию многофункционального истребителя пятого поколения. Успешная реализация этого проекта обеспечит Китаю возможность войти в число ведущих авиационных держав мира.

Прототип такого самолета впервые был показан в январе 2011 г. во время официального визита в КНР министра обороны США Роберта Гейтса. По мнению авиационных экспертов, внешний облик и компоновка нового китайского многофункционального истребителя под обозначением «Цзянь-20» во многом напоминает многофункциональный истребитель российской самолетостроительной корпорации (РСК) МиГ-МФИ 1.42, конкурировавший с самолетом ОКБ Сухого Т-50 на конкурсе по выбору проекта перспективного авиационного комплекса фронтовой авиации (ПАК ФА). Предполагается, что специалисты МиГа, участвовавшие в программе по разработке FC-1 и «Цзянь-10», могли допустить утечку информации по МФИ 1.42.

Главный редактор выходящего в Канаде издания Kanwa Asian Defence, специализирующегося на исследовании военных потенциалов стран Азии, главным образом, КНР, А. Чан считал, что говорить о «Цзянь-20», как о полноценном истребителе пятого поколения преждевременно. Машина не дотягивает по многим характеристикам как до российского Т-50, так и до американского F-22 Raptor. Ее можно пока оценить как самолет поколения «4+»²¹. 31 октября 2012 г. в воздух был поднят прототип более легкого китайского истребителя пятого поколения «Цзянь-31» – аналога американского F-35 Lightning. Он предназначается как для решения задач обеспечения превосходства (господства) в воздухе, так и для поражения наземных и морских целей. Предполагается, что на его базе будет создан палубный вариант для базирования на авианосцах²².

В настоящее время Пекин ведет переговоры о закупке партии из 26 российских многофункциональных истребителей поколения «4++» Су-35, являющихся переходной моделью между последней версией Су 30 и перспективным авиационным комплексом пятого поколения Т-50. Получив Су-35, Китай сможет решить две задачи: с одной стороны, до принятия на вооружение своих ВВС «Цзянь-20» сформировать авиационную группировку, способную практически на равных противостоять американским F-22 и F-35, а с другой – скопировать те системы и агрегаты российского самолета, которые приближают его к пятому поколению.

Истребительно-бомбардировочная авиация

Истребительно-бомбардировочная авиация – род военной авиации, предназначенный как для поражения наземных и морских целей в тактической и оперативной глубине, так и для борьбы с самолетами, вертолетами, беспилотными летательными аппаратами, крылатыми ракетами. Может привлекаться для авиационной поддержки войск, ведения воздушной разведки и решения других задач.

После снятия с вооружения морально и физически устаревших истребителей-бомбардировщиков (штурмовиков) «Nanchang Q-5» практически единственным предста-

витеlem этого рода авиации в ВВС НОАК является самолет поколения «3+» «Цзянь-Хун-7» в нескольких его модификациях.

Машина этого типа была разработана и принята на вооружение ВВС НОАК в период наиболее интенсивного развития военно-технического сотрудничества с Западом. По внешнему виду, компоновке и вооружению базовый вариант самолета аналогичен англо-французскому SEPECAT Jaguar. Первоначально «Цзянь-Хун-7» оснащался английскими турбореактивными двигателями Rolls-Royce Spey. Первый испытательный образец самолета поднялся в воздух в декабре 1988 г. и только в 2003 г. после значительной доработки, включавшей, в частности, установку нового более совершенного и надежного бортового радиоэлектронного оборудования с бортовой радиолокационной станцией (БРЛС) с улучшенными характеристиками и увеличенной дальностью, а также двигателя. лицензионное производство которого было налажено под китайским обозначением WS-9, самолеты этого типа были приняты на вооружение ВВС НОАК. Более поздняя модификация машины «Цзянь-Хун-7А», способная применять высокоточное оружие, поступила в строевые части ВВС НОАК в 2004 г. В этой версии самолет оснащен цифровым бортовым радиоэлектронным оборудованием с усовершенствованной многофункциональной БРЛС JL-10А, которая позволяет применять новые противорадиолокационные ракеты Х-31П российского и КД-88 китайского производства, а также китайские противокорабельные ракеты (ПКР) YJ-91, С-801/802. Он может нести подвесные контейнеры как с инфракрасной и лазерной прицельной аппаратурой для подсветки наземных целей, позволяющей применение корректируемых авиационных бомб (КАБ) с лазерным наведением, так и с аппаратурой радиоэлектронной борьбы (РЭБ) (станцией активных помех). По своим боевым возможностям «Цзянь-Хун 7А» примерно соответствует истребителю-бомбардировщику Panavia Tornado²³.

Считается, что «Цзянь-Хун-7» не может на равных противостоять современным истребителям. Поэтому его целесообразно использовать преимущественно для поражения наземных и надводных целей. Самолеты этого типа до настоящего времени состоят на вооружении ВВС НОАК. Следует отметить, что они принимают участие практически во всех учениях Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) «Мирная миссия», включая последние, состоявшиеся в августе 2013 г., где они совместно с российскими самолетами успешно поразили объекты условных террористических группировок корректируемыми авиабомбами с лазерным наведением.

Разведывательная авиация ВВС НОАК

Разведывательная авиация – род авиации, предназначенный для ведения воздушной разведки, вскрытия расположения объектов и военной техники противника в зоне боевых действий. Этот род ВВС НОАК представлен практически единственным типом самолета-разведчика JZ-8F. В 2012 г. численность таких специализированных самолетов в ВВС НОАК составляла 99 ед.²⁴ От базовой модели JZ-8F отличается тем, что на нем вместо 23-мм пушки установлено фотооборудование. Сравнительно небольшая численность разведывательных самолетов в ВВС НОАК в какой-то мере компенсируется в том, что касается обнаружения наземных, морских и воздушных целей в зоне боевого соприкосновения с противником на удалении свыше 300 км, их захвата, сопровождения и передачи данных целеуказания средствам поражения, а также контроля над передвижением надводных кораблей, принятием на вооружение восьми самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и управления авиацией (ДРЛОиУ) – четырех КJ-2000 и четырех КJ-200. В качестве воздушной платформы комплекса КJ-200 использован российский (советский) военно-транспортный самолет ИЛ-76 МД. Он оснащен РЛС с активной фазированной решеткой (АФАР) разработки китайских конструкторов.

КJ-200 создан на базе китайского транспортника «Юнь-8». На нем смонтированы две плоских АФАР в неподвижном обтекателе.

Бомбардировочная авиация ВВС НОАК

Бомбардировочная авиация – род военной авиации, основным предназначением которого является уничтожение группировок войск, аэродромов, позиционных районов баллистических ракет, пунктов государственного и военного управления, промышленно-промышленных центров, объектов энергетики и инфраструктуры, преимущественно в оперативной и стратегической глубине. Является главным ударным средством ВВС НОАК, на вооружении которого имеются управляемые ракеты «воздух-поверхность», противокорабельные ракеты (ПКР), крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ), включая КРВБ большой дальности в ядерном оснащении, а также свободнопадающие и корректируемые авиабомбы с лазерным наведением и разовые бомбовые кассеты.

После вывода из боевого состава фронтовых бомбардировщиков «Сиань Хун-5» (китайская копия известного советского самолета Ил-28, созданного в конце 40-х годов прошлого века) единственным представителем бомбардировочной авиации в ВВС КНР остался средний бомбардировщик «Сиань Хун-6», который условно можно назвать дальним. Серийное производство самолетов этого типа, являвшихся китайским клоном советского бомбардировщика Ту-16 в разных его модификациях (Ту-16К/16КС), было налажено на авиазаводе в г. Сиань*. В ВВС НОАК они получили обозначение «Хун-6А» и предназначались для доставки к целям ядерного оружия – свободно падающих атомных и водородных бомб. Для применения боеприпасов в обычном снаряжении планировалось использовать самолеты данного типа в варианте «Хун-6 С». Отличительной особенностью указанной модификации бомбардировщика явилось его оснащение аппаратурой радиоэлектронной борьбы (РЭБ), и он мог использоваться как самолет РЭБ. В ограниченных количествах поступали на вооружение самолеты-разведчики «Хун-6В».

С разработкой в КНР авиационного ракетного вооружения, включая противокорабельные ракеты (ПКР), китайская авиапромышленность освоила выпуск специально приспособленного для поражения кораблей и подводных лодок самолета данного типа в модификации «Хун-6Д», способного нести на подкрыльевых узлах подвески две противокорабельные ракеты С-601 или С-301. Позднее «Хун-6Д» стали оснащаться четырьмя сверхзвуковыми ПКР С-101.

В конце 1980-х гг. выпуск самолетов «Хун-6» был прекращен на том основании, что они не были в состоянии преодолевать современную ПВО и не могли гарантированно доставлять к цели как обычные, так и ядерные бомбы. С этого времени часть бомбардировщиков «Хун-6» была доработана с целью их применения в качестве топливозаправщика. Первая партия самолетов-танкеров НУ-6 отличалась от обычных бомбардировщиков только тем, что они оснащались двумя подкрыльевыми заправочными агрегатами RDC-1 – копиями английских устройств МК32, производившихся компанией Flight Refuelling Limited. Последующие версии самолета оснащались модернизированными системами радиоэлектронного подавления (РЭП). Машины, доработанные до этого стан-

* Соглашение о лицензионном производстве самолета Ту-16 на авиационном заводе в г. Сиань было подписано до разрыва советско-китайских связей, произошедшего в конце 50-х годов из-за разногласий двух стран по важнейшим проблемам мирового развития. По этому соглашению СССР поставил в КНР несколько машинокомплектов, из которых была собрана первая партия самолетов данного типа. В дальнейшем китайские специалисты, основываясь на полученной проектной документации и используя метод риверсной инженерии, воспроизвели все агрегаты и системы самолета, включая его двигательную установку – турбо-реактивный двигатель Микулина АМ-3, получивший китайское обозначение WP-8.

дарта, получили обозначение «Хун-6F». На них сохранялась система управления вооружением, пушки, РЛС, и они могли применяться как боевые.

На более поздних версиях самолетов-заправщиков HУ-6U с целью повышения вместимости баков были демонтированы системы управления вооружением, пушки и прицельно-навигационное оборудование. В результате емкость баков, включая те, которые размещались в бывших бомбоотсеках, была увеличена до 40 т.

С разработкой в Китае крылатых ракет различного назначения, включая высокоточные крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) большой дальности, которые могли оснащаться ядерными боеголовками, самолеты Хун-6 получили возможность применяться в качестве ракетоносцев, которые могли осуществлять пуск ракет, не заходя в зону действия ПВО и истребителей вероятного противника. В противокорабельном варианте они были способны наносить удары по кораблям, вероятного противника, входящим в авианосную ударную группу (АУГ), и таким образом, применительно к операции по обеспечению контроля над Тайванем становились одним из основных ударных элементов «стратегии недопущения», то есть могли реально воспрепятствовать проходу американских корабельных группировок, включая АУГ, в акваторию острова в случае принятия руководством КНР решения на использование силового варианта его возвращения под юрисдикцию Пекина.

В 2006 г. был налажен серийный выпуск таких противокорабельных самолетов в модификации «Хун-6М». Они были оборудованы понсковыми РЛС «тип 245» и четырьмя подкрыльевыми узлами подвески ПКР YJ-83/YJ-62 (С803/С602). Согласно некоторым источникам, самолет данного типа оснащается системой следования рельефу местности и в целях преодоления системы ПВО обладает способностью полета на сверхмалых высотах. Для увеличения боевого радиуса на нем на месте бомбоотсека устанавливался дополнительный топливный бак. В варианте «Хун-6Н» самолет мог оснащаться двумя ПКР KD-63 или перспективными крылатыми ракетами KD-88.

В январе 2007 г. в воздух поднялся новейший носитель крылатых ракет в модификации «Хун-6К» с шестью подкрыльевыми узлами подвески. Благодаря установке двух российских турбореактивных двигателей Д-30КП-20 производства НПО «Сатурн» был увеличен как боевой радиус самолета, который достиг 3500 км, так и его боевая нагрузка. Это наряду с современной многофункциональной РЛС, эффективным бортовым комплексом обороны, позволяющим преодолевать достаточно мощные системы ПВО, бортовым радиоэлектронным оборудованием (БРЭО) с кабиной летчиков со «стеклянным» информационно-управляющим полем на основе многофункциональных жидкокристаллических индикаторов, а главное, с новым вооружением – крылатыми ракетами воздушного базирования CJ-10А с дальностью полета 2500 км позволило данной модификации самолета приобрести черты достаточно современного стратегического авиационного комплекса дальней авиации. Ракетоносцы модификаций «Хун-6 К» и «Хун-6 М» предназначены для выполнения двух основных задач, а именно: нанесения ядерных ударов по стратегическим целям, находящимся в пределах театра военных действий; уничтожения авианосных ударных групп (АУГ) ВМС.

Их действия могут обеспечиваться самолетами дальнего радиолокационного обнаружения и управления авиацией (ДРЛОиУ) и прикрываться самолетами-постановщиками помех. Пуски крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) будут осуществляться вне зоны действия средств ПВО и истребительной авиации противника.

На конец 2012 г. – на вооружении ВВС НОАК состояло 82 самолета Хун-6 последних модификаций²⁵. Параллельно с модернизацией и развитием «Хун-6» китайские специалисты ведут интенсивную работу по созданию стратегических ракетоносцев нового поколения «Хун-8» и «Хун-10». В ходе разработки перспективных комплексов дальней авиации основное внимание уделяется решению таких задач, как понижение уровня их заметности для РЛС и увеличение боевого радиуса и боевой нагрузки. По информа-

ции американских источников, в конструкции обоих бомбардировщиков используется много элементов, заимствованных у американских самолетов В-2 Spirit и F-117. Это объясняется, в частности, тем, что китайским конструкторам удалось скопировать некоторые из американских наработок в области технологии малозаметности «Стелс» благодаря добытой китайскими спецслужбами и киберформированиями проектно-конструкторской документации по В-2, а также исследованию фрагментов сбитого югославскими средствами ПВО истребителя-невидимки F-117, которые впоследствии были переданы Китаю.

Параллельно с разработкой пилотируемых ракетноносных комплексов дальней авиации китайские авиаконструкторы ведут ряд НИОКР по созданию ударных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) большой дальности, включая БПЛА палубного базирования.

(Окончание в следующем номере)

1. Демин А. Авиация великого соседа. Кн. 1. У истоков китайской авиации. М., 2008. С. 284.
2. Вооруженные силы стран мира. 2013. № 10. (1248.01) лист 01.
3. Вооруженные силы стран мира. 2013. № 11. С. 484, лист 01.
4. Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 36.
5. Рассчитано по: Cordesman A.H., Yarosh N.S. Chinese Military Modernization. Revised. 7.30. 2012. P. 135–136.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Авиация и космонавтика. 2013. № 8. С. 42.
13. Там же.
14. Jian-10 Multirole Fighter Aircraft. URL: http://www.sinodefence.com/airforce_fighter/j-10.asp.
15. Ibid.
16. Авиация и космонавтика вчера, сегодня и завтра. 2013. № 8. С. 42.
17. Там же.
18. Там же. С. 44.
19. Известия. 2011. 12 янв.
20. Там же.
21. Grant R. Meet the New PLAAF. 2013. January. P. 2. URL: <http://www.airforcemag.com/Magazine/Archive/Pages/2013/January.%202013/0113PL...> 25.11.2013.
22. Мировая авиация. 2013. № 226. Файл 0049, лист 02.
23. Cordesman A.H., Yarosh N.S. Chinese Military Modernization. Revised. 7.30. 2012. P. 135–136.
24. Мировая авиация. 2013. № 227. Файл 0049, лист 02.
25. Cordesman A.H., Yarosh N.S. Op. cit. P. 135–136.

Диверсификация источников финансирования транспортной отрасли КНР

© 2014

С. Сазонов

В начале XXI в. возросла актуальность вопросов финансирования развития транспортного комплекса КНР. Хотя бюджетные ассигнования в эту сферу являются там крупнейшими в мире, китайское правительство создает благоприятные условия для полноценного участия в нем отечественного и зарубежного частного капитала.

Ключевые слова: транспортный комплекс КНР, диверсификация капиталовложений, инвестиционный климат, государственно-частное партнерство (ГЧП), косвенная приватизация.

Инфраструктурные проекты обычно характеризуются высокой капиталоемкостью, большими инвестиционными рисками, длительным сроком фондотдачи. Поэтому руководство КНР в целях ускорения коренной модернизации отрасли (имея в виду, в первую очередь, обновление производственных фондов, качественное совершенствование инфраструктурной сети и парка подвижного состава) приступило к *диверсификации источников капиталовложений* — привлечению дополнительных источников финансирования, включая зарубежные. Если поначалу ПИИ в основном привлекались в форме займов, предоставляемых международными финансовыми организациями (ВБ, МВФ, МБРР), то по мере развития реформы транспортной отрасли Китай стал привлекать ПИИ, обеспечивающие в первую очередь абсорбцию передовых западных технологий.

Для привлечения финансовых средств из-за рубежа в транспортную отрасль, характеризующуюся долгими сроками окупаемости при значительных затратах, требовалось создание особо привлекательного инвестиционного климата и обеспечение его стабильности. Руководство КНР уделяло приоритетное внимание его формированию, стимулировало китайские предприятия к расширению масштабов деятельности, внедрению новых технологий, активному участию в глобальной конкуренции на основе привлечения ПИИ. Риски ПИИ лежали на предпринимательском сообществе, но правительство воздействовало на инвестиционный климат посредством гарантирования прав собственности, эволюции правового регулирования.

Главным его шагом по завершении всех процедурных вопросов вступления в ВТО стало формирование национальной юридической базы, адекватной глобальным переменам. Были усовершенствованы и приведены в соответствие международным нормам 2300 законов, постановлений и нормативных актов федерального уровня и более

190 тыс. — провинциального и местного уровней¹. И в начале XXI в. страна вошла в число крупнейших мировых реципиентов ПИИ: с 2001 по 2011 гг. их общий объем возрос с 46,9 млрд до 116 млрд долл. США², а Китай занял 2-е место в мире (после США)³ по привлеченным ПИИ⁴. Согласно данным Министерства торговли КНР, их общий объем в 2012 г. снизился на 3,7% по сравнению с предыдущим годом, составив 111,72 млрд долл. (из США — 3,13; из Японии — 7,38 из стран ЕС — 6,11 млрд долл.)⁵. В том числе в транспортный комплекс поступило 34,7 млн долл.⁶ Общий объем ПИИ в форме M&As (Mergers and Acquisitions — инвестиции, направленные на сделки по слиянию поглощению) составил 50,76 млрд долл.⁷ При этом правительство утвердило создание новых 24 925 СП с участием иностранного капитала⁸.

По мнению китайских экономистов, снижение объемов ПИИ в 2012 г. обусловили подорожание рабочей силы в КНР⁹ и относительное ее сокращение¹⁰, а также снижение темпов роста китайской экономики и продолжавшаяся рецессия в развитых странах¹¹, что и «определило озабоченность и осторожность иностранных инвесторов»¹². Согласно докладу ООН по ПИИ в 2012 г., их общий объем в страны ЮВА вырос на 26% (достигнув 117 млрд долл.)¹³, а в экономику КНР увеличился на 8%¹⁴. В феврале 2013 г. Министерство промышленности и информатизации КНР разработало специфические преференции для поощрения притока ПИИ в форме M&As в 9 ведущих отраслей промышленности Китая¹⁵, среди них: производство традиционных автомобилей и автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, судостроение¹⁶.

Совокупность факторов, определяющих характер воздействия ПИИ на технологическое развитие страны, трактуется в специальной литературе как «абсорбционная способность экономики». С этой точки зрения государственные корпорации МЖД КНР — CNR и CSR, CRCS, авиакомпания ГУГАК, морской перевозчик COSCO Group, нефтяная корпорация CNPC рассматриваются руководством КНР «как стимуляторы повышения абсорбционного потенциала страны, поскольку концентрируемые в них ресурсы и технологические цепочки позволяют не только поддерживать автохтонные разработки, но и приобретать, осваивать и развивать зарубежные технологии, а затем выходить на международный рынок транспортной продукции и завоевывать его значительную часть»¹⁷.

В январе 2013 г. шведская корпорация Volvo AB, являющаяся ведущим мировым производителем грузовых автомобилей, приобрела 45% акций китайской автомобилестроительной компании Dongfeng Commercial Vehicles (898 млн долл.) Как полагают шведские специалисты, созданное СП в ближайшие годы станет крупнейшим в мире производителем тяжелых и средних грузовиков¹⁸.

С конца 1990-х гг. благодаря инкрементальным инновациям и низкой стоимости рабочей силы китайские компании по производству транспортных средств заняли устойчивое положение на международных рынках и перешли ко второму этапу стратегии технологического подхвата — к производству транспортной продукции с высокой добавленной стоимостью. Ввиду отсутствия достаточных технологических мощностей и известного бренда китайские компании стали приобретать иностранные фирмы или их филиалы, обладающие современными разработками, вступать в альянс с зарубежными технологическими лидерами или создавать СП.

На начальной стадии развития подобного сотрудничества китайские производители транспортных средств встраивались в цепочку создания добавленной стоимости, производя продукцию согласно заданным спецификациям, под товарным знаком иностранного партнера. Затем стали создавать собственные модели транспортных средств; активные организационные и маркетинговые инновации помогли им формировать локальное технологическое окружение, создавая рынок для своей продукции и, в конце концов, внедряя собственный товарный знак.

Применение ПИИ для развития транспортного комплекса КНР способствовало развитию абсорбирующего потенциала китайских предприятий инфраструктурной отрасли, то есть адаптации, имитации и инкрементальному улучшению технологически сложного продукта. На *инновационной стадии* за счет перехода от базовых факторов к имитации нововведений, их улучшению, участию в глобальных цепочках создания добавленной стоимости (сначала в роли филиала какого-либо технологического лидера или путем образования с ним СП) происходил поворот к конкуренции, основанной на низких издержках, улучшении потребительских свойств транспортной продукции¹⁹. В Китае были обеспечены стимулы к производству технологически сложного продукта, в том числе за счет введения налоговых и кредитных льгот при закупке импортного оборудования и лицензий²⁰. Когда была достигнута определенная степень зрелости технологической базы, страна перешла на *стадию внедрения собственных инноваций*²¹.

С начала XXI в. особую актуальность приобрел вопрос о дополнительных источниках финансирования — привлечении частного капитала²². Эффективным инструментом стало государственно-частное партнерство (ГЧП), представляющее собой институциональный, организационный и инвестиционный альянс государства и частного, либо иностранного бизнеса²³. Именно в транспортной отрасли сложилась практика делегирования государством ряда ключевых полномочий частному сектору. Государство несло ответственность перед обществом за бесперебойное обеспечение пассажирских и грузовых перевозок, чем и объяснялась тенденция к сохранению транспортного комплекса КНР в государственной собственности. Причем частному бизнесу были присущи мобильность, высокая эффективность использования ресурсов и склонность к инновациям²⁴. Более того, некоторые формы партнерства, устоявшиеся при развитии транспортного комплекса КНР (например, концессии и СП) стали рассматриваться в Китае как своего рода косвенная приватизация или ее полноценная альтернатива, то есть трактовались как вторжение в *систему отношений собственности*²⁵. В строгом смысле ГЧП действительно институционально преобразовывали те сферы деятельности, что традиционно относились к сфере управления государством, не выводя их из сферы государственного контроля. По мнению китайского руководства, механизм ГЧП органически встраивается в модель «социализма с китайской спецификой»²⁶.

На «Ежегодной конференции Новые Чемпионы 2011», состоявшейся в Даляне, руководство Минтранса КНР отметило, что «без участия частного капитала, дополняющего государственное финансирование, Китай не смог бы осуществить эффективную реформу ведущей инфраструктурной отрасли и добиться эффективного решения транспортной проблемы страны»²⁷. 10 октября 2012 г. Госсовет КНР постановил отменить 2374 административных законов, ограничивающих участие частного капитала в финансировании реального сектора экономики — в первую очередь, транспортного комплекса²⁸. Согласно докладу, опубликованному китайским банком «Чжаошан» и консалтинговой компанией Bain&Co, китайский рынок частных инвестиций в 2012 г. достиг 80 трлн юаней (12,89 трлн долл.); в 2013 г. ожидается рост до 92 трлн юаней²⁹.

Формы ГЧП в разных отраслях транспортного комплекса КНР

Железнодорожный

1. Ведущие китайские корпорации CSR и CNR, выпускающие более 90% подвижного состава в стране, создали СП с мировыми лидерами производства локомотивов и вагонов — Alstom SA, Bombardier Inc., Electro-Motive Diesel Inc., General Electric, Siemens AG, Kawasaki Heavy Industries Ltd., Wabtec Corp., Greenbrier Co.Ltd.)³⁰.

2. С 2005 г. стали учреждаться паевые инвестиционные фонды (договорная форма ГЧП) с целью привлечения инвестиций для строительства местных железных дорог (их особенность — небольшая протяженность при обеспечении высокой нагрузки — де-

ласт их высокорентабельными и привлекательными для частных инвесторов). К этим дорогам относятся магистрали Цзиньхуа — Вэньчжоу, Гуанчжоу — Шэньчжень, Гуанчжоу — Шаньтоу, а также участок Голмуд — Лхаса на ВСЖД Цинхай — Тибет.

3. Разработка и внедрение с 2012 г. концессионных соглашений (по строительству магистралей) по мере перехода к реформированию крупнейшей естественной монополии страны. Трасса Шицзячжуан — Тайюань стала первой магистралью, построенной с участием частного капитала. Строительство в начале 2012 г. 624-километровой углевозной линии в СУАР финансировалось частной китайской компанией Xinjiang Guanghui Industry Investment Group (согласно контрактным обязательствам, МЖД КНР при этой форме ГЧП гарантирует частным вкладчикам норму прибыли в 6–7%). Решением от 28 марта 2012 г. Госсовет КНР наделил муниципалитет г. Вэньчжоу правом привлекать частные инвестиции в развитие местной железнодорожной инфраструктуры, и первым шагом властей этого города стала продажа в декабре 2012 г. 50%-го пакета акций S1 планируемой государственной 52,22-километровой железной дороги (стоимостью в 17,6 млрд. юаней), которая за месяц торгов подорожала до 43,2 млрд юаней. Большая часть активов была раскуплена индивидуальными инвесторами и частными компаниями. Для продажи пакета акций частным инвесторам была учреждена государственная компания Wenzhou Xingfu Rail-transit Shares Holding Co., которая через отделения уполномоченного банка Industrial and Commercial Bank of China Ltd. приступила к реализации акций по цене 10 тыс. юаней (1,6 тыс. долл.) за штуку с гарантированной ежегодной ставкой дохода после уплаты налога в 6%. С 2013 г. Госкомитет по контролю и управлению госсобственностью Госсовета КНР учредил Фонд развития железных дорог, играющий роль инвестиционной платформы, открытой для частного капитала и средств местных правительств (планируемая доля государственного участия в формировании финансовых средств Фонда определяется в пределах 30–40%).

4. В связи с одобрением в марте 2013 г. на сессии ВСНП плана по реструктуризации МЖД КНР и изменению его функций министерство разделяется на отдельные административные и коммерческие единицы. Местное железнодорожное управление СУАР явилось первым подразделением реорганизованного МЖД КНР, которое в конце марта 2013 г. стало активно привлекать частных инвесторов в инфраструктурное строительство в форме СП с уставным капиталом в 50 млн юаней.

Автомобильный

1. В автомобилестроении на долю ГЧП в форме СП приходится до 75% объема производства.

2. Создано СП по автомобильной электронике — систем безопасности (СП по производству АБС — Shenzhen Hangsheng Electronics Co. Ltd., Shanghai Brose Automotive Components Co., Ltd., Shanghai SIIC Transportation Electric Co., Ltd.), контроля мощности (СП с Bosch Group (UAES), Delphi, Continental AG, Visteon), управления рабочим режимом (СП с Mitsuba Electric Co., Ltd., Valeo, Bosch, Denso) и информационных систем (СП по разработке навигационной системы GPS и автомобильных аудио систем совместно с мировыми лидерами — японскими компаниями Clarion, Denso, Pioneer, Alpine).

3. При строительстве скоростных автомобильных дорог применяются концессионные соглашения в формах BOT, BOOT, BOMT, DBOOT и ROT.

Морской

1. При модернизации портовой инфраструктуры (включая контейнерные терминалы, специализированные перегрузочные комплексы и терминалы) местные власти используют концессионные соглашения в форме ROT и создают СП (Dalian CSCL Container Terminal ICo, Tianjin Orient Container Terminal, Qindao Qianwan (International) Container Terminal, Shanghai Hudong Container Terminal, Ninbo Daxie Merchants International Container

Terminal, Xiamen New World Xiangyu Terminal, Ningbo Beilun International Container Terminal, Guanzhou Container Terminal, Fuzhou Qingzhou Container Terminal)³¹.

2. В КНР активно используют ГЧП в форме лизинга для модернизации контейнерного флота (10 крупнейших в мире супертанкеров грузоместимостью по 18 тыс. контейнеров датской корпорации AP Moller-Maersk AS после завершения строительства будут приписаны к пяти ведущим китайским морским портам — Нинбо, Шанхаю, Сямню, Яньтаюи Сянгану).

3. Китайские производители морских дизельных двигателей Yichang Marine Diesel Engine Co., Dalian Marine Diesel Engine Co., Ltd, Zhenjiang CME Co. Ltd, Hefei RongAn Power Machinery Co. Ltd., Guangzhou Marine Diesel Co., Ltd, Jiangsu Antai Power Machinery Co. Ltd. создали СП с ведущими мировыми производителями морских двигателей, контролирующими 95% мирового рынка — MAN, Wartsila и Caterpillar для разработки инновационных технологий и производства самых передовых средне- и высоко-скоростных морских дизельных двигателей.

4. В судостроении КНР развивается производство крупнейших в мире и самых современных контейнеровозов, танкеровозов и сухогрузов на основе кооперации с ведущими мировыми судостроительными корпорациями на основе создания СП. В феврале 2013 г. флот корпорации COSCO Group пополнился крупнейшим отечественным контейнеровозом KHI-111, способным перевозить 13 тыс. контейнеров. Судно длиной 366 м и шириной 51,2 м было спроектировано и произведено компанией Nantong COSCO KHI Ship Engineering Co. Ltd. (Цзянсу), являющейся детищем СП корпорации COSCO Group и японской компании Kawasaki Heavy Industries.

5. Финансовый лизинг: компанией Minsheng Financial Leasing Co. Ltd., основанной в апреле 2008 г., накоплен уникальный для КНР опыт структурирования и реализации лизинговых сделок в морском судостроении. Реализация совместных программ компании с ведущими китайскими судостроительными (China Shipbuilding Industry Corporation, China Oilfield Services Ltd., China Changjiang National Shipping (Group) Corporation, Jiangsu Rongsheng Heavy Industries Ltd., CCCC Tianjin Dredging Co. Ltd.) и судоходными компаниями позволило компании стать лидером в данном сегменте лизинговых сделок. Одним из перспективных направлений деятельности компании Minsheng Financial Leasing Co. Ltd. является реализация сделок по финансированию строительства и дальнейшей передаче в лизинг контейнеровозов и морских танкеров.

6. Для повышения грузооборота морского транспорта и качества портового обслуживания в октябре 2012 г. Министерство транспорта объявило о планах совместного сотрудничества частных портовых компаний и морских перевозчиков с государственными компаниями. Для стимулирования этого предусмотрено введение для частных компаний, работающих в этой сфере, льготного налогообложения и страхования, дополнительного госфинансирования.

Авиационный

1. При строительстве местных аэропортов, модернизации грузовых и пассажирских терминалов китайские власти применяют ГЧП в форме *концессионного соглашения*, а при модернизации провинциальных аэродромов муниципалитеты создают *наевые инвестиционные фонды (договорная форма ГЧП)* — в реконструкции аэропорта Хуайань (Цзянсу) участвовало более 60 иностранных инвесторов³².

2. Для повышения качества работы местных авиакомпаний применяется ГЧП в форме *частичной приватизации (divestiture)*.

3. Государство в лице ГУГАК применяет *договорную форму ГЧП*, участвуя в софинансировании на договорных условиях лизинга авиационных транспортных средств.

4. Крупнейшая финансовая лизинговая компания ВОС Aviation Pte Ltd., функционирующая на рынке авиационной техники, на основе отлаженного инвестиционного

механизма предоставила в 2010 г. 32 магистральных авиалайнера китайским авиаперевозчикам и снискала 1,5 млрд долл. прибыли, в 2011 г. реинвестировав ее в производство дополнительных 30 воздушных судов. Для поддержки отечественного производителя крупная финансовая лизинговая компания Цзяньсинь, основанная при участии Строительного банка КНР, в 2012 г. объявила о намерении закупить 50 новых китайских авиалайнеров С. 919 для последующей сдачи их в аренду национальным авиаперевозчикам³³.

5. В конце 2012 г. гражданская авиация КНР насчитывала 1907 грузовых транспортных самолетов, 60% которых были приобретены китайскими авиакомпаниями на основе лизинга³⁴.

Городской транспорт

1. ГЧП при строительстве линий метрополитена, монорельсового транспорта, автомобильной инфраструктуры в крупнейших городах Китая реализуется на основе *концессионных соглашений*.

2. Разработка и производство подвижного состава для новых линий метро, городских гибридных автомобилей и автобусов, использующих альтернативные источники энергии, осуществляются в рамках ГЧП в форме создания СП с ведущими автомобильными фирмами Запада.

3. Строительство городских и междугородних линий метро с 2012 г. стало осуществляться на основе совместного финансирования. Стратегия Китая, направленная на расширение инфраструктурного строительства для создания мультипликативного эффекта, явилась основным антикризисным средством не только в 2008–2009 гг. В сентябре 2012 г. ГКРР одобрил реализацию 25 новых проектов строительства внутригородских и межгородских линий метро в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Тайюане, Ланьчжоу, Сямэне и др. общей протяженностью 2710 км при стоимости 910 млрд юаней³⁵. По решению ГКРР, от 25 до 50% финансирования будет обеспечено из местных бюджетов, остальные средства будут аккумулированы за счет банковских займов, частных инвестиций и продаж земельных участков, прилегающих к полотну железной дороги³⁶. В апреле 2013 г. муниципалитет Гуанчжоу достиг соглашения с частными инвесторами о совместном финансировании строительства 14-й и 21-й линий городского метрополитена на сумму 327,5 млрд юаней³⁷.

Трубопроводный

1. Прокладка новых магистральных нефте- и газопроводов, строительство регазификационных станций и резервуаров для хранения СПГ осуществляется с участием частного капитала на основе *концессионных соглашений* в форме ВОТ³⁸. С целью привлечения частного капитала для финансирования их прокладки в марте 2012 г. был учрежден Фонд содействия инфраструктурному строительству в этой сфере на сумму 2,6 млрд юаней, учредителями которого стали PetroChina и несколько частных компаний³⁹. Особенную активность частные инвесторы проявили при строительстве третьей ветки 8704-километрового газопровода «Запад—Восток» в 2012 г.⁴⁰ В провинциях Хэбэй, Цзянсу и Хунань идет на основе *частичной приватизации* прокладка и эксплуатация местных ответвлений от национального газопровода⁴¹.

2. Разведка и добыча газа на шельфовых месторождениях осуществляются на основе *совместного финансирования*⁴². Эта форма ГЧП позволила государству в 2012 г. привлечь инвестиции 16 китайских частных компаний в сумме 12,8 млрд юаней для разработки 19 шельфовых месторождений газа⁴³.

3. В области строительства станций продажи СПГ в Китае обеспечен *свободный доступ* частных инвесторов — в 2012 г. здесь насчитывалось 440 частных заправок⁴⁴, на которые приходилось около 46% общенационального рынка реализации СПГ⁴⁵.

В 2004 г. ГКРР приступил к разработке мер по либерализации выхода предприятий на мировой рынок, включавших: снятие ограничений на приобретение иностранной

валюты; ускорение разрешительных процедур; повышение объема вывозимых инвестиций, не требующих санкций центральных ведомств; предоставление финансовых льгот. С декабря 2008 г. коммерческим банкам КНР было разрешено финансировать участие китайских предприятий в сделках по слияниям и поглощениям за рубежом⁴⁶.

Одна из особенностей китайских инвестиций за рубежом: ошутимая их доля в форме M&As⁴⁷. По оценке экономистов Университета Цинхуа, это позволит внедрить инновационные технологии в экономику КНР, повышать конкурентоспособность продукции, укрепить отечественные бренды, снижать транзакционные издержки через вывод на международные рынки китайских инвестиций для совершения сделок по слиянию и поглощению. В 2012 г. замдиректора Отдела политических исследований при ЦК КПК Чжэн Синьпи заметил: «Обладая валютными резервами в размере 3,31 трлн долл., Китай может использовать более 2 трлн долл. для приобретения акций и активов иностранных компаний, абсорбции современных технологий с целью повышения способности китайских производителей к самостоятельным инновациям»⁴⁸. Частный китайский капитал, обладающий высокой инвестиционной активностью сегодня стал явным лидером по размещению ПЗИ в основные фонды зарубежных предприятий. Если в 2011 г. доля частных компаний КНР в общем объеме китайских ПЗИ составляла 50%⁴⁹, то в 2012 г. достигла 61%⁵⁰. Для китайского капитала большой интерес представляют зарубежные компании, занимающиеся производством транспортных средств, что позволяет получить доступ к уникальным передовым технологиям⁵¹, обеспечить выход качественного и передового отечественного транспортного продукта на мировые рынки под своими и приобретенными всемирно известными иностранными брендами⁵². Так, китайская автомобильная корпорация Zhejiang Geely Holding Group Co., закупив контрольный пакет акций подразделения британской корпорации Volvo компании Manganese Bronze Holdings (MBH) за 11,04 млн фунтов стерлингов⁵³, собирается выпустить на английский рынок в начале 2013 г. новые автомобили PriceWaterhouse Coopers под своим брендом⁵⁴. В 2013 г. корпорация планировала увеличить на 50% экспорт своих автомобилей, доведя его объем до 150 тыс. единиц⁵⁵. В конце марта 2013 г. крупнейшая китайская компания-производитель автозапчастей Ваньсян (г. Ханчжоу) приобрела 8 заводов американской фирмы VPI с персоналом, численностью более 5,5 тыс. человек. Для привлечения новейших технологических разработок и инноваций в области строительства судов одна из двух ведущих судостроительных корпораций КНР China Shipbuilding Industry Corp. с 2012 г. повела переговоры с крупнейшими судостроителями Европы о возможности закупки контрольного пакета их акций и активов⁵⁶. Китайские судовые гиганты заключили соглашение об инвестировании в период до 2025 года 1,6 млрд евро в развитие портовых мощностей второго по размеру порта Антверпен.

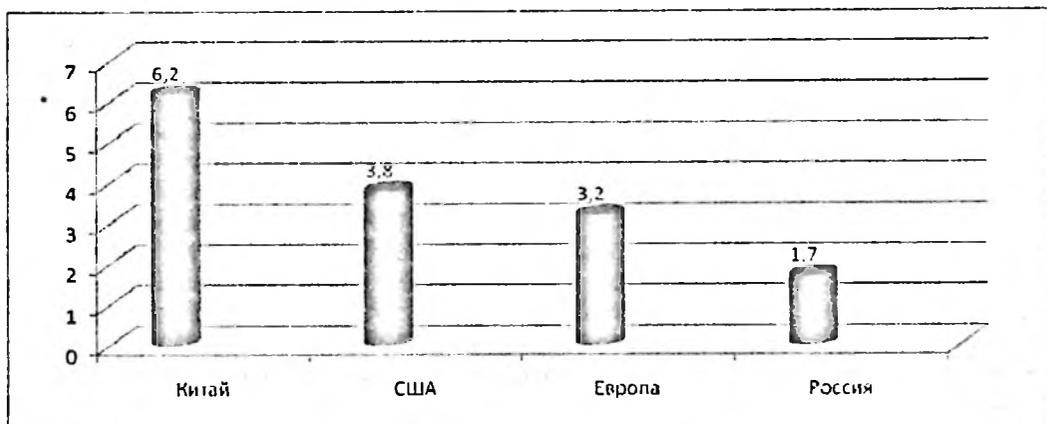
Стратегия экспансии китайских ПЗИ напрямую связана с политикой руководства КНР «выхода за рубеж»⁵⁷. Хотя в 2012 г. объемы продаж автомобилей в КНР превысили 19 млн. ед., темпы продаж грузовых автомобилей в 2012 г. снизились на 28% и в стране их было реализовано лишь 600 тыс. шт. По прогнозам КААП, оживление экономики КНР и рост инвестиций в отрасль сулит десятипроцентный рост продаж грузовых автомобилей в Китае в 2013 г.⁵⁸ Тем не менее руководство китайского автомобильного концерна Beiqi Foton утверждает, что к 2020 г. внутренний рынок будет перенасыщен объемами производства коммерческих грузовых автомобилей, «и компании необходимо создавать зарубежные производственные мощности, резко повышать уровень технологических разработок и завоевывать внешние рынки для обеспечения сбалансированности спроса»⁵⁹. Для реализации своих планов в 2013 г. корпорация Beiqi Foton приобрела 51% акций западногерманской компании Daimler⁶⁰.

Ведущие китайские производители подвижного состава для ВСЖД (CSR и CNR) приобрели активы и акции ведущих западных компаний в этой сфере, получив доступ к ключевым технологиям, удивительно быстро внедрили их в производство и ныне доминируют на рынке.

нируют на внутреннем рынке, одновременно выходя на международный рынок производства железнодорожных локомотивов, объемы которого оцениваются в 150 млрд долл. США, и внедряются на рынки развивающихся стран, где китайское правительство посредством гибкой кредитной политики финансирует создание и модернизацию местной железнодорожной инфраструктуры⁶¹. Китайская сторона, вкладывая собственные средства в какой-либо проект, настаивает на привлечении китайской рабочей силы. в том числе высококвалифицированной.

Диаграмма 1

Капиталовложения в развитие транспортного комплекса по странам в 2012 г. как доля ВВП, %



Источник: Чжунго тунци чжайяо 2012. Пекин, 2012. С. 20, 56; Liu Xinlian. *Time to Pay Up* // Beijing Review. 2011. Vol. 54, № 42. P. 30; Zoellick R. *Democratizing Development Economics. Outreach Development* // The World Bank Institute Publication. 2011. Sept. P. 17; О месте РФ по уровню развития транспорта и логистики в АТЭС // БИКИ. 2011. № 142 (9836). 10 дек. С. 3; Орешиш В. Развитие инфраструктуры и модернизация // Экономист. 2012. № 12. С. 26; Local govt. debt under review to prevent risks. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-01/22/content_27756869.htm; Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2012 National Economic and Social Development. URL: http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20130222_402874607.htm.

Сочетание низких производственных издержек и современных технологий, а также введенная с 2013 г. государственная помощь в защите инвестиций помогают китайским компаниям постепенно входить и на рынки развитых стран — с 2011 г. государственная корпорация CNR выиграла несколько тендеров на поставку железнодорожного подвижного состава в США, Австралию и Новую Зеландию, а в августе 2012 г. поставила в Германию комплектующие для скоростных электровозов на общую сумму в 14,3 млн долл. В апреле 2012 г. корпорация CSR получила контракт на поставку локомотивов для ВСЖД Сянганя⁶², а феврале 2013 г. получила заказ на экспорт скоростного подвижного состава в Аргентину⁶³ и Туркменистан. По крупным инвестиционным проектам в инфраструктурном строительстве Китай старается заключать межправительственные соглашения, что дает дополнительные гарантии их исполнения.

С начала XXI в. общий объем капиталовложений в развитие транспортного комплекса КНР превысил 12 трлн. юаней, что выше совокупного объема инвестиций в эту отрасль за 1949–2000 гг.⁶⁴

Значительная часть инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры в период после мирового финансового кризиса стала формироваться на провинциальном уровне за счет массивных банковских займов и выпуска облигаций. По данным ГКРР, доходы местных бюджетов формируют лишь около 40% общего объема капиталовложений на региональном уровне⁶⁵, и в целях стимулирования экономического роста, увеличения числа рабочих мест провинциальные власти (от городского до уездного уровня) приступили в условиях относительной нехватки местных и бюджетных средств к масштабному инфраструктурному строительству (прокладке скоростных магистралей и железных дорог, трубопроводов, строительству местных аэропортов и развитию портового хозяйства), полагаясь, в основном, на привлечение неоправданно крупных заемных средств и эмиссию ценных бумаг⁶⁶. В результате, согласно официальным данным, к началу 2013 г. совокупный объем долга местных правительств достиг 25% ВВП КНР или 13 трлн юаней (2,1 трлн долл.)⁶⁷, причем около 30% задолженности образовалось за счет инвестиций в развитие региональной транспортной инфраструктуры⁶⁸. Выступая в апреле 2013 г. на азиатском Боаоском форуме бывший министр финансов КНР (1998–2003 гг.) Сян Хуайшэн отметил, что в действительности объемы задолженности местных правительств значительно превышают цифры официальной статистики и в реальности могут достигать 20 трлн юаней (3,24 трлн долл.)⁶⁹. Ряд видных западных экономистов-синологов (например, из China-Europe International Business School) полагают, что сумма задолженности местных правительств в восточных и южных районах КНР вдвое превышает доходы их бюджетов⁷⁰, а в целом по стране общий объем задолженности местных правительств разного уровня может составлять 100% от ВВП КНР⁷¹. 15 апреля 2013 г. международное рейтинговое агентство Fitch понизило кредитный рейтинг КНР с AA- до A+, констатировав: «экономический рост китайской экономики, опирающийся на инвестиционную экспансию (преимущественно в развитие инфраструктуры), основанную на масштабном кредитовании, продуцирует множество финансовых и долговых рисков»⁷².

Только за период 2010–2012 гг. местные власти привлекли более 320 млрд юаней заемных средств на развитие местной инфраструктуры⁷³. В 2012 г. темпы роста капиталовложений в основные фонды транспорта в 19 (из 31) территориально-административных субъектов Китая превысили 25%, в то время как этот показатель по стране в среднем составил 20,6%⁷⁴. По словам министра финансов КНР, «большая часть задолженности была сформирована за счет массивных займов 2009 г. в рамках ликвидации негативных последствий мирового финансового кризиса, а ее чрезмерный объем представляет собой «мину замедленного действия для экономики КНР»⁷⁵, ибо в 2013 г. наступит время погашения 42%, а в 2014 г. — 52% этих кредитов⁷⁶, а ежегодные платежи по процентам составят от 700 до 800 млрд юаней⁷⁷. В Китае отмечают, что нередко подобная практика стимулирования экономического роста на провинциальном уровне за счет инфраструктурного строительства, характеризующегося высокой капиталоемкостью и длительностью сроков фондотдачи, влечет негативные последствия⁷⁸ и чрезмерную нагрузку на местные бюджеты⁷⁹. В начале 2012 г. началось массовое строительство линий метро в 28 городах КНР, одобренное Госсоветом КНР, как средство стимулирования экономической активности на провинциальном и местном уровнях⁸⁰. Местные правительства и муниципалитеты крупных городов в дополнение к государственным инвестициям стали прибегать к привлечению неоправданно крупных заемных средств для расширения масштабов инфраструктурного строительства. В начале 2012 г. муниципалитет г. Ланьчжоу утвердил программу строительства шести линий городского метро общей протяженностью 207 км стоимостью 100 млрд юаней (при годовых доходах городского бюджета 10 млрд юаней, из коих лишь 1 млрд юаней) городские власти могли направить на расширение инфраструктуры⁸¹. В некоторых городах центрального и восточного Китая после строительства одной лишь линии подземки, работы заканчивались. Для ускорения строительства метрополитена более 20 муниципаль-

ных правительств в течение 2012 г. привлекли чрезмерный объем заемных средств (на сумму в 350 млрд юаней)⁸².

Для наведения порядка в этой сфере 31 декабря 2012 г. Министерство финансов КНР приняло постановление «Об ограничении неоправданного финансирования со стороны местных правительств»⁸³, а 6 февраля 2013 г. дополнило это постановление «Мерами более жесткого контроля над размером долга местных правительств»⁸⁴. Китайские экономисты признают, что политика «опоры на банковские займы» в деле расширения инвестиционно непривлекательной региональной инфраструктурной отрасли «вряд ли будет действенной»⁸⁵. Для облегчения бремени местных бюджетов Министерство финансов КНР объявило о выделении 120 млрд юаней для пополнения статей местных бюджетов, касающихся расширения региональной инфраструктуры⁸⁶. 70 млрд юаней из этого пакета беспрецедентной помощи местным правительствам будут направлены на строительство новых скоростных магистралей, оборудование внутренних водных путей и совершенствование портовой инфраструктуры, а 50 млрд юаней предполагается ассигновать на строительство и реконструкцию сельских автодорог⁸⁷. Кроме того, в апреле 2013 г. Госсовет постановил до 100 млрд юаней повысить потолок эмиссии местных ценных бумаг, предназначенных для инфраструктурного строительства, которая должна получить обязательное одобрение местных исполнительных властей⁸⁸. *Основным дополнением к бюджету источником финансирования инфраструктурного развития на местах, по мнению Министерства, должны стать частные инвестиции, защищаемые государственными гарантиями, которые обеспечат частным инвесторам получение «достойной и справедливой прибыли»*⁸⁹.

1. Tenth Anniversary of WTO Entry // Beijing Review. 2011. Vol. 54, № 52. 29 Dec. P. 31.
2. Чжунго тунцзи няньцзянь 2012. Пекин, 2012. С. 258 (6–16).
3. Китай остается мировым лидером по привлечению зарубежных инвестиций — итоги обследования. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-03/21/content_28314494.htm.
4. Opportunities amid challenges. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8139842.html>.
5. FDI sees 1st decrease in 3 years amid slowdown. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-01/17/content_16129500.htm.
6. Table 10: Total Value of Foreign Direct Investment in Non-financial Sectors and the Growth Rates in 2012 // Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2012 National Economic and Social Development. URL: http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20130222_402874607.htm.
7. Data You Can Use. Numbers of the Week NO. 3. 2013. URL: http://www.bjreview.com.cn/data/txt/2013-01/14/content_512291.htm.
8. China's FDI inflow drops amid economic slowdown. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-01/16/content_27704278.htm.
9. Конкурентное преимущество низкой стоимости рабочей силы в КНР значительно снизилось по сравнению с соседними странами ЮВА. Согласно расчетам Economist Intelligence Unit (EIU), за последние 10 лет стоимость рабочей силы в КНР увеличилась почти в 4 раза — ее цена с 0,6 долл. за час в 2000 г. возросла до 2,9 долл. США за час в 2011 г. В 2012 г. цена рабочей силы за час в КНР превышала этот показатель Таиланда в 1,5 раза, Филиппин — в 2,5 раза и Индонезии — в 3,5 раза (*Pei Changhong*. China still has 10 year advantages in manufacturing. URL: http://www.china.org.cn/opinion/2013-02/25/content_28049447.htm).
10. *Wang Xiuqiong, Wu Zhi, Guo Xinfeng (Xinhua)*. Remaking economy tops Chinese new leadership's agenda. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8169857.html>.
11. FDI sees 1st decrease in 3 years amid slowdown. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-01/17/content_16129500.htm.
12. Объем операций по слиянию и поглощению компаний в Китае показал новое падение за пять лет // Дэйи пайцзин жибао. 2013. 10 янв.
13. China remains top for foreign investments. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/20/content_28308449.htm.

14. China's 'world factory' position will not change in the next decade. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8164553.html>.
15. *Cai Xiao (China Daily)*. M&A deals drop, but market still steady. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8168111.html>.
16. China unveils requirements to boost mergers. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-01/22/content_27762944.htm.
17. China's M&A deals tipped to rebound in 2013. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-01/31/content_27849111.htm.
18. Volvo to be largest truck maker after Dongfeng deal. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-01/28/content_16179543.htm.
19. Innovation, a choice for solving economic problems. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8177643.html>.
20. High-tech industry to speed up economic restructuring. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-03/08/content_16292040.htm.
21. *Andrews H., Kemper S. (China Daily)*. Innovation is now a strategic priority for China. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/102774/8137304.html>.
22. Согласно плану руководства КНР, в период с 2013 по 2020 гг. среднегодовые темпы роста капиталовложений в основные фонды страны должны составить около 18%, а доля частного капитала в этом объеме инвестиций должна возрасти до 80%. Правительство признает, что планы удвоения ВВП КНР и среднего уровня доходов на душу населения в течение 10-летнего периода до 2020 года не реализовать без привлечения частных инвестиций (*DU JUAN, Boao, Hainan (China Daily)*). Big role for private investment. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8198277.html>.
23. China's growth powers world economy. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/24/content_28341451.htm.
24. *Lan Xinzhen*. Ensuring Steady Growth // *Beijing Review*. 2012. 3 May. Vol. 55, № 18. P. 28–29.
25. *Ху Аньган*. Чжунгодэ вэйчжи [Место Китая в мире]. Шанхай: Дунфан чубань чжунсинь, 2012. С. 58.
26. Vice Premier pledges support for China's SMEs. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8140892.html>.
27. Property firm calls for lower fees for infrastructures use. URL: http://www.chinadaily.com.cn/buz-china/2011-09/16/content_13723996.htm.
28. Business. Market Watch. Less Intervention, More Productivity // *Beijing Review*. 2012. Vol. 55, № 43. 25 Oct. P. 38.
29. Объем частных инвестиционных активов Китая достиг 80 трлн. юаней в 2012 году. URL: http://russian.china.org.cn/business/txu/2013-05/08/content_28763166.htm.
30. China Railway Transport Equipment Industry Report, 2009–2010. URL: <http://www.researchinchina.com/Htmls/Report/2010/5894.html>.
31. *Linda Tjia Yin Nor*. Hong Kong's Role in Mainland China's Logistic Industry // *Asian Survey*. 2011. Vol. 31, № 4. July–August. P. 667–668.
32. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2012-11/27/content_15961733.htm.
33. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7956770.html>.
34. China Financial Leasing Industry Report, 2013. URL: <http://www.researchinchina.com/Htmls/Report/2013/6615.html>.
35. Fast-spreading subway network faces financing challenge. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-02/05/content_27888129.htm.
36. Rail projects to spur economy. URL: http://www.china.org.cn/business/2012-09/06/content_26442713.htm.
37. Проект по строительству метро в Гуанчжоу впервые открыт для частных инвесторов. URL: http://russian.china.org.cn/business/txu/2013-03/29/content_28400550.htm.
38. Official says more reforms in pipeline. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/29/content_28394782.htm.
39. China's new fund to encourage private investment. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2012-03/13/content_14825832.htm.
40. China's reliance on oil-gas imports growing: report. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-01/31/content_27844714.htm.

41. More private enterprises enter oil industry. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-02/10/content_27935007.htm.
42. *Cai Xiao (China Daily)*. Outbound M&A activity mounts up. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/102774/8161599.html>.
43. Chinese firms to invest \$2b in shale gas prospection. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-01/22/content_16152413.htm.
44. CNOOC powers ahead with gas station expansion plans. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/29/content_28397321.htm.
45. More private enterprises enter oil industry. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-02/10/content_27935007.htm.
46. *Wei Tian and Li Jiabao (China Daily)*. Investment on target to balance out 'in 5 years'. URL: <http://english.people.com.cn/90778/8038721.html>.
47. *Rosen D.H., Thilo Hanemann*. China's growing presence abroad brings new competition but also commercial opportunities. URL: <http://www.chinabusinessreview.com/public/1207/rosen.html>; Chinese enterprises in overseas mergers and acquisitions trend growing; <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8126194.html>.
48. *Чжэнь Синьли*. Выявление потенциалов экономического роста // Китай. 2012. № 4 (78). С. 4; Factbox: China's economic and social development in 2012. URL: <http://english.people-daily.com.cn/90778/8140204.html>.
49. Негосударственный сектор экономики станет главной силой, обеспечивающей экономический рост Китая. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8197218.html>.
50. Private firms lead China's investment overseas. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8196349.html>.
51. *Wang Wenjie*. Making Room for the Private Sector. Private economy needs more support from the government. URL: http://www.bjreview.com.cn/print/txt/2013-04/01/content_531140_2.htm.
52. China's carmakers look overseas as domestic sales sputter. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2012-08/09/content_15654192.htm; Chinese enterprises in overseas mergers and acquisitions trend growing; <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8126194.html>.
53. The markets. Geely's Acquisition. URL: http://www.bjreview.com.cn/THIS_WEEK/2013-02/05/content_516704.htm.
54. *Lan Xinzheng*. Worse Than 2008. Chinese SMEs should prepare for an even bumpier ride ahead. Chinese enterprises will face a more complicated development environment, and the economic conditions could be less than friendly // Beijing Review. 2012. Vol. 55, № 5. P. 22.
55. Chinese automakers to expand overseas presence. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8221663.html>.
56. *Zhou Siyu*. Shipbuilder seeks chance for overseas acquisition. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2012-08/11/content_15664353.htm.
57. China supports enterprises in defending rights overseas. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/08/content_28175678.htm.
58. Shaanxi Fast Auto plans its 1st overseas factories. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-02/01/content_16193306.htm.
59. *Lan Xinzheng*. Beware of the Bump. Outbound Chinese businesses struggle to make their investment profitable // Beijing Review. 2012. Vol. 55, № 26. P. 35.
60. Китайская компания выиграла тендер на поставку в Туркменистан 154 пассажирских вагонов. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8119848.html>.
61. China rewrites global high-speed rail pattern in six years. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8139987.html>.
62. China to build more high-speed railways. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2012-10/02/content_15795202.htm.
63. CSR wins Argentina train set contract. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-01/12/content_27667441.htm.
64. Цзяогун юньшун юй гомин цзинцзи. 2012. № 1. С. 12.
65. Fast-spreading subway network faces financing challenge. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-02/05/content_27888129.htm.
66. Local govt. debt under review to prevent risks. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-01/22/content_27756869.htm.

67. *Zheng Yangpeng (China Daily)*. Debt alert for local authorities. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-02/05/content_16200700.htm.
68. Calming Local Debt Fears. URL: http://www.bjreview.com/quotes/txt/2011-09/07/content_388880_2.htm.
69. Boao forum experts warn of further debt crisis. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/102774/8199320.html>.
70. *Wang Xiaotian (China Daily)*. Tighter controls set on local govt loans. URL: <http://english.people-daily.com.cn/90778/8209360.html>.
71. *Wu Yiyao (China Daily)*. For local government debts, transparency seen as a necessity. Economists encourage greater openness and market liberalization. URL: <http://english.people-daily.com.cn/102774/8200355.html>.
72. Market Watch No. 17, 2013. Government Investment Spurs Excessive Money Supply. URL: http://www.bjreview.com.cn/print/txt/2013-04/22/content_534660.htm.
73. China to introduce curbs on rising local debts. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-02/08/content_27922530.htm.
74. Debt alert for local authorities. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-02/05/content_27888050.htm.
75. Report alarms over-heated investment by local gov'ts. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-02/09/content_27931129.htm.
76. Ministry considers limit on local debt. URL: http://www.china.org.cn/business/2012-12/27/content_27527904.htm.
77. Govt strives to stop spread of financial risks. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-02/20/content_28006607.htm.
78. Local govt. debt under review to prevent risks. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-01/22/content_27756869.htm.
79. Fast-spreading subway network faces financing challenge. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-02/05/content_27888129.htm.
80. Fast-spreading subway network faces financing challenge. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-02/05/content_27888129.htm.
81. Rail projects to spur economy. URL: http://www.china.org.cn/business/2012-09/06/content_26442713.htm.
82. Ministry considers limit on local debt. URL: http://www.china.org.cn/business/2012-12/27/content_27527904.htm.
83. Local govt. debt under review to prevent risks. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-01/22/content_27756869.htm.
84. China to introduce curbs on rising local debts. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-02/08/content_27922530.htm.
85. Fast-spreading subway network faces financing challenge. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-02/05/content_27888129.htm.
86. Risks at local govt financing vehicles controllable. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/15/content_28251810.htm.
87. China earmarks \$19 bln. for transport, infrastructure (CNTV). URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8126039.html>.
88. More local governments borrowing this year. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/06/content_28143198.htm.
89. Call for local moves on private investment. URL: http://www.china.org.cn/business/2012-12/28/content_27538768.htm.; New lure for private investment in SOEs. URL: http://www.china.org.cn/wap/2012-05/26/content_25484336.htm.

Монголия в интеграционных процессах Восточной Азии

© 2014

В. Балакин

В статье рассмотрены вопросы стратегического позиционирования Монголии в восточноазиатском регионе. В Улан-Баторе полагают, что набирающая силу восточноазиатская интеграция способна обеспечить ей реальный государственный суверенитет при устойчивом экономическом взаимодействии в восточноазиатском сообществе.

Ключевые слова: Монголия, Китай, интеграция, Восточная Азия, Япония, Россия.

В Монголии нарастает потребность участвовать в восточноазиатской интеграции. Благодаря либерализации экономики Китая становятся все более реальными ее возможности присоединения к региональному интеграционному соразвитию. В рамках восточноазиатской интеграции Монголия рассчитывает получить доступ к экономическим ресурсам КНР, Японии, Республики Корея и АСЕАН для решения своих национальных задач поддержания устойчивых темпов экономического роста на фоне спада в экономике США и усиливающейся дезинтеграции стран-членов ЕС.

Монгольское правительство весьма заинтересовано в том, чтобы включиться в ближайшие годы в эволюционные процессы, в рамках которых начнется формирование в Восточной Азии новой, отличной от Европейского союза интеграционной модели. Монголии это сулило бы заметное снижение таможенных тарифов, создание паназиатской зоны свободной торговли, широкое финансовое взаимодействие с учетом уроков азиатского экономического кризиса 1997/98 гг.

Монголия этот кризис пережила спокойно, взяв на вооружение концепцию «трех главных соседей» (Китай, Япония, Россия). Сегодня ее экономика относится к числу наиболее динамично развивающихся в мире, с 2011 г. будучи лидером по темпам роста ВВП. По оценке Deutsche Bank, этот рост достиг тогда 17,5%. Хотя в 2012 г. произошло снижение до 12,7%, но прогнозируется, что такими темпами Монголия будет двигаться до 2017 г.¹

Значительная часть монгольских месторождений полезных ископаемых остается пока неразведанной, что в совокупности с тысячами квадратных километров незаселенных пространств делает Монголию весьма привлекательной для таких держав, как Китай и Япония. Главным объективным преимуществом Монголии остается выгодное геополитическое положение практически в центре Евразии.

Для позиции Китая в отношениях с Монголией характерно стремление восстановить древнюю вассальную зависимость Улан-Батора от Пекина. Западные эксперты прогнозируют последовательное усиление китайского присутствия здесь.

Не имеющая выхода к морю Монголия рассчитывает на содействие КНР в строительстве транспортной инфраструктуры, способствующей экспорту своей продукции. Серьезный стимул для стратегического выбора монгольского правительства — низкопроцентные кредиты Всемирного банка реконструкции и развития. Китай, имеющий в

нем заметное влияние, предостерег Улан-Батор от реализации монголо-российских планов транспортировки экспортных грузов к дальневосточным портам РФ, мотивируя это тем, что это обойдется втрое дороже, чем отправка монгольских товаров через ближайшие порты Северо-восточного Китая².

Показательным является развитие ситуации в китайско-монгольской торговле в период 2000–2012 гг. (см. табл. 1).

Монголия в обозримой перспективе станет одним из важнейших объектов международной геополитики в Азии. Сегодня китайское влияние начинает обретать признаки доминирования. Монголия является огромной страной, по размерам территории равной почти половине Европы, при населении всего лишь 2,7 млн человек. В Улан-Баторе опасаются растущей зависимости от Китая, что не лишено оснований. Пекин реализует свою традиционную стратегию, экспортируя в Монголию излишки рабочей силы. Год от года усиливается зависимость монгольской экономики от китайской: практически все ее средние и малые производственные предприятия так или иначе контролируются китайцами, которые уже готовят позиции и для захвата крупных ее предприятий³.

Таблица 1.

Товарооборот Монголии и Китая с 2000 по 2012 гг.

Раздел/Год	2000	2003	2006	2009	2012
Общая сумма торговли Монголии	11.50	14.17	29.77	40.23	111.24
Взаимная торговля Монголии с Китаем	4.00	4.83	14.14	19.33	59.21
Экспорт Монголии в Китай	2.74	2.87	10.50	13.94	40.59
Экспорт Китая в Монголию	1.26	1.96	4.15	5.39	18.62

(расчетная единица — сто млн долл США)

Внимание китайских корпораций прежде всего привлекают полезные ископаемые Монголии: крупные месторождения вольфрама, цинка, молибдена, свинца, меди, золота, нефти, газа и особенно урана, запасы которого оцениваются в 1,3 млн т. Кроме того, у растущей китайской металлургической промышленности усиливается потребность в коксующихся углях, запасы которых здесь достаточно велики. Монгольские урановые активы также не дают покоя странам Запада и Японии, что сулит Улан-Батору шансы проводить многовекторную политику, которая уравнивила бы влияние Китая (нарастающее, в частности, благодаря зависимости Монголии от крупных займов, предоставляемых китайцами на исключительно выгодных условиях).

С 2008 г. Китай приумножил усилия по втягиванию Монголии в орбиту своего исключительного внимания. Монгольской стороне была предложена стратегия сотрудничества, предусматривающая широкую диверсификацию взаимовыгодного партнерства. Пекин поддерживает участие Монголии на постоянной основе в эффективно контролируемой им Шанхайской организации сотрудничества.

Руководители КНР постоянно подчеркивают, что в современных китайско-монгольских отношениях практически отсутствуют какие-либо серьезные нерешенные вопросы. Наблюдается повсеместное расширение и углубление торгово-экономического взаимодействия, свидетельством чего является постоянно растущий китайско-монгольский торговый оборот (в 2012 г. он составил почти 6,6 млрд долл.). Общий объем прямых китайских инвестиций в монгольскую экономику превысил 2 млрд долл., что сделало КНР крупнейшим торговым партнером Монголии и важнейшим источником инвестиций⁴.

Наращивая двустороннее экономическое сотрудничество с Монголией, Китай не забывает о ее вовлечении в восточноазиатскую интеграцию на выгодных для себя условиях. С монгольским руководством начато активное взаимодействие в таких деликатных сферах, как оборона и региональная безопасность.

Между КНР и Монголией подписаны двусторонние соглашения о противодействии терроризму, наркотрафику, торговле живым товаром и другим видам трансграничной

преступности, проводится работа по предотвращению стихийных бедствий и инфекционных заболеваний. В ряде двусторонних документов говорится о готовности Монголии присоединиться к китайским усилиям по формированию Восточноазиатского сообщества, что должно послужить расширению двустороннего стратегического партнерства на региональной основе. При этом приоритет будет по-прежнему отдаваться освоению природных ресурсов и инфраструктурному строительству⁵.

КНР и Монголия сегодня выражают готовность активно координировать свои политические позиции и поддерживать друг друга в международных и региональных делах, постоянно наполняя стратегическое партнерство новым содержанием и настойчиво защищая общие интересы двух стран. В Китае не скрывают, что эти интересы должны опираться на китайскую концепцию региональной интеграции в Восточной Азии.

КНР настойчиво вовлекает Улан-Батор в формирование общего культурного пространства, опираясь на исторический опыт и привлекая на учебу в китайские университеты значительное количество монгольской молодежи. В настоящее время в Китае обучается примерно 6 тыс. монгольских студентов, но в Пекине рассчитывают на удвоение этого количества в ближайшие годы.

Динамичное развитие отношений с Монголией сулит Китаю весьма благоприятные возможности влиять на стратегические позиции таких стран, как Япония и Россия, включая общую концепцию восточноазиатской интеграции⁶.

КНР ревниво относится к последовательному углублению отношений между Монголией и Японией, видя в расширяющемся диалоге между ними реальную угрозу собственной стратегии регионального доминирования в Восточной Азии.

У Улан-Батора в сотрудничестве с Токио налицо свой достаточно прагматический интерес: для монголов японцы прежде всего выгодные экономические партнеры, особенно в горнорудной промышленности. Новое измерение монгольско-японских отношений ознаменовал визит в Улан-Батор делегации Палаты советников парламента Японии в декабре 2011 г.

По окончании переговоров было провозглашено, что подписанное в 2010 г. Соглашение о стратегическом партнерстве между Монголией и Японией делает взаимодействие двух государств в восточноазиатском регионе приоритетным и исключительно влияющим на взаимоотношения с другими региональными державами⁷. Монголия и Япония заявили о взаимном желании наращивать темпы двустороннего сотрудничества и сделали особый акцент на оборонной сфере.

В марте 2013 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ попытался оценить по ходу своего визита в Монголию реальное влияние Китая в этой стране, а также степень монгольской вовлеченности в региональные планы Пекина. Японское руководство крайне озабочено растущими притязаниями КНР на природные ресурсы Монголии и намерено предпринять конкретные меры для обеспечения собственных интересов на монгольской территории, куда уже вложены серьезные финансовые ресурсы в виде прямых инвестиций.

Правительство Японии считает своим «историческим долгом» укреплять двусторонние связи с Монголией как государством, «разделяющим аналогичные традиционные ценности»⁸.

Синдзо Абэ предложил монгольским партнерам приступить к созданию зоны свободной торговли между двумя государствами, что позволило бы Монголии диверсифицировать ее региональные экономические связи. В качестве практического вклада в двустороннее сотрудничество японская сторона обязалась сформулировать для Монголии государственно-частную программу разработки одного из крупнейших в мире угольных месторождений «Таван Толгой», а также обеспечить будущую угледобычу современными технологическими решениями, позволяющими сохранять окружающую среду.

По оценкам международных экспертов, Япония пытается ограничить амбиции Китая в отношении Монголии при одновременном обеспечении своих потребностей в высококачественных углях. Кроме того, японцев привлекает геостратегическое положение

ние монгольского государства как сердцевины геополитического «сэндвича» между Китаем и Россией⁹.

В настоящее время Токио изыскивает, как известно, возможности сбалансировать китайские попытки ущемить его территориальные интересы в районе островов Сэн-каку. Укрепление стратегического партнерства с Монголией как нельзя лучше продемонстрировало бы Пекину пределы его реальных наступательных возможностей.

Некоторые китайские политологи, в частности, профессор международных отношений из Народного университета Ши Ихун обращают внимание китайских властей на необходимость в срочном порядке перенести упор в отношениях с соседними странами с политического на экономическое сотрудничество, как это уже в течение десятилетий делает Япония¹⁰.

Китайских экспертов весьма встревожили последние данные международных исследований общественного мнения, проведенных в Монголии. Более 70% опрошенных назвали Японию *«страной, которую они любят, и куда хотели бы поехать, поскольку японский народ весьма дружелюбно и даже по родственному настроен к монгольскому народу»*. Практически все опрошенные назвали Японию *«самым искренним другом Монголии, оказывающим ей существенную экономическую помощь»*¹¹.

В японских политических кругах «монгольский эксперимент» рассматривается как самый успешный за последние два десятилетия, поскольку эффективное экономическое содействие позволило превратить исключительно просоветски настроенное в прошлом государство в надежную опору японской внешней политики в одном из самых важных (стратегически) районов Восточной Азии. Показательно, что наиболее привлекательной основой взаимоотношений между Монголией и Японией считается культурная близость, исходящая из общего фундаментального мироощущения.

Стратегический интерес, который Япония проявляет к Монголии, носит, судя по всему, долговременный характер. Об этом свидетельствует присутствие японских экспертов во всех монгольских университетах, школах и даже министерствах. Японская помощь охватывает почти все главные направления развития монгольской экономики, сферы образования, подготовки кадров. Руководство Монголии сделало ставку на развитие среднего и малого бизнеса, и грамотное использование зарубежной (прежде всего японской) помощи уже позволило добиться существенного роста производства.

В Монголии хорошо понимают, что поступление кредитных ресурсов по линии Всемирного банка и Азиатского банка развития во многом зависит от позиции работающих там японских экспертов.

Согласно долгосрочному плану, Всемирный банк выделяет Монголии крупные льготные кредиты на развитие инфраструктуры. По инициативе японских экспертов введен в действие генеральный план развития монгольской угольной промышленности.

Этот проект финансируется Всемирным банком и Агенством международного сотрудничества Японии, а его главная задача состоит в полном замещении бывшего советского технического содействия угольным разрезам Монголии. За счет японского финансирования предполагается модернизировать и монгольскую систему энергоснабжения. Преимуществом кредитования из японских источников является то, что финансирование осуществляется на льготных условиях и сопровождается широкой технологической поддержкой¹².

Ориентация Монголии на восточноазиатскую интеграцию стала особенно заметной в конце 1980-х гг., когда страна в силу объективных обстоятельств оказалась представленной сама себе. Монгольское правительство было вынуждено начать поиск новых направлений для своей внешней политики. Главной задачей стало преодоление фактической изоляции от международных процессов и выработка новой внешнеполитической доктрины, ориентированной не на одну страну, а на все ведущие государства мира.

Наибольший интерес у монгольского правительства вызвала идея Восточноазиатского сообщества, в рамках которого должны быть уравновешены интересы таких дер-

жав, как Китай, Япония и Россия. Концепция включения Монголии в восточноазиатскую региональную интеграцию подразумевает:

- открытую внешнюю политику;
- определение объемов и форм международного сотрудничества, строго исходя из критериев эффективности;
- погашение внешних займов в кратчайшие сроки за счет доходов, полученных в ходе использования иностранных кредитов;
- предоставление реальных льгот иностранным инвесторам;
- выбор региональных проектов сотрудничества на конкурсной основе;
- создание специальных таможенных зон и консигнационных складов;
- обеспечение условий для свободного перевода прибылей иностранных инвесторов за рубеж.

Для Монголии проблема восточноазиатской интеграции является в настоящее время ключевой. Участие в интеграционных процессах, как считают в Улан-Баторе, позволяет избежать попадания в зависимость от какой-то из великих держав. Формирующаяся интеграционная модель в Восточной Азии по своим признакам отвечает интересам всех региональных государств, независимо от размера их территории и совокупной национальной мощи. Это реально способствует принципиальному отказу участников от создания наднациональных властных институтов, обеспечивает господствующий акцент на широкой экономической кооперации, сохраняет международный характер взаимодействия суверенных государств.

В восточноазиатском интеграционном процессе Монголию привлекает устойчивая ориентация участников на преференциальность отношений друг с другом, приоритетность развития внутригрупповых связей по сравнению с внегрупповыми, готовность ради этого предоставлять друг другу преференции на взаимной основе.

1. Mongolia's Basic Facts // Deutsche Bank Research. 2013. July. P. 3.
2. Лузянин С.Г. Монголия: между Россией, Китаем и «третьей силой» // РГРК «Голос России». 2013. 19 июня.
3. Alexander C. Diener: Problemative Integration // Eurasian Geography and Economics No. 6. 2005. P. 465–478.
4. Shakti Madhok. Sino-Mongolian Relations // Reliance Publishing House. New Delhi. 2005. P. 99.
5. Urs Schoettli. Aktuelle sicherheits politische Heraus — Die Österreichische Militärische Zeitschrift. Wien. 2011. S.12.
6. Кутаваку Хидэотси. Хигасиадзидна кёдотай но хицуёсэй то кихонтэки арикаата [Необходимость восточноазиатского сообщества и основные направления формирования] // Кэйдайэй доюкай сёппан. Осака, 2012. С. 28.
7. Boyd J. Contemporary Japanese — Mjngilian Relations // Murdoch University. Adelaide. Australia, 2012. P. 27.
8. Камата Норю. Нихон то Монгору: дзэнтикию-о мэдзасу [Япония и Монголия: ориентироваться на весь мир] // Майинти симбун. Токно. 2013. 29 марта. С. 2.
9. Тиида Сасаки. Нихон но бёкки [Внешняя торговля Японии] // Тюокорон. Токно. 2012. С. 18.
10. Shi Yihong. Dui Mengu de Zhongguo zhengce [Политика Китая в отношении Монголии] // Shanghai renmin chubanshe. 2012. P. 362.
11. Kumatsumi Mumuo. Монгору ни окуру тайинти ёрон тёса [Исследование общественного мнения об отношении к Японии в Монголии] // Singapore National University Publishers. August 2012. P. 17.
12. Wang Yizhou. Dongya gongtongti [Восточноазиатское сообщество] // Gouji de wenth. Beijing daxue chubanshe. 2012. № 590. P. 33.

Природопользование

Особенности китайского подхода к водопользованию на трансграничных водотоках

© 2014

Н. Прохорова

В статье анализируются основные проблемы трансграничных рек, по которым проходят границы Китая, с его крупнейшими соседями: Россией и Казахстаном. Уделено внимание основным аспектам водной политики КНР на приграничных территориях.

Ключевые слова: трансграничные реки, водная политика, водное право, вододеление.

Водная проблема наряду с земельной является для жителей КНР вопросом жизни. По данным статистических органов страны, дефицит воды составляет примерно 40 млрд куб. м. К 2020 г. ситуация еще более усугубится — объем потребления воды здесь достигнет примерно 10,6 трлн л, что значительно превышает общие запасы воды в стране. В подобной ситуации Китаю придется искать внешние источники воды. По оценкам экспертов, к 2030 г. КНР будет ввозить не менее 240 млрд куб. м¹.

Водные ресурсы расположены по территории страны крайне неравномерно. Юг ежегодно страдает от наводнений; более 66% населения и 90% всех городов расположены в периодически подтопляемых регионах. Освоенность юго-западных рек Китая оценивается примерно в 1,7%, тогда как возможный объем использования воды составляет 98 млрд куб. м, что почти вдвое превышает суммарный дефицит воды. Северные и центральные районы изнывают от нехватки воды. Отметим, что на севере объем водных ресурсов (вместе с Хуанхэ) составляет 19% от общего по стране; тогда как располагаемый объем воды в реках, расположенных на юге Китая (вместе с Янцзы), составляет 81% от всего объема поверхностных вод².

Понятно, что земледелие и скотоводство на севере и северо-западе не могут обойтись без искусственного орошения и дополнительного водоснабжения; воду для ирригационных систем приходится добывать с глубин в несколько сот метров. Не стоит забывать и о том, что здесь развиты добыча нефти и газа, которые требуют огромного количества технической воды³.

Реки восточного Китая испытывают сильное антропогенное воздействие, существуют районы со столь загрязненной водой, что ее употребление начало приводить к катастрофическому росту числа различных заболеваний, к примеру, рака желудка⁴. В 2010 г. Министерство по охране окружающей среды Китая установило, что более половины запасов воды Китая настолько загрязнены, что она непригодна для питья, а около четвертой части — токсичны настолько, что она небезопасна даже для промышленного применения⁵. Огромной проблемой для КНР является чрезмерное освоение подземных и поверхностных вод. Количество природных экосистем, способных поставлять чистую, воду показывает тенденцию к уменьшению.

Перечисленные проблемы заставляют китайцев разрабатывать новые проекты, могущие, по их мнению, временно снизить напряженность проблемы. Один из проектов связан с переброской вод из бассейнов Сунгари и Ляохэ в засушливые восточные районы. Дунбэй всерьез рассчитывает на потенциал использования трансграничных водных ресурсов. В этой связи Россию беспокоит и выдвинутый китайской стороной проект строительства 635-километрового канала по отводу воды из реки Сунгари в провинцию Цзилинь. Опасность данного проекта — в том, что Сунгари является правым притоком Амура, и с началом забора воды в планируемых китайской стороной количествах, Амур начнет мелеть и утратит способность к самоочищению за счет воды, поступающей из своего самого крупного притока. Берега Амура начнут заболачиваться и порастать подлеском, количество рыбы в воде сократится. Последствия реализации данного проекта могут быть настолько серьезными, что в китайской прессе даже говорят о возможности прекращения судоходства на Амуре. Китайские СМИ со ссылкой на зам. директора Института водных проблем РАН М.В. Болгова утверждают, что законных механизмов, препятствующих осуществлению проекта, в настоящее время не существует: «У нас с Китаем есть соглашение об использовании прибрежных вод, но его содержание касается только прибрежной инфраструктуры Амура, и почти не касается водохозяйственных мероприятий, проводимых на его притоках»⁶. Для российской стороны реализация проекта будет иметь негативные последствия для снабжения водой обширной территории, прилегающей к Хабаровску, который уже переключился на использование альтернативных водных месторождений, в том числе Тунгусского (с 2011 г.). Однако, на Сунгарийской струе находится водозабор, впитывающий все стоки китайских населенных пунктов от устья Сунгари до г. Фуюань. Следует также заметить, что в сферу влияния трансграничной экологической политики Китая попадает и водозабор на острове Б. Уссурийский⁷.

Также производится интенсивный забор воды из реки Аргунь, являющейся верхнем Амура. Эта вода направляется на развитие быстро растущей экономики автономного района Внутренней Монголии, что приводит к значительному обмелению Аргуни и наносит непоправимый вред экологии — от массовой гибели уток, рыбы до гибели лесов и дальнейшего смещения русла реки вглубь российской территории. Ранее Китай укрепил свой берег Амура. Это привело к тому, что началась ускоренная эрозия российской берега, русло реки передвинулось в нашу сторону. В результате более 30 кв. км российской территории стало китайской землей. Кроме экспансии как таковой, хотелось бы отметить огромный экологический вред, который КНР наносит неочищенными промышленными сбросами в правый приток Амура — реку Сунгари. Ситуация здесь также катастрофическая⁸.

Примечательно, что российское законодательство не предпринимает настоящих попыток, чтобы защитить экологию трансграничных рек. Напротив, в 2012 г. в российский лесной кодекс были внесены поправки, разрешающие сплошные вырубki в водоохраных зонах⁹. В то же время китайская сторона предпринимает значительные усилия для укрепления своей береговой линии Амура, проводя мероприятия, способствующие увеличению количества лесонасаждений. Китайские крестьяне северо-восточных провинций, испытывающие дефицит сельскохозяйственных угодий, начинают осваивать

российский берег Амура, где местные российские власти создают им выгодные условия для ведения сельского хозяйства, сдавая в аренду землю, находящуюся на приграничных и прибрежных территориях, которую сами граждане России пока не обрабатывают. На этом фоне создается благоприятная ситуация для продвижения китайских проектов по освоению Амура. В целом можно заключить, что российские власти не предпринимают достаточно усилий для поддержания естественного состояния зоны Амура и, по сути, идут навстречу инициативам Китая.

В реализации глобальных замыслов по освоению природы трансграничья Китай ориентируется на тесное сотрудничество с сопредельными государствами по эксплуатации находящихся в совместном использовании ресурсов. Однако совместное освоение водных ресурсов предполагает также развитие и освоение прибрежных территорий, использование земельных и лесных ресурсов данных областей. Можно предположить, что именно сотрудничество в освоении прибрежных территорий окажется едва ли не более важной целью, чем обеспечение водными ресурсами провинций Китая за счет трансграничных водотоков.

Судя по динамике освоения трансграничных вод и формированию экологического законодательства КНР, освоение новых водных запасов и выстраивание механизмов сотрудничества с сопредельными государствами в области разработки природных ресурсов имеют для КНР одинаковое значение. Таким образом, освоение трансграничных водотоков не только позволяет обеспечить внутренние районы страны дополнительным дешевым ресурсом пресной воды, но и открывает возможность для вступления КНР в новую форму межрегионального взаимодействия с соседними государствами на фоне освоения природных ресурсов.

Стоит вспомнить известную фразу Дэн Сяопина: «По некоторым территориальным спорам можно поначалу не говорить о суверенитете, а осуществлять совместное освоение. В таких вопросах надо исходить из уважения к реальности, чтобы потом найти новые пути решения»¹⁰. Процесс формирования механизмов сотрудничества в области использования трансграничных водотоков является очень трудным делом, и в Китае важность и сложность этих шагов понимают намного лучше, чем в России, несмотря на то, что именно Россия была инициатором создания механизма сотрудничества по налаживанию обменов данными и в развертывании сотрудничества по мониторингу трансграничных рек.

С российской стороны понимание изменений, которые надлежит произвести в трансграничном законодательстве, намного проще и умеренней, чем видение данной проблемы с китайской стороны. Это подтверждается тем, что проблема трансграничных рек в китайской водной политике заметно акцентирована. Но в документах, касающихся внутренних аспектов водопользования, ситуации на трансграничных реках обычно не затрагиваются. Вообще в КНР принято разделять два подхода к водопользованию — на внутренних и на трансграничных реках. Все это означает, что в Китае формированием законодательства, касающегося трансграничных рек, озабочены, там выискиваются пути защиты и наиболее выгодного обоснования своих интересов в данной сфере. Известно, например, что в последнее время формирование природоохранного законодательства КНР в целом по стране затягивалось, в то время как финансирование гидротехнических проектов увеличивалось. Но это не означает задержку в законодательном оформлении коренных преобразований в экологической сфере: по отношению к ней китайская сторона проводит активную работу по формированию экономических и административных механизмов, нацеленных на разрешение возникающих споров.

В вопросах взаимодействия на трансграничных водотоках КНР и его соседи находятся на самой начальной ступени сотрудничества, предполагающего обмен информацией о состоянии трансграничных водных объектов. В китайской прессе обсуждаются коммерческие соглашения об обмене гидрологическими данными и возможность их

увязки с соглашениями о трансграничных реках, включающими договоренности и правила совместного использования водотоков.

В настоящее время соглашения, практикуемые Китаем с сопредельными государствами, касаются именно обмена данными, не более. С Индией регулярный обмен данными начал осуществляться с 2002 г., в это же время КНР объявила о начале масштабного строительства мониторинговых станций на трансграничных реках¹¹. С Россией первое соглашение по обмену данными было заключено в 2006 г.

Самые насущные задачи — это налаживание эффективного функционирования обмена данными, получаемыми при ежедневных наблюдениях за водной средой, и улучшение системы применяемых оценок водных ресурсов за счет расширения числа индикаторов. Так, в настоящее время мониторинг вод Амура с российской и китайской сторон осуществляется по 139 показателям, хотя еще недавно использовалось чуть более двадцати¹².

Определенные успехи достигнуты по таким вопросам, как налаживание механизма экстренного оповещения о загрязнениях водной среды; экстренная помощь соседнему государству в случае чрезвычайных ситуаций; система надзора за развитием промышленности и сельского хозяйства в прибрежных зонах КНР.

В перспективе Китай предусматривает развитие трансграничного сотрудничества по освоению международного экологического законодательства и созданию системы поддержания экологического равновесия на особо охраняемых природных территориях. На сегодняшний день данные меры реализуются в схеме сотрудничества по ООПТ (особо охраняемые природные территории), список которых на Дальнем Востоке все расширяется. Отметим, что первое ООПТ было создано в 1996 г., когда между Правительствами РФ и КНР подписано «Соглашение о создании на основе Ханкайского заповедника в России и китайского заповедника «Синкай-Ху» международного российско-китайского заповедника «Озеро Ханка»¹³. Следующим шагом на пути охраны трансграничных водных объектов стала разработка «Стратегии создания сети трансграничных особо охраняемых природных территории (ТООПТ¹⁴) в бассейне реки Амур».

К обеспечению механизмов сотрудничества в области трансграничного водопользования КНР подходит ответственно и не спешит распространять накопленный ею собственный опыт. Так, в некоторых документах по водораспределению («Временные правила распределения воды» от 2008 г.¹⁵), специально оговаривается, что опыт, накопленный в сфере трансбассейновой переброски и распределения воды между провинциями не касается трансграничных рек. Официально ни один пункт этого документа не может быть применен к ситуациям, возникающим на трансграничных реках.

Рассмотрим, как действует законодательство по вопросам межрегионального водопотребления в границах КНР. С тех пор, как после проведения второй всеобщей оценки водных ресурсов в начале 2000-х гг. в стране стало осуществляться распределение первичных прав на воду, механизм улаживания административно-территориальных и региональных противоречий непрерывно совершенствуется, постоянно порождая новые прецеденты в решении межтерриториальных водных проблем. Одним из последних примеров стала разработка компенсационного механизма в случае загрязнения вод бассейна рек, находящихся в юрисдикции разных административных единиц. В феврале 2012 г. провинции Чжэцзян и Аньхуэй начали совместный мониторинг трансграничного участка реки Синьяньцзян. Государство выделило провинции Аньхуэй 300 млн юаней для ликвидации существующих загрязнений. В то же время правительство обеих провинций выделило по 100 млн юаней для учреждения компенсационного фонда. Если загрязнение воды в располагающемся ниже по течению отрезке реки провинции Чжэцзян ниже обычного, то она выплачивает премию аньхуэйцам. Если выше, то наоборот — Аньхуэй будет выплачивать компенсацию Чжэцзяну¹⁶.

Однако в настоящее время Китай с осторожностью внедряет этот механизм, так как помимо защиты прав на воду регионов, существуют еще и приоритеты экономического развития. В тех регионах, где в верхнем течении реки находятся экономически отстающие районы, данный механизм пока не внедряется. Для международного уровня наблюдения данные проекты представляют ценный материал, поскольку в настоящее время КНР реализует политику выявления потенциалов в решении трансграничных вопросов, создавая условия к кооперации в области управления водными ресурсами как внутри государства (между провинциями), так и с зарубежными партнерами. Ставка, сделанная в Китае на приоритет технического решения проблем, а не институционального (путем создания для себя юридических обязательств, основанных на международном праве при привлечении третьих арбитражных сторон) пока что, судя по всему, оправдывает себя.

Фактически на территории КНР располагаются истоки многих крупнейших рек Азии. Китай, безусловно, проявляет в определенной степени свои эгоистические интересы в области водопользования, и при взаимодействии с сопредельными государствами ведет политику, рассчитанную на долгие десятилетия улаживания спорных вопросов.

В условиях локального дефицита воды на территориях Северного Китая решение проблем обеспечения пресной водой возможно путем транспортировки ее с территории соседних провинций или автономных районов. Особенно острое положение складывается на северо-западе Китая (где реки Ганьсуйского коридора и р. Урумчи используются на 100%, р. Тарим — на 80%, реки Синьцзяна — на 56%). На северо-западе почвы сильно засолены — даже в оазисах. Постепенно происходит опустынивание территорий. Много воды, используемой для орошения, просто «уходит в песок». По некоторым данным, решить проблему существующего дефицита водных ресурсов на северо-западе страны без учета использования воды трансграничных рек невозможно¹⁷.

В то же время у Китая существуют планы по увеличению численности населения Синьцзяна за счет переселения в этот регион этнических ханьцев, а также планы по усилению промышленной базы Синьцзяна и увеличению орошаемых площадей до 600 тыс. га. Решить эти задачи планируется путем забора до половины стока трансграничных с Казахстаном рек Иртыш, Или и др. (всего у Китая и Казахстана 23 трансграничных водотока). Это вызывает серьезные опасения Казахстана за сохранность своей природы, тем более, что уже в настоящее время Китай забирает до 15% стока трансграничных с ним рек. Поскольку до 70% стока этих рек формируется на китайской территории, практикуемая Китаем схема водопользования вызывает серьезное беспокойство у Казахстана, который еще с начала 2000-х гг. активно пытается согласовать с КНР договор о водodelении. И только в 2009 г. во время визита Ху Цзиньтао в Казахстан, казахской стороне было дано понять, что Китай также осознает необходимость подобного договора. Но до настоящего времени, ввиду продолжающегося бурного экономического развития Синьцзяна и все возрастающей потребности региона в воде, сроки возможного подписания данного договора все еще не определены. Китай продолжает опираться на статью № 4 «Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере использования и охраны трансграничных рек», согласно которой, Казахстан не может противодействовать планам КНР по расширению забора воды из рек Или и Иртыш¹⁸. Как положительный момент для потенциального решения этой проблемы эксперты расценивают то, что в 2013 г. было объявлено о создании казахстано-китайской двусторонней рабочей группы по вопросам водodelения между двумя странами¹⁹.

Следует заметить, что в сферу влияния казахстанско-китайских переговоров вовлечена и Россия, так как на ее территорию из Казахстана вытекает Иртыш, берущий начало в Китае. Но Китай упорно не желает расширять поле ведения переговорного процесса, предпочитая тактику двусторонних договоренностей.

Со стороны Китая необходимость подписания договора о водodelении с Казахстаном продиктована прежде всего поддержанием экологического баланса в регионе, из-за нарушения которого у КНР могут возникнуть проблемы — в случае если соль от иссыхающего озера Балхаш в Казахстане станет распространяться по ветру до ледников Тянь-Шаня. Осевшая там соль способствовала бы таянию ледников, что негативно отразится на экосистемном балансе КНР.

Почти половину водных ресурсов рек Казахстана формируют реки, берущие начало в сопредельных государствах — России, Узбекистане, Кыргызстане и Китае. Если с первыми тремя странами Казахстану удалось договориться по правилам использования вод трансграничных рек, то напряженные переговоры с Китаем по этому вопросу еще впереди.

Следует заметить, что стратегия ведения переговоров с сопредельными государствами со стороны КНР во многом зависит от ситуации, сложившейся в сфере водопользования в его внутренних районах, прилегающих к границам.

Водная политика Китая отличается большим региональным разнообразием. Каждый регион должен находить такие способы ведения хозяйства, которые максимально соответствуют природно-географическим условиям, в которых он располагается. В граничащем с Казахстаном Синьцзяне, являющемся засушливым регионом, в части водосберегающих технологий заимствуется опыт Израиля, практикуется создание передовых центров по развитию водосберегающего орошения, а также искусственного озеленения. Регион уже объявил о полном переходе к 2015 г. на шкалу дифференцированных цен оплаты за воду в промышленности и быту.

В приграничной с Россией провинции Хэйлуунцзян, как и в целом по стране, происходят те же процессы по формированию системы водосберегающего общества. Есть тенденция к сворачиванию особо вредоносных для экологии производств, в число которых попала горнодобывающая отрасль. Однако данные производства, закрываясь в одном месте, нередко открываются в другом: например, с китайского берега переселяются на российский, чему способствует согласованная обеими сторонами «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы)». Этот документ интересен прежде всего тем, что именно в нем впервые сформулированы первоочередные цели Китая в восточной России. Суть документа в том, что китайцы построят в своих северо-восточных провинциях производства, на которых будут использовать дальневосточное и восточносибирское сырье.

Справедливости ради следует признать, что для поддержания и защиты экологии в регионе с китайской стороны делается немало. Большое внимание уделяется поддержанию самовосстановительных функций природы российско-китайского трансграничья.

Взаимодействие КНР с соседними государствами в области трансграничного водопользования рассчитано на весьма дальнюю перспективу. Следование данному курсу не отменяет поиска решений по водобеспечению страны с опорой на запасы воды внутри Китая. Например, в настоящее время рассматриваются возможности удовлетворения потребностей запада страны за счет переброски вод из реки Хуанхэ. С началом ввода в эксплуатацию Проекта по переброске вод с юга на север станет возможным осуществление переброски на запад вод, ранее предназначавшихся для засушливых районов северо-востока страны.

В заключение, отметим, что уровень взаимодействия Китая с сопредельными государствами по использованию трансграничных водотоков за последние 20 лет значительно продвинулся. Еще в 1990-х гг. водная проблема не рассматривалась столь масштабно, как в настоящее время, а трансграничные соглашения в основном носили демаркационный характер. С начала 2000-х гг. Китай, активно совершенствующий систему оценки водных ресурсов, начинает вводить методы контроля и наблюдения за состоянием

трансграничных вод. В последние годы в КНР уже подходят к рассмотрению вопросов вододеления на трансграничных реках.

Обращает на себя внимание и многоплановость, с которой в КНР подходят к изучению проблем трансграничных водотоков. Несмотря на то, что КНР предпочитает решать проблемы трансграничного водопользования со своими партнерами напрямую в технической плоскости, это вовсе не означает, что Китай не учитывает накопленный политический опыт. Следует также учесть, что существующие конвенции о трансграничных водотоках 1992 и 1997 гг. не подтверждают абсолютного права государств на независимое распоряжение водными ресурсами, находящимися в пределах их территорий²⁰.

Именно отношение к правам суверенитета есть самое чувствительное звено в разногласиях между критериями международного права и китайским видением проблем, связанных с трансграничным ресурсопользованием. Являясь страной, где сосредоточены верховья крупнейших рек Азии, Китай настороженно относится к попыткам воздействия на практику водопользования со стороны стран, располагающихся внизу по течению рек, и практику водопользования в верховьях. Китай вырабатывает уникальную практику в освоении трансграничных природных ресурсов, что требует особого внимания со стороны международного сообщества.

1. URL: <http://wan-shi-ru-yi.com/sovremennyiy-kitay/kitay-i-ego-vodnyie-resursyi>.

2. URL: <http://baike.baidu.com/view/956881.htm>.

3. URL: <http://voprosik.net>.

4. URL: <http://www.scmp.com/news/china/article/1155528/environmental-watchdog-admits-cancer-village-phenomenon>.

5. URL: http://www.naturalnews.com/030630_China_pollution.html.

6. URL: http://chinese.ruvr.ru/2012_11_29/96316444/

7. URL: <http://geodin.ru/29.html>.

8. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/55786/>

9. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=130659>.

10. Чжунго да чжанлюе [Великая китайская стратегия]. Пекин, 2003. С. 38.

11. URL: <http://energy.people.com.cn/GB/11511288.html>.

12. URL: <http://amurmedia.ru/news/17.07.2012/216999/>

13. URL: http://www.ecoinfo.ru/amur/cooperation/international_cooperation_sprav.htm.

¹⁴ Трансграничных особо охраняемых природных территории – участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны (Источник: Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 27.12.2009) «Об особо охраняемых природных территориях» (принят ГД ФС РФ 15.02.1995)

15. URL: http://www.gov.cn/jfjg/2007-12/29/content_847012.htm.

16. URL: <http://chunan.19lou.com/forum-1564-thread-172001332258771321-1-1.html>.

17. Чжунго ке чисюй фачжан даган. Дисы изюань [Программа устойчивого развития Китая. Т. 4]. Пекин, 2007.

18. Использование трансграничных рек Казахстана и Китая. URL: <http://abai.kz/node/12467>.

19. URL: http://kazakh-zemo.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=75036&Itemid=108.

20. URL: http://www.cawater-info.net/6wwf/conference_tashkent2011/files/discussion_note_2_wat_conv_rus.pdf.

Государство и общество

Власть, бизнес и коррупция в Китае

© 2014

А. Виноградов

Рассматриваются фундаментальные черты и принципы формирования в Китае новой социально-политической модели развития в процессе экономических реформ, взаимодействие власти и бизнеса, эволюция авторитарной модели управления, связь коррупции, традиционного общества, рыночной экономики и государства.

Ключевые слова: Китай, КПК, политическая система, экономические и политические реформы, коррупция.

Принято считать, что главное достижение современного Китая — экономика. Особенно после того, как Китай превратился во вторую экономическую державу мира и по прогнозам в течение ближайших 15 лет станет первой. На мой взгляд, это все же не самое впечатляющее достижение. Еще 200 лет назад Китай был самой населенной страной, а его ВВП составлял примерно треть мирового. Не удивительно, что и сейчас самое многонаселенное государство претендует на обладание самой большой экономикой. Удивительно другое, как это государство управляет четвертью населения земного шара и несмотря на потрясения последних двух столетий сохранило целостность и продолжает развиваться.

Нет сомнений в том, что, по крайней мере частично, эти успехи являются результатом реформ, которые начало китайское руководство в конце 1970-х. Тогда, почти через 150 лет после начала «опиумных войн» Китай сохранился как независимое государство, но по-прежнему значительно отставал от внешнего мира. Главная причина этого заключалась в том, что на протяжении большей части XX в. его возрождению препятствовала вооруженная борьба между различными политическими силами за власть и право решать эту задачу.

Смерть Мао Цзэдуна символизировала конец периода революционных войн. Она позволила новому руководству изменить приоритеты и перенести главное внимание с политической борьбы на экономику. Одним из следствий этого стало то, что конфронтационность с внешним миром, от которого на протяжении полутора веков Китай защищался, сменилась открытостью, прежде всего, для получения современной техники и технологий. Историческое значение 3-го пленума (1978 г.) состоит в том, что он предопределил следующий шаг — вслед за техникой КПК согласилась на заимствование за-

падных методов управления и организации экономической жизни. Открытость и использование рыночных механизмов позволили Китаю соединить свое главное конкурентное преимущество — дешевую рабочую силу с интеллектуальными и природными ресурсами внешнего мира и найти свое место в глобальной экономике.

Неизбежным следствием экономических реформ стали изменения в структуре и характере общественных отношений. На протяжении тысячелетий китайское государство в интересах поддержания стабильности сдерживало социальные трансформации и с этой целью ограничивало инициативу, право на которую сохранялось только у государства. На этот раз начатые им реформы в корне изменили ситуацию. В 1979 г. Дэн Сяопин, говоря о развитии приморских районов, заявил: «мы не можем дать им денег, но мы можем дать им политику». Этот принцип в равной степени был использован для реформ в сельском хозяйстве, а затем и в городе. Предоставив инициативу индивидам, отдельным коллективам и регионам, государство санкционировало восстановление традиционных форм экономической жизни и общественно-политическую стабильность. Однако возврата к прежнему состоянию не произошло, потому что основой этого порядка стал провозглашенный государством экономический рост и рост личного благосостояния, а не социальная справедливость, которая на протяжении столетий лежала в основе социального порядка в Китае.

Проведение таких радикальных реформ было немыслимо без инициативы государства и участия государственной бюрократии — непосредственного носителя этой инициативы. Реформаторы наделили правом хозяйственной деятельности всех: провинции, крестьян, участников внешнеэкономических сношений и даже армию. Подавляющее большинство новых предприятий было учреждено местными властями, которые первыми воспользовались этим правом, но сами в бизнес не пошли. Они делегировали право на хозяйственную деятельность предпринимателям, а сами, так же как в императорском Китае, стали получать административную ренту. Но постепенно в отведенных государством экономических нишах стал формироваться предпринимательский класс, успех которого находился в прямой зависимости от близости к власти за счет личных, родственных и земляческих связей. Его появление в тех условиях, однако, не означало рождения полноценного социально-политического субъекта. С самого начала китайский бизнес был генетически связан с властью и не представлял для нее угрозы.

Между властью и бизнесом установились особые, доверительные отношения. Но в этих отношениях был заложен один системный изъян — коррупция. При переходе к рыночной экономике, особенно от плановой, свободное предпринимательство неизбежно имеет коррупционную составляющую, в которой проявляется подчиненное отношение бизнеса к власти любого уровня и покровительственное отношение власти к бизнесу. У коррупции две функции. Первая, общепризнанная, негативная, затрудняющая экономическое развитие. Вторая, о которой не принято говорить, социокультурная — позитивная, санкционирующая предпринимательскую активность населения и одновременно стабилизирующая отношения власти и бизнеса. На начальном этапе реформ вторая функция играет главную роль, она восполняет несовершенство правового режима, вводя специальные механизмы контроля за новой сферой жизнедеятельности. Использование служебного положения в личных целях означало появление особой формы взаимовыгодного совмещения личного и государственного интереса. Без этого совмещения предпринимательская инициатива индивида и рыночные реформы были бы невозможны. Поэтому целью борьбы с коррупцией на том этапе являлось не ее искоренение, а удержание в определенных рамках, потому что она была органической частью повышения экономической активности и создания параллельного с плановой системой свободного экономического пространства. Быстрая победа над ней означала бы уничтожение предпринимательской инициативы и возвращение к дореформенным временам. Именно поэтому все кампании по борьбе с буржуазной либерализацией в 1980-х годах были свернуты при активном

участии главных китайских реформаторов Ху Яобана и Чжао Цзыяна, оба поплатились за это постами. Но результаты их политики не пропали даром.

Появление новых слоев не только изменило социально-экономическую, но и серьезно повлияло на социально-политическую жизнь, предполагая выработку новых принципов взаимоотношений власти и общества. Существовало два варианта решения этой проблемы: модернизация авторитарной системы или формирование новой, правовой, соответствующей многоукладной экономике. На XIII съезде КПК (1987 г.) впервые была предпринята попытка синхронизировать экономические и политические реформы и постепенно распространить свободы с экономической на политическую сферу, что полностью соответствовало классической западной традиции общественной мысли и марксизму, который в тот момент переживал ренессанс в Китае. Чжао Цзыян планировал расширение внутрипартийной демократии, функций и роли ВСНП, малых демократических партий, он допускал даже создание их фракций и групп в ВСНП, т.е. шел в русле реформ в других соцстранах. Однако события на площади Тяньаньмэнь и в Восточной Европе напугали КПК, они указали на возможность иной социально-политической перспективы развития. Большинство в руководстве партии предпочло снижение темпов преобразований и было даже согласно на снижение темпов экономического роста во имя стабильности.

Но Дэн Сяопин избрал другое продолжение, он не позволил объединить политику и экономику ни по маоцзэдуновской модели, вернувшись к диктату политики и идеологии, ни по либеральной, допустив бизнес во власть. Зимой 1992 г. он принял решение не отказываться от асинхронности, а наоборот, усилить ее за счет углубления рыночных реформ, одновременно сохранив политическую монополию КПК. Дэн Сяопин тогда решил: сначала будем развивать рыночную экономику, не меняя власть, а результаты реформ направим на поддержание социально-политической стабильности и повышение авторитета государственной власти. Это ему удалось. В 1990-е, а затем и в 2000-е гг. рыночная экономика значительно продвинула Китай к достижению общенациональной цели возрождения, но и цена оказалась немалой. Роль бизнеса значительно выросла. В результате революции и реформ политический класс в лице КПК нашел путь к возрождению, но теперь по этому пути пошло предпринимательское сословие, создав предпосылки для возникновения политической конкуренции.

Перед КПК встала задача продолжить модернизацию экономики и одновременно осуществить реформирование политического механизма, чтобы сохранить динамизм экономического развития, с одной стороны, и стабильность социально-политической ситуации, с другой.

На начальном этапе обеспечивать стабильность и динамизм общественной системы удавалось за счет авторитета Дэн Сяопина, что называется «в ручном режиме». Приближение его неизбежного ухода требовало институализировать созданную систему. Задача состояла в том, чтобы перевести эффективную авторитарную модель в институциональную форму, избавить ее от случайностей, связанных с отдельным человеком. Т.е. надо было последовательно решить ряд задач, которые до этого были решены демократической системой.

Политические преобразования начались практически одновременно с экономическими — с ограничения срока и введения предельного возраста (около 70 лет) пребывания на высших должностях, а также периодической смены всего высшего партийно-государственного руководства. Другим элементом институализации стала процедура идеологической легитимизации нового поколения, жизненно необходимая в авторитарном государстве. «Идеи Мао Цзэдуна», «теория Дэн Сяопина», «тройное представление» Цзян Цзэминя, «научный взгляд на развитие» Ху Цзиньтао обосновывали право Китая на самобытный путь и утверждали их авторов в качестве лидеров страны. Не менее важную роль играло усиление коллективного руководства и ограничение еди-

ноличной власти лидера, во-первых, со стороны старшего поколения, которое сохраняло авторитет и влияние в партии и государстве, во-вторых, внутри поколения узким кругом членов Постоянного комитета Политбюро. Это было еще не разделение властей, но уже разделение власти. Все это позволило создать эффективный механизм воспроизводства высшего руководства.

Одним из важнейших шагов по институализации сложившейся при Дэн Сяопине политической практики стала идея «тройного представительства» Цзян Цзэминя, согласно которой КПК представляет передовые производительные силы и всю китайскую нацию, что снимало ограничения на членство в компартии предпринимателей. Однако политически легализовав бизнес, КПК не стала наделять его политической субъектностью. Одновременно она поддержала деятельность малых демократических партий, чтобы не позволить сформироваться на их месте полноценной политической оппозиции и сохранить механизм «консультативной демократии». С 1979 г. их численность выросла почти в 15 раз. Создание рыночной экономики, таким образом, шло параллельно с повышением качества авторитарной власти.

В начале XXI в. система стала подвергаться воздействию новых вызовов. Раньше основная проблема режима заключалась в том, что уходя из жизни, лидер не оставлял после себя преемника. Дэн Сяопин решил эту проблему. С 2002 г. ситуация изменилась, лидер оставляет преемника, но и сам окончательно не уходит. После XVIII съезда КПК в политическом пространстве впервые стали функционировать сразу три вождя — два бывших генеральных секретаря (Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао), сохраняющие свое влияние, прежде всего на кадровую политику, и действующий генсек. Но и в этих условиях созданный механизм продемонстрировал эффективность. С целью компенсировать ситуационную слабость Си Цзиньпин был оперативно, всего за 4 месяца наделен всеми высшими постами (Генерального секретаря, Председателя КНР, председателя Военного Совета ЦК и Центрального Военного совета КНР). У его предшественника на это ушло 2,5 года. Была сокращена численность ПК ПБ с 9 до 7 человек с целью свести к минимуму возможности для возникновения группировок внутри высшего руководства. Его консолидации способствовал и персональный состав нового ПК ПБ, большинство в котором составляют дети и близкие родственники бывших высокопоставленных партийных чиновников, они принадлежат к так называемой шанхайской группировке, тесно связанной с Цзян Цзэминем.

Таким образом, главная заслуга предыдущего китайского руководства состоит в том, что, приведя общество в движение, оно смогло найти стабильные формы воспроизводства государственной власти и на практике доказало, что исход первого этапа радикальных преобразований зависит от качества власти, а ее важнейшим историческим достижением можно считать не успешные экономические реформы, а институализацию механизмов собственного обновления, которые и обеспечили последовательное проведение реформ на протяжении всего этого времени. Все эти годы Китай планомерно шел от авторитаризма к новому авторитаризму, институционально более насыщенному и поэтому более стабильному и динамичному. С точки зрения внутренних характеристик сейчас этот режим почти достиг совершенства. Но и этого может оказаться недостаточно на новом этапе развития.

На протяжении двух десятилетий с 1992 г. все свои проблемы — экономические, социальные и даже социально-политические, Китай решал за счет высоких темпов экономического развития. За эти годы китайские лидеры в значительной степени утратили навыки или, точнее, потеряли вкус к использованию других инструментов государственного управления, их политические функции ослабли, а идейно-политические средства постепенно превратились в ритуальную декорацию роста. В результате в обществе распространились новые ценности, произошла переориентация и самого руководства с идейно-политических методов управления на экономические. Из авторитарного

идеократического государства, где политика руководит экономикой, на протяжении всего периода реформ, особенно после 1992 г., Китай постепенно превращался в государство, где экономика руководит всем. Как только целью было признано не социальное равенство, а экономический рост, исчезли основания для социально-политической дискриминации предпринимательского класса. Началось активное проникновение в бизнес членов семей высшего руководства.

В результате возникли стабильные формы сочетания реформированной власти и модернизированной экономики, прежде всего, за счет семейной унии власти и бизнеса. Вновь возник характерный для азиатского способа производства единый супер-субъект — власть-собственность, который существовал на протяжении всей китайской истории и отсутствовал лишь в короткий промежуток 1950-х—1980-х гг. Но у возникшей унии было два ограничителя — время и идеология. Дети и внуки революционеров, связав себя с бизнесом, отдалялись от революционной легитимности современного китайского государства, которая не позволяла им встать во главе партии.

В этих условиях, отражая возросшую роль новых экономических слоев, накануне XVIII съезда премьер Госсовета Вэнь Цзябао настойчиво призывал провести политические реформы, т.е. вновь как и 25 лет назад, синхронизировать экономическое и политическое развитие. Реформа, предлагавшаяся бывшим премьером, не ставила под сомнение ведущую роль КПК, а предполагала легитимизацию сложившихся отношений и гарантировала безопасную и безболезненную взаимную конвертацию власти и собственности. Ее результатом была бы политическая легализация семейной унии, открывавшая перед представителями бизнеса возможность входить в руководство партии и государства. Однако общество оказывалось за пределами этого альянса. Вариант политической трансформации, предлагавшийся Вэнь Цзябао, таким образом, не мог получить ни широкой поддержки в обществе, ни поддержки партийных масс.

Формально отсутствие новых политических субъектов позволяло не приводить в соответствие авторитарную политическую надстройку и многоукладный экономический базис и по-прежнему ограничивать политические преобразования высшим эшелонам власти. Но реформы вызвали глубокие изменения в китайском обществе, которое быстро теряет статус традиционного. Политика «одна семья — один ребенок», изначально направленная на повышение уровня жизни, последовательно разрушала фундамент конфуцианского общества, которое начало эволюционировать от почитания старших, что было основой традиционного социального порядка, к обожанию младших. В результате индустриализации и роста численности городского населения разрушаются традиционные социальные связи. Быстро растет средний класс, который хотя и не имеет внятной политической позиции, все же обладает высоким уровнем образования, знает иностранные языки, выезжает за границу и в целом занимает активную жизненную позицию. Серьезные изменения происходят в сознании населения. Легитимизация инициативы и инноваций в ходе реформ разрушает ценность преемственности, которая была главной характерной чертой китайской цивилизации. Наконец, следствием коррупции стала монетизация власти, которая в условиях открытости позволяет вывозить за границу капиталы и привилегии (например, до самого последнего времени рождение второго ребенка), что подрывает нравственный авторитет партии и бросает вызов ее легитимности. В новой системе координат государство постепенно утрачивает сакральный характер и обусловленную им общественную поддержку и должно искать новую, на новых принципах.

В этой ситуации решения, которые были приняты 20 и более лет назад, потребовали коренного пересмотра. Выполнив свою историческую роль, коррупция начинает препятствовать честной конкуренции и повышению эффективности рыночной системы, тянет общество назад, в переходный период, поскольку может комфортно существовать только как посредник между двумя экономическими мирами — традиционным и современным.

До тех пор, пока коррупция реализовывала свою созидательную функцию, общество воспринимало ее как неизбежное зло и мирилось. Но как только темпы роста снизились, в обществе усилилось ощущение социальной несправедливости. На этапе становления рыночной экономики протест вызывали предприниматели, первыми начавшие повышать свой жизненный уровень и нарушившие, таким образом, социальное равенство, и чиновники, которые им в этом помогали. Теперь протест вызывают, прежде всего, государственные чиновники, которые нарушают принципы социальной справедливости, декларированные государством. На начальном этапе государство с помощью чиновников создавало рыночную систему, теперь чиновники хотят ее эксплуатировать уже без государства. Этого же хочет бизнес. Таким образом, из фактора, стабилизирующего отношения власти и бизнеса, коррупция превратилась в фактор, дестабилизирующий отношения власти и общества.

Все это предопределило необходимость всеобъемлющей борьбы с коррупцией («ловить и тигров, и мух»), уже не удержания ее в определенных рамках, как раньше, а ее искоренения. Во-первых, потому что уже создан и может развиваться на собственной основе новый экономический механизм. Искоренение коррупции способно восстановить честную конкуренцию и повысить экономическую эффективность. Во-вторых, и это важнее, потому что негативные социальные последствия коррупции, которые раньше были нейтрализованы высокими темпами роста, сейчас становятся фактором общественной нестабильности. Проблема коррупции перемещается из области экономического строительства в область государственного управления. Мировой кризис с неожиданной стороны показал, что государство может быть слабым не только с отсталой экономикой, что было причиной начала экономических реформ в 1978 г., но и с искаженными принципами социальной справедливости. Наиболее актуальной становится задача оздоровить государство, поддержать авторитет власти в глазах населения и для этого лишить государственных чиновников незаслуженных привилегий.

Но сделать это будет непросто. Государство делегировало в новый экономический класс своих лучших представителей, прежде всего, детей, и теперь должно разрывать семейную унию власти и бизнеса, не травмировав ни власть, ни бизнес, и все это требует радикальной перестройки существующей общественной системы.

Проблема усугубляется тем, что созданная 20 лет назад ориентированная на экспорт экономическая модель, исчерпав запасы дешевого труда, приближается к пределу своих возможностей. Вслед за этим исчезает главное преимущество Китая на внешней арене. Мировой кризис ускорил этот процесс.

Именно кризисом экономической модели был вызван конфликт в руководстве КПК накануне XVIII съезда. Так же, как в конце 1980-х, возник выбор, но на этот раз уже не между демократизацией и усилением авторитаризма, а в рамках совершенствования авторитарной системы. Идеям Вэнь Цзябао, фактически предлагавшего привести политическую систему в соответствие с существующей экономической, оппонировал Бо Силай. Он предлагал возродить традиционные идейно-политические средства социального регулирования, усилить контроль за деятельностью бизнеса и борьбу с коррупцией, т.е. привести экономическую систему в соответствие с политической. Его призывы к восстановлению социальной справедливости вызвали у его коллег в Политбюро ассоциации с периодом политических кампаний, предшествовавших реформам, таких как «культурная революция». Но, главное, возвращение к распределительной модели угрожало экономическому росту. Неудивительно, что руководство КПК всеми силами и средствами попыталось исключить конфронтационную составляющую из своего курса и убрать Бо Силая. Именно в этой атмосфере возникла и получила официальный статус «китайская мечта» Си Цзиньпина, которая противостояла и либеральным политическим реформам, и возрождению идеологии классовой борьбы и закладывала фундамент для общенациональной консолидации. Идея возрождения Китая в отличие от борьбы за социальную справедлив-

вость объединяет, а не раскалывает общество. С появлением «китайской мечты» закончился «золотой век» китайских реформ, и началась эпоха «великого возрождения», которая предъявляет уже иные требования к качеству власти.

Так же, как в конфуцианском, в современном Китае обеспечить легитимность КПК невозможно без строгого следования принципам социальной справедливости, но справедливости не в отношении прав частной собственности, которая в общественном сознании несет печать незаконнорожденности, а в отношении личных и профессиональных качеств. Конфликт общества, власти и бизнеса может примирить только нравственно безупречная меритократия, освобожденная от наследственных уз власти-и-собственности, и способная связать традиционное общество с рыночной экономикой и динамичной современностью.

Перед Китаем вновь стоит выбор: окончательно уничтожить традиционное общество, к чему его подталкивает история последних десятилетий, или попытаться интегрировать конфуцианскую этику в современность, используя для этого партийные традиции идейно-политического воспитания, исправления стиля партии и т.д. Поскольку коррупция — это явление, принадлежащее миру традиционного общества, то она не может быть искоренена ни экономическими, ни правовыми способами, они только способствуют решению этой проблемы, но не решают ее. Проблема коррупции решается нравственным воспитанием, методами традиционной культуры, как в Сингапуре. Для того, чтобы успешно бороться с коррупцией, к ней нужно относиться как фактору развития, а не его побочному негативному продукту, только так можно будет задействовать потенциал традиционной культуры для решения современных задач.

Главный вопрос предстоящего десятилетия будет звучать, видимо, так: не утратил ли после 30 лет успешных реформ китайский управленческий класс способности принимать смелые решения, достаточно ли у него легитимности сделать стратегический выбор и в ближайшие 10–15 лет перейти к новой модели экономического развития, сохранив преемственность в политической сфере? Смогут ли Си Цзиньпин и Китай еще раз удивить асинхронностью?

Авторитарная система в Китае, вступив в период трансформации, неизбежно обнаружила общие моменты с преобразованиями в СССР. Но не только это связывает реформы в России и Китае.

Прикладная задача изучения социально-политических процессов в Китае заключается в лучшем понимании того, что происходит у нас в стране. Несмотря на то, что российские реформы следовали другому сценарию, политическое развитие в 2000-е гг. шло в направлении той же модели, что и в Китае, но с другой стороны. Созданные в 1990-е гг. демократические институты революционным образом ввели сменяемость, разделение властей, ограничили полномочия первого лица, т.е. другим способом добились того же, что и в Китае, но оказались неэффективны и нестабильны. Государство в России, сменив идеологию с коммунистической на либеральную, не поменяло идеократический характер. Это выразилось в том, что оно попыталось искусственно создать частную собственность — не за счет инициативы нарождающегося предпринимательского класса, а за счет перераспределения государственного имущества. Смена собственника в России так и не стала процессом созидания богатства, а осталась процессом его раздела. В результате появился сектор неэффективной экономики и безответственных собственников, вернувшись к состоянию, предшествовавшему реформам в СССР, реформаторы не смогли или не захотели, хотя, в отличие от Китая, имели такую возможность, создать собственную политическую партию, и по-прежнему предпочитают пользоваться государственным административным ресурсом, избегая и политической, и экономической, и любой иной ответственности.

На В. Путина легла задача перейти от неэффективной демократии к эффективной модели управления. Ему удалось то, что до него удалось Дэн Сяопину, но не удалось

Горбачеву и Ельцину — обеспечить смену курса, сохранив преемственность власти. С 2002 г. он последовательно сокращал неподконтрольное пространство политической борьбы. Упрощение этого пространства, повысив управляемость, усилило авторитарные тенденции. Избрание президентом Д. Медведева, создав новый центр силы и условия для конкурентной политической системы, сделало возможным продолжение реформ как в сторону демократизации, так и в сторону институализации авторитаризма. Но повторное избрание В. Путина означало, что эмпирически складывавшийся в рамках авторитарной системы механизм преемственности не был институализирован, отношения преемственности прерваны, а, возможно, их и не было вовсе.

Препятствием для институализации стал ряд несистемных факторов. Во-первых, возраст, позволивший В. Путину вернуться. Во-вторых, запрос на сильную фигуру, возросший вследствие мирового кризиса. Но были и системные причины. Во-первых, отсутствие ясной идейной платформы, сделавшее невозможной идеологическую легитимизацию преемника. И, во-вторых, отсутствие ясной кадровой политики и, как следствие, высокопрофессиональной государственной бюрократии, способной на процедурном уровне исправлять ошибки политического класса.

Те же самые проблемы: низкий авторитет власти, сращивание власти и бизнеса, коррупция, перемещение за границу капиталов, чиновников и членов их семей существуют и в России. Но шансов, что российское государство сможет их решить значительно меньше, потому что власть в России не модернизирована ни по китайскому, авторитарному, ни по западному, демократическому образцу.

Только потому, что российский политический класс и национальный интеллект — выбрали одну референтную точку, большинство считает Россию европейской страной. А китанстов часто упрекают за необъективность и чрезмерный оптимизм в отношении Китая. Но проблема как раз в том, что Китай как значимый элемент отсутствует в сравнительных исследованиях. Между тем, нам нужно понимать не только то, к чему мы официально стремимся, но и то, что мы трансформируем. И для этого Китай необходим. Как только мы поймем, что может существовать не одна эффективная модель, тогда, возможно, и у нас появится желание создать собственную, не менее эффективную.

Современная образовательная миграция из Казахстана в Китай

© 2014

Е. Садовская

В статье раскрываются причины роста образовательной миграции из Казахстана в Китай; международно-правовая база партнерства в сфере образования между двумя странами; анализируются виды, направления, возможности и риски учебной миграции.

Ключевые слова: миграция, образование, Казахстан, Китай.

Введение

В эпоху глобализации возрастает важность социально-культурного и гуманитарного сотрудничества между народами и государствами, что ярко демонстрирует развитие образовательной миграции между Казахстаном и Китаем. Именно эти две страны в последние годы развивают тесное сотрудничество в сфере образования и культуры и успешно формируют для этого международно-правовую базу партнерства. В 2003/04 учебном году всего 20 казахстанских студентов обучались в Китае по государственной программе обмена студентами с Республикой Казахстан (РК). А в 2010 г., по сообщению Министерства образования (МО) Китая, в стране уже обучалось 7874 казахстанских студентов по всем видам программ: государственным, корпоративным и на коммерческой основе (за счет собственных средств обучающихся), 1500 китайских студентов — в Казахстане, и это число постоянно растёт¹.

Подобная впечатляющая динамика образовательной миграции из Казахстана в Китай на протяжении всего 5–10 лет ставит много вопросов. Почему казахстанская молодежь выбирает Китай? Кто и куда едет учиться в КНР? Какие планы имеют студенты относительно своего будущего: вернуться домой, остаться в Китае, поехать на работу в другую страну? Как живется студентам в Китае (во всех аспектах — социальных, культурных, психологических)? В данной статье предпринята попытка ответить на некоторые из этих вопросов и предложить дальнейшие направления исследований в этой сфере.

Следует сразу «определиться с понятиями». Согласно положению статьи 3 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, данная Конвенция не применяется к учащимся и стажерам². То есть, строго говоря, студенты не являются мигрантами. Однако в последнее десятилетие во всем мире, включая Казахстан, возросшие масштабы и направления учебной миграции и академической мобильности свидетельствуют о ее новом характере, направлениях и роли в глобальных перемещениях населения, что требует разработки новых исследовательских подходов.

Садовская Елена Юрьевна — канд. филос. наук, президент «Конфликтологического центра», консультант в области миграции и миграционной политики в Казахстане и Центральной Азии (Алма-Ата, Казахстан). Тел. 7 107 727 394 78 33. E-mail: esa2004@mail.ru, ccm@online.ru.

Именно по этой причине автор обратилась к изучению некоторых аспектов динамично развивающейся образовательной миграции в Китай на примере Казахстана³.

Под учебной миграцией в данной статье мы понимаем обучение в высшем или среднем учебном профессиональном заведении за рубежом. Сюда также включены языковые курсы, которые, как правило, предшествуют обучению в вузе или колледже. Академическая мобильность (*academic mobility*), согласно нормативным документам РК — это «перемещение обучающихся или преподавателей-исследователей на определенный академический период (включая прохождение учебной или производственной практики), как правило, семестр или учебный год, в другое высшее учебное заведение (внутри страны или за рубежом) для обучения или проведения исследований, с обязательным перезачетом в установленном порядке освоенных образовательных программ в виде кредитов в своем вузе»⁴.

«Разворот на восток»: причины

«Разворот» образовательного потока на восток обусловлен, прежде всего, экономическими потребностями обеих стран, а также самим фактом международного сотрудничества. Казахстан и Китай подписали двусторонние документы о стратегическом партнерстве и реализуют несколько крупных инфраструктурных проектов в РК (как и Центральной Азии в целом), и это требует привлечения специалистов различных специальностей, а в РК наблюдается их дефицит.

Потребности Казахстана в квалифицированных кадрах обусловлены современным состоянием системы среднего и высшего образования и науки республики. Основные ее недостатки: недофинансирование на протяжении многих лет, начиная с 1990-х гг., перекос в сторону подготовки гуманитарных кадров в ущерб техническим, низкое качество преподавания, и соответственно, получаемых знаний. Многие молодые люди выражают неудовлетворенность качеством профессионального образования, предлагаемого вузами и колледжами РК, упоминают его несоответствие потребностям рынка труда. Это значит, что и при наличии вузовского диплома им грозит потенциальная безработица или работа не по специальности. Другая причина — высокая стоимость обучения и проживания в городах, всепроникающая коррупция. По данным некоторых социологических опросов, университеты занимают третье место по уровню коррупции после дорожной полиции и таможни Казахстана⁵. Подобные выводы подтверждаются оценками международных экспертов: в ежегодном страновом отчете по человеческому развитию Программы ООН за 2008 г. среди ключевых проблем социально-экономического состояния Казахстана отмечено неконкурентоспособное образование⁶.

Другой важной причиной является дискриминационная политика в отношении этнических меньшинств, которая проводится в процессе национального строительства с начала приобретения суверенитета. Поскольку значительная доля в системе высшего образования РК является платной (около 4/5 студентов обучаются на платной основе), многие выпускники стремятся попасть в списки студентов, обучаемых на льготных условиях, либо иметь возможность повышения квалификации после окончания вуза. Однако, практика отбора студентов в списки «льготников», практика проведения конкурсов на участие в программе обучения за рубежом «Болашак» и другие конкурсы, проводимые в системе Министерства образования и науки (МОН) РК, свидетельствуют о политике дискриминации в отношении национальных меньшинств. Так, например, существуют льготы для молодежи из сельской местности, где, как известно, проживает в основном казахское население. Этнические казахи из-за рубежа (*оралманы*), даже если они не являются гражданами Казахстана, включены в квоту при поступлении в вузы РК. Программа грантов на получение образования за рубежом «Болашак» направлена на подготовку высшего управленческого звена и включает в основном представителей казахской молодежи: в отдельные годы доля эт-

нических казахов среди стипендиатов «Болашака» составляла 98–99% (например, в 2009 г. — 990 из 1013, в 2011 г. — 515 из 520 стипендиатов)⁷.

Ограниченный доступ национальных меньшинств к высшему образованию, особенно к обучению за рубежом, снижает их стартовые возможности в получении высокооплачиваемой престижной работы и в достижении высокого социального статуса, сохраняет относительно низкие заработки — все это относится к показателям экономической и социальной дискриминации. Неудивительно, что молодежь из числа национальных меньшинств РК — русские, украинцы, белорусы, татары и др. стремятся получить образование за границей: в России, других странах Европы, Америки, Азии, включая Китай, где высшее образование открывает для них новые каналы профессиональной и социальной мобильности.

С другой стороны, молодежь привлекает относительная дешевизна университетского образования в Китае, растущая репутация китайских вузов, возможность изучить китайский язык, получить более востребованную специальность и работать на китайских или совместных предприятиях, получая при этом достаточно высокую зарплату. Конечно, определенную роль играет и геополитическое и геоэкономическое возвышение самого Китая, которое делает привлекательным обучение в этой географически близкой стране. В последние годы увеличилась студенческая миграция в вузы Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) — приграничного западного региона КНР, исторически связанного с Казахстаном, и ныне — его крупнейшего экономического и торгового партнера. Следует также отметить, что и сам Китай в последние годы активно включился в глобальную конкуренцию за студентов и продвигает свои университеты на мировом рынке образовательных услуг, в том числе в Казахстане.

Международно-правовые основы сотрудничества в области образования

Сотрудничество в образовательной сфере получило импульс во время визита председателя КНР Ху Цзиньтао в РК 3 июня 2003 г., когда в Астане было подписано два важных документа, касающихся образовательной сферы. Это — соглашение между Министерством образования и науки РК и Министерством образования КНР о сотрудничестве в области образования, а также межправительственное соглашение о предоставлении правительством Китая Республике Казахстан безвозмездной помощи в размере 20 млн юаней на реализацию проектов в области образования⁸.

Во время государственного визита президента РК Н. Назарбаева в КНР в декабре 2006 г. подписаны другие важные документы в развитие стратегического партнерства между странами: стратегия сотрудничества между странами в XXI в., соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых (научных) степенях и ученых званиях, соглашение об открытии института Конфуция в Казахстане и другие. Ранее, 15 июня 2006 г. в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), было подписано Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области образования. В рамках Соглашения ШОС также предоставляются образовательные гранты для граждан РК для обучения в вузах Китая.

В ходе визита Президента РК Назарбаева в КНР в апреле 2009 г. заместитель министра образования КНР Хао Пин и министр иностранных дел РК М.М. Тажин подписали «Протокол об изменениях и дополнениях к Соглашению о сотрудничестве в области образования между Министерством образования КНР и Министерством образования и науки Республики Казахстан»⁹. Если в рамках предшествующего соглашения ежегодно происходил обмен студентами до 20 человек, то после подписания Протокола 2009 г. число казахстанских граждан, направляемых на обучение в КНР в рамках обмена, увеличилось до 100 человек ежегодно¹⁰. В 2011 г. китайская сторона тоже увеличила ежегод-

ные квоты студентов-стипендиатов из Казахстана до 200 человек, что в 10 раз больше по сравнению с 2003 г.¹¹

В рамках программ сотрудничества в сфере образования обе стороны содействуют взаимному обмену студентами и научно-педагогическими кадрами образовательных учреждений и организаций; обмениваются информацией по вопросам образовательного процесса и в целом поддерживают укрепление сотрудничества в области образования между обоими государствами.

7 июня 2012 г., во время саммита ШОС в Пекине, Китай объявил о решении обучить 1500 специалистов из государств-членов ШОС в китайских университетах в течение трех лет. Кроме того, Китай предоставит 30 тыс. государственных грантов и примет на обучение и повышение квалификации 10 000 студентов и преподавателей Институтов Конфуция в течение ближайших 10 лет¹². Эта же цель была подтверждена председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. в Астане, куда он прибыл с первым государственным визитом в Казахстан. «Очень хочу, чтобы вы могли воспользоваться этими стипендиями для учебы и стажировок в Китае», — сказал китайский лидер на лекции в Назарбаев Университете, говоря о необходимости активизировать дружественные контакты народов Казахстана и Китая¹³.

Прежде чем проанализировать динамику развития, основные характеристики и проблемы современной образовательной миграции из Казахстана в Китай, кратко рассмотрим состояние образовательной миграции из Китая в Казахстан, ведь это тоже весьма динамичный студенческий поток.

Образовательная миграция из Китая в Казахстан

На протяжении 1990-х гг. образовательная миграция из Китая в Казахстан была невелика: на начальных этапах обмен студентами и стажерами составлял от нескольких десятков до нескольких сотен человек в каждой стране. Даже после подписания совместных документов между двумя странами в 2003 г., когда произошел «межгосударственный обмен» студентами, китайская сторона в 2004 учебном году направила 20 студентов в ответ на направление 20 казахстанских студентов на обучение в высших учебных заведениях КНР.

Одновременно шло привлечение казахской молодежи из-за рубежа в вузы Казахстана. Программу обучения в РК зарубежных казахов инициировала Всемирная Ассоциация казахов в 1994 г. На основании Указа Президента РК «О государственной программе поддержки соотечественников, проживающих за рубежом» и закона РК «О миграции населения» МОН Казахстана разработало и утвердило «Правила о порядке, условиях отбора и направления представителей казахской диаспоры на обучение в учебные заведения Республики Казахстан»¹⁴. По этому вопросу было достигнуто соглашение МОН РК с вузами Казахстана.

Этнические казахи-оралманы имеют, согласно национальному законодательству, многочисленные льготы и преференции. Отбор студентов-казахов, желающих получить образование в Казахстане, проводится через посольство РК в зарубежных государствах, в том числе в Китае. На базе нескольких университетов в различных регионах Казахстана ведется комплексное тестирование для представителей казахской молодежи из Китая и других государств. На основе результатов тестирования определен пороговый уровень в 20 баллов из 120 (для казахстанских абитуриентов до 2007 г. был 40, с 2007 г. — 60 баллов). Подготовительные отделения открыты более чем в 10 казахстанских университетах, постоянно растет число мест на этих отделениях в соответствии с увеличением числа *оралманов*, желающих учиться. Для этнических казахов, которые не имеют казахстанского гражданства, установлена квота приема в вузы в 2% от общего образовательного заказа¹⁵.

В 2000 г. из Китая для обучения в Казахстане прибыло 127 студентов, 61 из них — *оралманы*, что составляло 48,0% от общего количества. В 2001–2003 гг. число студентов из Китая в Казахстан удваивалось по сравнению с предыдущим годом, а доля *оралманов* возрастала и составляла соответственно 87,3, 88,8 и 88,9%. В 2005 г. число студентов из Китая составило 2165 человек, среди них *оралманов* — 1860, или 85,9%. За период 2000–2006 гг. образовательная миграция увеличилась более чем в 15 раз¹⁶, затем наблюдалось некоторое ослабление динамики.

По данным Комитета миграционной полиции МВД (который осуществлял функции регулирования миграционных процессов в РК с 2010 по 2013 гг.), в Казахстане в 2010 г. было зарегистрировано 1054 граждан, прибывших на учебу из КНР в РК; в 2011 г. — 1967, в 2012 г. — 1037 граждан. Этнические казахи по-прежнему составляют большинство среди прибывших на обучение, например в 2011/12 учебном году на подготовительных отделениях вузов РК было предоставлено 1400 мест для обучения представителей казахской национальности, не являющихся гражданами РК, в том числе из КНР. Помимо казахов, в республике обучаются ханьцы и представители других этнических меньшинств Китая¹⁷. Многие из них первоначально обучаются на курсах русского языка, а затем уже по специальности¹⁸.

Обучение *оралманов* в Казахстане сопровождается определенными трудностями. Одна из них — незнание кириллической графики современного казахского языка, русского языка, общий низкий уровень знаний. Для подготовки иностранных студентов-казахов в вузах используются специальные программы адаптации, учитывающие различия в уровне знаний и языковые различия. Такая программа включает ускоренный языковой курс, но этого недостаточно¹⁹. Социологическое исследование среди студентов из Китая, проведенное автором в 2008 г., подтвердило хроническую нерешенность этих проблем. В процессе обучения студенты испытывают трудности при восприятии лекционного и учебного материала, недостаточно учебных часов на некоторые важные профилирующие дисциплины, наблюдается нехватка специализированных кабинетов и учебных пособий на казахском языке, студентам приходится дополнительно работать в связи с тем, что стипендия небольшая²⁰.

Имеются психологические проблемы адаптации в студенческой группе и сообществе: некоторые студенты-*оралманы* считают, что сокурсники не принимают их «за равных». *Оралманы* общаются в основном между собой, проводят праздники вместе, а в случае возникновения жизненных трудностей прибегают к помощи своих соплеменников в Казахстане или Китае, очень редко обращаются в администрацию вузов. Как показало исследование, несмотря на трудности в обучении и адаптации, студенты-*оралманы* из Китая выражают стремление получить высшее образование и работать в республике после окончания вуза, они положительно оценивают перспективы и связывают свое будущее с Казахстаном.

Хотя обучение студентов из КНР сопряжено с рядом проблем, сам факт получения высшего профессионального образования молодыми людьми, несомненно, положителен. Межпоколенная социальная мобильность среди переселенцев из Китая потенциально может оказаться весьма высокой благодаря тому, что они попадают в условия преференций и льгот, гарантируемых национальным государством. Национальная политика РК может помочь молодому поколению казахских репатриантов получить профессиональное образование и сделать деловую карьеру в Казахстане гораздо быстрее, чем в Китае, где, по мнению казахской молодежи, она подвергается дискриминации²¹.

Развитие сотрудничества в образовательной сфере между Китаем и Казахстаном в 2000-е гг. ознаменовалось также открытием в республике институтов Конфуция — некоммерческих гуманитарных учреждений за рубежом. Институты Конфуция созданы для продвижения китайского языка и культуры во всем мире: в институтах не только препода-

ают китайский язык. Обучение здесь одновременно дает возможность познакомиться с культурой и философией Китая.

Первые институты Конфуция открылись в Астане — при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева в декабре 2007 г. и в Алматы — при Казахском национальном университете (КазНУ) им. аль-Фараби — в феврале 2009 г. На базе института Конфуция в Евразийском университете готовят специалистов-китаистов. Институт Конфуция в КазНУ открылся на базе Центра китайского языка, созданного в 2002 г. в результате многолетнего сотрудничества вуза с Ланьчжоуским университетом.

В течение 2011 г. в Казахстане открылось еще два института Конфуция — в Актобе (Актюбинске) и Караганде, на базе вузов этих городов. Как отметил посол Китайской Народной Республики в РК Чжоу Ли, их партнером выступит Синьцзянский университет экономики и финансов в Урумчи, а китайские преподаватели будут приезжать в Казахстан за счет КНР²². Эти проекты в образовательной и культурной сфере способствуют дальнейшей регионализации отношений и более тесному гуманитарному сотрудничеству Казахстана и СУАР Китая²³.

Образовательная миграция из Казахстана в Китай

В 2003/04 учебном году в высших учебных заведениях КНР по межгосударственному обмену обучалось 20 студентов из различных университетов Казахстана. Контроль за их обучением осуществляли Министерство образования и науки РК и соответствующие высшие учебные заведения. После подписания двусторонних стратегических документов о сотрудничестве в декабре 2006 г. правительство КНР увеличило квоту для казахстанских студентов и вскоре, по сообщениям СМИ, в Китае обучалось уже 1200, затем и 3000 студентов. Студентов и стажеров из РК принимали вузы Пекина, Шанхая, Гуанчжоу, Сианя, Урумчи²⁴.

В Китае обучаются различные контингенты студентов: приехавшие в рамках государственных соглашений, в рамках государственной программы академической мобильности «Болашак»; самостоятельно оплатившие свое обучение, например языковые курсы, обучение в колледже или университете; а также те, чье переобучение и стажировку оплатили посылающие предприятия — частные и частно-государственные компании.

По данным Министерства образования РК, в рамках соглашения о сотрудничестве между МОН РК и МО КНР, в Китай по программам бакалавриата, магистратуры, а также для годичной языковой стажировки отправились в 2010/11 учебном году — 27 человек, из них один — в рамках Университета Шанхайской организации сотрудничества (УШОС), в 2011/12—34 человека (из них девять — в рамках УШОС), в 2012/13—139 человек (из них — 12 УШОС)²⁵. Кроме того, в период 2004–2011 гг. 344 студента отправились учиться в Китай по Программе «Болашак»²⁶.

Упомянутый выше Университет ШОС — это новый шаг в модернизации национальных систем образования стран ШОС, способствующий расширению образовательной миграции и академической мобильности между Китаем и Казахстаном, Россией, другими государствами-членами. УШОС основан в 2008 г. и начал свою деятельность в 2009 г.²⁷ Цели создания Университета определены многосторонними правовыми актами, принятыми членами организации. УШОС включает в себя 53 ведущих вуза стран-участниц, из них 16 из — России и по 10 — из Китая и Казахстана.

УШОС представляет собой систему взаимодействия университетов стран-членов, которые являются базовыми по отдельным направлениям подготовки в своей стране. Предполагается, что студенты головного вуза, включенного в систему УШОС в каждой стране, смогут продолжить обучение с любого семестра в участвующем в программе иностранном вузе. Подготовка кадров высшей квалификации в рамках УШОС должна осуществляться по приоритетным областям экономического, научно-технического,

образовательного сотрудничества стран-участниц организации. Это — энергетика, экология, машиностроение, металлургия, материаловедение, строительство, транспорт, топливно-энергетический комплекс, IT-технологии, история, лингвистика.

В систему УШОС от Казахстана включены: Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахский национальный технический университет имени К.И. Сатпаева, Алматинский университет энергетике и связи и несколько ведущих государственных университетов и технических вузов в крупных городах и областных центрах: Караганде, Усть-Каменогорске, Павлодаре²⁸.

Активно развивается сотрудничество не только на межгосударственном, но и на межвузовском уровне. Иностранцев студентов в Китае принимают несколько десятков вузов. Например, только один университет Казахстана — КазНУ им.аль-Фараби имеет 18 соглашений о сотрудничестве и меморандумов о взаимопонимании в сфере науки и образования с ведущими университетами КНР. За 2009–2010 гг. 23 преподавателя, 10 PhD докторантов, 12 магистрантов и 95 студентов университета прошли стажировку и приняли участие в научных семинарах и конференциях в Китае²⁹.

В высших учебных заведениях КНР студенты из Казахстана получают образование по техническим (например, нефтеразведка и нефтедобыча, энергетика и машиностроение, строительство и транспорт) и гуманитарным специальностям. Но первоначально студенты в течение одного академического года проходят в Китае языковую стажировку. Для усовершенствования этого процесса в РК уже появились не только многочисленные языковые курсы, но и образовательные учреждения, которые взяли на себя функцию обучения китайскому языку. Например, с 2007 г. в Алматы работают Международная казахско-китайская языковая академия и колледж, где ведется интенсивное обучение китайскому и английскому языкам. Китайскому языку здесь обучают также в рамках специализации «Переводческое дело», наряду с получением профессионального образования по специальностям «Туризм», «Швейное производство и моделирование одежды» и др. Учебные заведения поддерживают активные профессиональные связи и заключили договоры с зарубежными учебными заведениями, такими как Синьзянский педагогический университет, Британский центр обучения английскому языку «International House London»³⁰. Обучение на языковых курсах позволяет студентам сдать государственный экзамен *HSK* для сертификации уровня владения китайским языком и последующего обучения в системе высшего образования³¹.

Международный институт по обменов в сфере культуры при Синьзянском педагогическом университете также специализируется на обучении китайскому языку. Институт начал принимать иностранных студентов с середины 90-х гг. XX в. Сейчас там учатся граждане Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана, России, Японии, Кореи и других стран. Институт окончили 2000 иностранных студентов; только в 2010 г. там обучалось 800 иностранных студентов. В институте существуют годичная система обучения и долгосрочная языковая практика, бакалавриат и магистратура. Потребность в специалистах, знающих китайский язык, настолько велика в РК, что некоторым казахстанским студентам китайских вузов предлагают работу еще до того, как они получают дипломы.

Что касается такого контингента, как студенты и стажеры, прибывшие в Китай от предприятий, то их переобучение и стажировку оплачивают посылающие предприятия — частные (коммерческие) и частно-государственные компании. Например, крупное совместное предприятие Китайской национальной нефтяной компании и местной нефтегазодобывающей компании ОАО «СНПС-Актобемунайгаз» посылает специалистов на учебу в Китай за счет своих средств. Подобная специализированная подготовка студентов и будущая профессиональная деятельность специалистов несомненно укрепят двустороннее сотрудничество обеих стран в энергетической и других отраслях экономики.

Сегодня ежегодное повышение квалификации кадров — это базовый принцип стратегии наращивания кадрового потенциала компании и часть политики социальной ответственности бизнеса, в том числе китайского. К примеру, в 2005 г., прошедшем под эгидой «Года развития трудовых ресурсов», в компании 694 человека повысили свои разряды, 168 специалистов были повышены в должности, 878 руководителей, специалистов и служащих прошли обучение, 1438 рабочих повысили свою квалификацию, прошли аттестацию и были обучены смежным профессиям. В 2008 г. повысили квалификацию в учебных центрах 2982 рабочих АО «СНПС-Актобемунайгаз». Обучение специалистов и рабочих ведется на базе высококвалифицированных учебных центров Казахстана, Китая, России, стран Европы. Несколько лет назад компания создала пополняемый «Специальный образовательный фонд» в размере \$1,0 млн. За счет средств фонда студенты по заказу Общества проходят обучение в вузах Китая, России и Казахстана. На начало 2010 г. 119 студентов обучались в ВУЗах по направлению АО, в том числе 77 студентов — в Китайском нефтяном университете в Пекине, в ВУЗах РК — 41 студент³².

Повышение квалификации происходит пока в одностороннем порядке: специалисты компании выезжают на обучение (или проходят его в РК), хотя сама «СНПС-Актобемунайгаз» представляет собой прекрасную площадку для прохождения производственной практики студентами и повышения квалификации специалистов-нефтянников. Исходя из опыта вузов и компаний нефтегазового профиля в России, можно предположить, что организация этой деятельности потребует некоторого времени и усилий как с принимающей стороны, так и со стороны профильных вузов, заинтересованных в получении студентами практических знаний (что, в свою очередь, повышает общее качество образования и конкурентоспособность вуза).

Особенностью образовательной миграции из Казахстана в КНР является ее полиэтничный состав: среди студентов, обучающихся в китайских колледжах и университетах — русские, украинцы, казахи, дунгане, казахстанские этнические китайцы, представители других национальностей. Например, при содействии Ассамблеи народов Казахстана и Ассоциации дунган РК на учебу в Китай в последние годы отправились десятки дунганских студентов. После завершения обучения выпускники работают на совместных предприятиях в различных сферах экономики, науки и культуры. Дунганская община активно развивает культурные и научные связи с Китаем, и впервые за всю историю проживания на территории Средней Азии и Казахстана дунгане открыли официальное представительство на своей исторической родине, в древней столице Китая — городе Сиань в провинции Шэньси. Представительство организует обмены делегациями, многочисленные выставки, реализует бизнес-проекты, ведет большую информационную работу; организация обучения студентов — часть этой работы³³.

Благодаря Интернету развивается сетевое сотрудничество и взаимодействие школьников и студентов вне государственных программ и «официальных» каналов. Студенты и выпускники китайских вузов и колледжей готовы через Интернет-сайты поделиться информацией о том, в каких университетах найти подходящую специализацию, помочь получить грант для изучения китайского языка, предоставить необходимую информацию обо всех учебных заведениях в КНР³⁴. Это позитивный процесс, свидетельствующий о развитии трансграничного сетевого сотрудничества в молодежной среде, которое является проявлением глобальных процессов формирования сетевого общества.

Сегодня обучение студентов, стажировки, научные командировки осуществляются по каналам высших учебных заведений и курсов, академических и отраслевых институтов и центров. В условиях укрепления стратегического партнерства между Китаем, Казахстаном, другими республиками ЦА и государствами-членами ШОС образовательная миграция имеет значительный потенциал для развития. В ней будут участвовать не только студенты и стажеры, но и во все возрастающих объемах — аспиранты, докторанты; можно прогнозировать рост научных обменов, формирование временных

творческих групп и совместных исследовательских коллективов для проведения исследований и т.д.

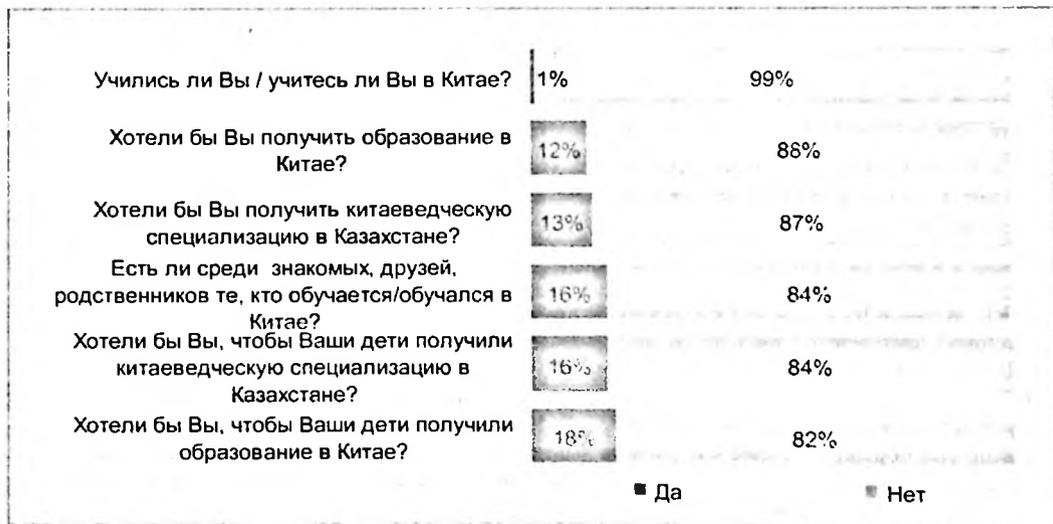
Реалии и перспективы получения образования в Китае в оценках казахстанцев

Рассмотрим подробнее, что думают казахстанцы о реалиях и перспективах получения образования в Китае. Результаты социологического исследования проведенного в 2012 г., подтверждают впечатляющую динамику образовательной миграции в КНР: согласно опросу, 16% опрошенных имели знакомых, друзей или родственников, обучающихся в настоящее время или ранее обучавшихся в Китае³⁵. Эта доля на первый взгляд может показаться скромной, однако, необходимо помнить, что Казахстан (еще в составе СССР) и КНР разделяло два десятилетия напряженности в межгосударственных отношениях, и в этот период контакты в области культуры и образования были сведены на нет. Быстрый рост студенческой миграции произошел буквально в последние годы.

Опрос также выявил растущую заинтересованность казахстанцев в получении образования в Китае либо китаеведческой специализации в Казахстане. Так, согласно опросу, 12% респондентов сами хотели бы получить образование в Китае, и 18% — чтобы его получили дети. 13% респондентов хотели бы сами получить китаеведческую специализацию в Казахстане, 16% — хотели бы, чтобы их дети учились в РК и здесь специализировались в китаеведении (диаграмма 1).

Диаграмма 1

Казахстанцы о реалиях и перспективах получения образования в Китайской Народной Республике (процентов).



В региональном разрезе ориентация на получение образования в Китае выше всего в Алматы. Здесь у 27% респондентов есть знакомые, друзья или родственники, которые обучаются или обучались в КНР. В южной столице 17% респондентов хотели бы сами получить образование и 32% хотели бы, чтобы дети получили образование в Китае. 27% алмаатинцев выразили желание сами получить китаеведческую специализацию в Казахстане и 39% респондентов — чтобы дети специализировались в китаеведении на родине.

Доля желающих получить образование в КНР или специализироваться в Китае в будущем предсказуемо выше всего среди респондентов 15–29 лет и среди имеющих незаконченное среднее и незаконченное высшее, а также среднее и высшее образование. В разрезе национальных групп растущую заинтересованность в получении образования в Китае или специализации выразили респонденты-казахи — их ответы на все вопросы в 1,5–2 раза выше показателей русских респондентов и представителей других национальностей.

Таким образом, учитывая динамику студенческой миграции (по всем каналам — от государственного до частного) на восток, растущую заинтересованность казахстанцев в получении образования в Китае и планы КНР по увеличению приема иностранных студентов, можно прогнозировать дальнейший рост образовательной миграции и академической мобильности из Казахстана в Китай.

Какие последствия это может иметь для Казахстана? Образовательная миграция может стать дополнительным источником квалифицированной рабочей силы для рынка труда Казахстана и выступить как фактор улучшения качества рабочей силы и в целом развития человеческого потенциала посылающей и принимающей страны. Кроме того, миграция студентов выступает фактором развития двусторонних научно-образовательных, социально-культурных, политических, торгово-экономических, гуманитарных отношений и, значит, укрепления всестороннего международного сотрудничества между Казахстаном и Китаем.

В то же время этот миграционный тренд грозит и некоторыми рисками. Не грозит ли Казахстану в результате подобного сценария «утечка умов», но теперь уже не на Запад, а на Восток? Сегодня «традиционная» безвозвратная интеллектуальная эмиграция дополняется новой формой, а именно, трансформацией временной (учебной) миграции в постоянную (с окончательным переездом на новое место жительства в принимающей стране). Динамично развивающийся Китай может открыть для выпускников своих университетов лифты восходящей профессиональной и социальной мобильности внутри страны. Кроме того, молодые люди женятся и выходят замуж, что формирует каналы «брачной миграции» и т.д. «Утечка умов» (*“brain drain”*) всегда имеет негативные средне- и долгосрочные последствия для национальных экономик и человеческого капитала посылающих стран, и важно уже сейчас сформировать механизмы, способствующие «притоку умов» (*“brain gain”*), использования ее в интересах РК. Перед учеными страны стоит задача глубокого изучения и анализа всех аспектов студенческой миграции, ведь у этого процесса большой потенциал, и важно эффективно его использовать на благо Казахстана.

1. URL: Win-win for China and Kazakhstan. Chinese Ambassador to Kazakhstan Zhou Li gave an exclusive interview to China.org.cn. http://www.china.org.cn/opinion/2012-02/27/content_24743753.htm (Режим доступа 13 августа 2012)
2. Сборник международных правовых документов, регулирующих вопросы миграции. М.: Международная организация по миграции, 1994. С. 163.
3. Автор уже обращался ранее к изучению этой темы, но в целом она еще мало исследована в Казахстане: Садовская Е. Ю. Учебная миграция между Казахстаном и Китаем в контексте двустороннего социально-гуманитарного сотрудничества // Современная цивилизация и проблемы повышения конкурентоспособности национального государства: Материалы науч. конф. М-ва образования и науки Республики Казахстан, Ин-та философии и политологии МОН РК, Ун-та Кайнар. Алматы, 10–11 июля 2008 г. Алматы, 2008. С. 372–377; Sadovskaya E. Migration for Education between Kazakhstan and China in the Context of Socio-Cultural Cooperation among Shanghai Cooperation Organisation states // Central Asian Affairs, 2008. № 2. P. 22–27.
4. URL: <http://naric-kazakhstan.kz/ru/akademicheskaya-mobilnost/strategiya-mobilnosti-do-2020-goda> (Режим доступа 26 мая 2013).
5. Итоги рейтинга коррумпированности государственных органов в Казахстане в 2010 году по данным опроса Международного республиканского института. Цит. по: Овчинников В. А судьи

- кто? URL: <http://www.on.kz/on/community/1055/blogpost/26404/> 15.05.2011 (Режим доступа 26 июня 2013).
6. Национальный отчет по человеческому развитию. Казахстан, 2008. ПРООН. Астана, 2008. С. 14.
 7. См. подробнее: URL: <http://www.bolashak.kz> (Режим доступа 1 апреля 2013).
 8. *Нестеренко С.* «Казахстанская правда», 4 июня 2003 г. URL: http://www.kazpravda.kz/index.php?uin=1151645457&act=archive_date&day=4&month=6&year=2003 (Режим доступа 24 июня 2007)
 9. См.: URL: <http://www.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s3125/201006/89982.html>. (на кит.яз.) (Режим доступа 13 августа 2012).
 10. URL: http://www.edu.gov.kz/ru/deyatelnost/mezhdunarodnoe_sotrudnichestvo/strany_partnery_v_oblasti_obrazovaniya/ (Режим доступа 31 августа 2012).
 11. *Мустафина М.* В Казахстане прошла Неделя культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. URL: <http://www.zakon.kz/4464226-v-kazakhstane-proshla-nedelja-kultury.html>.
 12. Казахстанские студенты участвуют в программе «Летние курсы — 2012» в Шанхае. URL: <http://www.inform.kz/rus/article/2481859> 25.07.2012. (Режим доступа 22 января 2013)
 13. 30 тысяч правительственных стипендий предоставит Китай странам ШОС. URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/30-tyisyach-pravitelstvennyih-stipendiy-predostavit-kitay-stranam-shos-241236/ 07.09.2013 (Режим доступа 7 сентября 2013).
 14. URL: <http://www.nauka.kz/news/detail.php?ID=3563> 26.04.2006.
 15. Там же.
 16. По данным регистрации МВД Республики Казахстан, июнь 2007.
 17. См.: Интервью посла КНР в РК Чжоу Ли. URL: http://www.china.org.cn/opinion/2012-02/27/content_24743753.htm (на кит.яз.) (Режим доступа 13 августа 2012).
 18. В Казахстане прошла Неделя культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Веб-сайт газеты «Литер». URL: <http://www.zakon.kz/4464226-v-kazakhstane-proshla-nedelja-kultury.html> 23.12.2011 (Режим доступа 28 декабря 2011).
 19. URL: <http://www.nauka.kz/news/detail.php?ID=3563> 26.04.2006.
 20. Проведен экспертный опрос в вузах и научных центрах Алматы и две фокус-группы среди университетских студентов из Китая по 6 человек каждая по специально разработанному руководству для данной целевой группы. Фокус-группы проводились на казахском языке компанией «BRiF Research Group» в Алматы в мае 2008 г. На отдельных этапах использовался метод включенного и непосредственного наблюдения, например в местах расселения казахских репатриантов из Китая и Монголии в Восточно-Казахстанской области РК. Исследование осуществлялось в рамках индивидуального исследовательского проекта при поддержке Института международных отношений Министерства иностранных дел Норвегии в 2008 г.
 21. Казахи из Китая написали письмо Назарбаеву: Политика КНР делает будущее казахов здесь смутным и неясным. URL: <http://www.regnum.ru/news/1180344.html> 29.06.2009 (Режим доступа 16 сентября 2013).
 22. В 2011 году в Казахстане открылись еще два института Конфуция. 08.06.2011. URL: <http://vesti.kz/foundation/87663/> (Режим доступа 15 июня 2011).
 23. См. подробнее об этом: *Садовская Е.Ю.* Китайская миграция в Центральной Азии в начале XXI века. Экономическое наступление и миграция из КНР на примере Республики Казахстан: вызовы и возможности. Lambert Academic Publishing, 2012.
 24. URL: <http://www.sectso.org/html/01863.html>, <http://www.inform.kz> 23.12.2006.
 25. Экспертное интервью с представителем Министерства образования и науки РК. Астана, апрель 2013 г.
 26. См. подробнее: URL: <http://www.bolashak.kz> (Режим доступа 1 апреля 2013).
 27. В начале планировалось осуществлять совместные научно-исследовательские проекты, разрабатывать магистерские программы, а с 2010 г. набирать студентов, аспирантов и расширять подготовку специалистов. Ист.: Университет ШОС официально начнет функционировать с 1 сентября. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6666381.html> 27.05.2009 (Режим доступа 1 июня 2009).
 28. URL: http://www.eduweek.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=5&Itemid=7&lang=ru (Режим доступа 22 декабря 2011).

29. URL: <http://kazpravda.kz/c/1319663847> (Режим доступа 31 октября 2011).
30. Буклет Международной казахско-китайской языковой академии и колледжа. Алматы, 2010.
31. HSK (Hanyu Shuiping Kaoshi, *Ханьюй Шуйпин Каоши* — это государственный экзамен КНР для сертификации уровня владения китайским языком лицами, не являющимися носителями китайского языка, включая иностранцев, китайских эмигрантов (хуацяо) и представителей национальных меньшинств. Экзамен предназначен для проверки у экзаменующихся навыков использования китайского языка — при изучении китайского языка в вузах, на службе в правительственных ведомствах, на предприятиях и в организациях. URL: <http://www.study.uz/1/8/250/yekzamen-hsk> (Режим доступа 11 мая 2012).
32. См.: <http://www.cnpc-amg.kz/index.php?p=soc>. (Режим доступа 18 августа 2012).
33. *Машанло Кемар*. Дунгане — хуэйцзу: прикосновение к истокам. URL: <http://www.baiterek.kz/index.php?journal=6&page=216> (Режим доступа 11 февраля 2010).
34. URL: <http://kitairu.net/rus/education/beijing/23/> (Режим доступа 22 декабря 2011). См. также: Уроки китайского языка. URL: http://www.kitairu.net/rus/chinese/learn_chinese (Режим доступа 24 сентября 2008).
35. Социологическое исследование проведено в 2012 г. по репрезентативной выборке методом личного (*face-to-face*) интервью. Выборка: 544 интервью среди городского населения Казахстана в возрасте от 15 лет и старше. Для отбора респондентов была использована стратифицированная случайная вероятностная выборка. Стратами выступали 14 областей Казахстана, сгруппированных в 5 регионов: Северный, Восточный, Южный, Западный и Центральный; г. Алматы выделен в отдельную страту. Полевые работы были проведены во всех городах в период с 17 мая по 8 июня 2012 г. Ошибка выборки не более 4,1%. Опрос проведен Агентством социальных и маркетинговых исследований «BRiF Research Group» (Алматы). Опрос проведен в рамках авторского проекта по китайской миграции в Казахстане, финансируемого Всемирным Банком (Вашингтон).

История

«Новая демократия» Мао Цзэдуна и новый авторитаризм Чан Кайши: две парадигмы общественного прогресса Китая середины XX века

© 2014

Д. Аринчева, А. Панцов

В статье анализируются модели будущего государственного устройства Китая: «новая демократия» Мао Цзэдуна и доктрина нового авторитаризма Чан Кайши, которые различались по своим целевым установкам. В то время как Мао Цзэдун твердил о необходимости немедленного перехода к «конституционному правлению», Чан Кайши, по существу, настаивал на незавершенности периода «политической опеки».

Ключевые слова: «новая демократия», Мао Цзэдун, Чан Кайши, конституционное правление.

За несколько лет до решающей схватки за власть в Китае, в период Антияпонской войны крупнейшие лидеры страны Мао Цзэдун и Чан Кайши выступили с различными концепциями развития страны, объявив о стремлении воплотить их в жизнь после разгрома японских агрессоров. В то время китайский народ вел затяжную войну с милитаристской Японией, но вожди двух политических партий, компартии и Гоминьдана, временно объединившиеся в 1937 г. для отражения японского нашествия, уже начали думать о новой схватке — на этот раз между собой.

Обе концепции проистекали из одного источника: общественно-политической теории Сунь Ятсена. Суть взглядов Сунь Ятсена заключалась в следующем: китайский народ должен осуществить антиимпериалистическую и антифеодальную революцию, в результате которой будет образовано государство равных возможностей со смешанной экономикой, находящееся под контролем государственных структур и осуществляющее политику протекционизма в интересах всего общества. В новом государстве основные средства производства (земля и ее недра, а также ведущие отрасли промышленности) будут поставлены под государственный контроль или национализированы, а иностранные инвестиции станут привлекаться лишь в той мере, в какой они смогут способствовать укреплению национальной экономики.

Аринчева Дарья Александровна — кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Панцов Александр Вадимович — доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: alexander.pantsov@gmail.com.

Сунь Ятсен называл свою программу «социалистической» и иногда даже коммунистической, имея в виду, что будущее китайское государство будет не просто национальным, но и «социальным», то есть таким, в котором будет широко развита система социальной защиты населения.

При этом, правда, ни о каком уничтожении частной собственности Сунь Ятсен не помышлял, призывая к созданию в перспективе в Китае демократического государства, основанного на сотрудничестве всех классов. Суньятсеновский этатизм, то есть политический курс, обеспечивающий государственный приоритет в экономике, был направлен против олигархического капитализма, создававшего условия для исключительного обогащения властей предрержащих. Истинной целью китайского революционера было использовать государственные рычаги, для того чтобы способствовать развитию в Китае среднего класса. Государство у Сунь Ятсена выступало как контролирующая и направляющая сила. Именно поэтому важную роль в государственной экономической политике должен был играть прогрессивный налог со стоимости земли. Сунь Ятсен стремился положить конец монополистической политике олигархических бюрократических структур, способствуя построению «справедливого общества» равных возможностей. «Поднебесная для всех!» — провозглашал он¹.

Строительство такого государства, по мысли Сунь Ятсена, делилось на три этапа: «военного правления», «политической опеки» и «конституционного правления»².

В конце 1930-х — первой половине 1940-х гг. три народных принципа были официальной доктриной единого антияпонского фронта КПК и Гоминьдана, только Мао и Чан, вкладывая в это учение различное содержание, строили на его основе собственные парадигмы общественного развития на послевоенный период.

Первым свою общественно-политическую программу сформулировал Мао в конце 1939 — начале 1940 гг. Она была названа им «новой демократией». Суть ее заключалась в следующем. Исходя из того, что Китай — страна «колониальная, полукolonиальная и полуфеодальная» (этот термин принадлежал тогдашнему соратнику Мао Цзэдуна — Генеральному секретарю ЦК КПК Ло Фу³), Мао обосновывал необходимость осуществления не социалистической, а так называемой «новодемократической» революции в своей стране, заявлял о необходимости социальных реформ. При этом Мао трактовал три народных принципа Сунь Ятсена довольно либерально, обещая после революции гарантировать права частных собственников, стимулировать национальное предпринимательство и привлекать иностранных инвесторов под строгим государственным контролем. Он призывал к снижению налогов, развитию многопартийной системы, организации коалиционного правительства и осуществлению демократических свобод. От «старой западной демократии» теория «новой демократии» отличалась, по словам Мао Цзэдуна, тем, что должна была проводиться в жизнь под руководством коммунистической партии. Однако последняя меняла свой имидж, выступая уже не как политическая организация рабочего класса, а как организация единого революционного фронта, стремившаяся к объединению «всех классов и слоев населения, которые способны быть революционными». Будущий Китай, утверждал Мао, будет не республикой пролетарской диктатуры, а республикой «объединенной диктатуры нескольких революционных классов»; в экономике новой страны будут сосуществовать как государственная и кооперативная, так и частнокапиталистическая собственность⁴.

Через некоторое время Чан Кайши в ответ на «новую демократию» дал свою, жестко этатистскую интерпретацию идей Сунь Ятсена. В 1943 г. он опубликовал две книги: «Судьба Китая» и «Китайская экономическая теория», в которых, по сути, выступил апологетом нового авторитаризма, объявив также в развитие идей Суня необходимым усиление в Китае государственного контроля над экономикой и частным предпринимательством в духе традиционной, присущей восточному деспотизму, системы государственной монополии, резкое ограничение иностранных инвестиций, осуществление

коллективизации сельского хозяйства, укрепление политической монополии Гоминьдана и искоренение диссидентов⁵.

Как видно, общественно-политические взгляды Мао и Чана коренным образом различались. Мао предстал в образе демократа, в то время как Чан — диктатора. Во многом поэтому во время заключительной гражданской войны (1946–1949 гг.) КПК получила поддержку большинства китайского населения, равно как и многочисленных западных либералов, а Гоминьдан оказался по существу в изоляции.

Чан явно недооценил степень влияния демократических идей на китайскую общественность. А ведь Китай первой половины XX в. отнюдь не был страной, никогда не слышавшей о демократии. Многие факторы в то время стимулировали существенное обновление китайской политической культуры. Среди них была и победа Синьхайской революции 1911 г., провозглашение республики, принятие Конституции 1912 г., выборы в первый парламент и парламентские дебаты, борьба Сунь Ятсена с Юань Шикаем и его планами реставрации монархии, движение за новую культуру 1915 г., антияпонское движение 4 мая 1919 г., сотрудничество и противоборство КПК и ГМД в период первого единого фронта 1924–1927 гг. и многое другое. Все эти события усиливали демократические настроения китайской интеллигенции, и именно эта часть общества первой с энтузиазмом приняла «новую демократию». (Не случайно в декабре 1939 г., работая над концепцией «новой демократии», Мао от имени ЦК подготовил даже специальное решение о привлечении интеллигенции на сторону партии)⁶.

Просчет Чан Кайши в немалой степени обеспечил успех коммунистов, полностью разгромивших гоминьдановцев в ходе гражданской войны, после чего объявивших захваченный ими Китай государством «новой демократии». Казалось, маоистская парадигма общественного прогресса восторжествовала, и китайский народ под руководством партии коммунистов принялся строить демократическое общество. Однако, избавившись от конкурента в лице Гоминьдана, КПК в скором времени свернула «новую демократию», открыто перейдя к еще более жесткой, чем в Китае при Чан Кайши, не только политической, но и экономической диктатуре.

Как же так получилось? Почему парадигма Мао Цзэдуна не оказалась в полной мере реализована? Может быть, не была жизнеспособной? Но тогда почему в период гражданской войны именно она получила широкую поддержку народа, а парадигма Чана нет? А может быть, Мао никогда и не собирался реализовывать «новодемократический» проект? И выдвинул его ради достижения сиюминутных военных целей? В самом деле, разве был коммунист Мао в конце 1930-х — 1940-е гг. демократом?

Зачем Мао Цзэдуна нужна была «новая демократия»?

Документальные источники свидетельствуют, что Мао приступил к разработке «новодемократической» теории за два года до ее обнародования, в конце 1937 г. Связано это было с возвращением в Китай из Москвы 29 ноября 1937 г. руководителя делегации КПК в Коминтерне Ван Минна, который привез ему последние указания И.В. Сталина относительно тактики КПК в антияпонской войне. Кремлевский диктатор, пристально следил за драматическим развитием событий на китайских фронтах, где японские агрессоры, развернувшие полномасштабные боевые действия 7 июля 1937 г., стремительно наступали. Летом—осенью 1937 г. под ударами войск микадо гоминьдановская армия терпела одно катастрофическое поражение за другим. 22 августа 1937 г. Сталин, опасавшись того, что японцы превратят Китай в военный плацдарм для будущего нападения на СССР, заключил договор с Чан Кайши, которому стал оказывать значительную помощь, посылать советников, давать деньги, снабжать вооружением. Но армия Чан Кайши все равно отступала. Единственное, чего Сталин достиг, — так это заверения Чана в том, что тот не заключит мира с японцами. Лидер Китая был готов вести затяжную войну.

В этих условиях Сталин и сформулировал новые указания КПК. Сделал он это 11 ноября 1937 г. в беседе с членами делегации КПК в Коминтерне Ван Минном, Кан Шэном и Ван Цзясяном, которые попросили его о встрече в связи с отъездом Ван Мина и Кан Шэна на родину. Ван Цзясян, прибывший в Москву на лечение (он страдал от ран с апреля 1933 г.), оставался под псевдонимом Чжан Ли вместо Ван Мина исполняющим обязанности руководителя делегации КПК. В беседе принял участие Георгий Димитров, Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна (ИККИ).

Сталин обстоятельно проинструктировал отъезжавших. Вопросы единого антияпонского фронта и антияпонской войны были, разумеется, затронуты в первую очередь. Судя по дневнику Димитрова, он подчеркнул следующие моменты:

«1) основное для кит[айской] компартии теперь: влиться в общую национальную волну и занять руководящее участие [*так в тексте*];

2) сейчас главное война, а не аграрная революция, не конфискация земли. (Необходим налог в пользу войны.) Кит[айские] ком[мунисты] пошли из одной крайности в другую — раньше все конфисковать, сейчас ничего [*так в тексте*];

3) один лозунг: «Победоносная война за независимость кит[айского] нар[ода]». «За свободный Китай, против японских захватчиков»;

4) как драться китайцам с внешним врагом — это решающий вопрос. Когда это закончится, тогда [в]станет вопрос, как драться между собой;

5) китайцы находятся в более благоприятных условиях, чем мы в 1918—[19]20 г[г]. У нас страна была разделена по линии социальной революции. В Китае — национальная революция, борьба за независимость и свободу объединяет страну и народ;

6) Китай имеет огромные человеческие резервы, и я думаю, что Чан Кайши прав, когда утверждает, что Китай победит, нужно только выдержать в начатой войне».

В заключение Сталин сказал: «На кит[айском] парт[ийном] съезде⁷ нецелесообразно заниматься теоретическими дискуссиями. Теоретические проблемы надо оставить на дальнейшее время, после окончания войны. Говорить о некапиталистическом пути развития Китая теперь менее целесообразно [у Димитрова дословно: «теперь меньше шансов], чем раньше. (Ведь капитализм в Китае развивается!)»⁸. На языке Сталина и Коминтерна «некапиталистический путь» в применении к Китаю и другим странам Востока означал «социалистический». Иными словами, Сталин потребовал от КПК выработать новую политическую линию, формально исключавшую курс на социализм. Члены делегации КПК обязаны были доложить об этом своему Центральному комитету и лично Мао. Что Ван Мин и сделал.

Мао в развитие идей кремлевского вождя начал разрабатывать свою «новую демократию», прекрасно поняв, что политика Сталина представляла собой хорошо завуалированный тактический ход, направленный не только на объединение всех сил китайской нации с целью отражения японской агрессии, но и на подготовку условий для дальнейшего захвата власти в Китае компартией.

Дело в том, что в основе тактики Сталина лежал обман. Китайские коммунисты должны были энергично пропагандировать новый путь развития страны: умеренно демократический взамен леворадикального⁹. Вместо теории о непрерывном перерастании демократической революции в социалистическую следовало обосновать концепцию о неизбежности целого демократического этапа в послереволюционном развитии страны. Такой маневр позволил бы компартии значительно расширить массовую базу за счет переадресации на свою сторону представителей промежуточных слоев, выступавших против любой диктатуры, как коммунистической, так и гоминьдановской. Разумеется, этот зигзаг предполагал демонстративное дистанцирование КПК от СССР с его пролетарской диктатурой.

Первые элементы новой теории Мао изложил в начале марта 1938 г. в интервью английской писательнице и путешественнице Виолет Кресси-Маркс, встретившейся с

ним в его резиденции в г. Яньани. На ее вопрос, создана ли китайская компартия по образцу российской, Мао ответил:

— По образцу, данному Марксом и Лениным. Но она [КПК] достаточно независима от России... Как принципы Сунь Ятсена, так и доктрины Ленина и Маркса направлены на улучшение жизни народа, так что пока в Китае эти две идеологии совпадают.

— А если бы позднее на практике обнаружилось, что они не совпали? — допытывалась Кресси-Маркс.

— То, что произойдет позднее, надо оставить людям и посмотреть, что они скажут, — ответил Мао, впервые не став развивать идею о перерастании демократической революции в социалистическую.

— Считаете ли вы, что коллективное ведение хозяйства хорошо? — продолжала интервью Кресси-Маркс.

— Да, оно несомненно было бы хорошо, если бы мы могли дать людям такой же инвентарь, что и в России, — объяснил Мао, явно давая понять, что до социализма Китаю еще следует дорасти¹⁰.

Вскоре, в самом начале мая 1938 г., Мао высказался на этот счет еще более определенно — в беседах с сотрудником американского посольства, военно-морским офицером Эвансом Карлсоном, посетившим Яньань. Вот что последний докладывал об этом президенту США Франклину Рузвельту: «У меня было две продолжительные беседы с Мао Цзэдуном. Он, конечно, мечтатель, гений. И обладает сверхъестественным даром проникать в глубь проблемы. Я спрашивал его главным образом о планах китайской коммунистической партии на то время, когда война окончится. Он отвечал, что классовая борьба и аграрная революция как таковые будут отброшены — до тех пор, пока нация не пройдет через подготовительный этап демократии. С его точки зрения, государство должно владеть рудниками, железными дорогами и банками, организовывать кооперативы и поддерживать частные предприятия. Что касается иностранного капитала, то, по его словам, инвестиции из тех стран, которые готовы сотрудничать с Китаем на основах равенства, необходимо поощрять. Был он очень дружелюбен и сердечен»¹¹. Вспоминая о разговорах с Мао два года спустя, Карлсон добавлял: «Он [Мао] сказал: «Коммунизм не является непосредственной целью, ибо его можно достичь только спустя десятилетия развития. Ему должна предшествовать сильная демократия, за которой последует подготовительный период социализма»». «Совершенно очевидно, — пишет в этой связи собеседник Мао, — что в этих словах не было ничего чересчур радикального»¹².

До встречи с Мао, в декабре 1937 — феврале 1938 гг., Карлсон инспектировал войска коммунистической 8-й армии, действовавшие в японском тылу в провинции Шаньси, где беседовал с главкомом Чжу Дэ и другими людьми, близкими к Мао. Его вывод из всех этих встреч был один: «Китайская коммунистическая группа (так называемая) — не коммунистическая в том смысле, какой мы вкладываем в этот термин... Я бы назвал их группой либеральных демократов, а может быть, социал-демократов (но не нацистской породы). Они хотят равенства возможностей и честного правительства... Это не коммунизм в нашем понимании»¹³. Поверил ли Рузвельт своему бывшему телохранителю или нет — неизвестно, но то, что новая концепция китайской революции начала в то время обретать свои законченные черты — очевидно.

Вместе с Чжу Дэ и некоторыми другими членами руководства КПК, разделявшими его взгляды, Мао начал ее эффективную пропаганду. В результате ему удалось сформулировать концепцию «новодемократической революции» как особого этапа в развитии освободительного движения Китая. Сделал он это, правда, не без помощи своего секретаря Чэнь Бода, который в 1937 г. прибыл в Яньань из Бэйпина. По поручению Мао этот «толстоватый неуклюжий человек в очках, с несоразмерно большими ушами и глубоко поставленными глазами»¹⁴ уже в 1938 г. стал заниматься вопросами теории китайского коммунистического движения.

Свою новую теорию Мао Цзэдун впервые изложил в середине декабря 1939 г. в статье «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая». Написал он эту работу в соавторстве с «некоторыми товарищами», среди которых, в частности, были Ло Фу и все тот же Чэнь Бода. После этого, в январе 1940 г. в специальной брошюре «О новой демократии» он развил представленную концепцию.

Было понятно, что в своей борьбе с Гоминьданом Мао начал опираться на демократические традиции китайского общества. В то же время нетрудно заметить, что в основу этой концепции Мао положил ноябрьские (1937 г.) указания Сталина, развитые им самим в серии выступлений 1938 г. Да, конечно, в новых работах он пошел дальше. Однако в принципе никакого подлинного нововведения с его стороны не было. Его установки в полной мере соответствовали геополитической стратегии кремлевского диктатора. Характерно, что как раз в то время, когда Мао выступал с их развернутым обоснованием, Сталину впервые пришла в голову мысль о роспуске Коминтерна¹⁵. Было ли это простым совпадением? Очевидно, нет.

Во второй половине 1930-х гг. Сталин сам интенсивно работал над развитием новой тактики мирового коммунистического движения. И его беседа с Ван Мином и Кан Шэном в ноябре 1937-г. была этому лишь одним из свидетельств. Обмануть он пытался не только китайских интеллигентов и Чан Кайши, но и весь буржуазный Запад. Он хотел заставить их поверить, что компартии разных стран — за исключением, понятно, ВКП(б) — начиная с VII конгресса Коминтерна (июль—август 1935 г.), отказались от борьбы за социализм, заменив эту цель некоей идеей построения гуманного общества «народной демократии». Новая политика, несомненно, должна была облегчить коммунистам захват власти в их странах после войны. Выступая как национальные «демократические» партии, коммунистические организации и в Европе, и в Азии имели значительно больше шансов установить гегемонию над относительно широкой коалицией националистических сил. Сталин же только выиграл бы от победы своих сателлитов.

Именно желая «надуть» капиталистов, кремлевский вождь в итоге и распустил Коминтерн. Сделал он это в мае 1943 г., однако, как вспоминал югославский коммунист Милован Джилас, Димитров говорил ему, что идея роспуска Коминтерна впервые возникла «во время присоединения балтийских стран к Советскому Союзу», то есть примерно в 1940 г. Вот что сам Сталин заявлял позже по этому поводу: «Положение с Коминтерном становилось все более ненормальным. Мы с Вячеславом Михайловичем [Молотовым] тут головы ломаем, а Коминтерн проталкивает свое — и все больше недоразумений»¹⁶. Да, именно обман лежал в основе сталинской «народной демократии», и в своих частных беседах с товарищами по оружию большевистский лидер не скрывал этого. По словам Джиласа, «сущность его мыслей состояла... в том, что не надо “пугать” англичан». Под этим он подразумевал, что следует избегать всего, что может вызвать у Запада тревогу по поводу того, что в разных странах в результате революций к власти придут коммунисты. «Зачем вам красные пятиконечные звезды на шапках? Не форма важна, а результаты, а вы — красные звезды! Ей-богу, звезды не нужны!» — сердился Сталин в разговоре с югославами. «А не сумели бы мы как-нибудь надуть англичан, чтобы они признали Тито [главу Коммунистической партии Югославии] — единственного, кто фактически борется против немцев?» — спрашивал он Молотова, размышляя о ситуации на Балканах¹⁷. Точно так же он мыслил и в отношении Китая.

Таким образом, теория Мао носила отнюдь не стратегический, а чисто тактический характер. Парадигма общественного прогресса, сформулированная им, была фикцией. Ни Мао, ни большинство его сторонников не собирались ее реализовывать. Им важно было только ослабить Гоминьдан, заклеив Чан Кайши как диктатора, а себя представив подлинными демократами. Эти тактические задачи они выполнили, а потому в 1953 г. и отбросили «новую демократию».

Новый авторитаризм Чан Кайши: суть, цели и задачи

Чан Кайши сформулировал свою парадигму общественного прогресса через три года после Мао. «Судьба Китая» вышла в китайской столице военного времени г. Чунцине 10 марта 1943 г., специально к восемнадцатой годовщине со дня смерти Сунь Ятсена (12 марта 1925 г.), а вскоре после нее была напечатана и «Китайская экономическая теория». Огромную помощь Чан Кайши в написании обеих работ оказал его секретарь Тао Сишэн, бывший профессор Пекинского университета, получивший образование в Японии.

Наибольшее значение Чан придавал первой книге: ее начальный тираж составил 200 тыс. экз., при цене каждой копии в 10 китайских центов. Книга тут же была включена в школьные и университетские программы и признана своего рода катехизисом гоминьдановца. До конца 1943 г. она была переиздана 200 раз. Тогда же Министерство информации Китая распространило в Нью-Йорке ее краткое содержание на английском языке, а китайская англоязычная газета «Вест Чайна мишюнэри ньюс», издававшаяся в Чэнду, опубликовала ее отдельные части. Полный англоязычный перевод книги, однако, не был опубликован китайским правительством, несмотря на то что был готов тогда же, в 1943 г. В дело вмешалась супруга генералиссимуса Сун Мэйлин, которая посоветовала мужу не делать этого, принимая во внимание откровенно антизападный и антилиберальный характер работы. Некоторые замечания Сун Мэйлин были учтены Чан Кайши при переиздании книги на китайском языке в январе 1944 г., однако англоязычный перевод так тогда и не вышел в Китае¹⁸. К его открытому изданию не стремились и правительства западных стран, хотя в Государственном департаменте США такой перевод был сделан, но хранился в архиве под грифом «Совершенно секретно». Характерно, что когда в январе 1946 г. шесть конгрессменов обратились в Госдеп с запросом дать им возможность ознакомиться с переводом «Судьбы Китая», им ответили, что надлежащий момент для predания текста гласности еще не настал.

Два полных английских перевода появились лишь спустя три года после второго китайского издания, в Нью-Йорке: и тот, и другой — примерно в одно и то же время, в начале 1947 г., только первый, тот самый гоминьдановский, в основном подготовленный еще в 1943 г., сопровождался восторженными комментариями известного американского журналиста китайского происхождения Линь Юйтана¹⁹, а второй, новый, независимый — яростными обвинениями Чана в фашизме и прочих грехах, принадлежащими американскому сталинисту Филиппу Джаффе, одному из издателей прокоммунистического журнала «Амерейша». Джаффе даже сравнил эту книгу с гитлеровской «Майн Камф».

Он же, Джаффе, издал тогда же, в 1947 г., и первый англоязычный перевод «Китайской экономической теории» и тоже с убийственными ремарками²⁰. В то время в Китае как раз шла решающая фаза гражданской войны между КПК и Гоминьданом, а потому комментарии Джаффе имели ярко выраженную политическую направленность.

Как «нацистскую» или по крайней мере «оскорбляющую» читателя литературу книги Чан Кайши восприняли тогда многие западные либералы²¹. Именно поэтому Государственный департамент США и не хотел ее распространения в Штатах: ведь Чан оставался союзником американцев в борьбе против коммунизма, и президент-демократ Гарри Трумэн, конечно же, не хотел, чтобы американский народ узнал об антилиберальных взглядах китайского генералиссимуса.

В советской и российской историографии книги Чан Кайши тоже считаются «фашистскими», «реакционными» и «ксенофобскими». А.В. Меликсетов называл содержащиеся в них идеи «утопическими» и «сомнительными»²².

Но так ли все это было на самом деле? Можно ли чановский авторитаризм приравнивать к фашизму или считать утопическим? Вряд ли. Формально эти работы были призваны дать ответ на вопрос, как Китайской Республике следует развиваться после от-

мены Соединенными Штатами Америки и Великобританией неравноправных договоров с ней и заключения новых соглашений (последнее произошло 11 января 1943 г.). Фактически же они явились реакцией на «новую демократию» Мао Цзэдуна²³.

В своих книгах Чан действительно стремился показать, что Китай не готов ни к какой демократии, ни к «новой», ни к «старой», так как в силу особенностей своего исторического развития вообще чужд западной идеологии и политики. Большая часть объемистой «Судьбы Китая» и небольшой по размеру «Китайской экономической теории» посвящена тотальной критике Запада, включая западные принципы рыночной экономики. Но в чем же здесь фашизм или утопизм?

О том же самом, по существу, неоднократно писал и Сунь Ятсен. И Сунь, и Чан, хорошо знавшие китайскую историю и философию, понимали: китайский тип цивилизации отличается от западного прежде всего тем, что китайская экономика, в отличие от западной, рыночной, базирующейся на частной собственности, всегда основывалась на собственности коллективной, персонифицированной в особе правителя. Иными словами, не частные собственники, а государство, неизменно стремившееся монополизировать основные средства производства, прежде всего землю, недра, воду и ирригационную систему, играло основную роль в экономике. Подчеркивая это, Чан Кайши ссылаясь на мыслителей древнего и средневекового Китая. Гуань Чжуна (720–645 до н.э.). Шан Яна (390–338 до н.э.). Фань Чжуньяня (989–1052), Ван Аньши (1021–1086) и Чжан Цзюйчжэна (1525–1582), каждый из которых, служа при дворе разных династий, исходил в своих воззрениях именно из приоритетов государства над личностью. «Теории вышеупомянутых экономистов различались между собой, но их характер и цели оставались едиными, — отмечал Чан. — Ни одна из них [этих теорий] не исходила... из каких-либо личностных устремлений отдельного индивидуума или индивидуумов. Все базировались на природе человека, исходили из необходимости национального [то есть государственного] планирования и народного благосостояния... В центре всех их лежала идея экономического планирования и [государственного] контроля [над рынком]»²⁴. Именно эту идею Чан и собирался воплотить в жизнь, отвергая как неприменимую к Китаю либеральную западную теорию Адама Смита (*laissez faire la nature*). Но об этом писал и Сунь Ятсен: «Социальные явления никогда нельзя предоставлять естественному течению. Они подобны дереву, которое разрастается хаотически, если не вмешиваться в его развитие»²⁵.

Отвергая западные ценности, Чан справедливо обращал внимание на то, что китайцы в силу особенностей экономического развития Поднебесной по самой своей социальной психологии коллективисты, поэтому «традиционная философия Китая основана на идее о том, что люди не отдельные личности, не разобщенные “я”, а каждый из них — часть множественного “мы”»²⁶.

Именно поэтому, развивая Сунь Ятсена, Чан Кайши представлял будущее идеальное китайское общество следующим образом: частная собственность, как и в сакраментальном прошлом, будет находиться над жестким контролем государства, пресекающим возникновение частнокапиталистических монополий и осуществляющим экономическое планирование; права на землю будут уравнены за счет государственного изъятия дифференциальной земельной ренты; крестьянство будет работать в колхозах, своего рода военных поселениях, где все мужчины будут составлять отдельные военизированные отряды (некую народную милицию). Государство, кроме того, возьмет на себя функции посредника в урегулировании споров между рабочими и капиталистами и организацию широко развитой системы социальной помощи населению. «Экономическая обязанность правительства — вспомоществование народу, то есть [осуществление принципа] народного благосостояния, с одной стороны, и защита народа — национальная оборона — с другой», — резюмировал Чан, настаивая на том, что только таким путем Китай сможет прийти к «великой гармонии» или «великому единению» (*danyu*), который «воплощает в себе окончательную экономическую цель трех народных принципов»²⁷. Речь, по сути де-

ла, шла о построении в Китае мирным путем государственного социализма, то есть того самого общества, о котором и мечтал Сунь Ятсен.

Так что Чан Кайши никоим образом не отступал от основных идей своего учителя: ведь Сунь Ятсен тоже исходил из необходимости «сохранения... традиций гос[ударственного] регулирования» и утверждал превосходство «кит[айской] цивилизации... над западной»²⁸. Более того, в целом программа Чана в гораздо большей степени, чем «новая демократия» Мао Цзэдуна, соответствовала экономическим и социальным особенностям Китая. Но к сожалению для Чана, он выступил со своим новым авторитаризмом не вовремя, тогда, когда во всем мире шла кровопролитная война между тоталитаризмом, ассоциировавшимся в массовом сознании с политическими режимами Германии, Италии и Японии, и демократией, главными поборниками которой считались тогда не только США, Великобритания и Франция, но и — парадоксальным образом — СССР. Это и предопределило его поражение в гражданской войне с Мао Цзэдуном.

* * *

Таким образом, «новая демократия» Мао и доктрина нового авторитаризма Чана различались по своим целевым установкам: если маоистские идеи носили чисто тактический характер, то чановская программа имела стратегическое значение. Это находило выражение не только в диаметрально противоположных интерпретациях «трех народных принципов» Сунь Ятсена, но и в отношении к суньятсеновскому плану строительства государства: в то время, как Мао твердил о необходимости немедленного перехода к «конституционному правлению», Чан, по существу, настаивал на незавершенности периода «политической опеки».

В итоге Мао Цзэдун и одержал тактическую победу, но стратегически прав оказался Чан Кайши. Вскоре после поражения Гоминьдана Мао отбросил «новую демократию», повсеместно ликвидировав в ходе социалистических преобразований середины 1950-х гг. частную собственность и полностью огосударствив китайскую экономику. В КНР утвердился даже не авторитарная, а тоталитарная система правления. В то же время Чан Кайши и его преемники (в первую очередь Цзян Цзинго и Ли Дэнхуэй) успешно реализовали принципы Сунь Ятсена на Тайване, действительно заложив там фундамент государства «народного благосостояния». Именно к этой, суневско-чановской, парадигме общественного прогресса, стал, похоже, подходить в последние годы и материковый Китай — в ходе масштабных социально-экономических реформ, осуществляемых коммунистическими вождями нового поколения — реформ, воплощающие в себе, по сути, основные политические идеи того же самого нового авторитаризма Чана, с которым Мао так долго боролся.

1. *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985. С. 107–120, 124–136, 145–284, 301–304, 357–368, 376–623, 637, 684–688.
2. Там же. С. 118–120, 641–656, 637–639. См. также: *Linebarger P.* The Political Doctrines of Sun Yat-sen: An Exposition of the *San min chu i*. Baltimore: MD, 1937; *Bergère M.-C.* Sun Yat-sen. Trans. Janet Lloyd. Stanford: CA, 1994; *Lorenzo D. J.* Concepts of Chinese Democracy: Reading Sun Yat-sen, Chiang Kai-shek and Chiang Ching-kuo. Baltimore: MD, 2013.
3. См.: Чжан Вэньтянь няньпу [Хронологическая биография Чжан Вэньтяня]. Пекин, 2000. Т. 1. С. 624.
4. См.: *Мао Цзэ-дун*. Избранные произведения. М., 1949. Т. 2. С. 367–456.
5. См.: *Цзян Чжунчжэнь (Чан Кайши)*. Чжунго чжи минъюнь (Судьба Китая). Чунцин, 1943; *Он же*. Чжунго цзинци сюэши [Китайская экономическая теория]. [Чунцин], 1943.
6. См.: *Мао Цзэ-дун*. Избранные произведения. М., 1953. Т. 3. С. 127–132.
7. Сталин предполагал, что китайские коммунисты созовут свой очередной VII съезд в ближайшие месяцы. Но созыв съезда затянулся до апреля 1945 г.

8. Российский государственный архив социально-политической истории (здесь и далее — РГАС-ПИ). Ф. 146. Оп. 2. Д. 3. Л. 64–66. См. также: *Димитров Г.* Дневник. (9 март 1933. – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 130.
9. *Сталин И.В.* Соч. М., Т. 8. 1948. С. 366; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 267. Л. 103.
10. *Cressy-Marcks V.* Journey into China. New York, 1942. P. 165.
11. *Carlson E. Evans F.* Carlson on China at War. 1937–1941. New York, 1993. P. 37–38.
12. *Carlson E.* Twin Stars of China. A Behind-the-Scenes Story of China's Valiant Struggle for Existence by a U.S. Marine who Lived and Moved with the People. New York, 1940. P. 168, 169.
13. *Carlson E. Evans F.* Carlson on China at War, 1937–1941. P. 22, 49.
14. *Владимиров П.П.* Особый район Китая. 1942–1945. М., 1975. С. 77–78.
15. См.: *Джилас М.* Разговоры со Сталиным. [Франкфурт-на-Майне, 1970]. С. 32.
16. Там же. С. 78.
17. Там же. С. 60, 70. См. также: *Dedijer V.* The War Diaries of Vladimir Dedijer. Ann Arbor: MI, 1990. Vol. 3. P. 313. Сталин хотел, чтобы югославские коммунисты заменили пятиконечные звезды на герб югославского короля. Однако Тито и его товарищи не могли принять такую замену, поскольку королевский герб носили на своей униформе четники — сербские националисты, также активно участвовавшие в антифашистской борьбе.
18. См.: *Lin Yutang.* Introduction // *Chiang Kai-shek.* China's Destiny. Trans. Wang Chung-hui. With an Introduction by Lin Yutang. New York, 1947. P. viii; *Jaffe Ph.* The Secret of "China Destiny" // *Chiang Kai-shek.* China's Destiny and Chinese Economic Theory. With Notes and Commentary by Philip Jaffe. New York, 1947. P. 18–21. См. также: *Fenby J.* Chiang Kai-shek: China's Generalissimo and the Nation He Lost. New York, 2004. P. 400–401; *Taylor J.* The Generalissimo: Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China. Cambridge, Mass., 2009. P. 260–261.
19. См.: *Chiang Kai-shek.* China's Destiny. Trans. Wang Chung-hui. With an Introduction by Lin Yutang.
20. См.: *Chiang Kai-shek.* China's Destiny and Chinese Economic Theory. With Notes and Commentary by Philip Jaffe.
21. См.: *Shewmaker K.E.* Americans and Chinese Communists, 1927–1945. Ithaca; London, 1971; *Fairbank J.K.* Chinabound. New York, 1982. P. 252–253.
22. См.: *Меликсетов А. В.* Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М., 1977. С. 1266–170. См. также обсуждение книги Меликсетова, опубликованное в журнале «Народы Азии и Африки» (1975. № 5. С. 180–208).
23. См.: *Taylor J.* The Generalissimo. P. 260.
24. См.: *Chiang Kai-shek.* China's Destiny and Chinese Economic Theory. With Notes and Commentary by Philip Jaffe. P. 258.
25. *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. С. 116.
26. *Chiang Kai-shek.* China's Destiny and Chinese Economic Theory. With Notes and Commentary by Philip Jaffe. P. 245.
27. *Ibid.* P. 273, 289–292.
28. *Сухарчук Г.Д.* Сунь Ятсен // *Духовная культура Китая: Энциклопедия.* 2-е изд. М., 2011. Т. 1. С. 399. См. также: *Он же.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в.: сравнительный анализ. М., 1983.

Поправка

В рубрике «История» в статье С. Пономарева, А. Плотникова «К 200-летию со дня рождения Г.И. Невельского» («Проблемы Дальнего Востока». 2013. № 6) допущены неточности. На стр. 113 следует читать: Пономарев Сергей Алексеевич; на стр. 113, 118 следует читать: Геннадий Иванович Невельской. В электронной версии журнала эти неточности устранены.

Нотариусы «Русской Атлантиды»

© 2014

А. Друзяка

Статья посвящена истории российского нотариата в Маньчжурии в период с 1899 по 1945 гг. В ней рассмотрены исторические условия, способствовавшие его становлению, основные этапы и специфика развития российских нотариальных учреждений в этой части Азии.

Ключевые слова: нотариус, юстиция, Маньчжурия, Харбин, Порт-Артур.

В истории российско-китайских отношений периода конца XIX — середины XX вв. институту нотариата было суждено сыграть особую роль. Российский нотариат активно способствовал становлению основ гражданских право-отношений в этой части Северо-Восточной Азии, а в 1920 г. стал субъектом достаточно редкого историко-правового прецедента. После упразднения китайскими властями органов российской юстиции и отмены правового режима экстерриториальности иностранцев в Маньчжурии, именно органы нотариата в Харбине были сохранены китайскими властями и вплоть до середины 1940-х гг. выполняли свои функции уже при учреждениях китайского суда и суда Маньчжоу-Го. Вместе с тем, в отечественной и зарубежной историографии институт нотариата в Маньчжурии до сих пор не был рассмотрен как отдельное явление, имевшее, кроме прочего, высокую общественно-политическую значимость.

На рубеже XIX—XX вв. китайская система юстиции не только не имела органов, аналогичных по своей сути и функциям европейскому нотариату, но и не выработала к этому времени подробно разработанной системы гражданского права. Свод гражданского законодательства Китая умещался в то время на нескольких страницах, а большинство правоотношений регулировались конфуцианскими нормами, традициями и обычаями. Российское участие в развитии Маньчжурии, строительство КВЖД и аренда Квантунской области, быстрый рост городов, развитие торговли, привлечение российского и иного иностранного капитала потребовали учреждения здесь органов российской юстиции и введения современного законодательного регулирования в гражданско-правовой сфере.

Первоначально нотариальные функции в Маньчжурии исполняли участковые мировые судьи российских окружных судов. 16 августа 1899 г. было утверждено временное Положение об управлении Квантунской областью, согласно которому на саму область и на южную ветку КВЖД было распространено действие российских судебных уставов и установлений¹.

26 февраля 1900 г. был открыт Порт-Артурский окружной суд. Совещание по вопросам обустройства судебной части в Маньчжурии в составе министра финансов Витте, министра иностранных дел Ламеддорфа и министра юстиции Манухина в заседании 9 июня 1901 г. постановило для отправления правосудия учредить должности мировых судей в полосе отчуждения КВЖД, с их подчинением ведению ближайших окружных судов империи. Эти положения были проведены в жизнь указом Николая II от 20 июля

Друзяка Андрей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: druzyaka12@mail.ru.

1901 г. На территорию основной магистрали КВЖД была распространена компетенция Владивостокского и Читинского окружных судов, а на южную ветку дороги от Харбина до Порт-Артура и на Квантунскую область — Порт-Артурского суда³. В свою очередь эти суды были подведомственны Иркутской судебной палате.

9 декабря 1902 г. в присутствии генерал-губернатора Приамурья Гродекова был торжественно открыт мировой суд в Харбине. Первым русским мировым судьей здесь был назначен бывший судебный следователь Владивостокского суда Константин Иванович Кайдо.

Согласно указу императора Александра II Правительствующему Сенату от 28 февраля 1880 г. в тех местностях, где не были назначены нотариусы, совершать нотариальные засвидетельствования были обязаны мировые судьи. На линии КВЖД нотариальные обязанности в дальнейшем исполняли участковые мировые судьи на станциях Ханьдаохэцзы, Хайлар, Харбин и Маньчжурия, а также в Порт-Артуре. Основными нотариальными действиями на тот период являлись засвидетельствование подлинности подписей на актах, купчие крепости, закладные, документы на отвод городской земли. В Порт-Артуре и Дальнем в период с 1900 по 1902 гг. было совершено 116 различных нотариальных актов, удостоверенных судебными чинами. В 1903 г. уже был поставлен вопрос об учреждении при Порт-Артурском суде должности старшего нотариуса. Председатель суда В.А.Скворцов в своем докладе в Иркутскую судебную палату сообщал, что общее собрание членов Порт-Артурского окружного суда, состоявшееся 23 января 1903 г., *«учреждение при суде должности старшего нотариуса единогласно признало желательным»*³.

С утратой Порт-Артура и Дальнего в ходе русско-японской войны, главным центром деловой активности в Маньчжурии становится главная станция КВЖД. 7 сентября 1904 г. в Харбин был назначен первый нотариус, Владимир Федорович Адамс⁴. Вторая должность городского нотариуса была введена специальным именованным указом Николая II от 13 сентября 1906 г. После проведения конкурсного отбора на нее был назначен Константин Иванович Кайдо, вышедший в отставку с поста мирового судьи и занимавшийся адвокатской деятельностью.

Как и в большинстве портовых городов и крупных торгово-промышленных центров России, харбинские нотариусы занимали в городской социальной иерархии высокое место, а их правовой статус был уникальным для своего времени. Их должности учреждались специальными императорскими указами, а именные печати украшал не областной герб, как у их коллег в пределах России, а государственный герб империи с двуглавым орлом и короной. Часть проблем, связанных с функционированием нотариата в Харбине, была связана с общей спецификой деятельности органов российской власти в Маньчжурии. Вопросы, касающиеся их деятельности, порой решались на самом высшем уровне управления.

Например, до 1907 г. существенную проблему составляло фактическое отсутствие правового статуса харбинского муниципалитета, так как по действовавшему на территории России законодательству местные сборы нотариусы были обязаны передавать в городскую казну. В связи с отсутствием в полосе отчуждения городов, имевших официальный статус, нотариусы перечисляли местные сборы не в городскую казну, а на депозит окружного суда. Положение об общественном управлении в Харбине, выработанное в Особом совещании при премьер-министре П.А. Столыпине, 29 ноября 1906 г. было утверждено императором Николаем II. В 1907 г. в Харбине было введено выборное городское самоуправление, которое получило законное право на сборы с актов, совершаемых у местных нотариусов, и на издание обязательных для них постановлений⁵.

Своеобразным харбинским Сити в то время был район Пристани с главной улицей, имевшей название Китайская (ныне центральная пешеходная улица в историческом районе Харбина Дао Ли — ул. Чжун ян). Здесь размещались биржа, крупнейшие банки, фешенебельные отели и рестораны, представительства крупнейших мировых торговых и промышленных компаний, здесь же были открыты и конторы первых харбинских нотариусов. К 1917 г. в Харбине имелись две нотариальные конторы — К.И. Кайдо и В.С. Алейникова. Контора Кайдо находилась по адресу ул. Мостовая, дом 12, в собственном доме на углу улицы Участковой. На той же улице Мостовой в доме Трофимова, напротив

Банка взаимного кредита, находилась контора Алейникова. Беззатратный и высокодоходный для государства, нотариат всегда привлекал клиентов еще и наличием правовых гарантий. В случае юридической ошибки или неправомерных действий по должности нотариус был обязан компенсировать причиненный вред, при необходимости — даже всем своим имуществом...

Нотариусы активно участвовали в формировании органов городского самоуправления. К.И. Кайдо и М.В. Второв стояли у истоков создания харбинского Общества землевладельцев и домовладельцев, которое К.И. Кайдо впоследствии долгое время возглавлял. Помимо объединения и правовой защиты интересов городских собственников, это Общество осуществляло также их кредитование из фондов собственного банка. Первоначально в состав Общества входили только европейцы, с 1920 г. к ним присоединились и китайские собственники городской недвижимости.

На протяжении всего рассматриваемого периода двери нотариальных контор были открыты всем жителям Харбина, без учета их национальности или гражданства, имущественного и социального положения. К нотариусам обращались не только проживавшие в Маньчжурии европейцы, японцы и американцы, но и китайцы, все более вовлекаемые в сферу деловых взаимоотношений в российском правовом поле. Они нередко обращались к нотариусу даже при необходимости засвидетельствования двусторонних актов, совершаемых без участия европейцев. Например, русскоязычная харбинская газета «Вестник Маньчжурии» в 1918 г. поместила на своих страницах следующее характерное объявление: «Сим объявляю, что доверенными моими китайцы Лю Минчжен и Ван Ченпин больше не состоят. Выданные мною им доверенности, засвидетельствованные у Харбинских нотариусов, прошу считать недействительными. Подрядчик Ти Юйсин»⁶.

По данным Е.Х. Нилуса, деятельность двух городских нотариусов в Харбине в период 1904–1920 гг. выразилась в следующих цифрах: «...ими было совершено 148 513 нотариальных актов и различных засвидетельствований на сумму 250 824 049 руб. 25 коп.; было протестовано 32 350 векселей на сумму 10 542 875 руб. 40 коп. Всего ими было совершено разных нотариальных действий на сумму 11 156 569 руб. В общей сложности нотариусами Харбина в период 1904–1920 гг. было совершено разных нотариальных действий на сумму 272 523 484 руб. 65 коп. Кроме того, ими было получено и внесено в городскую казну сборов на сумму 292 877 руб. Только в период с 01.01.1920 по 01.07.1920 гг. двумя городскими нотариусами Харбина было совершено 4786 нотариальных актов на сумму 19 111 392 руб. 55 коп., протестовано 34 векселя на сумму 588 262 руб., внесено в пользу городского общественного управления 74 672 руб. 20 коп.»⁷.

В период революционных потрясений и гражданской войны на Дальнем Востоке России харбинские нотариусы не только не прекратили свою деятельность, но даже несколько активизировали ее. Деловая активность в городе увеличилась, т.к. дальневосточный и сибирский капитал поспешно выводил свои активы из зоны боевых действий в относительно спокойную Маньчжурию. Деловому Харбину в этот момент стабильность была особо необходима, поэтому российские и китайские власти стремились сохранить здесь привычный для всех порядок. После поражения белых в европейской части России и разгрома войск Колчака и Семенова на востоке ситуация изменилась коренным образом.

В феврале 1920 г. была упразднена Иркутская судебная палата, в ведомстве которой находились все судебные установления Восточной Сибири, Дальнего Востока и Маньчжурии. 23 сентября 1920 г. декретом президента Китайской республики был отменен правовой режим экстерриториальности иностранцев на ее территории. 25 сентября 1920 г. распоряжением Чжан Цзолина на территории Особого района восточных провинций Северной Маньчжурии (ОПВГ) были закрыты российские консульства. Ранее были упразднены подразделения русской городской полиции и охранной стражи КВЖД. 1 октября 1920 г. был принудительно закрыт Пограничный окружной суд в Харбине. Существование российской юстиции в Маньчжурии было официально закончено, однако нотариальная часть при этом не прекратила свою деятельность.

После учреждения в Маньчжурии окружного суда и судебной палаты ОРВП все ключевые должности — председателя суда и судебной палаты, судей и прокуроров занимали китайцы. Из всех учреждений юстиции, связанных с упраздненным русским судом, в 1920 г. не подвергся закрытию лишь нотариат, *«как институт, хотя и чуждый пока китайскому законодательству, но жизненно ему необходимый»*⁸.

Через некоторое время стало очевидно, что китайским властям ничего не остается, как возобновить работу нотариальных контор на новой организационной основе. В марте 1921 г. русские нотариусы М.С. Уманский и А.Ф. Сакович получили назначение на должности в новом китайском окружном суде ОРВП⁹. Нотариат отныне был подведомствен гражданской палате этого суда. Вслед за этим была разрешена деятельность русских адвокатов, были частично сохранены кадры русской полиции (наружные службы и уголовный розыск), а также тюремной охраны. К русским служащим приставили драгоманов — штатных китайских переводчиков, посредников и наблюдателей, однако существенного влияния на характер и порядок деятельности нотариата это не оказало¹⁰.

Власти ОРВП в этот период предприняли действия, которые можно назвать рецепцией основ гражданского законодательства Российской империи и Положения о нотариальной части 1866 г. Эти документы, уже утратившие свое юридическое значение в советской России, были переведены на китайский язык и в дальнейшем, вплоть до середины 1940-х гг., сохранялись в качестве основы гражданских правоотношений в Харбине. Доказательством того, что город в этот период не утратил русский нотариат, служат биографические данные нотариусов М.С. Уманского, М.Ф. Второва, А.Ф. Саковича, Л.И. Изотова, официальные сведения о штатах судебных учреждений, материалы городской периодической печати того времени.

В марте 1921 г. М.В. Второв поступил на службу во вновь открывшуюся контору нотариуса М.С. Уманского. После смерти последнего 23 декабря 1923 г. был уволен со службы, но уже 31 декабря приказом председателя судебной Палаты ОРВП был вновь назначен на должность нотариуса города Харбина, которую бессменно занимал до 1 декабря 1937 г.

В период 1920-х гг. в Харбине были упразднены все учреждения русской государственной власти, затем были поставлены под контроль китайских властей органы городского самоуправления. Важной основой для объединения русских эмигрантов в этот период стали церковные общины. Рухнувшие государственные устои жители города пытались заменить устойчивыми общественными авторитетами. Нотариусы, всегда игравшие в жизни российской диаспоры значительную роль, принимали в деятельное участие православных церковных общин самое живое и непосредственное личное участие. Нотариус А.Ф. Сакович был избран председателем финансовой комиссии общественного комитета по сбору средств на строительство Благовещенской церкви в Харбине. Сбором средств на строительство Свято-Алексевской церкви в районе Модягоу в Харбине руководил нотариус М.В. Второв. После того как этот храм с невероятными трудностями был достроен, он с 1926 по 1941 гг. состоял при нем церковным старостой. Сами по себе эти факты также могут свидетельствовать о высоком общественном признании и личном авторитете харбинских нотариусов.

Значение института нотариата в организации городской жизни стало возрастать именно в 1920-е гг. После окончания гражданской войны и поражения белых армий на Дальнем Востоке и в Сибири, их остатки укрылись в Маньчжурии. Вместе с ними сюда хлынул поток беженцев из азиатской части России. В 1920–1924 гг. здесь проживало не менее 150–180 тыс. человек русского населения, затем его численность начала снижаться за счет выезда эмигрантов в третьи страны. В условиях численного сокращения русской диаспоры и трансформации всей системы властных органов в Харбине и полосе отчуждения КВЖД русский нотариат сумел пережить ряд мощных потрясений, связанных с передачей муниципального самоуправления в руки китайских властей (1926), созданием Маньчжоу-Го (1932), продажей КВЖД (1935). Правовые услуги харбинских нотариусов были востребованы не только городским населением, собственниками и предпринимательским сообществом, но и советским руководством КВЖД. Например, доверенность

на представительство интересов в суде, выданная юрисконсульту дороги, гражданину СССР В.Б. Разумовскому, была засвидетельствована харбинским нотариусом А.Ф. Саковичем 5 июля 1928 г. в его конторе, находившейся в доме 17 по улице Китайской¹¹.

Нотариус Анатолий Федорович Сакович в годы гражданской войны являлся юрисконсультом контрразведки КВЖД и одновременно возглавлял в этом органе отдел по борьбе с большевизмом¹². Текст доверенности орфографически и стилистически свидетельствует о том, что форма нотариального делопроизводства в Харбине и в конце 1920-х гг. оставалась подчеркнута «старорежимной». Сама личность нотариуса, безусловно, отвечала запросу большинства европейского населения города, состоявшего преимущественно из бывших подданных Российской империи, эмигрантов и иностранцев. Вместе с тем, по нашему мнению, бытовавшая здесь историческая форма нотариата и сама фигура русского нотариуса стали воплощением хотя и временного, но достаточно удачного компромисса, достигнутого властью и обществом. В условиях уникального по своей эклектике социально-культурного пространства города Харбина 1920–1930-х гг. правовой институт нотариата остался общедоступным, легитимным и был широко востребован.

По данным на 1932 г., в Харбине открылась контора китайского нотариуса Юй Ляньцзы, однако вытеснения русских нотариусов за этим не последовало. После отставки М.В. Второва с конца 1937 г. нотариусом Харбина служил Л.И. Изотов, бывший прокурор Пограничного суда.

«Восточный Париж», «Китайская Женева» — такими эпитетами награждали современники русский Харбин в его лучшие годы. Впоследствии для характеристики процесса постепенного ослабления русского влияния в жизни города и описания уходящей русской цивилизации в этой части Азии был избран другой яркий образ — «Русская Атлантида». Нотариусы Харбина в период 1920-х — 1940-х гг. представляли собой последние осколки дореволюционного российского правового быта в этой некогда процветающей русской колонии, постепенно уходящей в небытие.

Значение деятельности института русского нотариата в Маньчжурии состоит в том, что она обеспечивала правовую стабильность и защищенность деловой активности, гражданского оборота и отношений собственности в этой части Азии, на время ставшей второй родиной для десятков тысяч россиян. Более чем сорокалетняя история русского нотариата в Маньчжурии является важной частью истории двусторонних отношений, а своеобразие условий его функционирования и судьбы работавших здесь русских нотариусов, на наш взгляд, заслуживают внимания и дальнейшего изучения.

1. Временное положение об управлении Квантунской областью. Закон 16-го авг. 1899 г. Собрание узаконений. 1899. № 1524.
2. ГАИО. Ф. 246. Оп. 2. Д. 13. Л. 17–17 об.
3. ГАИО. Ф. 246. Оп. 6. Д. 26. Л. 5.
4. Дальний Восток. 1904. № 222.
5. ГАИО. Ф. 246. Оп. 2. Д. 13. Л. 51, 55.
6. Вестник Маньчжурии. 1918. 27 июля.
7. Нилус Е.Х. Исторический обзор КВЖД. 1896–1923 гг. Харбин, 1923. С. 568–569.
8. Там же. С. 565.
9. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 41726. Л. 1–5.
10. Весь Харбин: Адресная и справочная книга на 1926 г. Харбин: типография КВЖД, 1926. 111 с.
11. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 691. Л. 43 об.
12. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 41726. Л. 1–5.

Понятие «религия» в трудах современных конфуцианцев*

© 2014

А. Забияко, М. Хаймурзина

В статье рассматривается проблема экспликации понятия «религия» в концепциях трех ведущих представителей современного конфуцианства. Их интерпретации религии, с одной стороны, связаны с традиционными для китайской философии этическими теориями, с другой — срачиваются с концепциями западного религиоведения и метафизики.

Ключевые слова: религия, философия, религиоведение, конфуцианство, этика, метафизика, гуманность.

Проблема содержания понятия «религия» и начальный этап его экспликации в Китае

В каждой культуре в любую эпоху религия — одна из основных духовных формаций, определяющих содержание культурной системы. При этом религия чрезвычайно многообразна в своих локальных формах, языковых и субъективно обусловленных выражениях. В настоящее время в научных трудах понятие религии часто не эксплицируется, а используется «по умолчанию» в том смысле, который авторы считают наиболее адекватным.

Однако в ряде случаев, в особенности, когда изучение касается инокультурных реалий, интерпретация и операционализация понятий, тем более таких многозначных, как «религия», крайне необходимы для конкретизации объекта исследования, демаркации его границ, экспликации признаков, определения методов изучения, исключения недоразумений по поводу смысла этого слова. К сожалению, нередко исследователь, не эксплицировав предварительно понятие религии, предлагает типологию религиозных данностей или религиозных и нерелигиозных феноменов. Примером такого подхода являются известные типологии китайских религий, в которых конфуцианство оказывается за пределами религиозной системы в качестве этического, политического, философского или иного нерелигиоз-

Забияко Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой религиоведения Амурского государственного университета (Благовещенск). Тел.: 89622844286; E-mail: sciencia@yandex.ru.

Хаймурзина Марина Ахатовна, переводчик Отдела международных проектов, аспирант кафедры религиоведения АГУ. Тел.: 89622858307; E-mail: mfaizova@yandex.ru.

* Статья подготовлена в рамках международного проекта РГНФ 12-21-21001 а (м).

ного явления. Отказывая одной духовной данности в религиозной природе, а другую, например даосизм, именуя «национальной религией Китая», исследователи не объясняют при этом, что они понимают под собственно религией. В такой ситуации дискуссии по поводу сути духовных феноменов становятся малопродуктивными.

В европейской интеллектуальной традиции процесс лингвофилософского толкования латинского по происхождению понятия религии, его этимологии и смыслов начался, по крайней мере, со времен Цицерона¹. Как это ни парадоксально, осмысление категории «религия» на протяжении долгого времени не представляло заметного интереса для религиозного сознания. Однако это вполне объяснимо. Религия возникала и развивалась не как автономная, имевшая четкие границы формация, а как одно из выражений индивидуально-психологической и коллективной (социальной) жизни. Религиозное сознание европейских этнокультурных общностей оперировало не понятием религии, а понятиями Бога, веры, закона, церкви, язычества, святого и мирского, греха и праведности, а также другими фундаментальными категориями, которые соотносились с важнейшими социальными и экзистенциальными реалиями. Кризис европейской средневековой культуры, антиклерикализм и свободомыслие, обособление научного знания от религиозного мировоззрения, политические и правовые преобразования, направленные на отделение церкви от государства, демаркация гражданским обществом областей общественной и личной жизни, не входящих в сферу религиозного влияния, — все это привело европейское самосознание к необходимости экспликации понятия «религия». Европейская философская мысль XVIII—XIX вв. и религиоведение начали активно искать решение вопроса о том, что есть религия. Религиозно ориентированное европейское самосознание, христианская теология тоже включились в поиск решения данной проблемы, предлагая широкий спектр психологических, антропологических, этических и иных трактовок сущности религии. Дискуссии по этому поводу, очевидно, никогда не завершатся.

Традиционное китайское сознание, как и европейское, не нуждалось в специальной категории, обособляющей религиозное от того, что таковым не является. В целом было достаточно фундаментальных общекультурных понятий, относящихся к сфере самосовершенствования, соотношения человеческого произвола и предопределения, бытия человека и природных и божественных сил, а также обозначений духовных учений (даосизма — *дао цзя*, *дао цзяо*, конфуцианства — *жу цзя*, *жу цзяо*, буддизма — *фо цзя* и др.). Не обязательно те или иные духовные системы обозначались при помощи детерминантов *цзя* («школа») или *цзяо* («учение»). В XVI в. прибывшие в Китай католические миссионеры «обнаружили, что китайская образованная элита все еще различает мусульман, иудеев и христиан. Однако основанием их разделения были не вопросы веры, а несходные правила в употреблении пищи. Китайцы называли мусульман «людьми, не едящими свинины», а иудеев — «людьми, не едящими сухожилий»... В свою очередь, потомков христиан китайцы называли «людьми, которые не едят животных с нераздвоенными копытами» — этот ветхозаветный запрет присутствовал в книгах Левит (гл. 11) и Второзаконие (гл. 14)»².

Ситуация, породившая импульс к экспликации понятия «религия», стала следствием, прежде всего, не внутренних культурных процессов, а внешних факторов, обусловленных экспансией Запада. В середине XIX в. эта экспансия приобрела разрушительный для традиционного общества и мировоззрения характер. Наряду с прочими злободневными темами проблема интерпретации понятия религии получила особую важность. Та область культуры, которую на Западе называли «религией», начала восприниматься как самостоятельная социальная реальность, способная ускорять развитие общества или тормозить его. Во второй половине XIX в. в контексте споров о судьбах страны, особенностях ее культуры перед интеллектуалами встал вопрос о смыслах европейских слов, производных от латинского *religio*, о китайских эквивалентах этих иностранных понятий, а

следовательно, об отношении к тому, что можно назвать, учитывая европейский опыт, но на китайском языке, «религией».

Этой дискуссией в широкий культурный оборот было введено слово *цзунцзяо* (букв. «общее (главенствующее) учение»). При этом внимание общественности было привлечено, прежде всего, к конфуцианству, к вопросам о его сущности, роли в истории страны и дальнейшей судьбе. В спорах участвовали интеллектуалы разных идейных ориентаций, в том числе сторонники конфуцианства.

Кан Ювэй (1858–1927), один из крупнейших конфуцианских мыслителей своего времени, на основе доступных ему знаний о некитайских религиях (христианство, ислам, иудаизм, индуизм) сравнивал их друг с другом и с китайскими «тремя учениями» (*сань цзяо*) — конфуцианством, даосизмом и буддизмом, прежде всего с учением Конфуция. Все они, по мысли Кан Ювэя, как религии обладают исходным сходством — в своем начальном состоянии выражали чувства «гуманности и любви», но в развитом виде обрели разные этические ценности и социальные нормы. Кан Ювэй воспринимал конфуцианство как религиозную систему, более того, он и его сторонники стремились создать на основе реформированного конфуцианства особую национальную религию³. Новую остроту дискуссии о религии и конфуцианстве — вплоть до появления призыва «долой лавку Конфуция» — придало патриотическое и демократическое «движение 4 мая» 1919 г.

Лян Шумин (1893–1988), выдающийся китайский философ XX в., которого Г.С. Алитто назвал «последним конфуцианцем»⁴, в контексте порожденной «движением за новую культуру» резкой критики религии вообще и конфуцианства в частности, выдвинул свое понимание этих явлений. Лян Шумин утверждал, что любая религия обязательно обладает двумя характеристиками: «Во-первых, в аспекте чувств и волеустремления религия обязательно имеет функцию утешения и поощрения людей идеей посмертного существования; во-вторых, религия обязательно строится на знаниях, запредельных обыденным представлениям»⁵. В таком понимании, по-видимому, нашли отражение личный опыт Лян Шумина, бывшего в молодые годы приверженцем буддизма — вплоть до обращения к монашеской практике, а также его знания о христианстве и индийской философии, которой он был основательно увлечен. Рассматривая религию под таким углом зрения, Лян Шумин подверг сомнению само ее наличие в Китае. В 1935 г. в лекции «В чем специфика китайской культуры?» он говорил о том, что «в Китае давно не стало религии», а в целом «религия в культуре Китая действительно занимает несущественное место»⁶. Причины такой ситуации Лян Шумин усматривал в раннем и необыкновенно высоком развитии в Китае, в значительной степени благодаря Конфуцию и его сподвижникам, разума — антипода религии⁷. В этом смысле конфуцианство для Лян Шумина религией не являлось.

Однако, с другой стороны, поскольку оно наравне с христианством или буддизмом учит нравственности, вовлекает человека на путь гуманности и оказывает огромное влияние на людей, постольку конфуцианство выполняет функции религии. Лян Шумин рассуждал: «Посмотрим на проблему таким образом. Что конфуцианство делает для того, чтобы каждый человек в обществе был сторонником гуманности? В этом плане Конфуций имел свою религию, которая не была связана с чем-то необычным. Она просто являлась областью чувств и волеустремлений. При этом конфуцианство не обладает некоторыми характерными признаками, свойственными обычной религии и, в сущности, оно не является религией. Мы называем его религией только на том основании, что, как уже заметили, оно оказывает столь же огромное влияние на жизнь человека, как и другие религии. Мы можем определить два характерных признака конфуцианства. Во-первых, это поощрение почитания старших и послушание. Во-вторых — внедрение ритуала, этикета и музыки в образ жизни. Слияние этих признаков и есть религия Конфуция». Конфуцианство, по мысли Лян Шумина, — это «нерелигиозная религия»⁸.

Идеи Кан Ювэя и Лян Шумина, их сторонников и противников дали в первые десятилетия прошлого века серьезный посыл теоретическим и прикладным исследованиям религии, ее общих и особенных черт. Рамки статьи не позволяют подробно остановиться на истории вопроса, к тому же она во многом уже освещена в научных публикациях⁹. Мы обратимся к взглядам на эту проблему трех наиболее выдающихся конфуцианцев современности.

В целом спектр современных китайских трактовок религии достаточно широк. В КНР преобладают подходы, выдержанные в марксистском ключе (религия как «опиум народа») ¹⁰. За рубежами КНР, сначала на Тайване и в Гонконге, а позже в США, в рамках современного конфуцианства ¹¹ активно разрабатываются другие подходы к пониманию сути и значения религии для современного человека и общества. Начиная с середины XX в. конфуцианцы «второй волны» стремились понять, что есть религия вообще, в чем состоит сходство и отличия религий, специфика китайских религиозных систем. Представители берущей начало в 1980-х «третьей волны» (например, Ду Вэймин) идут дальше, желая понять, что такое религия для человека и общества в контексте унификации культур.

Тан Цзюньи о религии как «сверхгуманизме»

Тан Цзюньи (1909–1978) — идейный вдохновитель гонконгской линии современного конфуцианства. В 1932 г. он окончил философский факультет университета Чжунъян. После переезда в Гонконг в 1949 г. читал лекции на философском факультете Гонконгского университета китайской литературы, впоследствии был деканом этого факультета, где проработал до пенсии (1974 г.). В 1950-е годы Тан Цзюньи преподавал в США, где в 1957 г. подготовил проект «Манифеста китайской культуры народам мира», под которым в 1958 г. подписались Моу Цзунсань, Сюй Фугуань и другие его единомышленники ¹².

В своих посвященных осмыслению феномена религии теоретических построениях Тан Цзюньи, прежде всего, обращался к китайскому понятию *шэнь*, которое на русский язык обычно переводится как «бог», «божество», «дух». Тан Цзюньи трактовал его как обозначение «сверхъестественного» (*чаоцзыжань*), «сверхреального» (*чаосяньши*) начала. Он указывал, что даже в первобытных религиях поклонение тем или иным божествам определялось не представлением о божестве как таковом, а идеей сверхъестественной силы, которой обладали или которую олицетворяли те или иные объекты. Первобытные люди верили в сверхъестественную силу, в ее помощь, возможность реализовать через нее свои стремления ¹³. В этой части своих рассуждений Тан Цзюньи развивал восходящие к Р. Маретту религиозно-философские концепции «динамизма» и «преанимизма». Маретт утверждал, что древнейшие верования строятся не столько на анимистических представлениях, сколько на чувстве присутствия в мире сверхъестественной силы. Он допускал, что данное чувство и сопровождающее его переживание страха могли «предшествовать» анимизму как психологическая предпосылка и даже рассматриваться как историческая ступень становления религиозности ¹⁴. В изложении Э. Дюркгейма теория преанимизма стала учением об имперсональной, анонимной силе, формирующей духовный мир и религиозные воззрения архаического человека ¹⁵. Западные исследователи конца XIX — начала XX в. теорией динамизма и соответствующими эмпирическими данными доказывали, что представления о Боге, божестве не являются универсальным признаком религии, тем самым выводя религиозно-философские интерпретации за пределы христианско- и европоцентризма. Тан Цзюньи следовал в русле этого теоретического и мировоззренческого посыла.

Сравнивая и анализируя разные типы религий, он приходил к выводу о том, что в любой религии должен быть элемент «чуда» (мистики), который необходим для разрушения рамок обыденности. С точки зрения науки и рассудочного знания, чудо невозмож-

но, тогда как религиозная потребность человека заключается в стремлении узреть невозможное: коль скоро нет чуда — нет и религии. В противном случае человек не способен духовно выйти за пределы повседневной реальности. В «типичных религиях» (*ибань цзунцзяо*), согласно Тан Цзюньи, есть элементы чуда и волшебства, связанные с верой в Бога или божества, в других религиях мистика присутствует в иных формах. Религиозная потребность, которая открывает доступ к трансцендентному, побуждает мыслить о «сверхреальном», обуславливает представление о чуде или сверхъестественном и в конфуцианстве¹⁶. По Тан Цзюньи, отличие одной религии от другой заключается лишь в форме проявления ее мистического элемента.

Хотя, полагал Тан Цзюньи, в основе религии не обязательно должен быть Бог или божество, тем не менее каждая религия уделяет огромное внимание особым — религиозным — ценностям. Корень религии — не божество, а трансцендентность и вечность религиозных ценностей. Все остальное — например, религиозная деятельность и поведение, — лишь внешняя оболочка религиозной жизни человека¹⁷.

В основе религиозно-философских построений Тан Цзюньи лежат идеи гуманизма (*жэньвэнь*) и «сверхгуманизма» (*чаожэньвэнь*). Под гуманизмом Тан Цзюньи понимал «активную этическую позицию», побуждающую к построению общества посредством этики, основанной на нравственных ценностях. Все религии связаны с мирским измерением жизни, коль скоро они обращены и к делам человеческим, поэтому религия есть аспект («ветвь») человеческой культуры. Что же касается «сверхгуманизм», то он воплощает религиозную духовность, возвращаемую на основе человеческих ценностей путем их совершенствования отдельным человеком и обществом в целом¹⁸.

В «сверхгуманистическом» религиозном духе Тан Цзюньи видит спасение человека, общества и культуры. Человек, культивируя и развивая нравственные ценности до предельного — религиозного — уровня, обретает новое видение обыденной жизни, в моральном аспекте делает себя и общество лучше, творит новые смыслы и вносит значимый вклад в единое дело культуросоцидания. В современную эпоху «сверхгуманизм» особенно необходим человечеству — как средство спасения самой жизни. Религиозная вера совершенствует человеческий дух, делает человека человеком, помогает уразуметь смысл гуманистических ценностей¹⁹.

В главном эта трактовка религии опирается на переосмысление восходящих к немецкой классической философии западных идей о трансцендентном бытии и развитие традиционных конфуцианских представлений о «гуманности»-*жэнь* как сверхценности. Западная христианская метафизика и конфуцианская этика входят в его интерпретации религии в своеобразный синтез.

Моу Цзунсань о китайской философско-религиозной «концепции жизни» и религии как нравственной стратегии

Моу Цзунсань (1909–1995) — идейный вдохновитель тайваньской линии современного конфуцианства. В 1933 г. закончил философский факультет Пекинского государственного университета (КНР). После переезда на Тайвань в 1949 г. преподавал в крупных университетах и исследовательских центрах (Тайваньский педагогический университет, Университет Дунхай, Центр философских исследований при Тайваньском университете и др.), читал лекции в университетах Гонконга и КНР (конец 80 — начало 90 гг. XX в.)²⁰.

В книге «Особенности китайской философии» (1963 г.) Моу Цзунсань обратился к одной из наиболее важных для китайских интеллектуалов XX в. проблем — выявлению общего и особенного в культурах Китая и Запада, объяснению специфики китайской ментальности. По его мнению, напрямую сравнивать духовные системы (религию и философию) западной культуры с религиозно-философскими системами Китая некорректно.

но. Сравнение должно учитывать разные внешние контексты развития этих систем и отличия внутренних интенций. Духовные системы народов, имевших различия в ментальных характеристиках и живших в разных географических, климатических, социальных условиях, изначально имели несхожие друг с другом векторы развития и потому впоследствии преуспели в разных областях²¹.

Моу Цзунсань отмечал, что известный спор о том, есть ли в Китае религия, аналогичен дискуссии о китайской философии. По его мнению, если оперировать западными критериями и моделями — такими, например, как логика и теория познания, то окажется, что «философии» в западном понимании в Китае нет. То же касается и религии. Если опираться на христианские стандарты, то китайские «три учения» (конфуцианство, даосизм и буддизм) никоим образом не соотносятся с понятием «религия». Тогда получается, что в китайской культуре нет ни философии, ни религии. Между тем философия и религия выступают в качестве базовой культурной составляющей. Если их нет, — значит, нет и культуры? Моу Цзунсань писал: «То, что в Китае в прошлом не развивались наука и демократическая система правления, — это факт, но утверждение, будто в Китае не было религии и философии, — это невежество. Когда представители западной культуры, рассуждая о Китае, не видят культурного различия в понятиях «религия» и «философия» — им это простительно, но когда китайцы исходят из шаблонов и стандартов западной культуры, — это нелепо и удручающе»²².

Философия, согласно его толкованию, это все то, что касается человеческой деятельности и созидания, все, что может быть объяснено, подвергнуто анализу и рефлексии²³. Различие культур отражается в специфике философий. Так, западная философия акцентирует объективистскую позицию и в целом характеризуется наличием развитых систем логики, теории познания, онтологии и космологии. Западная философская мысль связана с религией (теологией), но религия в западной культуре живет своей жизнью и не является главным звеном философских построений. Китайская философия акцентирует субъективистскую позицию и имманентную мораль, берет начало в конфуцианской и даосской религии и развивается под влиянием буддийской религиозно-философской мысли. Конфуций, Лао-цзы, Шакьямуни не были основателями религий, как Иисус, а также философами в западном понимании. Но они обладали исключительной мудростью и определили для огромного числа людей направление и смысл жизни, тем самым обретая в их глазах положение, сравнимое с положением Иисуса Христа в западной культуре. Именно тем китайская философия специфична: в центре ее — не познание и не религия в смысле веры в божество, а «концепция жизни» (*шэнь мин гуань нянь*), имеющая наитеснейшую связь с религией²⁴.

Моу Цзунсань определял религию как особую модель восприятия и отношения к миру, задающую ценностные ориентиры и нравственные нормы, присущие каждой культурной традиции. Мыслитель подчеркивал, что в отличие от западной культуры, в которой сосуществуют великая религия откровения и независимая философия «игры разума», для китайского мира характерны монолитность философии и религии, их взаимовлияние и взаимодополнение. Поэтому объектом китайской религии является не Бог и не «сверхъестественное», а жизнь человека²⁵.

Она предполагает взаимосвязь двух составляющих — биологической и духовной. По его мнению, с точки зрения «морального идеализма» (*даодэ лисянчжуи*), развитого во многих религиозных системах, «биологическая жизнь» (физиологическая и психологическая, или «жизнь страстей») относится к отрицательной стороне жизни как ее «животный» уровень. Такая позиция определяет, например, идею христианского «первородного греха» и буддийского «омрачения». В учениях буддизма и даосизма жизнь человека осмыслена как пребывание в конфликте между ее духовной и биологической сторонами. Потому духовной целью этих религий становится постижение некой истины, требующее разорвать все физические ограничения, подавить желания и стремления, тем са-

мым выпустив дух из телесных оков. Конфуцианская истина не сложнее и не проще истины даосской или буддийской, она также познается посредством постоянной работы человека над самим собой. Суть различия в том, что конфуцианская истина лежит в плоскости нравственности, и потому «концепция жизни» в конфуцианском ракурсе не предусматривает противопоставления духа и тела. Воспитание духовной жизни человека, определяемое понятиями *жэнь* («гуманность»), *и* («долг/справедливость»), *ли* («ритуал», «этико-ритуальная благопристойность»), *чжи* («разумность», «мудрость»), *синь* («вера/доверие»), способствует сдерживанию страстей и формирует особый тип личности. Поэтому главные герои китайской культуры, такие как, например, Вэнь-ван²⁶, в отличие от обуреваемых страстями героев западной культуры, преисполнены желания «преумножать добродетели и великодушие к народу» (*цзи дэ ай минь*)²⁷. В соответствии с традицией мыслитель ставит во главу угла категорию «жизнь» (*шэнь*) и утверждает идею взаимосвязи духа и тела: «Осознание жизни как целостного духовно-телесного процесса имело в китайской философии статус теоретического положения»²⁸.

Моу Цзунсань считал, что китайский комплекс «трех учений» в целом можно назвать «учением о жизни» (*шэньмин сюэвэнь*). Поэтому китайские *сань цзяо* не вписываются в рамки христианских стандартов, что отнюдь не отрицает их внутренних духовных ресурсов. Феномен *сань цзяо* является лишь примером иной, отличной от западной, формы религии. Этот идейный комплекс остается основным потоком китайской философско-религиозной мысли и продолжает определять историко-культурную самобытность Китая²⁹.

В китайской культуре, по мнению Моу Цзунсаня, не было научных, политических и религиозных революций, как на Западе, а есть лишь трансформация «учения о жизни». Он соглашался с тем, что современному Китаю нужны наука и демократия, но не вместо «учения о жизни», а вместе с ним – подобно тому, как в западной культуре существуют наука и демократия с религией, а религия остается мощным духовным источником современного развития. Вспоминая события начала XX в.³⁰, философ подчеркивал, что забвение или попытки искоренить «учение о жизни» уничтожат богатый духовный ресурс и лишит Китай шанса для дальнейшего развития. «Современному человеку нужна наука, чтобы улучшить уровень и качество жизни, но нужна и религия как источник получения духовного удовлетворения и роста, без которого нет здравомыслящего человека и человека, созидающего собственную культуру»³¹.

Ду Вэймин о религии как основе современных процессов трансформации человека, общества и культуры

Ученик Моу Цзунсаня Ду Вэймин (р. 1940) – один из самых выдающихся представителей «третьей волны» современного конфуцианства. Он учился в Университете Дунхай на Тайване и в Гарварде, преподавал в Принстонском университете. В Америке его считают одним из основателей «бостонского конфуцианства»³². Он является ректором Института гуманитарных исследований Пекинского государственного университета (с 2010 г.), заместителем председателя Международной конфуцианской ассоциации, почетным академиком (единственным от Китая) Международного философского общества³³.

Ду Вэймин считает, что понимание религии нельзя сводить к той упрощенной концепции, которая оперировала понятиями веры в сверхъестественное, Бога и представлениями о соответствующих культовых действиях. Религия видоизменяется и всегда присутствует в обществе, в латентном или явном состоянии. Субъектом тех процессов, которые меняют мир, выступает человек с определенными ценностными установками. Поэтому в современном обществе в центре религии стоит человек, а религия способствует взращиванию его способности к саморефлексии и помогает найти ответ на вечные вопросы: Что значит быть человеком? Как стать человеком? Куда движется человечест-

во? В чем смысл жизни? Во что верить? Какие поступки и действия совершать? Поэтому сутью религии сегодня становится реализация духовной сущности человека. По Ду Вэймину, религия выражает глубинную природу человека и является формой его самоутверждения, являясь причиной и следствием работы человека над собой. Ценности и смыслы, будучи основой религии, формируют духовную, мировоззренческую позицию человека, в итоге делая общество гармоничным и стабильным³⁴.

Ду Вэймин, развивая идеи своего учителя Моу Цзунсяня, утверждает, что религия выступает жизненным ядром культуры, является тем принципом, через который общество, опираясь на свое прошлое и черпая силу в своих внутренних возможностях, осуществляет процесс постоянного развития. Каждый человек с рождения приобретает к коллективной исторической памяти своего народа и создает новую культуру, а религиозные традиции выступают стержнем, вокруг которого осуществляются все нововведения. «Предположения о том, что мы можем отбросить свою связь с локальными знаниями и религиями, чтобы стать гражданами мира, нереалистичны. Мы глубоко пустили корни в собственных традициях, они придают смысл нашему повседневному существованию. Если люди не могут посредством самоличного решения измениться и стать полностью другими, то еще более нереально порвать собственные связи с традициями»³⁵. Ду Вэймин приводит в пример религиозно-философский комплекс *сань цзяо*. Несмотря на влияние чуждых религиозных систем и учений³⁶, он присутствует глубоко в подсознании китайцев и определяет формы их жизни. В критических ситуациях современные китайцы в своем большинстве не обращаются к христианскому Богу, не уповают на западные принципы научности и демократии — «они по-прежнему призывают на помощь буддийское учение о постной пище, даосское учение о подавлении желаний и конфуцианскую этику экономии»³⁷.

Сращивание этики и метафизики

Новые подходы к интерпретации религии, которые отыскивали ведущие представители современного конфуцианства, так или иначе исходят из идеи неуниверсальности и культурно-исторической обусловленности западных трактовок этого феномена. Эти мыслители в целом единодушны в том, что представление о Боге является не существенным признаком религии как таковой, а лишь показателем особых ее типов. Из трех мыслителей, чьи взгляды рассматриваются в настоящей статье, лишь Тань Цзюньи видел главный и всеобщий атрибут религии в представлениях о «сверхреальном», или «сверхъестественном», которые являются следствием духовной потребности человека в трансцендентном. Но все они так или иначе сходятся в том, что особенностью религиозно-философской системы, сложившейся в Китае, является ее монолитность, соединение философии и религии в единый феномен. Эта система сосредоточена на представлениях о жизни и человеке, что детерминирует специфику китайских религий. — так согласованно полагают Моу Цзунсянь, Тан Цзюньи и Ду Вэймин.

в основе любой религии лежат гуманистические ценности. Человек вступает на путь, ведущий к религии и религиозной духовности, когда он в своей посюсторонней деятельности берется за осуществление во взаимоотношениях с людьми ценностей гуманизма. Его установки и нравственные нормы задают ориентиры и стратегии поведения людей, связанные с ответами на вечные вопросы о смысле жизни. В такой трактовке ясно просматривается традиционный для китайской мысли пантеизм. В то же время она не выглядит специфически китайской, выказывая, в частности, много общего с авторитетными западными подходами к феномену религии — например, с учением А. Швейцера и социально-антропологической теорией религии Э. Дюркгейма, выведившего суть религии из высших социальных потребностей людей и значимых для консолидации общества моральных побуждений.

Понимание религии ведущими конфуцианцами не замкнуто границами панэтизма, поскольку, как подчеркивает А.В. Ломанов, характерная черта представляемого ими идейного течения «состоит в движении в направлении от классической традиции к ее обновлению, переосмыслению и реинтерпретации путем синтеза с западной философией на всех уровнях — начиная от формы мысли и кончая существенной метафизической проблематикой»³⁸. В этическую трактовку религии интегрируются идеи о сверхчеловеческом, сверхсоциальном содержании этого феномена, обусловленном его причастностью к сверхбытию. В обобщенном виде современное конфуцианское понимание религии заключается в том, что она рассматривается как этическая духовная формация, у которой наряду с «посторонним» — социально-антропологическим измерением есть и иное измерение — трансцендентное бытие. Рассматривая свое наследие под таким углом зрения, интеллектуалы-конфуцианцы не сомневаются в том, что религия, формой которой они считают и конфуцианство, и впредь будет фундаментом человеческого существования и культуры.

1. Цицерон. Философские трактаты / пер. с лат. М.И. Рижского. М., 1985. Подробнее о начале дискуссии см.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
2. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002. С. 74.
3. Подробнее см.: Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М., 1980.
4. Alitto G.S. The Last Confucian: Liang Shu-ming and the Chinese Dilemma of Modernity. Berkeley (CA), 1986.
5. Лян Шумин. Лян Шумин цюань цзи [Полное собрание сочинений Лян Шумина]. Цз. 1. Цзинань, 1989. С. 467.
6. Его же. В чем специфика китайской культуры? // Пробл. Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 131.
7. Там же.
8. Лян Шумин. Лян Шумин цюань цзи [Полн. собр. соч.]. Цз. 1. Цзинань, 1989. С. 466–467.
9. Борох Л.Н. Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX—XX веков. Лян Цицао: теория обновления народа. М., 2001; Буров В.Г. Современная китайская философия. М.: Наука, 1980; Делюсин Л. Конфуций и социалистическая модернизация // Азия и Африка сегодня. 1991. № 1. С. 26–28; Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002; Ломанов А.В. Современное конфуцианство: философия Фэн Юланя. М., 1996; Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981; Его же. Конфуций. «Лунь юй»: исслед., пер. с кит. М., 1998. Из последних публикаций см., например: Аллаберт А.В. Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX — начало XXI века). М., 2008.
10. Подробнее см.: Ли Шэнь. Цзунцзяолунь [Теория религии]. Пекин, 2006. С. 16–21.
11. В истории современного конфуцианства принято выделять три периода («три волны»). Наиболее яркими представителями первого периода (20–40 гг. XX в.) являются Сюн Шили, Цянь Му, Хэ Линь, Лян Шумин и Фэн Юлань, «второй волны» (50–70-е гг. XX в.) — Моу Цзунсань, Тан Цзюньи и Сюй Фугуань. Они представляли собой ту часть китайской интеллигенции, которая выступала против полной европеизации и марксизма. Из представителей «третьей волны» (с начала 80-х гг. по настоящее время) обычно выделяют Ду Вэймина, Лю Шусяня, Чэн Чжуньина, Юй Инши и др. Подробнее см.: Фан Кэли. Сяньдай синьжусюэ юй чжунго сяньдайхуа [Современное конфуцианство и модернизация Китая]. Чанчунь, 2008. С. 276–277; Гань Чуньсун. Жусюэ гайлунь [Введение в конфуцианство]. Пекин, 2009. С. 207; Чэнь Пэн. Сяньдай синьжусюэ яньцзюэ [Исследование современного конфуцианства]. Фучжоу, 2006. С. 4–5. Дискуссия о периодизации истории конфуцианства отражена в российских исследованиях, напр.: Кобзев А.И. Указ. соч.; Ломанов А.В. Современное конфуцианство: Философия Фэн Юланя.
12. Чжан Сянцзе. Бяньсюй [Предисловие от редакторов] // Тан Цзюньи. Вэньхуа иши юйчжоулэ тэцзюэ [В поиске космолога культурного сознания] / под ред. Чжан Сянцзе. Пекин, 1992.
13. Тан Цзюньи. Лунь жусюэ цзунцзяосин [О конфуцианской религиозности] // Китайский Конфуций: сайт института культуры и Конфуция университета Цзюйфу. — 2000–2012. URL: <http://www.chinaconfucius.cn/Article/ShowArticle.asp?ArticleID=779> (дата обращения: 02.09.2012).
14. Marett R. The Threshold of Religion. London, 1909.

15. *Durkheim E.* Les formes élémentaires de la vie religieuse, le système totémique en Australie. Paris, 1912.
16. *Тан Цзюньи.* Указ. соч.
17. *Тан Цзюньи.* Чжунго жэньвэнь цзиншэнь чжи фачжань [Развитие гуманистического духа Китая]. Тайбэй, 2002. С. 343.
18. *Тан Цзюньи.* Во дуй чжэсюэ юй цзунцзяо чжицзюэцзэ [Мое сопоставление философии и религии] // Чжунго чжэсюэ сысян луныцзи [Сборник китайской философской мысли] / под ред. Сян Вэйсиня, Лю Фуцзэна: В 8 т. Тайбэй, 1978. Т. 8. С. 202.
19. *Его же.* Лисяндэ жэньвэнь шицзе [Идеалистический гуманистический мир] // Там же. С. 262.
20. Чубань цяньянь [Предисловие от издательства] // *Моу Цзунсань.* Чжунго чжэсюэцзэ тэчжи [Специфика китайской философии]. Шанхай, 1997.
21. Там же. С. 1.
22. Цит. по: там же. С. 2.
23. Там же. С. 2.
24. Там же. С. 11–12.
25. Там же. С. 6.
26. Вэнь Ван (1152–1056 гг. до н.э.) — Царь Просвещенный, посмертное имя родоначальника династии Чжоу. Сын Вэнь-вана, У-ван, подчинил себе весь Китай. Предполагается, что царем-ванам в действительности не царствовавший в Поднебесной Вэнь-ван был наречен потомками, подчеркнувшими этим, что он по своей мудрости был достоин престола. Подробнее см.: Чжоу Вэнь-ван // Китайская онлайн-энциклопедия. 2000–2012. URL: <http://baike.baidu.com/view/27933.htm> (дата обращения: 16.09.2012)
27. *Моу Цзунсань.* Указ. соч. С. 11–12.
28. *Кобзев А.И.* Указ. соч. С. 297.
29. *Моу Цзунсань.* Указ. соч. С. 91–93.
30. В данном случае имеются в виду «Движение за новую культуру» (1916–1917 гг.) и «Движение 4 мая» (1919 г.), имеющие как политическое, так и культурное измерение. В традиционной культуре, в том числе конфуцианстве, часть интеллигенции усматривала причину отсталости Китая. Некоторые (например, Ху Ши) ратовали за обращение к науке, демократии, свободе личности и другим плодам западной культуры. Другие (например, Лян Шумин) считали путь вестернизации гибельным для Китая.
31. Цит. по: *Моу Цзунсань.* Указ. соч. С. 91.
32. «Бостонское конфуцианство» — направление американской синологии. В нем принято выделять две школы: «северную» (главным представителем считается Ду Вэймин) и «южную» (Р.К. Невилл и его последователи). Подробнее см.: *Терехова Н.В.* Понятие конфуцианской традиции в бостонской школе современного неоконфуцианства // *Magister Dixit: Электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири.* 2011. № 4. 2011–2012. URL: <http://md.islu.ru/gu/journal/4> (дата обращения: 12.11.2012)
33. *Ду Вэймин* // Китайская онлайн-энциклопедия. 2000–2012. URL: <http://baike.baidu.com/view/586467.htm> (дата обращения: 06.12.2012)
34. *Его же.* Сяньдайсин юй уюйдэ шифан [Современность и стремление к материальному благополучию]. Пекин, 2008. С. 2–3.
35. Цит. по: *Его же.* Дуйхуа юй чуаньсинь [Диалог и инновации]. Гуйлинь, 2005. С. 51–52.
36. С целью оценки влияния западной культуры на молодежь Китая Ду Вэймин проводил эксперимент среди студентов Пекинского государственного университета, где он преподавал с начала 80-х гг. Студентам предлагался выбор между западными и китайскими ценностями. В 1985 г. китайские студенты выбирали справедливость (*гуньи*), сочувствие (*тунцин*), долг (*ю*), этикет (*ли*). К концу XX в. ситуация изменилась, уже в 1998 г. большинство выбрало свободу (*цзыю*), разум (*лиши*), право (*цзоаньли*), закон (*фачжи*) и личность (*гэти*). Подробнее см.: Там же. С. 120.
37. Цит. по: Там же. С. 177.
38. *Ломанов А.В.* Современное конфуцианство: философия Фэн Юланя. С. 13.

К вопросу о «тайваньской культурной идентичности»

© 2014

А. Кацмова

Объектом рассмотрения данной статьи является «тайваньская культурная идентичность» и понятие «тайваньской культуры» в ее противопоставлении культуре китайской. Характеризуются основные черты тайваньской культуры, позволяющие, прежде всего, представителям тайваньских националистов провозглашать ее уникальность в сравнении с культурой противоположного берега Тайваньского пролива.

Ключевые слова: «тайваньская идентичность», «тайваньская культурная идентичность», тайваньская культура, Движение за независимость Тайваня, отношения между берегами Тайваньского пролива.

Отношения между двумя берегами Тайваньского пролива уже на протяжении более чем полувека являются одной из ключевых геополитических проблем Азиатско-Тихоокеанского региона. Мирное объединение материкового Китая и Тайваня неизменно провозглашается одной из основных задач, стоящих перед правительством Китайской Народной Республики (КНР). За последние 25 лет отношения между двумя сторонами Тайваньского пролива прошли путь от напряженной конфронтации к активизации контактов как на официальном, так и на низовом уровне и сегодня находятся, пожалуй, в наилучшем состоянии за всю свою историю. Об этом, в частности, свидетельствует заявление о готовности КНР обсуждать подписание мирного соглашения с Китайской Республикой (КР), сделанное председателем КПК Ху Цзиньтао на прошедшем в ноябре 2012 года XVIII съезде КПК¹.

В ответ на это президент КР Ма Инцзю заявил, что в настоящее время у тайваньской общественности «имеется множество сомнений относительно «подписания мирного соглашения между двумя берегами Тайваньского пролива»². Президент КР постоянно подчеркивает необходимость учитывать общественное мнение жителей Тайваня, одной из важных составляющих которого является вопрос о так называемой «тайваньской идентичности», под которой чаще всего подразумевается идентификация жителями Тайваня себя в качестве «тайваньцев», а не «китайцев» и ограничение ими своего «воображаемого сообщества» рамками самого Тайваня и ряда мелких островов, на-

Кацмова Анна Сергеевна, старший преподаватель Кафедры истории Китая ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: annansja@yahoo.com.hk.

ходящихся под юрисдикцией КР³. Наличие у значительной части острова подобного особого «тайваньского сознания» воспринимается как одно из препятствий к будущему объединению Тайваня и материкового Китая и поэтому категорически отрицается официальным Пекином. Однако актуальность данной проблемы, крайне мало изученной в отечественной историографии, не подлежит сомнению большинства тайваньских и западных исследователей.

Автор данной статьи ставит своей целью рассмотреть одну из ключевых составляющих проблемы «тайваньской идентичности», а именно вопрос о «культурной идентичности» тайваньцев и о постулируемой пропагандистами «тайваньской идентичности» особой тайваньской культуре, противопоставляемой ими культуре китайской.

Вопрос о времени возникновения «тайваньской идентичности» волнует многих исследователей. Некоторые из них полагают, что «тайваньское самосознание» у жителей острова пробудилось в ходе борьбы с японским колониальным господством в 1895–1945 гг., другие прослеживают истоки данного явления в еще более раннем периоде, а именно во время пребывания острова в качестве территории империи Цин⁴. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что «тайваньская идентичность» на начальном этапе своего существования формировалась как противопоставление и отрицание «китайской идентичности», насаждаемой гоминьдановским правительством сверху после 1949 г.⁵ Осознание того, что большая часть жителей острова являются этническими китайцами, приводило к необходимости поиска особых черт тайваньской культуры, которые бы позволили говорить об ее уникальности в сравнении с китайской культурой и о базирующемся на ней особом «тайваньском самосознании».

Проблема определения культурного своеобразия и «этнического характера» жителей острова, а также факторов, повлиявших на его формирование, стала волновать научную общественность начиная с конца 1980-х—начала 1990-х годов, когда в результате демократизации политической системы Тайваня стало возможным в принципе обсуждение подобных вопросов⁶. Первые попытки рассмотрения данной проблемы велись в традиционном ключе отнесения тайваньцев к единой китайской нации. Так, например, в книге «Теория тайваньцев» журналист Сюй Цзунмао трактует особенности «этнического характера» жителей острова, практически причисляя их к обитателям китайской провинции Фуцзянь. Для него тайваньцы обладают отличительными чертами характера так же, как и жители других провинций Китая — таких, как Гуандун, Хунань, Чжэцзян и т.д. То есть Сюй Цзунмао воспринимает «тайваньскую идентичность» как локальную, не считая тайваньцев нацией, отличной от китайской⁷. Тот факт, что тайваньцы представляют собой общество эмигрантов, которое, как видно на примерах других стран, вполне может превратиться в самостоятельную нацию, воспринимается им, наоборот, как подтверждение китайских корней жителей острова, поскольку, по его мнению, миграция ханьцев на Тайвань отличается от других миграций тем, что «ханьцы переселялись на Тайвань не с целью отказаться от того, что у них было, а для того, чтобы сохранить структуру и форму своей первоначальной жизни»⁸. Те традиции, которые они привезли с собой, как считает автор, сохраняются практически в неизменном виде на Тайване до сих пор⁹. В качестве наиболее примечательных фигур, оказавших наибольшее влияние на развитие тайваньской истории, он называет Чжэн Чэнгуна и Чан Кайши¹⁰. Сюй пишет, что «несмотря на то, что у всех жителей Тайваня разные фамилии, однако они все считают себя потомками Чжэн Чэнгуна»; о месте основателя клана Чжэнов в сердцах тайваньцев свидетельствуют более сотни храмов, построенных в его честь по всему острову¹¹. Что касается Чан Кайши, то Сюй считает, что его мемориальный комплекс является строением с самым богатым «историческим содержанием» в Тайбэе¹². Однако, по мнению автора, Тайвань и его жители не сумели сохранить наследие этих исторических персонажей. Он оценивает «этнический характер» тайваньцев довольно скептически, считая основными его признаками «культуру тра-

гичности», «страх подвергнуться предательству», превалирование «этнического сознания»¹³ в качестве основного фактора политической жизни, «ужас перед реальным Китаем», «гордость и самодовольство в отношении своих условий жизни»¹⁴.

Совершенно иной взгляд на данную проблему представляют активисты движения за независимость Тайваня, которые в ответ на заявления КПК о суверенитете КНР над Тайванем, опирающиеся на факты из истории, культуры и международной политики, использовали те же исторические, культурные и международно-правовые аргументы, чтобы доказать, что Тайвань не принадлежит Китаю, что тайваньская культура отлична от китайской, и даже превосходит ее. В прошлом председатель Ассоциации профессоров Тайваня¹⁵, видный тайваньский историк Чжэн Циньжэнь в ряде статей за последние 20 с лишним лет, опубликованных в сборнике «Теория тайваньского государства: историко-культурное сознание и формирование гражданского самосознания», подчеркивая важность культуры для формирования «национальной идентичности», отмечает, что «культурное сознание должно быть поднято до уровня гражданского самосознания, тем самым став вершиной идентификации с государством»¹⁶.

В литературе можно найти несколько факторов определения «тайваньской идентичности», основными из которых являются китайская (ханьская) культура и культура аборигенных племен¹⁷, островное положение Тайваня, влияние всех государств, когда-либо колонизировавших Тайвань (Испания, Голландия, Япония), а также роль глобализации и распространения западной культуры и ценностей (прежде всего в результате тесных связей между Китайской Республикой и США). Упомянутый выше Чжэн Циньжэнь также называет «плюралистичность» одной из главных особенностей тайваньской культуры, которая помимо культуры ханьцев (представляющей из себя так называемые «старые традиции») включает в себя и черты культур других «рас» (*чжулицзу*), постепенно инкорпорировавшиеся в культуру острова и составившие ее «новые традиции»¹⁸.

Некоторые наиболее ярые сторонники движения за независимость Тайваня и отрицания каких-либо связей между Тайванем и Китаем считают, что «определение национальной идентичности на основании культуры только одного этноса [то есть ханьского] является неумажением по отношению к национальным меньшинствам [то есть к аборигенным племенам]»¹⁹, и стремятся доказать существенную роль культуры аборигенных племен в формировании «тайваньской идентичности». Так, например, тайваньский писатель У Цзиньфа в одной из своих статей отмечает, что «местом происхождения австронезийских племен является Тайвань», а также что, по свидетельствам археологических исследований, «история их существования на Тайване насчитывает более шести с половиной тысяч лет», что «гораздо дольше, чем «история в пять тысяч лет» ханьской нации, провозглашаемая Китаем»²⁰. Схожей точки зрения придерживается У Минча, который полагает, что «четко выразить, что Тайвань отличается от Китая, возможно только при условии полноценного включения аборигенного фактора»²¹. Подобные умозаключения относятся скорее к сфере популистских политизированных лозунгов и не встречаются у наиболее авторитетных исследователей. Но все же не случаен тот факт, что повышенный интерес к истории и культуре аборигенных племен, выражаемый в проведении посвященных им многочисленных выставок, семинаров, концертов и других мероприятий, а также мода среди тайваньцев на поиск аборигенных корней в своих родословных проявились именно в первые годы нынешнего века, когда у власти находилась партия Демократическая прогрессивная партия (ДПП), известная как главный носитель идеи независимости Тайваня.

Иная позиция, имеющая лучшее подкрепление в виде исторических источников и распространенная в среде большинства тайваньских националистов, подчеркивает историко-культурные различия с Китаем, при этом не отрицая факта, что подавляющая часть населения по обе стороны Тайваньского пролива имеет общее этническое происхождение²². Цитируемый выше историк Чжэн Циньжэнь, называя Тайвань «многонаци-

ональным государством», считает, что концепции вроде «Мы все потомки Желтого императора» или «потомки Огненного и Желтого императоров» (*Янь Хуан цысунь*), насаждаемые партией Гоминьдан на острове, являются несостоятельными²³.

Чжэн Циньжэнь является сторонником отнесения Тайваня к так называемой «островной (океанической) культуре» (*хайян вэньхуа*), формировавшейся на Тайване на протяжении 400 лет его письменной истории (то есть с начала массового освоения острова выходцами с материка и его колонизации западными державами — Испанией и Голландией). В данной связи Тайвань как островное, а следовательно, более открытое, общество, воспринимающее инновации и прогресс из внешнего мира, противопоставляется материковому Китаю, который символизирует консервативность и косность. Как подчеркивают сторонники этой концепции, Тайвань начиная с XVII в. непрерывно находился под управлением иностранных держав (в число которых наряду с Испанией, Голландией и Японией включается также и КР), тем самым «тайваньская культура» испытала на себе влияние всех перечисленных стран. Как отмечает в одной из своих статей известный тайваньский современный писатель из хакка²⁴ Ли Цяо, «ханьская культура является лишь одним из источников тайваньской культуры». Ли выделяет следующие признаки, которые «тайваньская культура» позаимствовала соответственно у аборигенных племен, ханьского эмигрантского общества, различных религий, распространенных на Тайване, а также у японцев и западных стран после Второй мировой войны: 1) «открытость», «уважение к природе», «скромность», «дальновидность и искренность». «сплоченность», «большое внимание к жизни, культуре и образованию молодежи»; 2) «эмигрантский дух», выражающийся в «готовности рисковать и терпеть бедствия» и в «горячей дружбе и взаимопомощи»; 3) «человеколюбие», «уважение к своей земле»; 4) «рационализм», «прямолинейность», «законно-правовая основа», а также «либерально-демократические убеждения», «рациональный законопорядок» и «научный подход»²⁵.

Очень поэтичное определение «островного характера» тайваньцев предлагает в своей статье еще один представитель лагеря сторонников независимости острова Чэнь Лунчжи. По его словам, «в глазах народа островного государства не существует ничего, что могло бы служить препятствием, нет задач, которые невозможно было бы исполнить, весь мир представляет собой сцену, где можно проявить свои таланты»²⁶.

Особое место среди иностранных держав, когда либо управлявших Тайванем, с точки зрения их влияния на тайваньскую культуру, занимает Япония. На Тайване невооруженным глазом можно увидеть большое количество внешних проявлений этого влияния: нынешняя тайваньская молодежь очень восприимчива к различным явлениям современной японской культуры (комиксы «манга», музыка, кино, мода), японская кухня пользуется огромной популярностью, большая часть технических новшеств, вводимых на Тайване, заимствуется из Японии (по японскому образцу на острове построены метро, высокоскоростная железная дорога и т.д.), в тайваньском варианте китайского языка (и особенно в *тайюй* (южнофуцзяньском диалекте) имеется большое количество слов японского происхождения, японский язык в целом достаточно широко распространен (особенно среди пожилого поколения тайваньцев, родившихся в годы японского колониального господства и испытавших на себе значительное влияние «политики превращения в подданных императора»²⁷) и т.д.²⁸. С этой точки зрения интересна также история бейсбола, который без преувеличения можно назвать «национальным видом спорта» Тайваня. Бейсбол попал на остров в годы японского колониального господства, целью его внедрения было распространение среди тайваньцев ценностей и образа жизни метрополии. Эта игра очень быстро стала одним из основных видов досуга жителей острова, главной причиной чего, по свидетельствам исследователей данного вопроса, стала возможность для тайваньцев посредством бейсбола доказать, что они не хуже, а иногда, при условии наличия справедливых правил игры, даже лучше колонизаторов. Бейсбол продолжил играть роль «этнического символа» тайваньцев и после

передачи острова под власть КР, оставаясь одним из признаков различия между коренным населением («бэньшэнжэнями») и переселенцами («вайшэнжэнями»), поскольку игра в бейсбол как часть японского колониального наследия не приветствовалась новыми властями и сохранялась лишь в среде коренного населения острова в качестве «страстного увлечения без поддержки государства»²⁹.

Что касается влияния, оказанного Японией на формирование «этнического характера» тайваньцев, то его наличие также не подвергается сомнению. Однако оценки степени и роли данного влияния в последующем развитии Тайваня порой разнятся коренным образом. В любом исследовании или статье, затрагивающих данный вопрос, можно встретить ставшие уже шаблонными заявления, что жители острова за 50 лет существования в качестве японской колонии восприняли такие особенности населения метрополии, как любовь к порядку, к чистоте окружающей среды. Повсеместно подчеркивается, что Тайвань в это время превратился в «преклоняющееся перед законопорядком» «высокоцивилизованное» общество, которое впоследствии попало под управление «малочивилизованного» китайского правительства³⁰. Некоторые авторы оценивают описанные выше характеристики как положительный вклад Японии в развитие Тайваня. Их мнение разделяют и многие активисты движения за независимость острова. В частности, одной из новостей, некогда всколыхнувших общественность КНР, было обращение Люй Сюлянь, занимавшей тогда пост вице-президента Тайваня, к японскому правительству, в котором она «благодарила японо-китайскую войну 1894–95 годов и Симонсекский мирный договор», что было интерпретировано как положительное восприятие передачи Тайваня под власть Японии и его изоляции от материкового Китая³¹.

Однако в лагере сторонников создания независимого тайваньского государства существует и несколько иная точка зрения на этот счет, красноречиво выраженная в статье-анонсе семинара-обсуждения книги американского антрополога Рут Бенедикт (1887–1948) «Хризантема и меч» (1946), проводимого Нью-Йоркским отделением Союза тайваньских писателей, проживающих за рубежом:

Прочитав книгу «Хризантема и меч», автор считает, что подобная иерархизированная культурная модель довоенной Японии представляет собой культурную модель, при которой «подчиняющийся мне процветает, идущий мне наперекор погибает», а также культуру, в которой ценность человеческой жизни не уважается. [Жители] Тайваня в прошлом на протяжении 50 лет были покорным народом в условиях описанной выше японской культурной модели и классовой системы, введенной японцами, вели спокойную жизнь, в которой не было коррумпированных чиновников и ночью можно было не закрывать дверь. Тайваньцы за этот период также восприняли японский дух законопослушности, смиренности и усердности, однако в то же время потеряли национальное достоинство. После безоговорочной капитуляции Японии в прошлом находившиеся под ее колониальным управлением государства, например, Корея, а также оккупированные ею территории отвергли японскую культуру, в поисках собственной национальной идентичности и достоинства заняли свое место в мире. Лишь на Тайване по-прежнему многие представители интеллигенции и общественной элиты горячо тоскуют и устремляются сердцем к японской культуре и духу, позабыв об унижении пребывания в качестве людей второго сорта. Тайваньцам необходима бдительность, укрепление духа поиска утраченного Тайваня. Только в этом случае можно избежать непрерывного губительного влияния и разрушения тайваньской культуры и достоинства со стороны пришлых властей»³².

При этом следует также отметить наличие на Тайване мнения, согласно которому влияние Японии на культуру Тайваня является лишь поверхностным. По мнению цитируемого выше журналиста Сюй Цзунмао, тайваньцы лишь учились у японцев их языку и манере одеваться. Те черты японской культуры, которые были переняты тайваньцами, уже в том или ином виде были заложены в тайваньском «этническом характере»

или по крайней мере не могли вызвать «сущностного конфликта». Так, например, в сфере ведения бизнеса тайваньцы переняли способность японцев заимствовать и применять иностранные технологии, при этом способность японцев работать «круглый год без отдыха» на острове не прижилась, поскольку «противоречит традициям и убеждениям», существующим здесь³³.

Еще одним явлением, которое широко воспринимается тайваньцами как одна из составляющих особой тайваньской культуры, является влияние глобализации, «углубляющей локальность «тайваньской идентичности». В то время, как многие авторы по всему миру говорят о кризисе национальных культур под ударом глобализации, для тайваньцев включение черт «глобальной культуры» обеспечивает «продолжение существования местной тайваньской культуры»³⁴. По утверждению профессора Университета Цинхуа (Тайбэй) Ляо Бинхуэя, глобализация (*цюаньцюхуа*) и локализация (*бэньтхуа*) «вовсе не противоречат друг другу», под глобализацией имеется в виду «межрегиональное движение, в особенности циркуляция людей, капитала, технологий, образов, музыки и идей. Эти культурные формы достигают нового места, здесь переживают трансформацию, путем заимствований и развития формируют новую систему. Это и есть локализация»³⁵. Что касается Тайваня, то, по мнению многих исследователей, он был вовлечен в процесс глобализации задолго до возникновения дискуссии относительно данной тенденции в 1970–80-х гг., а именно начиная с XVII в., когда остров стал частью международных торговых отношений.

Довольно часто стремление к глобализации в качестве ведущей тенденции развития тайваньской культуры представляется в качестве альтернативы китанизации. Как подчеркивает Чжэн Циньжэнь, «в современном мире уже создана общая цивилизационная основа, поэтому целью, к которой нужно стремиться, должна быть «интернационализация» (*гоцзихуа*), а не «китанизация» (*чжунгохуа*), поскольку «восприятие различных культур извне в конце концов будет [способствовать] развитию собственной уникальной культуры». По его мнению, «становление государства на основе международного обмена» само по себе заложено в характере «островного государства», к которому относят Тайвань и об особенностях которого речь шла выше. «Впитывание иностранных культур» является «движущей силой культурного развития» подобного государства³⁶.

Еще одним важным элементом «тайваньской культурной идентичности», которому уделяется большое внимание со стороны политических сил, выступающих за укрепление «тайваньского самосознания», является использование так называемого «тайваньского языка» (*тайюй* или *тайваньхуа*), под которым имеется в виду южнофуцзяньский диалект (*миньнаньхуа*), распространенный в основном среди представителей этнической группы хокло. Во время президентства Чэнь Шуйбяня (2000–2008) владение этим диалектом стало своего рода неофициальным критерием деления на «своих» и «чужих». Неся на себе исторический багаж «первородного греха», многие политики из числа «вайшэнжэней» стали вынуждены доказывать свою принадлежность к большинству, демонстрируя умение разговаривать на *тайюй* для получения голосов избирателей. В противном случае они могли подвергнуться нападкам со стороны «зеленого» лагеря за «безразличие к тенденциям тайваннизации» или даже за «непатриотичность»³⁷. Выходцев с материка в целом обвиняли в том, что они «питаются тайваньским рисом, пьют тайваньскую воду, живут на тайваньской земле, но не знают тайваньский язык»³⁸.

Следует отметить, что выделение одного из диалектов острова в качестве главного вызывало недовольство не только со стороны «вайшэнжэней», но и других этнических групп острова, прежде всего хакка³⁹. Например, существуют свидетельства, что представители хакка, вступающие в ДПП, должны были признать, что южнофуцзяньский диалект — это и есть «тайваньский язык»⁴⁰. Дискуссии по этому поводу можно было встретить не только на политическом уровне, но и в бытовой среде. Так, например, один из участников беседы в «фокусной группе», проводимой в рамках исследовательск-

ого проекта Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня (правительства) КР и Центра исследований выборов Университета Чжэнчжи, вспоминает свой диалог с водителем такси, который требовал от него говорить на «тайваньском языке» вместо общепринятого «государственного языка», в ответ на что участник беседы стал говорить на диалекте хакка, заявив, что «хакка — это тоже тайваньцы» и диалект хакка — это «тоже тайваньский язык»⁴¹.

Политика по распространению «государственного языка», проводимая партией Гоминьдан в период действия на острове военного положения и требующая в общественных местах говорить только на «гоюй», также вызывает недовольство многих «бэньшэньжэней». Многие вспоминают наказания или даже денежные штрафы, которым они подвергались за использование своих диалектов или за неправильное произношение слов на «государственном языке» в школе⁴².

Однако, несмотря на усилия политиков «зеленого» лагеря, направленные на популяризацию диалектов в обществе, общая тенденция такова, что современное молодое поколение тайваньцев практически не говорит на языках своих предков. Практически все участники «фокусных групп» заявили, что, если дома в беседах со старшим и средним поколением все же используется один из диалектов, то с детьми родители в основном говорят на «гоюй»⁴³. В политической же сфере, во время телефонного опроса общественного мнения, проводимого в рамках упоминаемого исследования Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня (правительства) КР и Центра исследований выборов Университета Чжэнчжи, 61,9% респондентов на вопрос о том, согласны ли они с утверждением, что «любить Тайвань означает говорить на собственном языке», ответили отрицательно⁴⁴.

В целом нельзя отрицать того факта, что тайваньская культура и образ жизни действительно отличаются от материкового Китая. Это может почувствовать любой человек, имеющий тесные контакты с жителями двух берегов Тайваньского пролива. При этом может показаться, что данные различия не носят радикального характера и вызваны скорее лучшим экономическим положением и более высоким уровнем жизни населения Тайваня по сравнению с КНР, чем какими-то фундаментальными культурными факторами. Понятие «тайваньская культура», возможно, во многом является конструктом, создаваемым искусственным образом в попытках определенных политических сил сформулировать основание для существования «тайваньской идентичности» и, соответственно, самостоятельного тайваньского государства. Можно не разделять целиком точку зрения некоторых исследователей, согласно которой в результате игнорирования «существенной составляющей колорита ханьской нации» в культуре Тайваня, основание, на котором активистами движения за независимость острова строится эта культура, становится «крайне узким», тем самым «сужается организм данной культуры, ограничивается ее жизнеспособность, творческая инициатива и потенциал к распространению в широких слоях общества»⁴⁵. Однако в то же время стремление наиболее радикальных представителей из лагеря тайваньских националистов создать образ тайваньской культуры, полностью исключив из нее китайское наследие, также вряд ли закономерно и оправданно с исторической точки зрения. Нельзя отрицать влияние, оказанное теми историческими условиями, в которых на протяжении последних 400 лет находился Тайвань, на формирование особого менталитета жителей острова. Однако степень данного влияния и его конкретное содержание подлежат дальнейшему изучению.

1. Ху Цзиньтао: сешан дачэн лянъань хэпин сеи [Ху Цзиньтао: консультации по достижению соглашения между двумя берегами Тайваньского пролива]// Агентство Синьхуа, 08.11.2012. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2012-11-08/105125536942.shtml>.

2. Ли Чжэнсю. Ляньань гуаньси цзоусян: гунгу сяньчжуан, хэпин фачжань [Направление развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива: укрепление статуса-кво, мирное развитие] // Фонд исследований национальной политики. 2012. 14 нояб. URL: <http://www.npf.org.tw/post/1/11614>.
3. При этом конкретное содержание данного понятия отличается у разных исследователей, которые под «тайваньской идентичностью» могут подразумевать идентичность «национальную» (*миньцзу жэньтун*), «государственную» (*гоцзя жэньтун*), «национально-государственную» (*гоцзу жэньтун*), «этническую» (*цзуюнь жэньтун*). Подобные терминологические расхождения могут являться темой отдельного исследования в рамках изучения проблемы «тайваньской идентичности» и не входят в задачи автора при написании данной статьи. См.: Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестн. МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 2. С. 27–39.
4. В основном подобная тенденция характерна для представителей Движения за независимость Тайваня в ранний период его существования (1950–19860-е гг.). Так, например, некоторые тайваньские националисты трактуют мятеж Го Хуайи 1652 г., вызванный протестами против высоких налогов, собираемых голландской администрацией с населения острова, как «пробуждение национального самосознания тайваньцев». Такие же оценки даются и многочисленным восстаниям тайваньцев в период нахождения острова под властью империи Цин (см.: Meisner M. The Development of Formosan Nationalism // The China Quarterly. 963. № 15. Jul.-Sep. С. 92).
5. Политика «китаизации» и «деяпонизации» населения острова началась еще в 1945 г., после того, как Тайвань был передан под управление Китайской Республики в результате поражения Японии во Второй мировой войне. В учебных заведениях и в средствах массовой информации велась активная пропаганда китайской культуры и истории, подчеркивалась принадлежность тайваньцев к единой китайской нации. Особое недовольство жителей острова вызывал запрет гоминьдановских властей на использование японского языка и южнофуцзяньского диалекта в общественных местах, где предписывалось говорить на китайском «государственном языке» (*гоюй*). «Культурный конфликт» между тайваньцами, на протяжении 50 лет японского колониального господства не имевших практически никаких контактов с материковым Китаем, и китайцами, по понятным причинам крайне подозрительно относившихся к бывшим подданным Японской империи, с которой Китай вел длительную кровопролитную войну, является одной из наиболее обсуждаемых тем в новейшей истории Тайваня и называется в качестве одного из основных факторов отчуждения между «бэньшэньжэнями» (букв. «людьми из этой провинции», предки которых переселились на Тайвань до 1945 г.) и «вайшэньжэнями» («людьми из внешних провинций», прибывшими на остров после 1945 г.) и возникновения у первых «тайваньской идентичности». После эвакуации гоминьдановского правительства на Тайвань в результате его поражения в Гражданской войне с КПК в 1949 г. остров превратился в базу для последующего возвращения ГМД на материк и уничтожения «коммунистических бандитов». В данных условиях необходимость насаждения на Тайване «китайской идентичности» стала еще более острой.
6. С 1948 по 1987 гг. на Тайване действовало военное положение, в условиях которого на острове был введен комендантский час, существовал запрет на создание новых политических партий, действовала строгая цензура и т.д. В Конституцию КР были внесены поправки, согласно которым один и тот же человек мог переизбираться на президентский пост неограниченное количество раз. Начало демократизации общественно-политической жизни острова было положено в конце 1970-х—начале 1980-х гг., что было вызвано изменением международного статуса Тайваня после передачи места КР в Совете Безопасности ООН КНР в 1971 г. и требованиями проведения либерализации политической системы острова со стороны его главного союзника — США. Однако полномасштабная демократизация развернулась в конце 1980-х гг. после смерти Цзян Цзингю (президент КР в 1978–1988 гг.) и вступления в должность президента КР Ли Дэньхуэя — первого «бэньшэньжэня» в истории Тайваня, занявшего этот пост.
7. Сюй Цзунмао. Тайваньжэнь лунь [Теория тайваньцев]. Тайбэй, 1993.
8. Автор имеет в виду тот факт, что наиболее массовые миграции ханьцев на Тайвань происходили в условиях завоевания Китая другими нациями (чжурчжэнями в XII в., монголами в XIII в. и маньчжурами в XVII в.) и падения китайских империй Сун, Южная Сун и Мин соответственно, когда жители прежде всего прибрежных районов страны, не желая подчиняться новым властям, часто под девизом верности навшей династии, покидали Китай и переселялись на Тайвань.
9. Там же. С. 27.

10. Чжэн Чэнгун (1624–1662) — лидер антиманьчжурской борьбы под девизом реставрации династии Мин. в 1662 г. изгнанный с Тайваня голландскую администрацию. Клан Чжэнов правил островом до 1683 г., когда внук Чжэн Чэнгуна Чжэн Кэшуан подписал указ о передаче Тайваня под власть империи Цин.
Чан Кайши (1887–1975) — лидер партии Гоминьдан и президент Китайской Республики (КР), с 1927 г. ведший непримиримую борьбу с Коммунистической партией Китая (КПК). После поражения Гоминьдана в Гражданской войне КПК в 1949 г. правительство КР эвакуировалось на Тайвань, где Чан Кайши неизменно занимал должность президента КР вплоть до своей смерти в 1975 г.
11. Сюй Цзунмао. Указ. соч. С. 16, 18.
12. Там же. С. 16.
13. Под «этническим сознанием» (*цзүцюнь иши*) подразумевается напряжение в отношениях между «бэньшэнжэнями» и «вайшэнжэнями», которое в настоящее время, по свидетельству многих исследователей, практически сошло на нет, однако приобретает определенную остроту в условиях политической борьбы между «синим» (партии Гоминьдан и Циньминьдан) и «зеленым» (партия Миньцзиньдан (ДПП) и Союз солидарности Тайваня) лагерями в ходе предвыборных кампаний указанных политических сил.
14. Сюй Цзунмао. Указ. соч. С. 77.
15. Ассоциация профессоров Тайваня (TAUP, Taiwan Association of University Professors) основана в 1990 г. с целью «объединения членов академического сообщества, прилагающих усилия к созданию независимого Тайваньского государства, для способствования политической демократии, академической свободе, социальной справедливости, экономическому равноправию, культурному развитию, защите окружающей среды и миру во всем мире». См. интернет-сайт Ассоциации. URL: <http://www.taup.net/index.php/abouttaup/getting-started>
16. Чжэн Циньжэнь. Тайвань гоця лунь: лиши вэньхуа иши юй гоминь иши дэ синчэн [Теория тайваньского государства: историко-культурное сознание и формирование национального сознания]. Тайбэй, 2009. С. 65.
17. Аборигенные племена (*юаньчжуминь*) — коренное население острова, относящееся к австронезийским (или малайско-полинезийским) племенам, которые по своим обычаям, языку и фольклору наиболее близки к коренным жителям современных Филиппин и Индонезии.
18. Чжэн Циньжэнь. Указ. соч. С. 24–26. Автор считает, что «новые традиции», которые развивались на протяжении последних 400 лет истории Тайваня в пределах самого острова и характерны для последних нескольких поколений его жителей, в отличие от «старых традиций», которые можно проследить лишь у далеких предков, являются особенно важными для формирования «современного государства» на Тайване.
19. Ши Чжэнфэн. Миньцзу цыцзюэцюань — Тайвань дули цзяньго дэ миньцзу чжун гуаньдянь [Право наций на самоопределение — националистический взгляд на создание на Тайване независимого государства] // Тайвань дули дэ лилуо юй лиши [Теория и история движения за независимость Тайваня] / под ред. Чжуан Ваньшоу. Тайбэй, 2002. С. 197. В этой же статье Ши Чжэнфэн высказывает мысль, что Тайвань должен стать государством, в котором сосуществуют две равноценные нации (ханьцы и аборигенные племена), последние не должны быть «нацией внутри нации» (Там же. С. 206).
20. У Цзиньфа. Вэй «Юаньчжуминь вэньсюэ чжуаньцзи» шо цзи цзюй хуа [Несколько слов к специальному выпуску журнала «Литература аборигенных племен»] // «Вэньсюэ Тайвань» [Литературный Тайвань]. Тайбэй, 2002. № 4. С. 9–10. Цит. по: Цзян Ихуа. Цзюю чжун, миньцзу чжун юй гоця жэньтун [Либерализм, национализм и государственная идентичность]. Тайбэй, 1998. С. 149.
21. У Мича. Пинлунь Ляо Бинхуэй чжу «Цзюцюнь юй миньцзу чжун» [Рецензия на статью Ляо Бинхуэя «Этносы и национализм»] // Тайвань миньцзу чжун [Тайваньский национализм] / под ред. Ши Чжэнфэна. Тайбэй, 1994. С. 119. Цит. по Цзян Ихуа. Цзюю чжун, миньцзу чжун юй гоця жэньтун [Либерализм, национализм и государственная идентичность]. С. 150.
22. Так, например, Фань Вэньфан в своей статье заявляет, что смысл «декитаизации» Тайваня заключается не в том, чтобы отрицать факт китайского происхождения тайваньцев или наличия элементов китайской культуры в культуре острова, а в том, чтобы избавиться от негативных черт китайской культуры, имеющихся в тайваньской культуре с целью ее улучшения и создания независимого суверенного государства (см.: Фань Вэньфан. Юйянь сюэчжэ лунь Тайду [Неза-

- висимость Тайваня в рассуждениях филологов] // Тайвань дули дэ лилунь юй лиши [Теория и история движения за независимость Тайваня] / под ред. Чжуан Ваньшоу. С. 178).
23. *Чжэн Циньжэнь*. Указ. соч. С. 64. Яньди (Огненный император) и Хуанди (Желтый император) — мифические герои, почитаемые в качестве основателей китайской нации (*Чжунхуа миньцзу*).
24. Одна из «четырех основных этнических групп» (*сы да цзуюнь*) Тайваня наряду с хокло, «вайшэнжэнями» и аборигенными племенами. Предки большинства хакка (*кэцзяжэнь*), проживающих в настоящее время на Тайване, переселились на остров из области Чаочжоу в современной провинции Гуандун, в отличие от хокло (*хэложэнь* или *миньнаньжэнь*), местом происхождения которых являются области Цюаньчжоу и Чжанчжоу на юге нынешней провинции Фуцзянь.
25. *Ли Цяо*. Тайвань «гоцзя» дэ жэньтун цзегоу [Структура идентичности тайваньского «государства»] // Гоцзя жэньтун сюэшу яньтаохуэй луньвэньцзи [Сборник научных статей научного семинара о национальной идентичности] / под ред. Ли Хунси. Тайбэй. 1993. С. 215–226. Цит. по: *Цзян Ихуа*. Цзыю чжун, миньцзу чжун юй гоцзя жэньтун [Либерализм, национализм и государственная идентичность]. С. 152.
26. *Чэнь Лунчжи*. «Тайвань дэ дули юй цзяньго» — фасин саныши и нянь хоу дэ хуэйгу юй чжэньван [«Независимость Тайваня и создание государства» — воспоминания и взгляд в будущее через 31 год после выпуска] // Тайвань дули дэ лилунь юй лиши [Теория и история движения за независимость Тайваня] / под ред. Чжуан Ваньшоу. С. 85.
27. Политика превращения в подданных императора (яп. *коминка*, кит. *хуанминьхуа*) проводилась на Тайване в 1937–1945 гг. в условиях необходимости для нужд войны Японии против Китая максимальной лояльности по отношению к метрополии жителей колонии. Большинство из которых были этническими китайцами.
28. В первые годы авторитарного правления на острове партии Гоминьдан использование японского языка даже служило своего рода способом выражения молчаливого протеста по отношению к действующей власти. Так, например, тайваньская студентка Трисия Линь в своей статье, подготовленной для конференции по истории и культуре Тайваня, проводимой в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, вспоминает, что в детстве она часто слышала, как ее отец пел песни на японском языке, тем самым выражая свои эмоции и чувства относительно подчиненного положения бэньшэньжэней после прихода к власти ГМД (см.: *Lin, Yi-Chun Tricia*. Snaps of a Childhood Revisited: Music and Taiwanese Identity // Fifth Annual Conference on the History and Culture of Taiwan, University of California at Los Angeles, 2000, October, 14. URL: http://www.international.ucla.edu/cira/paper/TW_Lin.pdf). Американский исследователь Морис Майснер, опираясь в основном на статьи журнала «Formosan Quarterly», выпускавшегося в 1960–1970-х гг. в Токио одной из организаций Движения за независимость Тайваня — Ассоциацией тайваньской молодежи (*Тайвань циньянь хуэй*), также отмечал присутствие «культурного национализма» тайваньцев в форме продолжения использования японского языка и различных японских привычек и образа жизни в быту. По заявлению Майснера, «для старшего поколения тайваньцев использование японского языка и японских традиций — это в основном дело привычки. Для молодых тайваньцев это обычно осознанная попытка утверждения своей Тайваньской идентичности» (см.: *Meisner M.* The Development of Formosan Nationalism. С. 102).
29. *Wang Simei*. Taiwanese Baseball: A Story of Entangled Colonialism, Class, Ethnicity, and Nationalism // Journal of Sport and Social Issues. 2009. № 33. С. 360–361.
30. *Сюй Цзунмао*. Указ. соч. С. 89.
31. Миньцзиньдан «Сы да тяньван» цяньлу манман [Туман на пути «четырех небесных владык» партии Миньцзиньдан] // Интернет-версия газеты «Жэньминь жибао» 09.05.2006. URL: <http://tw.people.com.cn/GB/14811/14869/4355266.html>.
32. *Кэ Цзиньинь*. 5/22 Чжаохуэй шило дэ Тайвань цзиншэнь=Яньтао Жиэнь вэньхуа дуй Тайвань дэ инсян-Цзюйхуа юй цзянь [22 мая 2011 года: Дух поиска утраченного Тайваня. Обсуждение влияния японской культуры на Тайвань. «Хризантема и меч»]. URL: <http://www.taiwanus.net/news/press/2011/201105150457401581.htm>.
33. *Сюй Цзунмао*. Указ. соч. С. 187.
34. *Lin Yi-Chun Tricia*. Snaps of a Childhood Revisited: Music and Taiwanese Identity.

35. *Ляо Бинхуэй*. Бэньтухуа юй цюаньцзюхуа дэ тяочжань [Вызовы локализации и глобализации] // Синь шицзи чжюкю луньтань [Форум мозгового центра культурно-образовательного фонда «Новый век»]. Тайбэй, 2003. № 22, 30 июня. С. 32.
36. *Чжэн Циньжэнь*. Указ. соч. С. 82–83. Одной из главных ценностей мировой (а точнее, западной) цивилизации, осуществленной на Тайване, считается демократия, которая по мнению многих авторов, должна стать культурным и объединяющим фактором «тайваньской идентичности» в целом (см.: *Lu Sherry*. *Taiwanese Identity: From Ethnonationalism to Civic Nationalism* // University of Toronto's Munk School of Global Affairs, 2010. 2 Febr. URL: http://webapp.mcis.utoronto.ca/ai/pdfdoc/lu_tfs.pdf).
37. *Lee Wei-chin*. *Taiwan's "Cultural Revolution": Identity Politics and Collective Action Since 2000*. Chicago: American Political Science Association, 2004. URL: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/0/6/1/6/4/pages61647/p61647-1.php.
38. Цзюцюнь вэньти дэ тичу юй «сы да цзюцюнь» хуафэнь [Постановка этнической проблемы и выделение «четырех основных этнических групп»]. URL: <http://news.qq.com/a/20060117/001419.htm> (дата публикации: 17.01.2006)
39. Хотя распространение их диалектов также получило внимание со стороны властей. В частности, было открыто довольно большое количество передач, и даже телеканалов, вещающих на языках хокло, хакка и аборигенных племен. В школах в районах с компактным проживанием какой-либо из этнических групп увеличилось количество учебных часов для преподавания «родных языков» и т.д.
40. *Сюй Цзунмао*. Указ. соч. С. 196. Автор даже в отношении этой ситуации использует выражение «шовинизм хокло». С. 197.
41. Записи бесед в «фокусных группах» // *Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Сунфэнь, Ю Цинсинь, Чэнь Чжэньвэй, Чжан Явэнь*. Тайвань жэньтун дэ цюань юй чжэньчжи сяого чжи яньцзю: Синчжэньюань гоцзя кэсюэ вэйюаньхуэй чжуаньти яньцзю цзихуа чэнго баогао [Происхождение и политические последствия «тайваньской идентичности»: доклад о результатах исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня]. Тайбэй, 2009. С. 221. URL: <https://srda.sinica.edu.tw/group/sciitem/3/1134>.
42. Там же. С. 212. При этом некоторые из участников бесед в своих высказываниях даже одобряют политику ГМД по распространению «государственного языка», считая, что в противном случае хакка и хокло не понимали бы друг друга. Там же. С. 287.
43. Там же. С. 206–208, 258–259, 286.
44. Телефонные опросы общественного мнения // *Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Сунфэнь, Ю Цинсинь, Чэнь Чжэньвэй, Чжан Явэнь*. Тайвань жэньтун дэ цюань юй чжэньчжи сяого чжи яньцзю: Синчжэньюань гоцзя кэсюэ вэйюаньхуэй чжуаньти яньцзю цзихуа чэнго баогао [Происхождение и политические последствия «тайваньской идентичности»: доклад о результатах исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня]. С. 103. URL: <https://srda.sinica.edu.tw/group/sciitem/3/1134>.
45. *Сюй Цзунмао*. Указ. соч. С. 91.

В Обществе российско-китайской дружбы

В ОРКД и ИДВ РАН обсудили историческую прозу Евгения Анташкевича*

11 декабря 2013 года в Культурно-информационном центре ОРКД и Института Дальнего Востока Российской Академии наук (ИДВ РАН) состоялось обсуждение романов Евгения Анташкевича «Харбин» и «33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине», в основу которых положены судьбы русских эмигрантов и действительные события, происходившие на Дальнем Востоке России и СССР, а также в Маньчжурии от конца XIX до 90-х годов XX века.



* Евгений Михайлович Анташкевич – по образованию юрист-правовед со знанием китайского языка, главный редактор Российской центральной студии документальных фильмов (РЦСДФ), полковник в отставке. В настоящее время Евгений Анташкевич заканчивает книгу о Первой мировой войне, которая войдет в трилогию под общим названием «Харбин».

В качестве ведущего выступил Председатель Общества российско-китайской дружбы, директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН, лауреат Государственной премии Российской Федерации, Михаил Титаренко, Почётный гражданин города Харбина. Присутствовали: доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель Председателя Общества российско-китайской дружбы, профессор Юрий Галенович; первый заместитель Председателя Общества российско-китайской дружбы, старший научный сотрудник ИДВ РАН, заслуженный работник культуры РФ Галина Куликова; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН (ИВ РАН) Юрий Чудодеев; научные сотрудники Института Дальнего Востока РАН; члены Центрального Правления ОРКД; представители московского отделения Ассоциации «Харбин»; представители издательства «Центрполиграф», российских и зарубежных СМИ. От Посольства КНР в РФ в презентации приняла участие второй секретарь Посольства госпожа Чэнь Чжэ.

Евгений Анташкевич сделал доклад об использованных в процессе работы над книгами источниках. В их число (свыше 100 наименований) вошли исследования историков и культурологов по теме русской эмиграции, в том числе в Маньчжурии (Е.П.Таскиной, Г.В.Мелиховым, Н.Е. Абловой), дневники, письма, воспоминания известных харбинцев (В.А.Слободникова, Н.А.Байкова, Н.В.Устрялова), документальные исследования по истории Гражданской и Первой мировой войн, архивные материалы и другие документы.



*Е. Анташкевич
Харбин*

Калуга: Калужское областное издательство, 2011, тираж 1000 экз. М.: Центрполиграф, 2012, 2013, общий тираж 9000 экз.



Е. Анташкевич

33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине
М.:Центрполиграф, 2013, тираж 4000 экз.

Обратила на себя внимание присутствующих интересная библиография работ исследователей истории и культуры Японии, в числе которых были как достаточно известные источники, так и подлинные раритеты, ставшие библиографической редкостью.

Кроме того, автор встречался с харбинцами и их потомками. Живое слово свидетелей эпохи помогло обеспечить не только реалистическое отражение исторических событий в тексте книг, но и психологическую достоверность персонажей, у многих из которых имеются реальные прототипы.

Участники обсуждения отметили, что, будучи художественными произведениями, романы в то же время являются образцом полноценного и объективного исторического исследования, глубокого погружения в одну из самых интересных эпох в истории Дальнего Востока.

Презентация в целом получила высокую оценку академика Титаренко и других участников как значимое культурное событие, проведенное за последнее время в стенах Института.

Видеозапись презентации в авторском исполнении в ближайшее время будет выложена на тематических интернет-ресурсах.

Книги получили положительную прессу и широкий читательский отклик в России, продаются в Европе, в США, Новой Зеландии, Австралии и других странах, где до сегодняшнего дня проживают представители русской эмиграции первой волны и их потомки. Удостоены нескольких литературных премий в России.

Научная жизнь

XX Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы»

16–18 октября 2013 г. в Москве, в Институте Дальнего Востока РАН, состоялась XX Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы», главная тема была обозначена как «Китай в эпицентре глобальных проблем АТР». Основными организаторами мероприятия выступили ИДВ РАН, Научный совет по проблемам комплексного изучения современного Китая, Российско-китайский центр приграничного сотрудничества ИДВ РАН и Цзилиньского университета (КНР) и Общество российско-китайской дружбы. Спонсорскую поддержку оказал ФСЗ «АКАДЕМИА».

В работе конференции приняли участие свыше 150 ученых и экспертов из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, КНР, Латвии, Польши, Чехии, Хорватии, Германии, Бельгии и Португалии. На пленарных и секционных заседаниях в общей сложности были заслушаны и обсуждены более 120 докладов. Изданный накануне конференции сборник включает 194 тезиса докладов*.

Открывая работу конференции, председатель Научного совета по проблемам комплексного изучения современного Китая, директор ИДВ РАН, академик РАН М.Л. Титаренко особо отметил большой и представительный состав участников. Он подчеркнул, что изучение богатого исторического опыта Китая периода реформ и открытости во всех аспектах, как положительных, так и отрицательных, представляет актуальность не только для науки, но и для российской дипломатии. М.Л. Титаренко выразил надежду, что данная конференция станет стимулом для дальнейшего углубления российско-китайского сотрудничества.

С приветствиями к участникам обратились заместитель академика-секретаря РАН академик Н.И. Иванова, ветеран отечественного китаеведения академик РАН С.Л. Тихвинский, советник-посланник Посольства КНР в РФ Янь Вэньбинь, директор института Северо-Восточной Азии при Цзилиньском университете Чжу Сяньпин (КНР), член правления Европейской ассоциации китаеведения, профессор Гентского университета Барт Дессейн (Бельгия). Выступавшие отметили возросший интерес к проблемам современного Китая в мире и пожелали участникам плодотворного научного обмена.

* Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тез. докл. XX междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 2013.

Главная тема конференции предопределила содержание дискуссии по широкому кругу проблем. На первом пленарном заседании были заслушаны 7 научных докладов. В выступлении д.э.н., профессора А.В. Островского (ИДВ РАН) «Проблема экономического взаимодействия Китая и БРИКС» отмечалось усиление роли КНР в мировой экономике, увеличение китайских инвестиций за рубежом, повышение доходов на душу населения в КНР. По прогнозу ученого, к 2020–2030 гг. КНР достигнет показателей развития Тайваня в настоящее время.

Профессор Молодежного университета политических наук КНР Тянь Чуньшэн проанализировала «Возможности и перспективы превращения китайского юаня в общеазиатскую валюту». По оценкам эксперта, данные о внешней торговле с основными странами Азии в период 2001–2010 гг. указывают на шансы китайского юаня стать одной из расчетных валют в регионе. В то же время существует и ряд препятствий: недостаточно открытый капитал, недостаточно свободные пути его вывоза, не всегда здоровые и эффективные отношения на валютном рынке.

В докладе д.э.н., профессора С.Г. Лузянина (ИДВ РАН) «Возвышение Китая: международное измерение» отмечалось возрастание влияния КНР в сфере финансов, безопасности, международных организаций. Как резюмировал ученый, «китайское возвышение» — это не только успешные внутренние реформы в КНР, но и часть мировой повестки международных отношений сегодняшнего и завтрашнего дня. Причем, провозглашенные в КНР рубежи «двух столетий» — столетие КПК — 2021 г. и столетие КНР — 2049 г., скорее всего и станут определяющими в реализации китайской повестки «возвышения» и создания великого китайского государства».

Профессор М. Петрасяк (Университет Лодзи, Польша) в докладе «Интересы Китая и стратегия внешней политики в отношении АСЕАН» осветила весь спектр дипломатических средств, с помощью которых Китай выстраивает свои отношения с АСЕАН, охарактеризовала перспективы и основные противоречия.

Профессор Ли Фэнъянь (Политико-юридический институт Северо-Восточного педагогического университета, КНР) в своем выступлении проанализировала новую модель взаимодействия Китая с миром, которую эксперт охарактеризовала как «симбиоз гармонии и сотрудничества». А.В. Ломанов (д.филос.н., ИДВ РАН) в докладе на тему «Китайская мечта» и политика нового руководства» дал анализ содержания лозунга, который в течение последнего полугодия занимает ведущее положение в идейно-пропагандистской работе. По прогнозу ученого, лозунг «китайской мечты» может определять идеологическую политику КНР в течение ближайшего десятилетия.

Тема «возвышения Китая» получила развитие в докладе д.э.н. Э.П. Пивоваровой (ИДВ РАН), которая охарактеризовала главные особенности китайских экономических реформ, позволивших Китаю сегодня «гордо стоять на Востоке мира».

Программу первого дня конференции продолжил «Круглый стол» на тему «Перспективы взаимодействия Китая и России в АТР», который проходил в форме российско-китайского диалога. Его руководителями стали председатель Научного совета РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая, директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко и директор Института СВА при Цзилиньском университете (КНР) профессор Чжу Сяньпин. В числе докладчиков с российской стороны были: М.Л. Титаренко (ИДВ РАН), Л.С. Рубан (Центр «Диалоговое партнерство «Восток-Запад» ИНЭИ РАН), М.В. Александрова (ИДВ РАН), А.С. Давыдов (ИДВ РАН), с китайской стороны — представители Ин-та СВА при Цзилиньском ун-те Ян Сяошэнь, Чжу Сяньпин, Чжан Хуэйчжи и эксперт Центра энергетических стратегий КИМИ при МИД КНР Ши Цзэ.

17 октября в Институте Дальнего Востока РАН состоялись секционные заседания, в ходе которых в общей сложности были заслушаны и обсуждены 111 докладов, многие выступления сопровождались презентациями.

В секции «Китай в мировой политике и экономике на современном этапе» (руководитель д.э.н., проф. В.Я. Портяков) принимали участие ученые из научных центров и ведущих вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Владивостока, Минска, Китая, Польши. Тематика 17 заслушанных докладов отразила широту диапазона внешней политики КНР и ее приоритеты. Наибольшее внимание было уделено анализу различных аспектов китайско-американских отношений (Б.В. Сафронов, Рязанский ГУ им. С.А. Есенина; С.М. Труш, ИСК РАН; Я.В. Лексютина, СПбГУ). Среди других направлений международной деятельности КНР рассматривались ее отношения с Россией в формате ШОС (Л.И. Кадырова, ИВМО Казанского федерального ун-та), с государствами Центральной Азии (М.В. Данилович, Белорусский ГУ), с Японией на двусторонней основе (Л.В. Забровская, ИИАЭ ДВО РАН) и в «треугольнике» Китай—Япония—Индия (А.А. Киреева, МГИМО (У) МИД РФ), политика Пекина на Ближнем Востоке (А.В. Антипов, ИДВ РАН), в Арктике (А.В. Криворотов, Штокман Деवलупмент АГ, Москва) и в Европе (А.О. Виноградов, ИДВ РАН).

В ряде выступлений была предпринята попытка рассмотреть некоторые общие проблемы и тенденции современного позиционирования Китая на мировой арене (доклады П.Б. Каменова, ИДВ РАН; С.В. Кривохиж, СПбГУ; А.Г. Ларина, ИДВ РАН; Е.Н. Грачикова, МГУ). Месту и роли КНР в мировой экономике были посвящены доклады Д.В. Гордиенко (ИДВ РАН) и И.Г. Чубарова (МГУ).

Резюмируя итоги дискуссии, руководитель секции В.Я. Портяков констатировал, что реализация «китайской мечты» становится доминантой всей стратегии «пятого поколения» руководителей. По мнению ученого, в целом следует ожидать заметной активизации внешней политики Китая, приведения ее диапазона и интенсивности в соответствие с объективной позицией КНР как второй экономической державы мира и самого емкого на данном этапе сегмента мирового рынка товаров.

На секции «РФ и КНР: глобальное и региональное взаимодействие» (руководитель д.и.н., проф. С.Г. Лузянин) были сделаны 11 докладов и презентаций, в обсуждении которых принимали участие 23 ученых и эксперта из России, КНР и Белоруссии. Структурно секция подразделялась на два исследовательских направления: российско-китайское взаимодействие в глобальном и региональном форматах (модератор С.Г. Лузянин) и проблемы двустороннего российско-китайского сотрудничества в экономической, энергетической и гуманитарной сферах (модератор В.Е. Петровский). Научные сообщения С.Г. Лузянина, А. В. Болятко (ИДВ РАН), С. Л. Сазонова (ИДВ РАН), Г.А. Ивашенцева (Российский центр исследований АТЭС) содержали оригинальные идеи о возможности российско-китайской кооперации в сфере безопасности (АТР и ШОС) и регионального сотрудничества (АТЭС), включая энергетическую и транспортную кооперацию. Большой интерес вызвал анализ стратегических и тактических мотиваций и интересов РФ — КНР — США (А.С. Давыдов, ИДВ РАН). Тематика второй группы докладов касалась проблем частичной асимметрии и взаимозависимости в российско-китайском сотрудничестве (В.Е. Петровский, ИДВ РАН), структуризации российско-китайского сотрудничества и роли морально-этических принципов в партнерстве РФ и КНР (А.Ч. Мокрецкий, ИДВ РАН), экономической дипломатии КНР и ее ограничителей (Е.И. Сафронова, ИДВ РАН). Часть выступлений была посвящена конкретным направлениям китайско-российского сотрудничества. Студент Иркутского государственного университета А.Б. Ринчинов, проанализировав структуру и характер заказов китайской стороны военно-технической продукции России, обратил внимание на проблему копирования и лицензирования Китаем российской военной продукции. Острую проблему нерационального использования трансграничных рек КНР и РФ подняла в своем докладе К.Г. Муратшина (Уральский ФУ). Результатом дискуссии явились следующие практические предложения и рекомендации: провести экспертное обсуждение афганского вопроса в российско-китайском формате; стимулировать более активное обсуждение в российско-китайском формате ко-

рейской проблемы с учетом интересов РФ и КНР; сформулировать российско-китайское видение контуров энергетической безопасности и сотрудничества в АТР с учетом интересов РФ и КНР; изучать особенности взаимного восприятия России и КНР на уровне общественного сознания, включая зоны сопредельного (приграничного) взаимодействия. Основные итоги работы в форме интервью были даны в РИА Новости (спец.кор. по Китаю Е. Кузьмина).

В рамках секции «Опыт социально-экономического развития Китая» (руководитель д.э.н., проф. А.В. Островский) обсуждались три блока проблем — общеэкономические, региональные и отраслевые.

Предметом научной полемики стали различные аспекты экономической ситуации КНР: вступление Китая в новую глобальную модель индустриального развития (Муромцева), состояние и перспективы урбанизации в ходе экономических реформ (Е.С. Баженова, ИДВ РАН), роль китайских ТНК в вывозе капитала (Т.Г. Терентьева, ИДВ РАН) и особая роль инвестиционного фактора в социально-экономическом развитии Китая (Л.В. Новоселова, ИДВ РАН).

Многие ученые в ходе исследования использовали метод компаративистского анализа. А.В. Афанасьева (ИДВ РАН) дала оценку динамики и инновационного потенциала КНР в сравнении с другими странами; В.Н. Коваленко (Центр азиатских исследований МГУ) показал, как Китай использует опыт Японии в становлении национальной валюты в качестве международной. Развитию рынка образовательных услуг КНР в сопоставлении с Россией было посвящено выступление Н.Е. Боревской (ИДВ РАН).

В блоке выступлений, касающихся региональной проблематики, были рассмотрены тенденции в миграции населения Северо-Восточного Китая (А.С. Веремейчик, ИИАЭ ДВО РАН), особенности реализации стратегии подъема центральных районов Китая (Н.Н. Коледенкова), причины регионального неравенства на примере провинции Ляонин (И.И. Ставров, ИИАЭ ДВО РАН). Как отметил эксперт, неравномерность развития регионов, как правило, обусловлена природно-географическим фактором, человеческим капиталом, участием в межрегиональном сотрудничестве.

В блоке докладов, касающихся отраслевой проблематики, были отражены такие темы, как состояние рынка редкоземельных металлов (И.С. Троекурова, Саратовская государственная юридическая академия), развитие интернета в Китае и его влияние на экономику (А.В. Пиковер, ИДВ РАН), реформа министерства железных дорог КНР (Е.А. Пашкевич, ИДВ РАН), перспективы развития скоростного железнодорожного транспорта и авиаперевозок (У Цзы, аспирантка ИДВ. КНР), продвижение продукции китайского автопрома на мировой рынок (Е.С. Кудрявцев, ИДВ РАН). Два доклада касались аграрной темы, а именно трансформации модели развития сельского хозяйства Китая и новаций в этой сфере (Л.Д. Бони, ИДВ РАН) и опыту решения социальных проблем в китайской деревне (Л.А. Волкова, ИДВ РАН). Предметом исследования И.В. Вахрушина (ИДВ РАН) стали тенденции китайского рынка ценных бумаг. Как отметил эксперт, фондовый рынок КНР уже четыре года подряд находится в глубокой депрессии, и данная тенденция только усиливается.

В работе секции «Особенности социально-политических процессов в современном Китае» (руководитель А.В. Виноградов) принимали участие более 30 человек, выступили с докладами 16 участников, в том числе 4 иностранных ученых, представляющих КНР, Тайвань, Германию, Бельгию и Чехию. Круг обсуждаемых вопросов был довольно широким: от проблем политической реформы в Китае до политики «мягкой силы» и инструментов ее проведения, состояния китайского общества и его взаимодействия с властью, проблемы государственного управления, «китайской мечты» и китайского пути, их истоки и предпосылки, сравнение политических систем России и Китая, и анализ взглядов нового китайского руководства. В ходе дискуссии затрагивались также вопросы, относящиеся к социально-политическим процессам в КНР.

Вели заседание секции д. полит.н. А.В.Виноградов и д. филос.н. А.В.Ломанов. По мнению участников можно выделить несколько докладов, отличавшихся новизной в постановке проблем и оригинальностью авторских подходов. Доклад Барта Дессейна (Гентский ун-т, Бельгия) «Постигая мир: китайское национально-государственное и историческое сознание», посвященный китайскому национальному сознанию в исторической перспективе и формированию национального ханьского государства, А.Н. Королева (ГУ-ВШЭ) «Отзывчивость политического режима КНР на нужды населения». Н.Ю. Демидо «Центральное телевидение КНР в глобальном эфире» (ИДВ РАН), Линь Гуаньчуня (тайваньский докторант Института социологии Фрайбургского университета, Германия) «Социальная обстановка, настроения и поведение людей в период урбанизации материкового Китая» и Адама Хоралека (Университет Оломоуч, Чехия) «План и реальность XII пятилетнего плана Китая: основные вызовы, встающие перед китайским руководством в социально-экономическом развитии на середине пути».

Особенностью работы секции стало сочетание традиционных для российской науки общих, теоретических построений и свойственных современным западным подходам предметных исследований. «case-study». Некоторые доклады выходили на социологическую проблематику, что стало отражением, с одной стороны, усложнения современного китайского общества и его приближения к определенным мировым стандартам, а с другой — усилением влияния западных методологических подходов, которые распространяются и у нас в стране. Несмотря на различные, иногда прямо противоположные точки зрения по конкретным проблемам, все участники были единодушны в том, что перед Китаем и китайским руководством стоят сложные проблемы, решение которых предстоит найти в ближайшем будущем. Китай стоит на пороге крупных изменений, которые, по общему мнению, затронут не только экономическую, но и социально-политическую сферу.

В работе секции «Исторические пути Китая, России и стран АТР» (руководитель д.и.н. Н.Л. Мамаева) принимали участие более 20 ученых из России и КНР, в общей сложности были обсуждены 16 докладов и презентаций.

Тематика выступлений охватывала как события глубокой древности, так и современной истории. В целом ряде докладов был сделан акцент на тесную взаимосвязь традиции и современности. С.А. Горбунова (ИДВ РАН) посвятила свое выступление новому этапу развития Буддийской ассоциации Китая, которая не так давно отметила шестидесятилетие своей деятельности. Б.Г. Доронин (СПбГУ) на примере изданного в КНР «Учебника традиционной политической культуры для руководящих кадров» показал, как в КНР на практике реализуется курс «поставить древность на службу современности». Доклад О.Н. Борох (ИДВ РАН) «“Китайская мечта” 1933 г.» предметно показал близость взглядов интеллигенции гоминьдановского Китая и современной интеллектуальной элиты на будущее страны. В выступлениях А.В. Ершова (ИДВ РАН) и Н.В. Анисимцева (ИДВ РАН) были рассмотрены в историческом ракурсе некоторые направления развития государственных учреждений, кадровой политики, административных реформ и правовой системы КНР.

Несколько участников посвятили свои сообщения проблематике начала XX века — эпохе бурного развития национально-освободительного и коммунистического движения в Китае. Профессор из КНР Ли Юйчжэнь в докладе «К вопросу о восприятии китайской интеллигенцией Октябрьской революции в России» отметила, что наибольшее одобрение в Китае получила борьба России за укрепление своего государственного суверенитета. Предметом исследования А.Н. Хохлова (ИВ РАН) стала тема контактов участника национального движения 1920-х гг. маршала Фэн Юйсяна с советским дипломатом Л.М. Караханом. Вопросы формирования стратегии политического и военного строительства Гоминьдана в 1920-е гг. получили отражение в докладах А.Г. Юркевича (НИУ-ВШЭ, ИДВ РАН) и М.А. Гулевой (ИМОП СПбГУ).

Еще один блок докладов был посвящен вопросам внешних связей Китая и России. А.С. Ипатова (ИДВ РАН), которая является участником коллективного проекта ИДВ РАН по выпуску документальной серии «Русско-китайские отношения в XVII — XX вв.», в своем выступлении подробно осветила процесс формирования основ и развитие российско-китайских отношений в XVII — первой трети XVIII вв. В сферу внимания историков попали малоизученные проблемы консульской службы Российского государства в Китае во второй половине XIX — начале XX вв. (А.А. Сизова, ИДВ РАН). А.А. Козлов (ИДВ РАН) в своем докладе проанализировал роль торговли чаем между Россией и Китаем в 1800–1917 гг. в деле сближения между государствами-соседями. Слабо изученная тема в российской историографии — советско-американское соперничество в Северо-Западном Китае в первой половине 1940-х годов — получила всестороннее освещение в докладе В.А. Бармина.

Одна из важнейших тем современной политики КНР — отношения между континентальным Китаем и Тайванем — была тщательно, всесторонне и в исторической ретроспективе проанализирована в докладе Д.А. Смирнова (ИДВ, РАН). Дипломатическим отношениям Китая с первым тунгусо-маньчжурским государством Бохай (698–926 гг.) посвятила свое исследование О.В. Дьякова (ИИАЭ ДВО РАН).

В работе секции «Китай в диалоге культур: философия, религия и искусство» (руководитель д.филос.н., проф. А.Е. Лукьянов) принимали участие 25 ученых, представлявших научно-исследовательские центры и вузы России (Москва, Иркутск, Благовещенск), КНР, Латвии, Чехии и Португалии. В рамках секции были заслушаны и обсуждены 15 докладов, отразивших как многообразие и глубину проблем китайской философии (выступления Вавры Душана, ун-т им. Масарика, Чехия; Лян Чжэ, Шаньдунский ун-т, КНР; А.Ю. Блажкиной, ИДВ РАН и др.), так и методологические подходы к их решению (доклады Агиты Балтгалве, Латвийский ун-т; З.Г. Лапиной, ИСАА при МГУ; А.Ю. Ионова, ИДВ РАН).

В представленных докладах был охвачен широкий диапазон тем философской и научной направленности: от исследования конфуцианской и даосской философской классики (трактаты И цзин, Ли цзи, Инь фу цзин, Чжуан-цзы, Чжун юн, Лунь юй, Дао дэ цзин, Тай пин цзин) и своеобразия китайской логической мысли (А.А. Крушинский, ИДВ РАН) до проблемы синтеза наук как перспективы «живого знания» (К.И. Шилин, ИСАА при МГУ).

Оживленную дискуссию вызвали доклады, посвященные процессу изучения в России конфуцианских классических текстов (И.Б. Кейдун, Амурский ГУ), истории российского китаеведения, рассматриваемой через призму творческой биографии и личной судьбы ее выдающихся представителей (А.И. Кобзев, ИВ РАН). Всестороннюю характеристику анализа «энциклопедических горизонтов российской китанистики» содержало выступление профессора Лю Ядина (Сычуаньский ун-т, КНР). Большой интерес у аудитории вызвали культурологические сообщения и презентации, посвященные бумажным иконам чжима (Ю.Г. Лемешко, Амурский ГУ) и китайским музыкальным инструментам (Энио де Сауза, Музей истории и культуры Макао, Лиссабон, Португалия) как небезразличным репрезентантам духовной культуры.

В работе секции «Китайский язык, литература и образование в эпоху глобализации» (руководитель — д. филол. н. О.И. Завьялова) принимали участие более 20 ученых из России, Украины и Казахстана, были заслушаны и обсуждены 16 докладов. На утреннем заседании обсуждались проблемы лингвистики, языкознания и преподавания языка, на вечернем — литературоведческие проблемы.

Обзорный доклад О.И. Завьяловой (ИДВ РАН) был посвящен государственной политике КНР в области языка. Как подчеркивают китайские официальные лица, языковая политика должна осуществляться с использованием достижений лингвистической науки — только так она будет способствовать успешному воплощению в жизнь страте-

гии «китайской мечты». По-прежнему актуальной остается проблема языкового единства страны, с одной стороны, и охраны китайских диалектов, с другой. Взаимодействию *путунхуа* и диалектов в устных СМИ крупных центров южного Китая был посвящен доклад Е.В. Гобовой (Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины). В двух докладах (А.Т. Тохметов, Казахский национальный педагогический ун-т им. Абая; Е.Ю. Садовская, Конфликтологический центр, Алма-Ата) — шла речь о преподавании китайского языка в вузах Казахстана и об образовательной миграции между Китаем и этим центральноазиатским государством. Проблемы теоретической грамматики китайского языка, традиционные для отечественной школы китайского языкознания, были подняты в докладах К.В. Антонян (ИЯ РАН) и А.В. Шатравки (Амурский ГУ). Вопросы звуковой интерпретации китайских слов в новейших разговорниках, рассчитанных на массового читателя, затрагивались в докладе Н.Н. Воропаева (ИЯ РАН). Выступление В.Б. Виноградской (ИДВ РАН) было посвящено сложной задаче определения степени свободы при воспроизведении китайских традиционных текстов разными авторами.

Проблемы истории и теории китайской литературы обсуждались на вечернем заседании (руководитель — к.филол. н. Н.К.Хузиятова, ДВФУ). Широкий тематический диапазон представленных докладов — от особенностей сунской поэзии (Я.В. Шекера, Киевский национальный ун-т им. Т. Шевченко) до современной политики Китая в области культуры (А.Н. Коробова, ИДВ РАН) — и различия в постановке проблем не помешали выявить ряд общих направлений научных исследований. В выступлениях были проанализированы такие проблемы, как роль идентичности (личностной, региональной, национальной) в контексте глобализации (Н.А. Плясенко, ДВФУ); взаимовлияние/влияние различных национальных (включая русскую) культур на литературный процесс в Китае (Н.В. Захарова, ИМЛИ РАН); проблема разграничения школ/течений/направлений китайской литературы (М.В. Семенюк, ИСАА при МГУ; А.В. Дашенко, Академия таможенной службы Украины). Два выступления были посвящены анализу творчества авторов, характеризующихся открытием/привнесением новых форм в китайскую литературу и современную драму (М.Ю. Кузнецова, ДВФУ; Е.К. Шулунова, ИДВ РАН).

В итоговый день работы конференции, 18 октября, на пленарном заседании были заслушаны и обсуждены научные сообщения д.и.н. Н.Л. Мамаевой (ИДВ РАН) «К вопросу о причинах победы демократической революции в Китае в 1949 г.» и д.и.н. А.И. Картуновой «Относительно факторов победы КПК в Китае в 1949 г.». Как подчеркивали участники, исторический опыт заслуживает самого пристального внимания, поскольку служит ключом к пониманию современных процессов и вызовов. После краткой дискуссии руководители секций суммировали важнейшие результаты состоявшихся накануне заседаний.

Закрывая конференцию, академик М.Л. Титаренко подчеркнул, что в докладах было проанализировано международное значение социально-экономических поисков, которые ведут наши китайские соседи. Он оценил общий дух конференции, прошедшей, несмотря на трудности, на высоком уровне, как соответствующий демократическим академическим традициям. Академик М.Л. Титаренко процитировал слова одного из участников, охарактеризовавшего трехдневный форум как «наслаждение получением знаний».

Международная научная конференция «Конфуцианство в диалоге китайской и российской цивилизаций»

26–27 июня 2013 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась международная научная конференция «Конфуцианство в диалоге китайской и российской цивилизаций». Конференция проводилась Международной конфуцианской ассоциацией (КНР) и Институтом Дальнего Востока РАН. В конференции принимали участие ведущие российские и китайские ученые, в том числе Председатель Общества российско-китайской дружбы, директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко, Почетный председатель Общества российско-китайской дружбы академик С.Л. Тихвинский, заместитель председателя Международной конфуцианской ассоциации профессор А. Е. Лукьянов, член правления Международной конфуцианской ассоциации профессор Л.С. Переломов, первый заместитель Международной конфуцианской ассоциации, профессор Тэн Вэньшэн, член правления Конфуцианского фонда Ван Дацянь, а также Чрезвычайный и Полномочный Посол в Российской Федерации господин Ли Хуэй.

Китайский зал ИДВ РАН был заполнен до отказа, что демонстрирует пристальное внимание ученых к проблемам древнего и современного конфуцианства. После официальной приветственной части состоялись выступления российских синологов и их китайских коллег.

Научный доклад г.н.с. ИДВ РАН, д.и.н., проф. Л.С. Переломова — ведущего российского исследователя наследия Конфуция — был посвящен роли конфуцианства в политической культуре Китая и России. Л. С. Переломов ввел разделение на элитное и народное конфуцианство, заметив, что на основании народного конфуцианства руководство КПК стремилось соединить идеологию марксизма и философию конфуцианства. Докладчик отметил, что важную роль в решении этой задачи играла работа Лю Шаоци «О самовоспитании коммуниста». В ходе «культурной революции» ситуация изменилась, конфуцианство подверглось гонениям со стороны китайского правительства: Мао Цзэдун проводил кампанию, получившую название *Пи Линь ти Кун*, направленную против Линь Бяо и Конфуция, а также создал новую версию казни оппонента Конфуция Шао Чжэнмао. Начиная с Дэн Сяопина, который провозгласил конфуцианский принцип *сяо кан* основополагающим для строительства социализма с китайской спецификой, философия Конфуция вновь заняла важное место в политической культуре современного, стремительно развивающегося Китая.

Проректор Университета Нинся, проф. Ли Вэй посвятил свое выступление китайско-российскому сотрудничеству в области тангутоведения — научного направления, которое занимается всесторонним исследованием государства Западная Ся (*Си Ся*; 1038–1227). Это государство было создано тангутами на Западе Китая в 1038 г. и просуществовало вплоть до 1227 г., когда было уничтожено монголами. Россия и КНР являются ведущими странами в области тангутоведения. Профессор Ли Вэй отметил огромный вклад советских и российских ученых (А.И. Иванов, Н.А. Невский, А.А. Драгунов, Е.И. Кычанов, М.В. Софронов) в дело исследования государства Си Ся, а также выразил на-

дежду, что, несмотря на трудности, с которыми столкнулось тангутоведение и в России, и в КНР (в первую очередь, это нехватка молодых и квалифицированных кадров), мировое тангутоведение будет развиваться и процветать. По мнению профессора Ли Вэя, для достижения этой цели необходимо укреплять международные обмены в данной области.

Доклад г.н.с. ИДВ РАН, д.э.н. Л.И. Кондрашовой был посвящен древнекитайским представлениям об этическом управлении государством. На примере различных подходов представителей китайской и западной цивилизаций к освоению Северо-Американского континента (по словам докладчицы, экспедиция выдающегося флотоводца XV в. Чжэн Хэ была направлена на знакомство с новой культурой («они везли подарки»), а экспедиция Христофора Колумба изначально была захватнической), Л.И. Кондрашова продемонстрировала, что в основе китайского представления лежит, в первую очередь, единение человека с природой. Л. И. Кондрашова полагает, что в основание экономического развития Китая положен конфуцианский принцип этического управления государством. Этот принцип сложился благодаря учению Конфуция, и являются идеологической и исторической основой современной «китайской модели». Этическое управление государством стоит на основе сложившихся традиций и этических норм *ли*, устанавливая следующую социальную модель: «государство – правитель – подданный».

Проф. Юй Цзяньфу выступил с докладом «Основные ценности конфуцианства и их широкое распространение». Он отметил, что КПК обращала внимание на традиционную идеологию уже на ранних этапах своей деятельности. Духовное наследие конфуцианства (прежде всего, классические тексты), безусловно, находилось в центре интереса руководителей КПК. Мао Цзэдун подчеркивал их практическую направленность. Из других известных руководителей непосредственно к конфуцианству обращался Дэн Сяопин в своей программе достижения «малого достатка» *сяо кан*, вслед за ним председатели КНР Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао. Нынешний глава китайского государства Си Цзиньпин выдвинул идею «китайской мечты», истоки которой находятся в трактате «Лунь юй». Вопрос мечты в китайской литературе обсуждался много раз, воплощение китайской мечты – идея гармонизации, или «великого единения» *да тун*. В учении Конфуция представлена ценность гармонии. Можно привести много примеров, когда что-то нужно гармонизировать. Например, ритуал и музыку, отношения между людьми. Даже легендарные правители древности Шунь, Яо и Юй не могли достичь этого в полной мере. Идея гармонизации начинается с первоначальной идеи, предложенной в «Лунь юй».

Доклад н.с. ИДВ РАН А.Ю. ИONOVA «Конфуцианские традиции в философской мысли XVII в. (на примере трактата Гу Янью «Жи чжи лу»)» был посвящен одному из направлений в конфуцианстве эпохи маньчжурского завоевания Китая. Гу Янью заново открыл своему поколению жизнеспособность и духовную стойкость конфуцианского учения, его непреходящую ценность в тяжелейших испытаниях, выпавших на долю китайского народа. Он полагал, что именно конфуцианская ортодоксия несет в себе основополагающие принципы китайской цивилизации, поскольку главным считал изучение канонов и иероглифической письменности. Улучшение человеческой природы возможно только посредством обучения. Гу Янью считал, что буддийское учение о пустоте, истоки которого находятся в Индии, ведет к тому, что китайское общество утрачивает традиционные ценности. Гу Янью восстановил уважительное отношение к источнику конфуцианских знаний и тому виду деятельности, которому был всю жизнь предан сам Конфуций – постижению канонов.

Проф. Нанькайского Университета (г. Тяньцзинь) Цзяо Цзинцзюй выступил с докладом, который привлек внимание к экологической проблематике в рамках конфуцианского учения. Конфуцианская цивилизация строится на идее обусловленности человека, его поступков и намерений волей Неба. Это одна из фундаментальных ценностей китайской морально-этической философии, смысл понятий «небесный мандат» *тянь мин*, «Поднебесная» *тянь ся* и «середина» *чжун*. Природа и человек объединены самим

фактом своего существования, их единство есть процесс бесконечного рождения. Человек рождается, чтобы исчерпать свою природу, стать центром природного мира, исчерпать природу вещей и природу других людей. Религиозная составляющая данной концепции единства предполагает то, что человек стремится показать уважение всему творческому миру в виде «человечности» *жэнь*. На этом строится конфуцианское понимание «ритуала» *ли*, с помощью которого усиливается этническая сторона любви к людям. От человеколюбия конфуцианство доходит до любви ко всему, «милость» *энь* достигает руд, металлов и камней. Если сравнить конфуцианство и западные экологические концепции, оно окажется более совершенным.

Выступление проф. Шаньдунского Университета Ван Сюэдяня было посвящено новым направлениям в исследовании конфуцианства эпох Хань и Сун. По мнению докладчика, конфуцианство эпохи Хань (*Хань сюэ*) занималось, прежде всего, текстологическим исследованием и основывалось на «Пятиканонии» (*У цзин*), где центральной фигурой для изучения был Конфуций. Конфуцианство же эпохи Сун (*Сун сюэ*) пристальное внимание обращало на исследование доктрины конфуцианства и строилось на основании «Четверокнижия» (*Си ю*), здесь центральной фигурой для изучения был Чжу Си. Неоконфуцианство стало «главной доктриной» в Китае того времени, сравнимой с идеологией марксизма в XX в. Докладчик приходит к выводу, что, начиная с династии Мин, в исследовании конфуцианства царит столкновение и противоборство ханьского и сунского конфуцианства. Современный подход заключается в том, чтобы отразить взаимодействие ханьского и сунского конфуцианства, хотя, по мнению докладчика, в современном Китае (во многом благодаря деятельности таких ученых и философов, как Фэн Юйлань и Лян Шумин) больше изучается именно ханьское конфуцианство.

Заместитель председателя Международной конфуцианской ассоциации, д.ф.н., руководитель Центра Сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии ИДВ РАН проф. А.Е. Лукьянов выступил с докладом на тему: «Архетипы конфуцианской философской культуры». По мнению А.Е. Лукьянова, и западная, и китайская философии имеют свой индивидуальный архетип *юаньсин*. Каждый из этих архетипов представляет собой своеобразный код или ключ к пониманию соответствующей культуры. Китайскую философию докладчик подразделяет на даосскую философию *цзюэсюэ* (то есть «отрицание мудрости») и конфуцианскую – *хаосюэ* («любовь к мудрости»), а также на учение «Книги перемен». При этом конфуцианская философская имеет свой особенный архетип, который строится на основании объемной, кубо-сферической, пятичленистой матрицы культуры Дао. Матрица является пятичленистой, так как состоит из пяти элементов (существует три типа этих элементов: *у син* (телесная сущность), *у чан* (духовная сущность), *у ю* (идеально-мыслительная сущность)), и в тоже время двойственной, так как каждый элемент имеет иньскую и янскую составляющую. Без выявления архетипа конфуцианской философии, любое обращение к текстам канонов-*цзин* является, по мнению докладчика, бессмысленным.

Научный доклад проф. Чжан Сюэчжи из Пекинского Университета был посвящен взаимосвязи неоконфуцианства и религии. Религия, в первую очередь, христианство, на Западе играла огромную роль. Профессор Чжан Сюэчжи разделяет точку зрения американского философа П. Тиллиха, который полагает, что религия является «предельной заботой» человека, она касается субъективного (забота верующего о предмете веры) и объективного содержания (Бог). Человек познает Бога и в тоже время человек уверен в своем существовании, поэтому он действует активно, стремится познать себя и окружающий мир. Несмотря на то, что в китайской культуре не было представления о монотеистическом Боге-личности, в китайском неоконфуцианстве также присутствует религиозная составляющая. Анализируя философские доктрины Чжоу Дуньши, Чжан Цзяя и Шао Юна, докладчик последовательно раскрывает свой тезис о религиозной составляющей в неоконфуцианстве.

Доклад аспиранта, н.с. ИДВ РАН А.Ю. Блажкиной был посвящен взаимосвязи годяньских рукописей и конфуцианских канонов. На основании анализа конфуцианского текста из собрания годяньских рукописей «Луский Му-гун спрашивает Цзы Сы», докладчик приходит к выводу, что данный текст, с одной стороны продолжает и развивает идеи, высказанные в конфуцианских канонах: «Лунь юй», «Чжун юн», «Мэн-цзы». Автор годяньского текста, вслед за представителями классического (раннего) конфуцианства, постулирует главенствующую роль долга, принцип «следовать Дао, а не следовать за правителем», характеризует подлинного чиновника, как человека, обладающего преданностью-чжун. С другой стороны, упомянутый трактат содержательно наполняет конфуцианство новым смыслом: так как с точки зрения автора текста, «указывать на пороки правителя» ценнее, чем отдать за государя жизнь, а основная функция служилых людей-ши заключается в том, чтобы «указывать на пороки правителя», наставляя Сына Неба, соотносясь с чувством долга.

Специалист по изучению русской религиозной философии, проф. Чжан Байчунь из Пекинского Педагогического Университета затронул в своем докладе тему различия обрядовых традиций православия и конфуцианства. По мнению докладчика, традиция ритуала была потеряна уже во времена Конфуция, и сам Конфуций сожалел об этом; ритуал в КНР потерян, поэтому современные китайцы легко становятся пленниками западных ценностей и массовой культуры. Чжан Байчунь выделяет два основных различия между обрядом в конфуцианстве и православии:

Конфуцианский ритуал не имел божественного измерения, церемонии носили светский характер. В православии нет своего богословия, а только богослужение. Но это богослужение имеет божественное измерение (в православном храме повсюду видны обозначения Бога), в отличие от традиционного китайского ритуала.

В православии практика и теория слиты воедино (в исихазме верующий прямо встречается с Богом). В конфуцианстве же, уже начиная с Конфуция теория и практика разъединены.

В.н.с. ИДВ РАН, к.и.н А.О. Милянук посвятил свой доклад концепции «вращения жизни» в конфуцианской ицзинистике. С точки зрения А.О. Милянук, «вскармливание жизни» *яниэнсюэ* — это гармонизация внутреннего и внешнего мира. На примере анализа группы учащихся китайского боевого искусства *тайцзицюань*, который успешно практикует и преподает сам докладчик, А.О. Милянук продемонстрировал, как конфуцианская идея гуманности действует в самом негуманном искусстве, воплощаясь в принципе «мягкостью преодолевать жесткость».

Международная конференция на Тайване по проблемам развития синологии в Чехии, Польше, Монголии и России

Рабочая конференция участников проекта «Китаеведение — устная история», совместно организованная профессором факультета политологии Тайваньского государственного университета (NTU) Ши Чжиюем (Chih-yu Shih), ИВ РАН и ИДВ РАН, прошла 4–5 ноября 2013 г. в Тайваньском государственном университете (г. Тайбэй). От российской стороны в ней принимал участие выступивший с докладом по общим тамам на «круглом столе» директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко, а также китаеведы ИВ РАН: В.Ц. Головачев, М. Кузнецова-Фетисова и С. Дмитриев. В «он-лайн» режиме доклад представил проф. МГИМО А.Д. Воскресенский, также выступил с докладом давно работающий в Тамканском университете (Тайвань) российский историк проф. А.А. Писарев. Конференция называлась «Отступление или возрождение: развитие синологии в Чехии, Польше, Монголии и России» (Retrieval or Revival: Evolving Sinology/ China Studies in Czech, Mongolia, Poland and Russia). На ней также выступили представители центров китаеведения из Польши, Чехии и Монголии. Ранее подобные рабочие встречи уже проводились в Праге и Пекине.

В международном проекте «Китаеведение — устная история» принимают участие ученые почти из 20 стран и регионов. Целью проекта является проведение интервью с синологами в этих странах и размещение материалов этих интервью в Интернете, публикации в научной периодике и в книжном варианте. В России реализуют проект сотрудники ИВ РАН и ИДВ РАН. В течение 2009–2013 гг. они записали почти 40 интервью с известными российскими китаеведами из Института востоковедения РАН, ИВР РАН, ИСАА МГУ, СПбГУ, ДВФУ и других научно-образовательных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока и пр. Уникальный международный научный проект реализуется при спонсорской поддержке "The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University" и "Academia Sinica" (Тайвань, 2009–2011), а также трехлетнего двустороннего гранта ННС Тайваня и РФНФ № 12–21–10000 (2012–2014). К началу 2014 г. в ИВ РАН планируется издание первого печатного тома на русском языке, включающего 12 интервью с известными отечественными китаеведами старшего поколения. Более 20 интервью уже переведены на китайский язык силами переводчиков КНР и Тайваня. На прошедшей в Тайбэе конференции профессор Ши Чжиюй представил первый том переводов интервью на китайский язык с китаеведами А.В. Островским, А.Н. Желуховцевым, Н.Е. Боровской, Б.Г. Дорониным, Б.Я. Надточенко, О.И. Завьяловой, С.А. Торопцевым, В.И. Шабалиным, С.А. Горбуновой, С.А. Серовой, В.Я. Портяковым, О.Б. Рахманниным, Т.А. Пан (Элосы дэ ханьсюэ юй чжунго яньцзю: коушу чжиши ши (1). Тайбэй: изд-во центра Китая факультета политологии Тайваньского университета, 2013). На тайбэйской конференции обсуждались планы дальнейшей публикации докладов в виде специальных выпусков в нескольких престижных англоязычных журналах Азии, Европы и США, а также о подготовке интервью из разных стран к изданию на английском языке.

Данная конференция преследовала цель проанализировать особенности развития китаеведения в России, Польше, Чехии и Монголии в социалистический и постсоциалистический периоды; влияние факторов политики и идеологии на содержание, методологию и тематику исследований в СССР, Чехии, Польше и Монголии в период с начала 1950-х до конца 1980-х гг., на личную судьбу и научную карьеру китаеведов, а также

определить тенденции развития национальных школ китаеведения после распада социалистического лагеря.

Открыл конференцию академик М.Л. Титаренко, выступивший с докладом «Диалог цивилизаций как важная задача российского китаеведения». Он осветил основные вехи русского китаеведения и его специфику, а также достижения ИДВ РАН, других исследовательских центров и отдельных ученых современной России в изучении проблем традиционного и современного Китая. В частности, докладчик упомянул основные издательские проекты ИДВ РАН последних десятилетий. Он подчеркнул, что верное понимание китайской политической жизни и жизни общества в целом возможно только после изучения методологии философской мысли Китая. В своем докладе академик М.Л. Титаренко подчеркнул, что перед российским китаеведением стоит задача досконально изучить стратегию и опыт мирного проведения китайских реформ, теоретически осмыслить процесс перехода Китая от традиции к модернизации. Во время завершавшего конференцию круглого стола М.Л. Титаренко заострил внимание на том, что в настоящее время складывается многополярный мир, и задача китаеведов разных стран состоит в том, чтобы объединить усилия по формированию верного понимания этих тенденций в своих странах. Он также подчеркнул ценность проекта «Китаеведение — устная история» для сохранения исторической памяти.

Вслед за российским ученым перед участниками конференции выступили докладчики из секции «Чехия». Известный китаевед-филолог проф. О. Ломова (Olga Lomová) из Карлова университета (Прага) рассказала о раннем этапе деятельности основателя «пражской школы» синологии Я. Прушека (Jaroslav Průšek 1906–1980). Предварительно были исследованы архивные материалы, личная переписка и другие новые источники, отражающие зарождение чешской синологии, дан анализ причин увлечения чешской послевоенной интеллигенции культурой традиционного Китая. Кроме того, О. Ломова рассказала об основных центрах китаеведения в современной Чехии. Доклад тайваньского исследователя Дж. Чэна «Между синологией и социализмом» проанализировал с привлечением китайских архивных материалов опыт обучения в Китае учеников Я. Прушека в 1950-е гг. В докладе Линь Шилинь из Политического университета (Тайвань) «“Китай” и дискурс чешских сиологов» был использован метод «критического дискурсного анализа», позволивший показать, как чешские китаеведы используют в своих интервью термин «Китай», сопровождающие это слово эпитеты и вкладываемые в него смысловые значения.

Участники конференции из ИВ РАН представили глубокие и информационно насыщенные доклады о советской синологии, основанные, главным образом, на материалах интервью. Руководитель и координатор российской части проекта «Китаеведение — устная история» с.н.с. В.Ц. Головачев проанализировал, как советские китаеведы поддерживали профессиональные и личные контакты с зарубежными коллегами, а также осветил деятельность малоизвестной организации «Интеркит», призванной объединить китаеведов из СССР и социалистических стран с целью выработки единых подходов и мнений в отношении КНР в период наибольшей напряженности советско-китайских отношений в 1960–1980х гг.

Проанализировав данные тридцати трех интервью, м.н.с. М. Кузнецова-Фетисова (ИВ РАН) представила доклад о том, какие факторы и события оказали влияние на выбор советскими китаеведами своей профессии. Выясняется, что нередко определяющими были условия приема на эту специальность в университете. Тем не менее, некоторые китаеведы были увлечены Китаем с раннего детства, или на их выбор повлияла профессия членов семьи.

Научный сотрудник ИВ РАН С. Дмитриев представил изобилующий интересными подробностями доклад об истории российского тангуговедения, которое, по мнению автора, является примером уникальной чисто академической дисциплины, зародившейся в начале XX в.

Проф. А.А. Писарев познакомил присутствующих с дебатами советского периода по вопросам социо-экономических подходов к истории Китая. Он сделал вывод о том, что после снятия идеологических ограничений в начале 1990-х гг. российские историки верну-

лись в том или ином виде к парадигме «азиатского способа производства», отказавшись от ранее доминировавшей официальной парадигмы «феодализма». «Феодализм» они тоже пытались интерпретировать по-разному, стремясь привести этот термин в соответствие с реалиями китайской истории. Проф. А.Д. Воскресенский, подкрепив свои тезисы анализом работ ряда современных китаеведов, показал в своем докладе, как в постсоветском китаеведении начался поворот к междисциплинарным и культурологическим исследованиям.

5 ноября по программе конференции была представлена секция «Польша». Следует отметить содержательный доклад бывшего посла Польши в Лаосе и Бирме, а ныне профессора Варшавского университета. Б. Горальчика (Bogdan Góralczyk). Будучи знатоком международных отношений, польский синолог в своем докладе дал исчерпывающий анализ связей между современными польско-китайскими отношениями и развитием синологии в Польше после 1989 г., представил традиционные и новые центры китаеведения в этой стране, подчеркнул ориентацию студентов на овладение практическим китайским языком для последующего ведения бизнеса с Китаем. Во время завершающего круглого стола проф. Горальчик отметил важность грядущего собрания ВСНП для определения дальнейших путей развития Китая как мировой державы. Он выделил четыре обсуждаемых сценария: 1) т.н. «чжунго мэнь» (китайская мечта), продвигаемый нынешним председателем КНР Си Цзиньпином; 2) возрождение китайского наследия «гоцинь»; 3) возрождение единой китайской нации «миньцзу фусин»; 4) вторая волна реформ «ди эр цы гайгэ». По мнению докладчика, в связи с усилением мировой роли КНР современная синология должна обращать основное внимание на проблемы современности.

Преподаватель из Тамканского университета Анна Рудаковска (Anna Rudakowska) в своем докладе тоже обратилась к теории дискурсного анализа для исследования смыслового наполнения термина «синология» в интервью польских китаистов. Она пришла к выводу, что значение слова «синология» для респондента нередко определяется той структурой, внутри которой он работает. Часть респондентов придерживается традиционного понимания, считая, что синология, главным образом, работает с текстами, но появляется немало последователей междисциплинарного подхода. Тайваньская исследовательница Гао Пэйшань представила доклад о развитии польской синологии, обратив внимание на основные области исследований специалистов. После обсуждения польской стороне был вручен юбилейный выпуск «Ученых записок отдела Китая: синологи мира к юбилею Станислава Кучеры» (М.: ИДВ РАН, 2013).

В завершавшей программу «региональных» выступлений секции «Монголия» были представлены два доклада, которые показали влияние китайско-монгольских отношений на китаеведение современной Монголии, а также наличие давней (с XIII в.) традиции перевода и изучения письменных памятников и литературы Китая в Монголии. Было упомянуто, что в настоящее время ведущие позиции в Монголии занимают китаеведы, которые проходили обучение в СССР и России. Отчасти это связано с тем, что молодое поколение монгольских сиологов ориентировано преимущественно на бизнес и другие практические стороны контактов с Китаем.

Эта международная встреча подтвердила, что российское китаеведение с его долгой историей и плеядой видных ученых по-прежнему пользуется авторитетом у коллег из стран бывшего социалистического лагеря. Уникальный характер конференции состоял в том, что за одним столом собрались представители нескольких школ китаеведения и провели плодотворное сравнительное сопоставление особенностей региональных синологических школ социалистического и постсоциалистического периодов. Организаторы выразили надежду, что подобные рабочие встречи будут проводиться и впредь, способствуя новому сближению и сотрудничеству сиологов из бывших соцстран на научной основе, а также еще большей консолидации всей мировой синологии.

Японоведческая конференция в Варшаве

Международная научная конференция «Изучение Японии в социальных и гуманитарных науках» состоялась 24–25 апреля 2013 г. в Варшаве. Ее организаторами являлись Институт средиземноморских восточных культур Польской Академии Наук (ИСиВК ПАН), Институт социологии Варшавского университета и католический Университет им. кардинала Штефана Вышиньского. Финансовую поддержку оказывал Японский фонд.

Институт средиземноморских и восточных культур ПАН интересен тем, что в его составе функционирует Центр изучения современного конфуцианства во главе с известным польским синологом проф. Романом Славиньским. В состав центра входят группы по изучению Японии, Китая, Тайваня и двух корейских государств. Задачи центра состоят в исследовании культурных и религиозных традиций, а также истории, социологии и языкознания стран Дальнего Востока.

Международная конференция по изучению Японии явилась первым шагом в процессе расширения научных контактов с зарубежными учеными и обмену мнениями по актуальным вопросам. Предполагается проведение в дальнейшем научных конференций, посвященных изучению современных проблем Китая и корейских государств.

ИСиВК ПАН выпускает значительное количество научных монографий, а также несколько ежегодников, тематика которых посвящена современным восточноазиатским, ближневосточным и африканским проблемам.

Конференция «Изучение Японии в социальных и гуманитарных науках» привлекла внимание ученых как из польских научных центров и университетов, так и из Японии, Германии, России, Австралии, Румынии, Литвы, Турции, Южной Кореи, Бельгии и Италии. Было заслушано 50 докладов, которые были распределены по 10 секциям. Наиболее оживленные дискуссии затронули такие актуальные темы, как проблемы развития японской экономики, культуры, демографии, религии, а также внешней политики.

Участники конференции уделили большое внимание изучению и обсуждению проблем и успехов японской экономики. В частности были рассмотрены вопросы технологического лидерства Японии, которому способствовал японский менеджмент и особая организация труда на японских предприятиях, позволяющая этой стране длительное время занимать ведущие позиции в мировой экономике.

В докладах уделялось внимание особенностям инвестирования и менеджмента на японских предприятиях в Польше и других странах Евросоюза. Эти проблемы были освещены в докладах молодых польских ученых П. Пасербняка, Д. Стелла, Т. Олейничак, Ю. Турек.

В выступлениях японских исследователей также были раскрыты причины успешности японского менеджмента. Например, в докладе доктора Ито Ясунобу были показаны японские методы продвижения товаров за границу. В частности, он отмечал, что японские фирмы, производящие товары на экспорт, широко привлекают дипломированных этнографов, имеющих научные степени (Ph. D.), для изучения предпочтений, особенностей и символики зарубежного населения. Он отметил, что японские фирмы используют национальную символику как своеобразный инструмент для продвижения своих

товаров. Так, при рекламе в Европе обуви использовался образ древнегреческого героя Ахиллеса. Кроме того, в рекламе товаров учитывается тяга европейцев ко всему, имеющему королевскую символику. Поэтому на японских экспортных товарах часто помещены изображения корон.

Ряд докладов был посвящен изучению японского культурного феномена. Эти вопросы освещались, прежде всего, в докладах польских ученых и затронули такие исторические факты, как архитектурный символизм и внутреннее убранство японских чайных домов, японскую систему питания как средство международной коммуникации, синдром «кавайи» и его роль в современном японском обществе.

Феномену «кавайи» (пер. — «милый», подразумевает любование всем миниатюрным, распространено в молодежной среде) было посвящено несколько докладов японских ученых. Их авторы подчеркивали важность «кавайи» для сохранения японской культуры и распространения японских культурных ценностей за границей.

Аналогичные задачи ставит пропаганда японской системы питания. Японские и польские исследователи отмечали, что японские СМИ, в особенности телевидение, активно демонстрировали преимущества здорового образа жизни и правильного питания. В частности, японские СМИ утверждали, что японская пища и все продукты питания являются не только частью японской культуры, позволяющей вести здоровый образ жизни, но и становятся «средством коммуникации», поддержания дружественных связей с другими народами мира.

Японская система питания, строго придерживающаяся правила использования только свежих продуктов, проповедующая определенный символизм в сервировке стола и каждого блюда, как и другие тонкости японского мировосприятия, рассматривающего человека как неотъемлемую часть природы, тесно связана с японскими религиозными верованиями.

На секции религиоведения рассматривались вопросы влияния конфуцианства на различные стороны японской жизни — ведение бизнеса и организацию социальной жизни, отражение конфуцианских традиций на положении женщин в современном японском обществе и др.

Проф. Н. Леви провел сравнительный анализ современного японского и корейского конфуцианства, сделав вывод, что каждый соседний Китаю народ взял из этого верования определенные элементы и приспособил их к своим нуждам. В результате возникли существенные различия в конфуцианстве разных стран.

Социальные, демографические и миграционные процессы, проходящие в современном японском обществе, нашли отражение в работе нескольких секций. В докладах польских и зарубежных ученых рассматривались такие вопросы как новые тенденции в социальной жизни японского общества, касающиеся равноправия полов, заимствования культурных ценностей у европейских стран, важность внутренней миграции для развития отдельных регионов страны и др.

В докладах П. Левандовского, Э. Беднарек, А. Кравец затрагивалась тема борьбы японских властей с феодальными пережитками и социальным угнетением отдельных групп населения, например, буракумин. В свою очередь японские исследователи (Хироаки Ватанабе) отмечали взаимосвязь между положением в экономике и решенным социальным задач. В частности, он подчеркнул, что в период стагнации японской экономики (1990-е гг.) социальные проблемы вообще не решались. Это привело в 2000-е гг. к деградации японской пенсионной системы, и правительство Японии было вынуждено сокращать индивидуальные пенсионные выплаты на 15–20%, что имело негативные социальные последствия.

Вопросы японской внешней политики широко обсуждались на двух секциях. В центре внимания оказались различные аспекты японо-китайских отношений. Кроме того, затрагивались вопросы о связях Японии со странами Евросоюза и США.

Докладчики Т. Валравен, Л. Забровская, К. Кароляк, М. Кравчук отмечали двойственный характер отношений Японии и Китая, подчеркивали, что оба государства, с одной стороны, тесно сотрудничают по экономическим вопросам, а с другой — имеют серьезные разногласия как по вопросу территориального размежевания, так и в сфере политической оценки исторических событий. В докладах отмечалась обеспокоенность Японии экономическим ростом Китая и усилением его военной мощи. Ответным шагом Токио явилось укрепление отношений со странами Евросоюза и США, связи с которыми рассматриваются в качестве противовеса возвышению Китая.

Отмечая важность для Японии военно-политического союза с США, А. Чижевска подчеркнула неоднозначность торгово-экономических связей между двумя странами. По ее мнению, новое экономическое соглашение (партнерство в Транс-Пасифике — ТРП) способно негативно повлиять на качество сельхозпродукции и в целом ведет к превращению Японии в своего рода колонию США. Она отметила, что новый японский премьер-министр С. Абэ поддерживает японских сельхозпроизводителей и старается смягчить тарифное давление на их продукцию.

Конференция завершилась приемом в Японском культурном центре в Варшаве. С приветственным словом к участникам конференции обратился генеральный консул Японии, который поблагодарил присутствующих за их доклады, отметив, что работа конференции внесла свою лепту в развитие современного японоведения.

© 2014

Л. Забровская,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

«Восточная Азия: вызовы современности». **Научная конференция молодых востоковедов** **в ИДВ РАН**

18 декабря 2013 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась I научная конференция молодых востоковедов на тему «Восточная Азия: вызовы современности».

С приветственным словом к участникам обратились директор ИДВ академик М.Л. Титаренко и заместитель директора ИДВ С.Г. Лузянин.

В работе конференции приняло участие более 30 молодых ученых, представляющих различные академические и учебные институты. На форум приехали молодые востоковеды из Владивостока, Якутска, Тулы, Харькова и Пекина. Были заслушаны и обсуждены 27 докладов, посвященных актуальным проблемам развития государств Восточной Азии и вопросам регионального сотрудничества. Заседания конференции проходили в четырех секциях: политика, экономика, общество и история.

На политической секции обсуждались вопросы российско-китайского взаимодействия, изменения геополитической архитектуры в Восточной Азии, а также различные аспекты внешней политики КНР и Японии. Был отмечен беспрецедентно высокий уровень отношений между РФ и Китаем в политической сфере при значительном нереализованном потенциале их развития в торгово-экономической, гуманитарной и военно-технической областях. На основе анализа новой расстановки сил в Восточной Азии указывалось на относительно слабые позиции России в региональной конфигурации (на фоне США, Китая и Японии) при имеющейся тенденции к их укреплению в связи с заинтересованностью стран региона в РФ как «честном игроке» и развитием экономического сотрудничества в Восточной Азии. Особый интерес участников вызвали доклады, посвященные внешней политике Китая в различных регионах мира, а также в энергетической сфере. Подчеркивалось стремление КНР играть роль «ответственной державы» в региональных и глобальных процессах.

На экономической секции анализировались различные направления и проблемы внутриэкономического развития Китая и Республики Корея, а также экономические отношения государств Северо-Восточной Азии друг с другом и с внерегиональными игроками (США и Евросоюзом). Участники конференции пришли к выводу, что несмотря на относительно стабильную экономическую ситуацию в таких странах как Китай и РК, основными вызовами для них станут не внешние угрозы, а внутренние социально-экономические проблемы: демографические (старение населения, снижение уровня рождаемости), гендерные (неравенство в заработных платах по гендерному признаку, низкий уровень занятости среди женщин), рост долгов домохозяйств и невозврат кредитов со стороны физических лиц, возрастающие трудовые издержки и растущая безработица среди молодежи.

В ходе обсуждения факторов и перспектив интеграции в Восточной Азии участниками было высказано мнение о том, что Россия должна проводить свою политику в регионе более активно, чтобы не оказаться в стороне от интенсивно протекающих процессов экономического сближения. На фоне активной политики других стран в дан-

ном регионе, лоббирующих свои интересы посредством создания и разработки альянсов в различных формах (например, в форме подписания соглашений о свободной торговле в двух-, трех- и многосторонних форматах или вхождения в Транстихоокеанское партнерство). Россия занимает выжидательную позицию и не участвует ни в одном из этих процессов.

Отдельный блок вопросов посвящался ключевым аспектам экономического сотрудничества России с двумя Корейскими государствами. Отмечалось, что, несмотря на достаточно позитивное развитие торгово-экономических отношений РФ и РК некоторые вопросы остаются неурегулированными, в частности, в сфере квот на добычу морских биоресурсов в российских водах южнокорейскими рыбаками. Анализ перспектив сотрудничества России с КНДР и РК показал, что двусторонний формат взаимодействия, который сейчас реализуется, при всей еще не до конца исчерпанной динамике, уже не полностью отвечает вызовам времени и нуждается в расширении. Этого требуют интересы реализации крупных энергетических и инфраструктурных проектов в регионе.

В секции, посвященной вопросам общественного развития и культуры, особое внимание участников было уделено инструментам и тактике использования государствами Северо-Восточной Азии так называемой «мягкой силы», которая на современном этапе превратилась в один из главных факторов влияния государств на мировую политику, наряду с военно-политическими и экономическими ресурсами. Докладчики, в частности, высоко оценивали результаты политики Японии и Республики Корея по улучшению своего международного имиджа путем распространения элементов национальной поп-культуры за рубежом. На основе анализа успешного опыта Китая в продвижении собственного языка и культуры на мировой образовательный рынок были даны рекомендации по реализации Россией эффективной стратегии экспорта образовательных услуг. Участниками также были рассмотрены вопросы функционирования негосударственных организаций в КНР, являющихся важным элементом политической реформы Китая на современном этапе.

В исторической секции участники представили современный взгляд на некоторые проблемы исторического развития государств Восточной Азии. В частности, обсуждались вопросы научной революции в Китае, концепция демократии с корейской спецификой, история тайского бокса и другие. Все доклады вызвали интерес и живую дискуссию, показав, что затронутые темы актуальны и интересны для молодых востоковедов.

В завершение конференции участники высказывали пожелания, чтобы подобные форумы в дальнейшем проводились на регулярной основе.

© 2014

*Л. Захарова,
к.э.н., с.н.с. Центра корейских исследований,
Председатель совета молодых учёных ИДВ РАН*

Рецензии

Концепции современного востоковедения. СПб.: КАРО, 2013. 464 с.

Изучение Востока требует постоянного обогащения и обновления исследовательской методологии. Об этом напоминает новая коллективная работа, подготовленная на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Предисловие сообщает, что «книгу готовили двадцать шесть авторов и редактировали два ответственных редактора» (С. 5) — профессора Восточного факультета СПбГУ Е.И. Зеленев и В.Б. Касевич. Помимо петербургских востоковедов, в написании книги приняли участие исследователи из московских вузов.

Книга рекомендована как пособие для обучающихся в магистратуре по специальности «Востоковедение, африканистика». Знакомство с многообразием подходов и оценок в материалах разных авторов приучает начинающего востоковеда к самостоятельному размышлению о поставленных проблемах.

По мнению редакторов, современное востоковедение должно «обрести надотраслевую научную парадигмальность, сохраняя собственную обособленность и впитывая в себя методики и понятийный аппарат десятков других наук» (С. 7). Главное место в книге заняла проблема соотношения востоковедения с гуманитарными и общественными науками, их интеллектуального взаимодействия и взаимного обогащения. Список приоритетных научных сфер, ставших «партнерами востоковедного знания», перечислен на обложке книги: лингвистика, история, антропология, философия, психология, конфликтология, религиоведение, культурология, искусствоведение, глобализация, культурогенез.

Книга состоит из двух примерно равных по объему частей. Первая часть «Общие вопросы классического востоковедения» посвящена обсуждению междисциплинарного взаимодействия востоковедения с иными науками. Вторая часть «Концепции и методы современного востоковедения», по замыслу составителей, «имеет ярко выраженную инновационную на-

правленность». Здесь авторы предлагают свои востоковедные концепции и рассказывают об их практическом применении.

Книга ставит вопросы о том, как адаптировать классическое востоковедение к вызовам современности, не допуская при этом его разрушения в качестве специфического знания о не-западных обществах и растворения востоковедной проблематики в рамках широких научных дисциплин. По определению В.Б. Касевича, «востоковедение — фундаментальная наука, изучающая материальную и духовную культуру традиционалистских сообществ и устанавливающая закономерности их развития» (С. 33). Востоковед «ищет прежде всего закономерности, отражающие традиционалистский характер языковых структур, эстетических систем, социальных структур» (С. 33–34). Вместе с тем «вопрос о методе в востоковедении не вполне ясен. Можно сказать лишь, что имея в качестве основного объекта тексты, востоковед обречен прибегать к историко-филологической методике анализа» (С. 34)

Другие авторы указывают на «специализированную дробность востоковедения», охватывающего очень разные дисциплины и регионы, и одновременно на «междисциплинарный и интегрирующий характер востоковедного знания» (С. 66). В качестве методологической специфики востоковедения подчеркнут «комплексный подход к изучению культур», отмечается, что эта практика «оказалась верной стратегически перед лицом современных течений в гуманитарии» (С. 203). Поскольку востоковедение является комплексной дисциплиной, «востоковедом не способен стать человек, не постигший, хотя бы в основных деталях целостность изучаемой восточной культуры», при этом в сфере искусствознания комплексный подход к восточной культуре позволяет «компенсировать субъективность априорных герменевтических ожиданий» (С. 206).

Во введении М.С. Мейер заметил, что востоковедение становится все более междис-

циплинарным и ориентированным на проблемы современности, и это можно видеть на примере опубликованных в книге материалов. Может ли востоковедение претендовать на статус обобщающей надотраслевой научной дисциплины? И можно ли разумным образом продолжать объединять очень разные страны и регионы под вывеской Востока? Даже если ответы на оба вопроса будут положительными, они нуждаются в содержательном обосновании. По мнению М.С. Мейера, «ясно, что прежняя характеристика Востока как части человечества, где господствует традиционализм, сегодня не работает. Потенциал развития современного азиатско-африканского мира ничуть не меньше, чем у ведущих держав Запада» (С. 12).

Поиск новой парадигмы востоковедения выходит за пределы привычной борьбы с «западоцентризмом» и «колониализмом» в науке, а также за рамки поисков замены для марксистских схем. Былые упования на повсеместный модернизационный переход от традиционализма к современному обществу оказались несостоятельными, а постмодернистское увлечение понятием «культура» привело к пониманию мирового процесса как «вражды цивилизаций», отмечает В.В. Бочаров (С. 81). Е.И. Зеленев и Н.А. Самойлов указывают, что обозначавшееся в российских социальных и гуманитарных науках в период перестройки и распада СССР «стремление полностью заменить стадийно-формационный подход на цивилизационный в настоящее время несколько ослабло, и на первый план выходят попытки создания новых «синтетических» теорий развития человеческого общества» (С. 239). Авторы предложили соединить лишенный географических характеристик духовный цивилизационный подход с региональным, обладающим осязаемым пространственным содержанием.

Приоритетное внимание в книге уделено изучению языка и литературы (авторы разделов А.К. Оглоблин, В.Б. Касевич, А.В. Образцов, М.Л. Рейснер). Этот акцент вполне оправдан в силу важности для востоковедов языка и текста. Н.Н. Дьяков предложил кратко определить главный объект востоковедного исследования как «языки и традиции Востока» (С. 110). При этом язык выступает не только как объект, но и как необходимый инструмент, дающий доступ к пониманию текста на восточном языке — «это не только материал для научных исследований, но и средство вживания в восточный духовный мир, без чего не может быть настоящего востоковеда» (С. 52). В книге показана история становления и развития восточной

филологии в России, продемонстрирована сохраняющаяся важность лингвистических подходов к изучению Востока, содержательно рассмотрены сложности, возникающие при включении обладающего уникальными характеристиками восточного материала в обобщенную схему истории мировой литературы.

Очерк «Востоковедение и философия» (Р.В. Светлов) рассказывает о вкладе философской компаративистики в развитие востоковедения и об идущей от французского мыслителя П. Массон-Уреля стратегии равноправного сопоставления восточных и западных философских культур. Философская проблематика заслуживала более подробного освещения, поскольку неизбежное при кратком объеме (всего 9 страниц) обобщение материала не позволяет увидеть частности — а они при изучении Востока весьма важны.

Это произошло при попытке противопоставить широкое западное увлечение «восточной мудростью» невысокому интересу Востока к западной философии: «Для массы даже образованных индусов, китайцев и арабов европейская метафизика (в отличие от технических навыков) никогда не была, да и не будет модным явлением» (С. 148). Можно спорить о том, какой масштаб увлечения метафизикой, требующей серьезных мыслительных усилий, можно назвать «массовым» или «модным». Однако в Китае в 1920–40-е гг. искренний и живой интерес интеллектуалов к западной метафизике, несомненно, присутствовал. Об этом свидетельствует созданная в процессе творческого переосмысления западных идей система «плюралистической гносеологии» Чжан Дунсуня, синтетическая китайско-западная метафизика «современного неоконфуцианства» Фэн Юляня, и — в особенности — созданная Цзинь Юэлинем метафизика *дао*, сочетавшая западные методы и китайские термины.

Заметим, что приведенный в книге пример двух значимых философских событий — создание неоконфуцианской школы Чжу Си (XII в.) и публикация в начале 1920-х гг. «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна (С. 155) — непреднамеренно «старит» китайскую философию, смешая ее достижения в далекое прошлое по отношению к Западу. А ведь в этой паре место Чжу Си вполне могли бы занять Фэн Юлянь или Цзинь Юэлинь — по крайней мере, оба пытались опереться на труды западной аналитической философии, они спорили с Витгенштейном и даже стилистически подражали ему. Полное освоение философского измерения современного востоковедения требует внимания

не только к сопоставлениям, но и к творческому феномену современного конфуцианства, представители которого интересовались и интересуются западной метафизикой, видя в ней ресурс для развития китайской философии.

Большое внимание в книге уделено экономической науке. Это актуальная и важная тема, от востоковедов ждут убедительных объяснений как бурного экономического роста на Дальнем Востоке, так и его драматического отсутствия на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Представленные в книге тематически близкие разделы «Востоковедение и экономическая теория» (С.Ф. Сутырин, Л.В. Попова, М.Н. Самойлова) и «Экономические концепции современного востоковедения» (Р.М. Нуреев) удачно дополняют друг друга, хотя из-за принадлежности к разным структурным частям книги, «классической» и «инновационной», между ними пролегла дистанция в двести страниц.

Первый текст дает представление о коллизии между стремлением экономистов создавать универсальные теории и необходимостью учета региональной специфики. По мнению авторов, принципы организации хозяйственной жизни на Востоке не укладываются «ни в формационную концепцию К. Маркса, ни в рамки классической экономической теории, основанной на модели рационального человека и совершенного рынка» (С. 129). Было признано, что на формирование экономических систем повлияли цивилизационные ценности Востока. Вместе с тем авторы отмечают, что «попытки связать современные экономические успехи Китая с влиянием конфуцианской традиции представляются некорректными» (С. 130), поскольку китайское конфуцианство стремилось к социальной гармонии, на высшие ступени выдвигали ученых-чиновников, традиция поддерживала идеи равенства и справедливости наряду с негативным отношением к частному предпринимательству.

Хотя появившиеся в прошлые десятилетия многочисленные публикации о достоинствах «конфуцианского капитализма» южнокорейского, сингапурского или тайваньского образца зачастую граничили с саморекламой развивающихся рынков, знакомство с иными точками зрения на проблему соотношения конфуцианства и развития было бы полезным для расширения кругозора читателя. Более того, приведенные авторами аргументы вполне можно использовать для обоснования противоположного вывода о благотворности влияния традиции на современное развитие Китая. Во-пер-

вых, стремление к гармонии помогает ныне сгладить противоречия рыночной экономики, предотвращает возникновение разрушительных социальных конфликтов, позволяет задействовать роль моральных регуляторов экономического поведения. Во-вторых, традиция меритократического «возвышения мудрых» через экзамены позволила сформировать высокий стандарт интеллектуальной компетенции государственного аппарата, способного в наши дни ставить и реализовывать долгосрочные цели развития. В-третьих, конфуцианское пренебрежение властей к предпринимательству можно назвать скрытым благом, поскольку чиновничество не стремилось к превращению государства в «хозяйствующий субъект».

Статья Р.М. Нуреева рассказывает о проблеме с точки зрения экономической науки. В ней содержательно охарактеризованы различные концепции стратегии догоняющего развития, институциональные теории модернизации, рассмотрены критические доводы в адрес неоклассической теории сравнительных преимуществ и дискуссия о неэквивалентном обмене. В завершение дается обзор работ отечественных исследователей, занимавшихся проблемами социально-экономического развития «третьего мира».

Еще одна пара перекликающихся друг с другом статей из двух частей книги — «Востоковедение и конфликтология» (В.Н. Колотов) и «Востоковедный ракурс международных отношений» (А.Д. Богатуров). Автор первого материала подчеркивает «связь между развитием востоковедения и продвижением военно-политических интересов наиболее развитых держав, которые хотели лучше понять противника, мотивы и логику его действий» (С. 170). В качестве отдаленного исторического примера «востоковедной конфликтологии» приведена деятельность иезуитских миссионеров в Китае и Вьетнаме, разработанная ими стратегия дискредитации местных вероучений и религиозных сообществ, расшатывания устоев государства. Более свежий прецедент — умелое использование суверенного страха населения Филиппин перед ванширами в ходе операций американских спецслужб в XX в. Не менее убедителен пример неудач США во вьетнамской войне, обусловленных недостатком профессиональной востоковедческой экспертизы — впрочем, как указывает автор, сходные проблемы преследовали и советскую внешнюю политику.

Следует согласиться с мнением В.Н. Колотова что «державы, претендующие на достойное отставание своих интересов на

Востоке, должны позаботиться об обеспечении преемственности подготовки национальных востоковедных кадров, а также их интеграции в процесс выработки наиболее адекватной внешней и внутренней политики» (С. 185). Это напоминание весьма актуально для современной России.

А.Д. Богатуров подчеркнул, что «прогнозирование и анализ современного международного конфликта в огромной степени зависит от понимания закономерностей эволюции западных составляющих мира» (С. 269). Исследователь указал на несостоятельность ожидания перехода традиционных обществ к западной модели развития, более того, «неумеренная вестернизация» невыгодна экономически и политически конфликтозна» (С. 261). Незнание специфики Востока обесценивает западные общественные науки, поэтому востоковедение призвано вводить знания о специфике западных обществ в оборот общих дисциплин (исторических, экономических, культурологических). Один из примеров, приведенных автором — необходимость понимания восточной иерархии ценностей не как временного переходного явления на пути от «отсталости» к «передовым» западным стандартам, а как естественного порождения общества с иной культурной организацией. «Набор ценностей, которые определяют международное поведение разных стран, может быть во многом одинаковым. Не одинаковы места, которые занимают одни и те же ценности в западных и западных ценностных иерархиях» (С. 266).

В «инновационной» части книги А.Г. Сторожук с опорой на китайский материал указал на важность изучения ритмов и кодов культуры. По мнению исследователя, «максимально абстрактное математическое описание систем ритмов, характерных для различных культур, с высокой долей вероятности привело бы не только к детальному пониманию конкретных проявлений каждой традиции, но и позволило бы вычленивать те области совпадения, которые следует учитывать при выстраивании взаимодействия между цивилизациями» (С. 318).

Н.А. Самойлов предложил целостную концепцию истории социокультурного взаимодействия и формирования геокультурных пространств, которая была приложена к истории российско-китайских контактов. В статье выделены фазы идентификации (XVII в., первые посольства), активации (торговля в Кяхте и Маймайчэне), адаптации (вторая половина XIX в.), переход к активному социокультурному проникновению России в Ки-

тай в начале XX в. (С. 338–339). Большой интерес представляют размышления ученого о роли находившихся на российской службе иностранцев как носителей западной социокультурной традиции.

В первой части книги были рассмотрены связи востоковедения с антропологическим дискурсом (В.В. Бочаров), образом мира в историческом знании (Е.И. Зеленов), правоведением (Л.Р. Сюкияйнен), психологией (О.Ю. Завьялова), религиоведением (В.В. Емельянов), культурологией (А.Г. Сторожук), искусствоведением (Н.В. Алферова). Во второй части можно найти очерки «Востоковедение и процессы глобализации» (О.Б. Озеров), «Культурогенез в свете концепции геокультурного пространства и поля» (Е.И. Зеленов), «Новые концепции в изучении культуры Древнего Востока» (В.В. Емельянов). В ряде случаев теоретические обобщения сформулированы на основе изучения частных проблем: «Об именной классификации в языках нигер-конго, типологии именных классификаций и взаимодействии языковых и внеязыковых данных» (А.Ю. Желтов), «Тибетология и монголоведение как часть востоковедного знания» (В.Л. Успенский), «Основные концепции развития письма у тюркских народов в древности» (Н.Н. Телицин), «Опыт социопсихологической интерпретации уголовных законов китайской династии Тан (618–907 гг.)» (В.М. Рыбаков).

Достоинством книги является подробная библиография, к сожалению, не свободная от погрешностей. В частности, шанхайские издания памятников «Го юй» и «Тан луй шу», «Словарь имен иностранцев, пославших Китай в новое время» и монография Янь Годуна «История российского Китаеведения до 1917 г.» случайно попали в раздел литературы на русском языке. Не удалось убедиться в существовании перевода «Лунь юй» Конфуция, изданного в Москве в 1968 г. В будущих изданиях подобного рода можно порекомендовать составлять более детальную библиографию с указанием названия издательства. С учетом богатства и многообразия вводимого материала именной указатель также не стал бы излишним.

В центре внимания авторов книги находилась отечественная востоковедная традиция: история ее формирования, ее специфика, в том числе обусловленная статусом России как западного общества, основные школы, взгляды и произведения. Это вполне обоснованный акцент, поскольку начинающие востоковеды должны иметь адекватное представление о на-

циональных достижениях в этой сфере.

В будущем при работе над темой стоило бы включить в обновленное издание отдельные обобщающие разделы о современном зарубежном востоковедении, его методах, школах, персоналиях, ключевых дискуссиях. В нынешней книге эта информация неравномерно разбросана по отдельным очеркам. Материал можно было бы структурировать либо по регионам изучения (зарубежное Китаеведение, индология, арабистика), либо по изучающим регионам (востоковедение США, Европы, развивающегося мира). Это непростая задача, в том числе и потому, что финансовые

трудности постсоветских лет привели к серьезным перебоим с комплектованием российских научных библиотек западной востоковедной литературой.

Важно при этом уделить внимание «восточному востоковедению», то есть современному изучению странами Востока собственной культурно-цивилизационной специфики с опорой на заимствованные на Западе научные методы. В качестве примера незападной востоковедной рефлексии можно упомянуть споры китайских интеллектуалов о соотношении иностранной синологии и «национального учения» (*госюэ*) как «китайского Китаеведения».

© 2014

*А. Ламанов,
доктор исторических наук*

Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. 392 с.

На базе большого фактического материала в книге «Крах монархии в Китае» показано историческое развитие Китая через призму существования в этой стране такого государственного института, как монархия с эпохи первой централизованной империи Цинь до Синьхайской революции 1911 г., свергнувшей маньчжурскую династию Цин, дается анализ социально-экономических и политических процессов столь длительного периода китайской истории, получившего название имперского. История Китая, одна из самых продолжительных в истории человечества, насчитывает 40 столетий, из которых 22 века приходится на ее имперский период, т.е. на время, когда в Китае существовали империи и господствовала монархическая форма правления. Автор рассматривает состояние китайского общества на протяжении более двух с лишним тысяч лет, с древности до второго десятилетия XX столетия в условиях монархической формы правления и многостороннего синтеза традиционных институтов управления и современных для каждой эпохи имперского периода начал в их сложном взаимодействии. Для авторского подхода характерны самостоятельность и новизна. Так, взгляд автора существенно отличается от всех предшествующих работ историков в видении монархической формы правления в тех исторических процессах, которые проходили в течение имперского периода китайской истории. Обычно история Китая имперских эпох от

Цинь до Цин рассматривается, прежде всего, как череда крестьянских восстаний и революций (восстания «желтых повязок», тайпины, ихэтуани, Синьхайская революция). В той же мере все периоды между этими революциями и восстаниями рассматриваются только с точки зрения политического движения (национально-освободительное и т.д.). Такого рода "революционная" концепция характерна как для китайских, так и для российско-советских историков. В отличие от своих предшественников автор книги "Крах монархии в Китае" рассматривает историю Китая имперских эпох не как череду восстаний, а как комплексное общественное состояние, в котором весьма значим был институт монархии, рассматриваемый как системное явление в своем специфическом развитии. В этом плане дается и периодизация истории Китая, в которой он рассматривает монархическую форму правления, доминировавшую в течение всего периода истории Китая, как важную часть общеполитической общественной эволюции страны, как одно из слагаемых в рамках системного подхода к истории. Отсюда проистекает объективный подход автора книги к предмету изучения, а с ним и более реалистичная периодизация столь значимого для китайской истории процесса, связанного с формированием важнейшего института государственного управления, который не прерывался на всем протяжении возникновения и падения империй более чем двухты-

счелетнего функционирования этого государственного института. Интересны были бы параллели с монархическими формами правления в других странах — великих державах, в частности, с институтом монархии в Российской империи, тем более, что во второй половине XIX в. правящие круги России оказывали поддержку правящей династии Цин в войнах Китая с западными державами и в подавлении крестьянского восстания тайпинов.

Новаторской стороной рецензируемой книги является рассмотрение истории Китая от эпохи Цинь до правления династии Цин в свете теории и процессов формирования монархической формы правления, проходящих через всю древнюю, средневековую и новую историю страны. В этой работе данная концепция проецируется на эволюцию и развитие Китая в новейшее постимперское время. На наш взгляд, это вообще новый подход к истории Китая, не только его имперского, но и постимперского периодов. Вместе с тем, данный вопрос носит дискуссионный характер и содержит достаточно спорных моментов, вызывающих возражения и требующих широкого обсуждения. Тем не менее, становление монархической формы правления в истории Китая и теоретическое осмысление этой проблемы автором книги в любом случае представляется новым словом среди существующих концепций, оценок и выводов других авторов предшествующих исследований и общих работах по истории Китая. Для рецензируемой книги характерен комплексный подход к истории Китая имперского периода. Тем не менее, упор сделан на имперскую составляющую этого процесса, а именно, на особенности формирования государственного института монар-

хии на всем протяжении истории этой страны. Видимо, такова была изначальная цель, поставленная автором. С данной задачей автор книги «Крах монархии в Китае» справился в полной мере. Вместе с тем, кратко освещены экономические и социальные аспекты темы. В самых общих чертах показана и внешнеполитическая обстановка вокруг Китая того времени, и роль иноземцев в формировании монархической формы правления, что немаловажно, поскольку династии иностранного происхождения столетиями правили в Китае и данное обстоятельство весьма существенно повлияло повлиять на ход и события истории Китая.

И последнее. К сожалению, в книге недостаточно полно нашли отражение исторические процессы, происходившие в имперский период среди не китайских народов — подданных Поднебесной, оказавшие, как отмечалось выше, огромное влияние на историю этой страны в указанный период, прежде всего, в Синьцзяне — Восточном Туркестане, Тибете, Внутренней Монголии.

В общем и целом, рецензируемая книга Ю.В. Чудодеева «Крах монархии в Китае» является серьезным научным исследованием. Автором всесторонне отражены наиболее важные события этого имперского периода и непреходящая роль института монархии. Читателю представлена крайне интересная работа. Ее наиболее ценная сторона — это нестандартный новаторский подход с выдвинутым целым рядом крайне интересных концепций, положений и оценок. Все это дает возможность китаеведам по-новому взглянуть на коренные проблемы и процессы истории Китая в имперский период, связанный с формированием и функционированием монархической формы правления.

© 2014

*А. Кадырбаев,
доктор исторических наук*

Важный мост между культурами. Об энциклопедии «Духовная культура Китая» (М.: Вост. лит., 2006–2010. Т. 1–6)

В прошлом российские китансты сосредоточили свое внимание на исследовательской работе в области литературы, искусства, языка, истории и дипломатии, однако не было научных трудов, в которых бы всесторонне рассматривались проблемы китайской духовной культуры. Это не соответствовало необходимо-

сти обеспечить высокие темпы информатизации. Таким образом, перед российскими китаеведами была поставлена задача — создать подробные и всеобъемлющие справочные издания, посвященные китайской цивилизации.

В России составление словарей имеет давние и лучшие традиции. По изучению лек-

сикографической теории и практики терминологии Россия занимает ведущее место в мире. В этом заключается феномен создания русских словарей высокого качества. «Большая советская энциклопедия», «Советский энциклопедический словарь», «Большая российская энциклопедия» и другие издания ознаменовали собой наивысший уровень создания российских энциклопедий того времени. Кроме того, энциклопедические словари богаты и разнообразны по видам и направлениям.

В 1989 г. московское издательство «Прогресс» выпустило «Энциклопедию нового Китая»¹, переведенную с английского оригинала. Она вышла в китайском издательстве иностранных языков. Книга состоит из пяти частей: «Земля и народ», «История», «Политика», «Экономика» и «Культура». В ней в общих чертах описывается новый Китай. Эта книга играет важную роль в понимании Китая русским народом, однако она содержит информацию о Китае глазами китайцев. Кроме того, ограниченный объем книги не позволяет глубоко понять и проанализировать многие сложные явления культуры. Поэтому невозможно хорошо разобраться в истории китайской цивилизации, а также в духовной культуре, передаваемой из поколения в поколение и сохраняемой долгое время, что позволило китайскому народу не только увеличить демографию, но и интенсивно развиваться.

Благодаря многолетним стараниям, современные российские китаеведы в 2010 г. выпустили для китайских и российских читателей комплексное шеститомное энциклопедическое издание «Духовная культура Китая». Это свидетельствует о том, что русское китаеведение вышло на совершенно новый уровень.

Энциклопедия была подготовлена в институте Дальнего Востока РАН, главный редактор издания — директор ИДВ РАН, председатель Общества российско-китайской дружбы академик РАН М.Л. Титаренко. Это уникальный труд, в написании которого участвовали главные авторитетные специалисты России по различным аспектам китайской цивилизации. Многотомную энциклопедию «Духовная культура Китая» вполне можно назвать первым в российском и западном китаеведении изданием, в котором представлено масштабное описание китайской цивилизации с древности до наших дней. Она стало своеобразной вехой не только в истории китаеведения в России, но и

мирового китаеведения в целом. В предисловии авторы отметили значимость и актуальность составления энциклопедии: «Энциклопедия создавалась как ответ на научные и образовательные запросы современности в связи с необычайным ростом общественного интереса к китайской культуре, опыту модернизации этой страны. Авторы и составители энциклопедии учитывали не только значительное влияние китайской духовности на формирование культуры многих соседних с Китаем стран, но и тот факт, что китайская культура составляет весомую часть сокровищницы мировой культуры. Кроме того, принималось во внимание и то, что быстро меняющийся в ходе осуществления политики реформ и открытости Китай становится одной из мировых держав, определяющих во многом будущее человечества и мировой цивилизации» (Т. 1. Философия. С. 13). Выпуск энциклопедии отражает глубокое чувство ответственности перед обществом, долг перед наукой, широкий научный кругозор и горячую любовь к китайской культуре таких ведущих российских китаеведов, как М.Л. Титаренко, Б.Л. Рифтин, А.Е. Лукьянов и др.

Энциклопедия представляет собой прекрасно оформленный, универсальный шедевр и крупномасштабную, замечательную работу. Она интегрирована в единое целое, объединена общими терминологическими и стилистическими стандартами. Энциклопедия состоит из шести томов: «Философия», «Мифология. Религия», «Литература. Язык и письменность», «Историческая мысль. Политическая и правовая культура», «Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование» и «Искусство». Объем каждого тома — около тысячи страниц. В отличие от обычных справочников и словарей, энциклопедия включает три раздела. Общий раздел содержит статьи и очерки, которые отражают главные темы и проблемы духовной культуры Китая. Из них читатели могут узнать об общем процессе и главных особенностях развития духовной культуры Китая. Если эта информация для читателя будет недостаточна, то можно найти соответствующую статью по словарному разделу. Статьи внутри словарного раздела следуют в алфавитном порядке. В них представлены основные понятия и категории, школы и направления, произведения и персоналии в истории духовной культуры Китая. Справочный раздел в разных томах включает указатели, тематическую библиографию, карты Китая разных эпох, хронологическую таблицу, а также список авторов тома с указанием написанных ими статей.

1. Энциклопедия нового Китая: Пер. С англ. М.: Прогресс, 1989.

Рассматривая содержание шеститомной энциклопедии, мы выделяем следующие ее особенности:

1. Энциклопедические статьи подобраны тщательно и точно, с учетом новых и последних данных. Подбор статей это большой интеллектуальный труд составителей и авторов словарей. При неправильном подборе статей читатель не может найти основную мысль, ведь как гласит китайская поговорка: «потерял арбуз, а ищет кунжут». Энциклопедия удачно решила эту проблему. В качестве примера можно привести том «Литература», в котором представлены главные школы, термины, произведения и писатели китайской литературы различных времен. Просматривая эти статьи, можно найти информацию по основным тенденциям развития китайской литературы. Энциклопедия значительно расширяет круг хорошо известных нам имен китайских писателей. В словарные разделы включена различная информация, например, «три Цао», «Семь мудрецов бамбуковой роши», «Восемь великих писателей эпох Тан и Сун». Ли Бо, Ду Фу и др. Огромное внимание уделено также и современным писателям, таким как Чжан Айлин, Цянь Чжуншу, А Чэн, Бэй Дао, Цзя Пинва, Те Нин, Мо Янь, Юй Хуа и т.д., в том числе и романистам-историкам Тан Хаомину и Эр Юэхэ. В состав четвертого тома «Историческая мысль. Политическая и правовая культура» вошли новейшие статьи, такие как «Ли Кэцян», «Си Цзиньпин», «Сяо кан», которые непосредственно связаны с текущими новостями и событиями в Китае. Итак, можно отметить, что значительное обновление текста статей — отличительная особенность каждого тома энциклопедии.

2. Энциклопедия дает строгую и точную дефиницию термина. Смысловая точность слова является одним из важнейших показателей качества справочных пособий. Составители энциклопедии с большой ответственностью выполнили серьезную работу. Достойным примером может служить толкование известной литературной антологии и теоретического труда «Вэнь сюань» («Избранные произведения изящной словесности», VI в.) в третьем томе «Литература. Язык и письменность».

Изучение и комментирование труда «Вэнь сюань» (*вэнь сюань сюэ*), а также трактата «Резной дракон литературной мысли» Лю Се (*вэнь синь дяо лун сюэ*) составили отдельные направления в традиционный китайской филологии. По разным причинам исследования «Резного дракона литературной мысли» («Вэнь синь дяо лун») представляют гораздо больший

интерес для ученых, чем исследования «Вэнь сюань». Однако русские Китаеведы уделили пристальное внимание изучению «Вэнь сюань»: они написали специальную статью о ней и дали ясное, четкое и объективное толкование.

Кроме того, теория об изящной словесности *вэнь*, изложенная Сяо Туном в предисловии к «Вэнь сюань», была сопоставлена с современными ему взглядами в «Вэнь синь дяо лун», причем автор статьи приводит цитату из «Вэнь сюань» в качестве примера: «Когда Фу Си стал царствовать в Поднебесной, он начертал восемь черт [т.е. триграмм], тем изобретя письменный документ, дабы устранить правление [посредством] узелкового письма. С тех пор и появились словесные записи» (Т. 3. Литература, язык и письменность. С. 255). Таким образом, при всестороннем сравнении было выявлено положение Предисловия в истории китайской литературной критики, что подчеркивает замечательные достижения русского Китаеведения и серьезное научное отношение русских Китаеведов. Подобных примеров довольно много, невозможно перечислить все.

3. Энциклопедия охватывает различные области знания, содержит информацию по разным сферам духовной культуры Китая, предоставляет китайским и российским читателям немалые ценные материалы. Некоторые сведения малозвестны даже китайским ученым. Например, в общем разделе второго тома академик Б.Л. Рифтин сделал прекрасное исследование общих мифологических тем китайцев и их соседей. Исследуя миф о стрельбе в солнце Хоу И, он принял во внимание то, что среди национальностей *чжуан* и *мяо*, трех национальностей, проживающих на острове Лусон Филиппинского архипелага и даяков Индонезии, тоже распространены подобные мифы. Впоследствии автор нашел аналогичные сюжеты в тунгусских, монгольских и нивхских сказках. При анализе похожих мифов у разных национальностей, автор предполагает, что, по сравнению с легендами и преданиями соседних народов, миф о стрельбе в солнце Хоу И отражает поздний период развития мифологии. Даже этот маленький фрагмент из исследовательской программы предлагает читателям достаточное количество информации, которая, благодаря правильным рассуждениям автора, несомненно, расширит кругозор читателей.

4. Большая насыщенность энциклопедии фактическим материалом, обилие дополнительных сведений сохраняют за ней значение важного справочного издания. Энциклопедия написана в своеобразной манере исследования:

авторы и составители данной книги не ограничиваются одной версией, а прибегают к нескольким источникам, творчески заимствуя и широко используя самые последние достижения мирового Китаеведения. К каждой статье дается список справочной литературы. Например, в первом томе «Философия» к статье о Ван Янмина школе, написанной А.И. Кобзевым, в такой список входит более 14 работ, такие как «Отчет об учениях конфуцианцев [эпох] Мин» Хуан Цзунси, «История учения о принципе [эпох Сун и Мин]» под ред. Хоу Вайлу и др., «Учение Ван Янмина и классическая китайская философия» и «Философия китайского неоконфуцианства» А.И. Кобзева и произведения европейских, американских и японских ученых (Т. 1. Философия. С. 188). В списке литературы к статье о Лу Сине, составленной В.Ф. Сорокиным, автор прилагает список, в котором более 20 книг. Авторы энциклопедии потратили много сил на подбор качественного материала, что позволило им рассматривать китайскую культуру под особым углом зрения, о чем сказано в предисловии к энциклопедии: «Одна из генеральных целей проекта — представить китайскую духовную культуру так, как она выглядит сквозь призму российской синологии» (Т. 1. Философия. С. 13). Например, после изложения биографии поэта Западной Цзинь Лу Цзи, автор рекомендует читателям познакомиться с двумя влиятельными книгами о творчестве Лу Цзи «Лу Пингъюань цзи» и «Лу Ши-хэн цзи». На основе богатого фактического материала, подробно анализируя поэму «Вэнь фу» и темы поэзии Лу Цзи, ценя художественное достоинство его творений, автор ссылается на оценки о Лу Цзи, сделанные Чжун Жуном, Шэнь Юе, Лю Се, Шэнь Дзянцем, и предлагает свою точку зрения (Т. 3. Литература, язык и письменность. С. 340). В этом мы видим несомненные достоинства русских Китаеведов.

5. Статьи энциклопедии имеют высококачественные иллюстрации. Тщательно подобранные, они дополняют и углубляют содержание книги, что помогает читателям лучше уяснить смысл прочитанного. Всем известно, что китайские каллиграфия и живопись — сокровища Китая, которые имеют не только функции информационного обмена, но и обладают значительной эстетической ценностью. Из-за скучных объяснений человек может по-

терять интерес к китайским традиционным искусствам, поэтому, тщательно обдумав все эти факторы, авторы дополняют энциклопедию множеством иллюстраций. Некоторые из них чрезвычайно драгоценны: их трудно найти даже внутри страны. Очевидно, что авторы приложили все усилия, чтобы собрать необходимый материал. В разделе «Китайская каллиграфия» автор упоминает систему «Восьмь правил иероглифа юн», в состав которых входят все основные 8 элементов иероглифов, которые представляют собой главные методы ведения кистью, включая точку (*цзэ*), горизонталь (*лэ*), вертикаль (*ну*), крючок (*ти*), откидную (*цэ*), откидную (*люэ*), откидную (*чжэ*), откидную (*чжэ*). Однако такая статья была бы недоступна для иностранцев, начинающих изучать китайский язык, если бы составители не приложили к ней иллюстрацию. Кроме того, в состав данного тома входят и иллюстрации к произведениям известных древних и современных мастеров китайской каллиграфии и живописи, в том числе Ван Сичжи, Ми Фу, Дун Цицана, Вэнь Чжонмина, Тан Иня, Ци Байши, Ли Кэжана и др., что не только доставляет наслаждение читателям, но и позволяет им полностью ощутить очарование памятников и произведений искусства традиционной культуры Китая.

Однако нет книги без ошибки. Для энциклопедии это тоже не является исключением. В ней имеется некоторое количество более или менее существенных недоработок, поэтому отдельные статьи энциклопедии нуждаются в дополнении и исправлении. Некоторые иероглифы в ней написаны неправильно. Еще один пример: срок полномочия бывшего ректора Центральной театральной академии известного режиссера, Сюй Сяочжуна — 1983–1999 гг., а в шестом томе эта информация дана неточно: 1983–2002 гг. (Т. 6, дополнительный. С. 712). Кроме того, вместо имени актера Чэнь Даомина в фильме «Герой», снятом режиссером Чжан Имоу, написано имя Цзян Вэня. Однако, как говорится, «изъяны самовсета не могут затмить его блеска». Отмеченные недостатки несколько не влияют на качество энциклопедии.

Таким образом, энциклопедия содержит большое количество информации, обо всем рассказать невозможно. Главная задача читателей — раскрыть тайны этой книги.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны. Война с Японией. М.: Кучково поле, 2013. 864 с., 24 л. ил.

В канун празднования 68-й годовщины Великой Победы в издательстве «Кучково поле» вышел в свет пятый том 12-томного фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» (Председатель редакционной комиссии издания академик РАН Г.Н. Севостьянов, руководитель авторского коллектива доктор исторических наук, профессор В.П. Зимонин.).

Проект в целом осуществляется под руководством Главной редакционной комиссии. Председатель комиссии — министр обороны Российской Федерации. Заместитель председателя — научный руководитель труда — доктор исторических наук, профессор, академик РАН, генерал-майор в отставке В.А. Золотарев.

5-й том охватывает период ведения Советским Союзом военных действий против Германии и ее союзников на европейском и Дальневосточном театрах за пределами советской государственной границы. В нем раскрывается интернациональная миссия СССР и его Вооруженных сил по освобождению народов стран Европы и Азии, находившихся под оккупационным и колониальным гнетом. Дается всесторонний анализ деятельности советского политического и военного руководства на завершающем этапе Второй мировой войны, показываются не только как их готовность к самопожертвованию ради достижения победы, но и героизм и самоотверженность воинов Красной армии и Флота, достижения советского военного искусства, так и решающий вклад СССР в разгром агрессоров на Западе и Востоке Евразии и в установление послевоенного мира.

Книга ориентирована на широкий круг читателей, интересующихся историей Отечества. Особенно полезна она для специалистов, занимающихся историей стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Перед авторским коллективом была поставлена сложная задача: в отдельном томе раскрыть содержание, формы и методы осуществления Советским Союзом и его Вооруженными Силами во взаимодействии со своими союзниками освободительной миссии в зарубежных странах Европы и Азии, показать их решающую роль в разгроме войск агрессоров на их

собственных территориях, так и в ликвидации нацистского режима в Германии и в уничтожении Квантунской армии, являвшейся основной группировкой вооруженных сил Японии на Азиатском театре военных действий. На наш взгляд, редакционной комиссии и авторскому коллективу тома удалось справиться с этой нелегкой задачей, развернув целостную и правдивую картину подготовки и проведения операций Красной Армии и нашей политики на зарубежных территориях, ярко продемонстрировав значимость освободительной миссии СССР в Европе и Азии.

Достоверное описание и достоверный анализ фактически всех военных операций 1944–1945 гг. на зарубежных территориях Европы и Азии позволили авторскому коллективу убедительно продемонстрировать интернационалистическую освободительную миссию Советского государства по отношению к странам-жертвам агрессии, которую ныне пытаются очернить недобросовестные политики и ученые, в том числе и некоторые отечественные.

Советско-японская война при этом показывается не только как одна из последних кампаний союзных сил на завершающем этапе Второй мировой войны, но и как логическое продолжение четырехлетнего периода Великой Отечественной войны советского народа и его Вооруженных Сил за свободу и независимость СССР, восстановление справедливых западных и восточных границ нашего государства, а также освобождение народов Евразии от оккупационного гнета держав оси.

Материалы тома раскрывают содержание, формы и методы осуществления Советским Союзом и его Вооруженными Силами во взаимодействии с союзниками и патриотическими силами, во-первых, освободительной миссии Красной Армии в зарубежных странах Европы и Азии, во-вторых, их роль в разгроме войск агрессоров и ликвидации оккупационных режимов в поработанных ими странах и на территории, в-третьих, решающий вклад в инспровержении нацистского режима Германии и в разгроме главной группировки войск союзной ему Японии на Азиатско-Тихоокеанском театре войны — миллионной Квантунской армии, дислоцировавшейся в Маньчжурии и Северной Корее — а также сил японского 5-го

фронта на Южном Сахалине и Курилах как решающего фактора принуждения Японии к капитуляции и победоносному завершению Второй мировой войны.

Авторским коллективом убедительно показано влияние военных действий Советских Вооруженных Сил на развитие военно-политической ситуации на других театрах Второй мировой войны, значение политических усилий СССР для формирования дружественных по отношению к Советскому Союзу режимов по периметру его границ, а также обеспечения его безопасности на Западе и Востоке Евразии. Отмечается, что с выходом Вооруженных Сил СССР к довоенным границам в Европе и решением главной задачи — изгнания врага с территории Отечества, возникли другие, не менее важные политические и стратегические задачи. В военно-политической обстановке в мире и на театрах военных действий Второй мировой войны в связи с этим произошли принципиальные изменения, приведшие к новой, более благоприятной для СССР расстановке сил на мировой арене, тем не менее при этом не была достигнута поставленная союзниками по антифашистской коалиции важнейшая цель — **полный разгром и безоговорочная капитуляция агрессоров на Западе и Востоке.**

В первой главе 5-го тома дается объемная характеристика сложной военно-политической ситуации на Европейско-Атлантическом театре Второй мировой войны накануне и с началом советских военных действий в зарубежной Европе, объективно оцениваются роль открытого 6 июня 1944 г. второго фронта союзников, вклад Движения Сопротивления в общие усилия по борьбе с фашистской агрессией, детально анализируются соотношение сил сторон, показываются меры нацистской Германии по тотальной мобилизации материальных и людских ресурсов для ведения войны, убедительно показаны результаты политики руководства СССР и самоотверженности труженников тыла по достижению экономического, военного и морально-политического превосходства над фашистским блоком.

В главах 2—5 тома раскрыты политические и военно-стратегические цели и последствия разгрома нацистских вооруженных сил на территориях оккупированных ими стран и на территории Германии, заключавшиеся, в конечном итоге, в освобождении народов Восточной и Центральной Европы от оккупации и принуждении агрессора к безоговорочной капитуляции. Особенностью представленного труда является то, что каждая из глав предвар-

яется вводной частью «Обстановка, планы и подготовка сторон».

В главах 6—7 на основании изучения новых российских и зарубежных документов и материалов обосновывается объективная необходимость вступления СССР в военные действия на Азиатско-Тихоокеанском театре Второй мировой войны как проявление верности союзническому долгу и вследствие неспособности союзников по антифашистской коалиции самостоятельно и в кратчайшие сроки разгромить японские вооруженные силы в АТР (по подсчетам американских штабистов, для их разгрома требовался временной период от 1,5 до 5—7 лет). В этих главах раскрываются политические, военно-стратегические и морально-психологические особенности подготовки и ведения военных операций СССР на Востоке Евразии, их значение для принуждения Японии к капитуляции и ускорения окончания Второй мировой войны, уменьшения количества ее жертв и улучшения военно-стратегических позиций СССР в результате установления новой линии советско-японской границы.

Авторы приходят к выводу, что окончание войны с Германией не означало еще завершения мировой войны, поскольку не была принуждена к капитуляции Япония — последняя страна-участница Тройственного пакта. В тексте главы приводится заявление Советского правительства, в котором подчеркивалось, что после разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония, отклонив Потсдамскую декларацию США, Великобритании и Китая от 26 июля 1945 г. о безоговорочной капитуляции, оказалась единственной великой державой, которая все еще проявляла готовность продолжать войну.

Как известно, советское правительство ещё на Крымской конференции дало обещание западным союзникам вступить в войну против Японии по истечении трех месяцев со дня капитуляции Германии. Однако этого требовали не только союзнические обязательства перед антифашистской коалицией, но и интересы безопасности советского государства.

С учетом всего этого в предстоящей войне Советский Союз ставил перед собой следующие политические цели: приблизить конец Второй мировой войны, ускорив разгром японских империалистов, и сократить число жертв войны, избавиться от угрозы нападения японских захватчиков; выполнить свои обязательства перед США и Великобританией, предусмотренные соглашением от 11 февраля 1945 г. Кроме этого, преследовалась и такая не мене

важная цель, как оказание помощи китайскому, корейскому и другим народам Азии в их борьбе против японских агрессоров за национальную свободу и независимость.

Стратегической целью предстоящих боевых действий был разгром Квантунской группировки японских войск в Северо-Восточном Китае и Корее, а также японских сил на Южном Сахалине и Курильских островах, что должно было ускорить капитуляцию Японии.

Таким образом, Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии получила свое логическое продолжение в советско-японской войне, явившейся закономерным финалом коалиционной Второй мировой войны.

Ставка Верховного Главнокомандования, оценивая военно-политическую обстановку на Дальневосточном театре, пришла к правильному выводу, что советских войск, находившихся на этом театре, недостаточно для быстрого достижения целей кампании. Поэтому советское командование провело беспрецедентно крупную межтеатровую перегруппировку сил. В результате переброски войск с Западного театра военных действий на Дальний Восток было создано необходимое превосходство в силах, особенно в танках, артиллерии и авиации.

Авторским коллективом вполне справедливо отмечено, что западные союзники занимали двойственную позицию по отношению к участию Советского Союза в войне против Японии. С одной стороны, они были в этом заинтересованы, поскольку японская армия была в состоянии существенно затянуть войну против Китая, США и Великобритании. Кроме действующей семимиллионной армии, Япония имела возможность мобилизовать еще 1 млн 500 тыс. человек. Американско-английское командование не без оснований считало, что высадка на островах Японской метрополии будет стоить союзникам более миллиона жизней. Не было у них уверенности и в том, что после успешного проведения десантных операций и капитуляции Японии ее армии на Азиатском субматерике сложат оружие. С другой стороны, западные союзники опасались, что разгром Японии сделает Россию ключевой державой в Северо-Восточной Азии.

6 августа 1945 г. на японский город Хиросима была сброшена атомная бомба. Через несколько секунд после взрыва на высоте менее 600 метров, город превратился в пустыню. 9 августа такая же участь постигла Нагасаки. В результате двух атомных бомбардировок

были убиты и искалечены свыше 400 тыс. мирных жителей.

США подвергли японские города атомным бомбардировкам в тот момент, когда судьба дальневосточного агрессора была уже предрешена развертыванием против него военных действий Советской армии. Военной необходимости в использовании нового вида оружия против Японии не было.

После объявления 8 августа состояния войны с Японией Советские Вооруженные Силы развернули боевые действия, главным образом, на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и северной части Кореи. Несмотря на то, что Квантунская группировка войск находилась там с 1931 г. и имела достаточно времени для подготовки к ведению длительных оборонительных действий, советские войска к середине августа продвинулись вглубь Маньчжурии от 100 до 500 км. Наступление произошло в очень трудных природных и погодных условиях, возникли перебои в снабжении войск, серьезной проблемой стала доставка горючего.

Тем не менее, разгром Квантунской группировки войск был осуществлен в рекордно короткие сроки. В 17 часов 17 августа радиостанция разведывательного отдела 1-го Дальневосточного фронта приняла от штаба Квантунской группировки войск радиogramму, в которой сообщалось об отдаче войскам приказа о капитуляции и прекращении военных действий.

До начала сентября было завершено уничтожение оставшихся очагов сопротивления японских войск в Северо-Восточном Китае. Кроме того, было закончено освобождение Северной Кореи. Успешный в целом ход военных действий на этих направлениях позволил Советским Вооруженным Силам приступить к проведению операций по разгрому японских войск на Южном Сахалине и Курильских островах.

Таким образом, Советские Вооруженные Силы на Дальнем Востоке вписали в 1945 г. новую страницу в летопись своих побед. Военные действия на этом театре продолжались недолго, но по своему размаху, мастерству их осуществления, по достигнутым результатам они относятся к числу наиболее выдающихся в ходе всей Второй мировой войны. Разгром Квантунской группировки войск — образец подлинно молниеносного удара, мастерски осуществленного Советскими Вооруженными Силами.

Должное внимание в 5-м томе уделе-

но и операциям Народно-освободительных войск Китая, которые начались и успешно развивались с 11 августа в провинциях Северного, Центрального и Южного Китая. В течение двух месяцев 8-я и Новая 4-я народные армии нанесли серьезный урон японским и марионеточным войскам в живой силе и военной технике. Однако решающим фактором, обеспечившим успех Народно-освободительных войск и кампании в целом в столь короткие сроки, явились решительные действия Советских Вооруженных Сил.

Несколько иначе оценивали ситуацию западные союзники, стремясь присвоить себе лавры победителей. По официальной англо-американской историографии «день победы над Японией» состоялся 14 августа 1945 г. К тому времени Япония действительно прекратила военные действия против американско-английских войск. Но война еще продолжалась на территории Северо-Восточного, Северного и Центрального Китая, Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов. Соединенные Штаты после 14 августа не раз пытались оказать давление на Советский Союз с целью прекращения наступательных операций Красной армии против японских войск, хотя те отказывались капитулировать перед советскими войсками.

16 августа 1945 г. президент США Г. Трумэн, несмотря на ранее достигнутые договоренности, заявил, что Япония не будет, подобно Германии, разделена на оккупационные зоны, вся японская территория будет контролироваться американским командованием. Подобная позиция означала отказ американского правительства от принципа союзного контроля в послевоенной Японии, предусмотренного Потсдамской декларацией от 26 июля 1945 г.

2 сентября 1945 г. в Токійской бухте на борту американского линкора «Миссури» состоялась церемония подписания Акта о капитуляции. Согласно этому документу, Япония принимала условия Потсдамской декларации, которые были отвергнуты ею в июле 1945 г., и заявляла о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил как своих, так и находившихся под ее контролем.

Авторский коллектив убедительно подтвердил, что неоспоримая заслуга в быстром завершении разгрома Японии принадлежит Советскому Союзу. Красная армия разбила в Маньчжурии 22 японские дивизии — главные силы японской Квантунской группировки войск и взяла в плен свыше 640 тыс. японских солдат и офицеров. Япония решила на капи-

туляцию не в начале августа, после атомных бомбардировок двух ее городов, а во второй половине этого месяца, после разгрома Советскими Вооруженными Силами главных сил Квантунской группировки войск.

В книге обращается внимание и на тот факт, что еще до вступления в войну с Японией, в течение 1941–1945 гг. СССР держал на границах с Маньчжурией до 40 дивизий и приковывал к себе всю Квантунскую группировку войск, облегчая тем самым операции Китая и США в войне против японских милитаристов. Вступив в войну, Советский Союз коренным образом изменил ситуацию, своими решительными действиями спас от неминуемой гибели сотни тысяч солдат союзных армий и миллионы японских граждан. Завершение войны раньше намечавшихся союзниками сроков предотвратило также дальнейшее истребление японскими захватчиками народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Выполнив до конца союзнический долг на Дальнем Востоке, Советский Союз по соглашению от 14 августа 1945 г. вывел свои войска из Северо-Восточного Китая, за исключением (по согласованию с китайским правительством) Порт-Артура и Дальнего. В состав Советского Союза, согласно решению Крымской конференции, вошли Южный Сахалин и Курильские острова.

Однако верность СССР своим союзническим обязательствам не помешала руководству США и Великобритании со временем сменить партнерские отношения на конфронтацию. Так называемый «жесткий курс» Г. Трумэна в отношении СССР в конечном итоге привел к развязыванию «холодной войны», которая в последующие десятилетия во многом определяла характер всего мирового развития.

В одной из заключительных глав «Итоги военных действий Вооруженных Сил СССР за рубежом» раскрываются результаты разгрома основных группировок вооруженных сил фашистско-милитаристского блока на зарубежных территориях: общее соотношение сил и средств сторон в период военных действий Вооруженных Сил СССР в завершающих кампаниях, людских и материальных потерь воюющих сторон; развитие советского военного искусства в завершающих военных кампаниях (совершенствование руководства вооруженной борьбой, последовательные и одновременные операции групп фронтов, роль сухопутных войск, других видов вооруженных сил и родов войск, новое в применении сил и средств в вооруженной борьбе, организации тылового, материально-технического и морально-психологич-

еского обеспечения (том числе спецпропаганды) военных действий. Показаны военно-политические и социально-экономические последствия ликвидации оккупационных режимов в Европе и Азии, а также коренные изменения в военно-политической обстановке, произошедшие в результате ликвидации военной угрозы народам поработанных стран, появления новых, лояльных к СССР национальных правительств в освобожденных из-под оккупации странах, в том числе находившихся ранее в колониальной зависимости. Развернута достоверная картина помощи Советского Союза в создании и оснащении национальных армий и участия СССР в формировании систем коллективной безопасности.

В материалах тома особо подчеркивается верность СССР союзническому долгу, показан интернациональный характер действий советских воинов в ходе освободительной миссии в Европе и Азии, их высокие морально-боевые качества, массовый героизм, и гуманное отношение как к поверженному противнику, так и к местному населению освобожденных территорий.

Новым в отечественной военно-исторической литературе является исследование так называемого «человеческого фактора» в процессе вооруженной борьбы и после ее завершения на чужой территории. Не секрет, что перенесение военных действий на зарубежную территорию требует от солдат и офицеров особого морального настроя, который зиждется на присутствии русскому народу человечности и гуманизма, в полной мере проявившихся в его готовности преодолеть чувство громадной усталости и вступить после трех месяцев уже наступившего для советского народа мира на Западе в новую войну за освобождение угнетенных народов, но уже на Востоке. В материалах раздела показан героический образ советского солда-

та, его личностные проявления и мотивации на фронтах вооруженной борьбы и после ее завершения на освобождаемых территориях.

Важной особенностью тома является также отдельное обращение к ряду проблем, связанных с все более усиливающимися фальсификациями роли и значения освободительной миссии СССР, его вклада в достижение общей Победы. Отдельно рассмотрены попытки ряда руководителей союзных нам стран на завершающем этапе войны инициировать курс западных держав на сдерживание Советского Союза и его влияния в мире, включая подготовку плана ведения против него войны с привлечением военных формирований бывшего противника (разработанный в 1945 г. по инициативе У. Черчилля и рассекреченный лишь в 1999 г. план «Немыслимое»), а также устрашить СССР угрозой применения атомного оружия.

В связи с этим представляется вполне закономерным, что специальные разделы посвящены исследованию истинных причин «холодной войны», зарождавшейся в процессе «войны горячей». В них обосновывается мысль о том, что применение Соединенными Штатами двух атомных бомб было направлено не на «достижение разгрома Японии» в условиях, когда СССР уже неизбежно, по настойчивым призывам союзников, вступал в войну на Дальнем Востоке, а на устрашение Советского Союза и означало, по сути дела, начало холодной войны против него.

Весьма познавательным для читателей, особенно постсоветских поколений, являются и представленные в том очерки о наших выдающихся полководцах, внесших огромный вклад в Победу над агрессорами, в первую очередь о маршалах Советского Союза Г.К. Жукове и А.М. Василевском, поставивших победные точки в вооруженной борьбе на Западе и Востоке Евразии.

Юбилей ученого

К 85-летию Леонарда Сергеевича Переломова



Леонард Сергеевич Переломов родился во Владивостоке 5 декабря 1928 г. в семье известного в будущем революционера, крупного государственного деятеля Китая Цзи Чжи и потомственной сибирячки Александры Павловны Переломовой. Юный Леонард получил блестящее образование и фундаментальную китаеведческую подготовку, окончив в 1951 г. Московский институт востоковедения. Уже через три года, в 1954 г. Леонард Сергеевич защитил кандидатскую, а в 1970 г. докторскую диссертацию, вступил на поприще исследователя истории Китая и России.

Высокой и редкой судьбой одарило Небо нашего юбиляра. Оно открыло ему врата в сокровищницу Дао и наделило избранника именем «московский Конфуций». Под этим именем Леонард Сергеевич и шествует по лабиринтам духовных добродетелей китайских мудрецов. «Учиться и претворять изученное» — первое Слово Конфуция

в «Лунь юе» и первое правило Леонарда Сергеевича на пути проникновения в тайны «Сы шу» («Четырех книг») и «У цзин» («Пяти канонов»), завещанных великим Учителем человечеству Поднебесной. Исследовательский талант изо дня в день отшлифовывался волнами изучаемых текстов и выманывал из нероглифов, этих узоров бытия, коды священной гармонии Человека и Природы. Вот почему научное зодчество Леонарда Сергеевича обладает такой магической силой, культурологической высотой и широтой. Оно дает подлинный облик китайской цивилизации в ее историческом развитии. К нему притягиваются взоры и ученых, и политиков, и экономистов, по этому образу они читают «переломовскую» гуманитарную максиму «единства через разномыслие». Перевел Леонард Сергеевич трактат «Шань цзюнь шу» («Книга правителя области Шан») — и он тут же ложится на стол высокого российского министра. Перевел он сочинение учеников Конфуция «Лунь юй» («Суждения и беседы») с комментариями на пяти иностранных языках — и он расходится среди широкой читающей публики, украшает залы международных выставок и получает академическое признание, воплощенное в премии им. С.Ф. Ольденбурга. Организовал перевод свода «Сы шу» («Четыре книги») — и он как эмблема российской синологии торжественно преподносится главе китайского государства в качестве особого культурного дара.

Книги Леонарда Сергеевича — это не только отражение исторических событий или перевод письменного источника, а максимальное приближение к выявлению принципов историзма, дающих критерии однозначной оценки исторического факта любым ученым любой школы. Это, конечно, первейшая задача и мечта мировой исторической науки, и здесь наш Леонард Сергеевич, что называется, на олимпийской высоте. В его монографических трудах слиты воедино живая история Китая, текст и наука, дающие

эффект связи идей. Тем самым обеспечивается движение исторического мышления к своим истокам и обратно к современным формам. Теоретическая история одновременно и взрослеет, и молодеет в трудах Леонарда Сергеевича, приходя к осознанию собственных мыслительных возможностей, ценностей и истинности суждений.

В монографии «Империя Цинь — первое централизованное государство Китая» (1962 г.) Леонард Сергеевич осуществил тщательное изучение оригинальных источников и аналитически вошел в пространство социального космоса Поднебесной. Здесь он встретился с легистской доктриной управления централизованным тоталитарно-бюрократическим государством, результаты исследования которой запечатлел в монографии «Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан») (1968 г.). Столкновение и взаимодействие легизма и конфуцианства стало главной темой следующей монографии — «Конфуцианство и легизм в политической истории Китая» (1981 г.). Феномен этого взаимодействия наш автор отразил в емкой формуле «институт “политика-история”», подчеркнув фактор преемственности и целостности китайской цивилизации.

Книга за книгой, идея за идеей, освоение наследия отечественной востоковедческой науки, выход на современность и написание фундаментального труда «Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (2009 г.) дали эффект синологического энциклопедизма. Закономерно, что Леонард Сергеевич был приглашен к участию в уникальном для всей мировой синологии многотомном проекте под руководством академика М.Л. Титаренко «Духовная культура Китая. Энциклопедия» как автор и редактор четвертого тома. Ставшая символом и обобщением развития отечественной синологии, Энциклопедия по достоинству оценена на международных правительственных, академических и общественных презентациях и получила Государственную премию РФ. Продолжая историческую эпопею синологии, Леонард Сергеевич в качестве автора второго тома участвует в новом, десятитомном энциклопедическом проекте «История Китая» под руководством академика С.Л. Тихвинского.

Здесь Леонард Сергеевич выступает как синолог-историк. Но, несомненно, по конфуцианской традиции «любви к учебе» наш юбиляр — еще и учитель «Слова Конфуция», писавший одноименную книгу:

*Историк Вы и вместе с тем Творец,
Конфуцианский луч зажгли Вы снова!
И в миллионах ищущих сердец
Отозвалось Любовью Ваше «Слово»!*

Чувство долга и добродетели перед научным и студенческим сообществом реализуется в деятельности Леонарда Сергеевича в международных организациях: Русском конфуцианском фонде, Международной конфуцианской ассоциации, Международной ишзиньской ассоциации, где наш «московский Конфуций» сочетает принципы научности и чистоты раскрытия китайской культуры.

У каждого благородного мужа, как говорит конфуцианское учение, есть место присутствия и место состояния — это место Середины и Гармонии. Есть оно и у Леонарда Сергеевича. Он родился на Дальнем Востоке, откуда над страной встает Солнце, трудится в Институте Дальнего Востока, откуда исходит Светлое Дао. В своей судьбе он соединил географию рождения и науки, воплощая в ипостаси «московского Конфуция» конфуцианскую Срединность и Гармонию.

Именно такими людьми и счастлива отечественная синология, именно такие ученые и слышат «возвещающий гармонию колокол» и ведут за собой новые поколения сиологов прямо к первоизданной космической книге китайского Дао.

С почитанием, благодарностью и любовью желаем Вам, Леонард Сергеевич, доброго здоровья и твердой поступи по пути священной мудрости!

*Коллектив Института Дальнего Востока РАН,
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Юбилей Аиды Семеновны Ипатовой



Известный российский китаевед Аида Семеновна Ипатова родилась в Москве 23 декабря 1933 г. Поступив после окончания средней школы на восточное отделение исторического факультета МГУ им. Ломоносова, она неразрывно связала свою жизнь с изучением Китая. В 1956 г. Аида Семеновна перешла на историко-филологическое отделение Института восточных языков при МГУ, параллельно продолжив занятия на истафаке. Такое сочетание способствовало повышению уровня ее знаний как в области всемирной истории и истории Китая, так и в сфере изучения китайского языка.

После окончания учебы в МГУ А.С. Ипатова стала сотрудником Института китаеведения АН СССР. После закрытия Института китаеведения в 1961 г. она продолжила свою работу в Институте народов Азии АН СССР; в 1962 г. поступила в аспирантуру по специальности «новая исто-

рия Китая», однако вследствие организационной перестройки вскоре перешла в Отдел истории Института экономики международной социалистической системы АН СССР. После создания в 1967 г. Института Дальнего Востока АН СССР вместе со своими коллегами-китаеведами Аида Семеновна вошла в ряды его сотрудников и работает в нем до сегодняшнего дня. В 1971 г. защитила кандидатскую диссертацию, посвященную изучению патриотического движения на Юге Китая, направленного против колониальной экспансии Англии. В 1976 г. вышла в свет ее монография «Патриотическое движение на Юге Китая в 40-е гг. XIX в.», которая получила известность в отечественном и зарубежном китаеведении. Аида Семеновна обладает широчайшей эрудицией по многим вопросам истории и историографии, политики, культуры Китая, а также и других стран Востока. Чрезвычайно полными и разносторонними являются ее знания о Китае — как древнем, так и современном.

С 1992 г. Аида Семеновна является заместителем руководителя Центра «Россия — Китай», заместителем руководителей проекта «Взаимоотношения России с Китаем в XVII — XX вв.». С 1998 г. она — ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. С 2012 г. занимает должность заведующего сектором издания документов по истории российско-китайских отношений Центра новейшей истории Китая.

Диапазон научных интересов А.С. Ипатовой весьма широк. Это — новая и новейшая история Китая, история русско-китайских отношений, история Российской духовной миссии в Китае, российское китаеведение, история российской эмиграции в Китае, китайская русистика. В последние годы Аида Семеновна занята подготовкой двух крупных работ — IV тома документальной серии «Русско-китайские отношения в XVIII веке» и монографией, посвященной истории Российской духовной миссии в Китае.

Ее глубокая и разносторонняя научная деятельность постоянно сопровождалась подготовкой фундаментальных сборников статей, посвященных юбилейным датам. На счету А.С. Ипатовой не один такой сборник. В их числе: «И не распалась связь времен...» К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова (М., 1993), «История Российской духовной миссии в Китае» (М., 1996), «Востоковедение и мировая культура. К 80-летию акад. С.Л. Тихвинского» (М., 1998), «Восток—Россия—Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию акад. В.С. Мясникова» (М., 2001), «Китай: В диалоге цивилизаций. К 70-летию акад. М.Л. Титаренко» (М., 2004), «Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С.Л. Тихвинского» (М., 2008). В ходе этой работы, продемонстрировавшей высокий уровень российского китаеведения и способствовавшей его пропаганде в России и за рубежом, в полной мере проявились высокий научный профессионализм Аиды Семеновны и ее научно-организационные способности. Вместе с В.П. Журавлевой Аида Семеновна участвовала в составлении и подготовке к изданию двух справочников — «ИДВ — 30 лет» и «ИДВ — 50 лет», которые завоевали большую популярность не только среди российских ученых, но и в среде зарубежных коллег. Нельзя не отметить ее высоко профессиональное руководство Сектором документации — одним из важнейших научных подразделений, создающим источниковую базу наших исследований Китая.

Аида Семеновна неоднократно выезжала в научные командировки в КНР, трижды проходила стажировку в Пекинском университете, имеет много китайских друзей, большинство которых — историки разных поколений, с которыми она находится в постоянном контакте.

Любовь к избранной профессии, к Китаю и его народу, его истории и культуре, присущая научным исследованиям Аиды Семеновны, число которых далеко превосходит 100, всегда сопровождалась активной работой в Обществе российско-китайской дружбы. Со времени его создания в октябре 1957 г. она — один из наиболее активных его членов. В настоящее время А.С. Ипатова — член Исполнительного совета Центрального правления ОРКД.

Поздравляя Аиду Семеновну с юбилеем, коллеги и друзья желают ей здоровья, бодрости, благополучия и дальнейших творческих успехов.

*Дирекция и коллектив сотрудников ИДВ РАН,
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Contents

DOCUMENTS

Joint Statement on Further Strengthening of Mutual Relations of Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam
Joint Declaration of Russian Federation and the Republic of Korea

POLITICS

V. Portyakov. The Outlines of the Foreign Policy of the Fifth Generation Leadership of the PRC
K. Asmolov, V. Kashin. War on the Korean Peninsula: How Big a Threat Is?
M. Pietrasiak. China's Interests and Foreign Policy Strategy in Relation to ASEAN

MILITARY BUILD-UP

A. Shlyndov. Air Force of the People's Liberation Army of China on the Path to Modernization and Development

ECONOMY

S. Sazonov. Diversification of Sources of Financing of Transportation Industry in China
V. Balakin. Mongolia in the Integration Processes of Eastern Asia

ENVIRONMENT

N. Prokhorova. The Peculiarities of Chinese Approach to Water Management on Trans-boundary Watercourses

STATE AND SOCIETY

A. Vinogradov. Government, Business and Corruption in China
E. Sadovskaya. Contemporary Educational Migration from Kazakhstan to China

HISTORY

D. Arincheva, A. Pantsov. "New Democracy" of Mao Zedong and a New Authoritarianism of Chiang Kai-shek: Two Paradigms of Social Progress of China in the Middle of the XX Century
A. Druzyaka. Notaries of the "Russian Atlantis"

PHILOSOPHY

A. Zabiylko, M. Khaimurzina. The Contemporary Confucians' Standpoint on the Religion

CULTURE

A. Kaimova. On the Question of "Taiwanese Cultural Identity"

IN THE RUSSIAN-CHINESE FRIENDSHIP SOCIETY

IFES RAS discussed the Historical Prose by Eugene Antoshkievich

SCIENTIFIC EVENTS

N. Demido, S. Gorbunova. The XX International Scientific Conference "China, Chinese Civilization and the World. History, the Present, Prospects"

A. Blazhkina, A. Ionov. International Scientific Conference "Confucianism in the Dialogue of Chinese and Russian Civilizations"

E. Zavidovskaya. International Conference in Taiwan on the Problems of Sinology Development in the Czech Republic, Poland, Mongolia and Russia

L. Zabrovskaya. The Conference on Japanese Studies in Warsaw

L. Zakharova. «East Asia: Challenges of the Present. Scientific Conference of Young Orientalists in IFES RAS

BOOK REVIEW

A. Lomanov. Concepts of Modern Oriental Studies

A. Kadyrbaev. Chudodeev J.V. Collapse of the Monarchy in China

Li Zhiqiang, Xie Chunli. Important Bridge between Cultures. On the Encyclopedia «Spiritual Culture of China»

A. Klimenko. The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 5

SCHOLAR JUBILEE

The 85th Anniversary of Leonard Sergeevich Perelomov

Jubilee of Aida Semenovna Ipatova

Contents

Summary

Summary

V. Portyakov. The Outlines of the Foreign Policy of the Fifth Generation Leadership of the PRC

The first results of the foreign policy course implemented by the fifth generation of PRC leadership are analyzed. The features of "continuity and novelty" in the international activities of Xi Jinping and his team are highlighted. It is shown that Beijing especially stresses the innovative nature of contemporary Chinese diplomacy.

Key words: China, the fifth generation of leadership, foreign policy, the results of the first year, the contours of the future.

K. Asmolov, V. Kashin. War on the Korean Peninsula: How Big a Threat Is?

The article contains a comprehensive analysis of the situation on the Korean Peninsula due to the crisis in inter-Korean relations in 2013. Military, technical, strategic and political aspects of the conflict are considered.

Key words: South Korea, North Korea, the war, missiles, sea-side area.

M. Pietrasiak. China's Interests and Foreign Policy Strategy in Relation to ASEAN

The article is devoted to actions by China, aimed at strengthening of the traditionally close relationship with ASEAN and prevention of destructive impacts of "third parties" on their relations. Various forms of interstate and inter-agency cooperation, diplomatic and economic relations between the PRC and ASEAN are discussed.

Key words: ASEAN, China, international relations, economic cooperation, security.

A. Shlyndov. Air Force of the People's Liberation Army of China on the Path to Modernization and Development

In the published first part of the article the author described main stages of formation and development of military aviation in China, analyzed the purposes and tasks of the Air Force of PLA at the present stage, provided assessment of the prospects of development of the Air Force and its role in modern military strategic concepts of the PRC.

Key words: PLA Air Force, military district aviation, aviation division, regiment, fighter, bomber, the air-tanker, a cruise missile.

S. Sazonov. Diversification of Sources of Financing of Transportation Industry in China

In the beginning of XXI century particular relevance purchased the issues of financing the accelerated development of the transportation complex of the PRC. Although the budget allocations to this sector are considered to be the largest in the world, the Chinese government creates favorable conditions for domestic and foreign private capital for full-fledged participation in its financing.

Key words: transportation complex of the PRC, diversification of investments, investment climate, public-private partnership (PPP), indirect privatization.

V. Balakin. Mongolia in the Integration Processes of Eastern Asia

The article considers the issues of strategic positioning of Mongolia in the East Asia region. The authorities in Ulaanbaatar believe that the gathering force of East Asian integration is able to provide Mongolia with the real state sovereignty in ensuring sustainable economic interaction in the East Asian community.

Key words: Mongolia, China, integration, Asia, Japan, Russia.

N. Prokhorova. The Peculiarities of Chinese Approach to Water Management on Transboundary Watercourses

The article analyzes the main problems of transboundary rivers along the Chinese border line with its largest neighboring countries – Russia and Kazakhstan. Attention is paid to the basic aspects of water policy of China on the border territories.

Key words: transboundary rivers, water policy, water law, water sharing.

A. Vinogradov. Government, Business and Corruption in China

The article describes basic features and principles of a new model of socio-political development in China in connection with economic reforms, interrelations between political power and business, evolution of authoritarian regime, relations between corruption, traditional society, market economy and the state.

Key words: China, CPC, political system, economic and political reforms, corruption.

E. Sadovskaya. Contemporary Educational Migration from Kazakhstan to China

The article reveals the reasons of dramatic increase of educational migration from Kazakhstan to China; the international legal framework of partnership in the sphere of education between the two countries. It analyzes the types, trends, opportunities and risks of educational migration.

Key words: migration, education, Kazakhstan, China.

D. Arincheva, A. Pantsov. «New Democracy» of Mao Zedong and a New Authoritarianism of Chiang Kai-shek: Two Paradigms of Social Progress of China in the Middle of the XX Century

The article analyzes proposed models of the future state structure of China: “new democracy” of Mao Zedong and the doctrine of the new authoritarianism by Chiang Kai-Shek, that varied in their objectives. While Mao Zedong spoke about the necessity of immediate transition to constitutional rule, Chiang Kai-shek, essentially, insisted on incomplete period of “political protection”.

Key words: “new democracy”, Mao Zedong, Chiang Kai-shek, the constitutional rule.

A. Druzyaka. Notaries of the «Russian Atlantis»

The article is devoted to the history of the Russian notaries in Manchuria during the period from 1899 to 1945. It focuses on the historical conditions that contributed to its formation, main stages and specificity of development of the Russian notarial institutions in this part of Asia.

Key words: a notary, justice, Manchuria, Harbin, Port Arthur.

A. Zabiyo, M. Khaimurzina. The Contemporary Confucians' Standpoint on the Religion

The article considers the problem of the explication of the notion of «religion» in the concepts of the three leading representatives of modern Confucianism. Their interpretation of

religion, on one hand, is tied with ethical theories of traditional Chinese philosophy, on the other, spliced with the concepts of Western studies in religion and metaphysics.

Key words: religion, philosophy, religious studies, Confucianism, ethics, metaphysics, humanity.

A. Kaimova. On the Question of «Taiwanese Cultural Identity»

The article deals with "Taiwanese cultural identity" and the concept of «Taiwanese culture» in the opposition to the Chinese culture. It considers the main features of Taiwanese culture allowing primarily to representatives of Taiwanese nationalists proclaim its uniqueness in comparison with the culture of the opposite coast of the Taiwan Strait.

Key words: «Taiwanese identity», «Taiwanese cultural identity», the Taiwanese culture, the movement for the independence of Taiwan, relations between the two coasts of the Taiwan Strait.

Воронин Анатолий Сергеевич
21.05.1941 — 30.11.2013

30 ноября 2013 года после тяжелой болезни скончался старший научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН Воронин Анатолий Сергеевич.

А.С. Воронин родился 21 мая 1941 г. в Москве. В 1966 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (Восточное отделение факультета международных отношений). В 1966–1967 гг. — сотрудник Отдела Юго-Восточной Азии МИД СССР. В 1967–1969 гг. — переводчик, атташе посольства СССР в ДРВ. В 1969–1970 гг. — атташе Отдела Юго-Восточной Азии МИД СССР. В 1970–1987 гг. — ответственный работник Отдела ЦК КПСС по связям с социалистическими странами, сектор Вьетнама. В 1987–1991 гг. — советник-посланник посольства СССР в СРВ. В 1991–1994 гг. — старший советник 2-го Департамента Азии МИД РФ. В 1994–2001 гг. — советник Управления международных связей Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, в 2001–2006 гг. — дипломатический советник Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. С 2007 г. — старший научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока Российской Академии наук.

А.С. Воронин был одним из наиболее активных сотрудников Центра. За шесть лет работы он опубликовал более десятка статей по актуальным проблемам современного Вьетнама, российско-вьетнамских отношений, АСЕАН, Юго-Восточной и Восточной Азии в журнале «Проблемы Дальнего Востока» и других академических журналах, был автором и соавтором ряда монографических исследований, среди которых выделяется «СССР/Россия — Вьетнам: вехи сотрудничества», М., 2011. Признанным специалистом он был и по подготовке аналитических записок Центра для руководства РФ по вопросам дальнейшего развития и углубления российско-вьетнамских отношений стратегического партнерства.

А.С. Воронин долгие годы тесно общался по работе со многими вьетнамскими руководителями, включая первого президента ДРВ Хо Ши Мина, Генерального секретаря КПВ Ле Зуана и других. Его хорошо знали и глубоко уважали во Вьетнаме. Анатолий Сергеевич был своего рода «ходячей энциклопедией» по всем вопросам развития Вьетнама и советско-вьетнамских отношений. Поэтому он всегда был особенно интересным собеседником и участником дискуссий на конференциях в ИДВ РАН и других восточноведческих центрах, востребованным экспертом в государственных учреждениях.

Заслуги А.С. Воронина в развитии сотрудничества СССР и России с Вьетнамом отмечены высокими государственными наградами. В 1973 г. правительство СССР наградило его орденами «Знак почета» и «Дружбы народов», а в этом году Академия общественных наук Вьетнама вручила ему Памятную медаль «За большие достижения и вклад в развитие общественных наук».

Дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока, скорбя об утрате, выражают искреннее соболезнование родным и близким покойного. Память об Анатолии Сергеевиче Воронине навсегда сохранится в сердцах его коллег.

Агафонов Геннадий Данилович
14.08.1942 — 26.12.2013

26 декабря 2013 г. на 72 году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался старший научный сотрудник Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Геннадий Данилович Агафонов.

Основная трудовая деятельность Геннадий Даниловича была связана с Военно-морским флотом, где он начинал простым матросом, а закончил службу контр-адмиралом, начальником штаба флотилии атомных подводных лодок.

После окончания службы на флоте в течение 10 лет Геннадий Данилович возглавлял редакцию старейшего военно-морского журнала России «Морской сборник».

С марта 1999 г. Геннадий Данилович работал старшим научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН. Основными направления его исследований были проблемы обеспечения безопасности России на восточном направлении, особенности морской деятельности государств Северо-Восточной Азии, а также защита интересов России на море в этом регионе. В ходе работы Агафоновым Г.Д. было подготовлено свыше 30 публикаций по данной тематике.

Друзья и коллеги Геннадия Даниловича глубоко скорбят о его безвременном уходе из жизни и выражают свое глубочайшее соболезнование родным и близким нашего товарища.

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), А.В. Боляtko, д.воен.н., проф., О.Н. Бороx, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н., К.В. Внуков, к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, С.А. Горбунова, д.и.н., Л.М. Гудошников, д.ю.н., проф., А.С. Давыдов, к.и.н. (зам. главного редактора), А.И. Денисов, к.э.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, А.З. Жебин, к.полит.н., В.О. Кистанов, д.и.н., А.В. Ломанов, д.и.н., С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., А.Е. Лукьянов, д.филос.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., А.В. Макаров, д.ю.н., проф., Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик РАН, А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н., В.Ф. Сорокин, д.филол.н., проф., М.Л. Титаренко, академик РАН, Н.С.Тихонов (ответственный секретарь).

Иностранные члены редколлегии: А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований (Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция), У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин, КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается. При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.

С 1 января 2014 г. авторские оттиски публикаций в журнале будут отправляться только в электронном виде. Просим предоставлять электронный адрес основного автора.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Лапшиной Елене Александровне (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Подписано к печати 24.01.2014 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отг. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 530 экз. Зак. 1985. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2014 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.